В40
67
Петроград

ВЕЛИКАЯ МІРОВАЯ ВОЙНА.

БЕЛЬГІЯ ПОДЪ ГНЕТОМЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

Нашествіе германскихъ войскъ, убійства, грабежи, насилія, разрушеніе городовъ и деревень.

ОЧЕРКЪ

Владиміра Десятовскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1917.

Искренно уважаемому
Анатолію Федоровичу Кони
В40 67

ВЕЛИКАЯ МІРОВАЯ ВОЙНА.

на память отъ автора
5 Февраля 1917 года.

БЕЛЬГІЯ ПОДЪ ГНЕТОМЪ ГЕРМАНЦЕВЪ.

Нашествіе германскихъ войскъ, убійства, грабежи, насилія, разрушеніе городовъ и деревень.

ОЧЕРКЪ
Владиміра Десятовскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1917.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

702779

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. . . . . 7—100

ГЛАВА I.

1. Отношенія Бельгіи къ Германіи. Нейтралитетъ Бельгіи. Переговоры съ германскимъ правительствомъ. 101
2. Совершенно довѣрительная нота германскаго правительства. 116
3. Отвѣтъ бельгійскаго правительства 122
4. Нарушеніе неприкосновенности бельгійской территоріи. 125
5. Взглядъ англійскаго правительства Сэръ Грей и Бетманъ Голльвегъ 126
6. Вторичное предложеніе Бельгіи разрѣшить пропускъ германскихъ войскъ. Отказъ Бельгіи. 134
7. Обвиненіе бельгійскихъ женщинъ и дѣтей въ жестокости. Несостоятельность обвиненія. 137
8. Мѣры, принятыя бельгійскимъ правительствомъ для предупрежденія столкновеній населенія съ войсками. 144

ГЛАВА II.

1. Вступленіе германскихъ войскъ въ Бельгію. 150
2. Звѣрства въ Франкоршампѣ, въ Хоке, въ Шанксѣ. Избіеніе въ Линсѣ. 154

стр.

3. Пожаръ и разгромъ въ Лувэнѣ. Разрушеніе Баттиса. 164
4. Разгромъ города Герве. 171
5. Избіеніе въ Буксѣ, Ольнѣ. Сентъ-Гаделинѣ. 180
6. Разгромъ деревни Форе. 191
7. Избіеніе въ Ромзе. 197
8. Разгромъ деревни Мишеру. 200
9. Избіеніе въ Фешерѣ. 202
10. Рѣзня близъ форта Баршона 207
11. Разрушеніе Берно. 216
12. Убійства и ужасы въ Баршонѣ 219
13. Разгромъ Бленьи. 223
14. Избіеніе жителей въ Вандрѣ. 237
15. Разгромъ города Визе. 243
16. Звѣрства въ Понтиссѣ. 251
17. Звѣрства въ деревнѣ Эръ-ле Роменъ. . . . 262
18. Разгромъ Льежа. 267
19. Разгромъ города Аэршота. 273
20. Разгромъ города Динана. 279
21. Разгромъ города Анденна. 283
22. Разгромъ города Тамина. 286
23. Разгромъ города Термонда. 288
24. Разгромъ Лувэна. 290
25. Бѣгство изъ Лувэна. 303
26. Разгромъ села Сюриза. 309
27. Разгромъ Намюра. 322
28. Паденіе Антверпена. 327
29. Разгромъ Диксмюда. 348

стр.

ГЛАВА III.

1. Избіеніе плѣнныхъ и раненыхъ. 364
2. Преслѣдованіе духовенства. 394
3. Избіенія престарѣлыхъ людей, дѣтей. Насилія. 407
4. Систематическіе поджоги. 426
5. Организованный грабежъ. 436
6. Преступные способы веденія войны 442
7. Ложныя обвиненія 449
8. Приказы военныхъ властей. 464
9. Высылка рабочихъ изъ Бельгіи и принудительный трудъ. 472

Приложеніе.

Свѣдѣнія о книгѣ барона де-Вюста о шпіонажѣ 1768 г. 513

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Война нашихъ дней есть дѣйствительно война міровая, судьбы государствъ и народовъ, принимающихъ въ ней участіе, ею предрѣшаются. Два органическихъ начала жизни государствъ и народовъ вступили въ рѣшительную борьбу. Съ одной стороны, Германія, ослѣпленная маніею величія, признала себя призванной Самимъ Богомъ къ первенству надъ всѣмъ міромъ. Все человѣчество должно подчиниться ея политическому, военному и экономическому могуществу. Австро-Венгрія, утративъ самобытный обликъ, рабски подчинилась Германіи, за ней же, на погибель себѣ, потянулись Болгарія и Турція. Всѣ остальныя европейскія державы, за исключеніемъ обреченныхъ пока на нейтралитетъ Скандинавскихъ государствъ, Швейцаріи и Испаніи, дружно поднялись противъ безумной попытки Германіи подчинить своей воли все остальное человѣчество.

Нѣмцы подъ вліяніемъ какого то коллективнаго сумашествія, вдохновляясь рѣчами

Императора Вильгельма, выдающихся военныхъ писателей, ученыхъ, и публицистовъ, увѣровали въ особую миссію, возложенную на нихъ Богомъ. Они безумно вѣщаютъ, что Германія призвана владычествовать надъ всѣмъ міромъ. Они не признаютъ для себя обязательными никакихъ законовъ и обычаевъ войны, выработанныхъ многовѣковыми усиліями христіанской культуры. Они съ возмутительнымъ цинизмомъ объявляютъ себя свободными отъ всѣхъ обязательствъ международнаго свойства, когда находятъ это для нѣмецкой государственности полезнымъ. Международные договоры, ими же добровольно подписанные, признаются клочками бумаги, не имѣющими никакого значенія. Пангерманскій бредъ заглушилъ прежнія рѣчи о нѣмецкой вѣрности, «Ein Mann, ein Wort» прежнихъ дней обратились теперь въ безсмысленный наборъ словъ. Договоры, учитъ профессоръ Трейтшке, могутъ имѣть значеніе только «rebus sic stantibus», слѣдовательно съ перемѣною извѣстныхъ обстоятельствъ и договоры теряютъ свое значеніе. Но, спрашивается, какія же будутъ мыслимы отноше-

нія по окончаніи войны съ нѣмцами, проводящими въ жизнь такія начала. Каковъ бы ни былъ исходъ міровой борьбы, но во всякомъ случаѣ все культурное человѣчество должно рано или поздно заставить нѣмцевъ понять, что никакія постоянныя правильныя сношенія съ ними не могутъ быть мыслимы, пока у всѣхъ большихъ и малыхъ государствъ не будетъ полной увѣренности въ точномъ соблюденіи нѣмцами международныхъ договоровъ и обязательствъ. Убѣдить нѣмцевъ дипломатическими нотами, торжественными рѣчами или иными доводами, конечно, невозможно, нужно, чтобы они ясно поняли, что ихъ собственная выгода требуетъ, чтобы они отрѣшились отъ мысли господствовать надъ другими народами, а въ солидарности съ ними старались занять въ общечеловѣческомъ строѣ міровой работы то мѣсто, которое имъ, богато одареннымъ различными способностями, по справедливости и праву должно принадлежать. Никакихъ иллюзій себѣ не слѣдуетъ создавать, только полная побѣда надъ прусскимъ милитаризмомъ можетъ разрушить пангерманское стремленіе къ геге-

моніи Германіи надъ остальными государствами и народами. Только путемъ истощенія можно довести милитаризмъ до крушенія и послѣ его крушенія Германія, убѣдившись въ неосуществимости горделивой миссіи владычествовать надъ всѣми, пойметъ безплодность дальнѣйшихъ жертвъ людьми и жалкими остатками народнаго достоянія, пойметъ, что ей невыгодно идти къ полному народному банкротству, пойметъ и образумится, но пока она не будетъ доведена до этого состоянія нельзя говорить о побѣдѣ. Даже блестящіе успѣхи оружія союзниковъ, очищеніе территорій ихъ отъ нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, турецкихъ и болгарскихъ шаекъ не будетъ надежной гарантіей прочнаго мира. Побѣда будетъ одержана только тогда, когда Германія ясно увидитъ, что человѣчество, обновленное послѣ ужасной міровой войны, будетъ терпѣть въ своей средѣ Германію, только навсегда отрѣшившуюся отъ преступныхъ передъ всѣмъ человѣчествомъ стремленій подчинить его себѣ, когда она отрѣшится отъ ученія о необязательности для нея договоровъ, ею же подписанныхъ,

когда она отрѣшится далѣе отъ предосудительныхъ и преступныхъ пріемовъ шпіонажа, не допустимыхъ въ сношеніяхъ между государствами, дорожащими благами международныхъ общеній, построенныхъ на взаимномъ довѣріи народовъ, связанныхъ общностью культурныхъ интересовъ, когда, наконецъ, она сознаетъ, что способы войны, ею практиковавшіеся и покрывшіе ее никогда несмываемымъ позоромъ, должны быть ею навсегда оставлены.

Этотъ вожделѣнный день прочнаго замиренія будетъ днемъ освобожденія всѣхъ государствъ отъ крайне разорительныхъ вооруженій, подрывающихъ экономическое благосостояніе всѣхъ странъ и народовъ. Прусскій милитаризмъ, постоянно угрожающій всему человѣчеству всѣми ужасами войны, долженъ быть сломленъ. Милліарды народныхъ сбереженій, расходуемыхъ на разрушеніе и смерть, будутъ обращены на творческій трудъ, обезпечивающій человѣчеству пользованіе всѣми благами мира, покоющагося на незыблемыхъ основахъ законности, свободы и порядка.

Для того, чтобы навсегда сломить нѣмецкую гордыню, нужно тщательно собирать всѣ свѣдѣнія о нѣмецкихъ звѣрствахъ, учиненныхъ во время великой міровой войны, и свѣдѣнія эти, тщательно провѣренныя, дѣлать всеобщимъ достояніемъ. Необходимо, чтобы весь матеріалъ, обличающій преступную жестокость германцевъ, былъ тщательно собираемъ. Искусившіеся въ неправдѣ нѣмцы постараются или отрицать извѣстныя событія, или будутъ искажать ихъ. Необходима широкая освѣдомленность о всѣхъ ихъ неправдахъ, о всѣхъ сложныхъ предпріятіяхъ, измышленныхъ ими для осуществленія завѣтныхъ стремленій о торжествѣ германизма. Все это особенно необходимо для Россіи. Нѣмцы, такъ искусно опутывали ее паутиной своей беззастѣнчивой эксплоатаціи, что намъ болѣе чѣмъ кому либо необходимо хорошо знать и твердо помнить все зло, причиненное нѣмцами государствамъ и народамъ, съ которыми они были въ долголѣтнемъ общеніи. Знать и помнить это необходимо не изъ побужденій мести, а исключительно для того, чтобы оградить страну отъ

экономическаго гнета властолюбивыхъ германцевъ.

Обращаясь прежде всего къ воззрѣнію нѣмцевъ на настоящую войну, нельзя не припомнить, что увѣренія Вильгельма II-го въ рѣчи, произнесенной имъ 25 Декабря 1914 года, о томъ, что онъ не хотѣлъ войны, нисколько не убѣдили даже самого Макса Гардена, который въ своей газетѣ Zukunft убѣждаетъ нѣмцевъ отказаться «отъ жалкихъ попытокъ оправдать дѣйствія Германіи; перестанемъ, пишетъ онъ, обдавать презрительною бранью врага. Не противъ своей воли мы бросились въ эту чудовищную свалку, она не была намъ внезапно навязана, мы ея хотѣли, мы должны были ее хотѣть. Мы не появляемся на судъ передъ Европой, мы не признаемъ подобнаго суда». Никакому сомнѣнію людей безпристрастныхъ не можетъ, конечно, подлежать то, что Германія не хотѣла войны. Болѣе 40 лѣтъ она постоянно съ удивительною настойчивостью готовилась къ войнѣ, дѣлала чудовищные запасы снарядовъ и оружія. Близкій кайзеру Круппъ изощрялся приготовленіемъ въ Эссенѣ новыхъ, еще не-

вѣдомыхъ міру орудій. Въ Бельгіи, Франціи, даже самомъ Парижѣ, въ Англіи и, конечно, въ Россіи нѣмцы, злоупотребляя довѣріемъ этихъ странъ, тайно, предательски сооружали цементныя площадки для установки тяжелыхъ дальнобойныхъ орудій, выбрасывающихъ на значительное разстояніе тяжелые разрывные снаряды, такъ называемые «чемоданы». А нѣмецкіе химики тѣмъ временемъ изготовляли въ противность постановленіямъ Гаагской конференціи удушливые газы, мертвящіе на значительномъ пространствѣ все живое, попадающее въ сферу ихъ дѣйствія. Германія не щадя средствъ готовилась къ войнѣ и только утратившіе всякое уваженіе къ истинѣ могутъ говорить, что она не желала войны. Если она дѣйствительно этой войны не желала, то какая сила могла бы заставить Вильгельма начать эту войну и заставить Германію и Австрію въ теченіе одной недѣли объявить войну 4 державамъ. И насколько Германія желала войну, видно изъ авторитетнаго голоса ея профессоровъ и ученыхъ. Такъ, профессоръ Эйкенъ смотритъ на настоящую войну, какъ на войну, кото-

рую Германія должна вести для обновленія всего человѣчества: «мы боремся, говоритъ онъ, не только ради своихъ интересовъ, мы боремся за благо всего человѣчества»[1]). А извѣстный психологъ Вундтъ находитъ, что «истинная война, война настоящая, война справедливая и святая, это та война, которую Германія ведетъ со своими врагами. Не такова война, которую ведутъ французы, русскіе и англичане. Нѣтъ, эта война, которую ведутъ наши враги, не есть настоящая война, это даже не война, потому что война имѣетъ свои правила и законы. Это безсовѣстное нападеніе разбойниковъ, которые дѣйствуютъ черезъ убійство, набѣги и партизанства, а не открытый, честный бой съ оружіемъ въ рукахъ». Подобныя рѣчи первокласснаго ученаго показываютъ (какъ и извѣстный манифестъ 93-хъ, подписанный Вундтомъ), насколько великъ коллективный психозъ, лишающій даже первоклассныхъ ученыхъ возможности распознавать истину. Нѣмецкіе ученые нашихъ дней смотрятъ на

[1]) Gustave le Bon—Enseignements Psychologiques de la Guerre. Стр. 198. Européene. Paris 1915.

войну, какъ на средство упрочить за Германіею возможность господства надъ міромъ. Господство это должно принадлежать Германіи, по мнѣнію извѣстнаго историка Гизебрехта [1]), потому что «нѣмцы есть избранная нація, племя благородное, которому слѣдуетъ вліять на его сосѣдей точно такъ же, какъ каждый болѣе одаренный умомъ и способностью дѣйствовать на людей долженъ имѣть право и возможность вліять на менѣе чѣмъ онъ одаренныхъ. Историкъ Лампрехтъ съ своей стороны удостовѣряетъ: «мы приступили къ этой войнѣ съ сердцами чистыми и высоконастроенными, проникнутые мыслью о нашей національной будущности. Эту будущность мы наполнимъ расцвѣтомъ нашей культуры, и воля всѣхъ нѣмцевъ въ совокупности сулитъ намъ возможность поднять весь міръ на должную высоту и должное совершенство». Побѣда германцевъ будетъ залогомъ счастья всего человѣчества. Тогда, пишетъ Гьерке, слѣпые увидятъ, глухіе услышатъ. Всѣ народы, хотятъ они или нѣтъ,

[1]) Lavisse et Andler—Pratique et doctrine allemandes de la guerre. Paris 1915. Стр. 42.

поймутъ, что нѣмецкая культура есть истинная, наиболѣе крѣпкая, есть вмѣстѣ съ тѣмъ необходимая часть всеобщей культуры. А поэтъ Вольфскель восклицаетъ: «Нынѣ рѣчь идетъ о жизни или о смерти европейской культуры . . . Мы ведемъ эту войну за человѣчество въ Европѣ. Эта война идетъ отъ Бога».

Это упоминаніе о Богѣ, оказывающемъ Свое покровительство нѣмцамъ, является однимъ изъ излюбленныхъ пріемовъ кайзера въ его рѣчахъ къ войскамъ, но оно плохо вяжется съ чудовищными звѣрствами, совершаемыми германскими войсками, и невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ эти безпримѣрныя въ исторіи человѣчества злодѣянія являются мыслимыми въ первой половинѣ XX вѣка, въ государствѣ, именующемъ себя христіанскимъ [1]). Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится сказать, что Германія только теоретически можетъ быть названа страною христіанскою, въ дѣйствительности

[1]) Въ книгѣ подъ заглавіемъ «Французы о Нѣмцахъ» (Петроградъ 1916) разъяснено вліяніе философіи Ницше и прусскаго милитаризма на міровоззрѣніе современныхъ нѣмцевъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

же прусскій милитаризмъ исказилъ основныя начала христіанства. Христіанское ученіе о любви къ ближнимъ, о прощеніи враговъ, о милосердіи забыто и замѣнено ученіемъ о сильномъ нѣмецкомъ государствѣ, призванномъ владычествовать надъ всѣмъ міромъ. Насколько нѣмцы исказили самую основу христіанства, видно изъ того, что они Самому Христу стараются присвоить свой особый нѣмецкій характеръ. Извѣстный нѣмецкій поэтъ начала XIX вѣка Морицъ Арндтъ впервые заговорилъ о нѣмецкомъ Богѣ. Въ 1813 году онъ сочинилъ извѣстную кантату, въ которой между прочимъ содержатся слѣдующія строфы:

«Deutsche Freiheit, deutscher Gott,
Deutsches Herz und deutscher Stahl
Sind vier Helden allzumal».

Въ приблизительномъ переводѣ эти странныя строфы звучатъ:

Нѣмецкая воля, нѣмецкій Богъ
Нѣмецкое сердце, нѣмецкая сталь
Четыре героя у насъ.

Вѣнценоснымъ апостоломъ стараго нѣмецкаго Бога выступаетъ кайзеръ. Въ рѣчи

къ войскамъ, произнесенной въ Августѣ 1914 года въ Дортмундѣ, Вильгельмъ II сказалъ: «побѣдою нашею мы прежде всего обязаны нашему старому Богу». И вообще кайзеръ часто упоминаетъ о Богѣ, какъ бы старается привлечь Господа въ соучастники своихъ горделивыхъ затѣй [1]). Такъ въ 1906 году передъ отправленіемъ войскъ въ Танжеръ онъ, между прочимъ, сказалъ: «Господь Богъ никогда не сталъ бы посвящать такъ много заботъ нашей германской родинѣ, если бы Онъ не уготовилъ для насъ великой будущности. Мы соль земли . . . Господь создалъ насъ для того, чтобы просвѣтить весь міръ». И въ порывѣ какого то безумнаго экстаза, въ прокламаціи къ восточной арміи Вильгельмъ восклицаетъ: «Помните, что вы избранный народъ. Духъ Божій сошелъ на меня, такъ какъ я Императоръ Германскій, я орудіе Всевышняго. Я Его мечъ, Его представитель. Горе и смерть всѣмъ сопротивляющимся моей волѣ. Горе и смерть всѣмъ

---

[1]) Maurice Muret—L'Orgueil Allemand. Paris 1915. Lenotre-Prussiens d'hier et de toujours. Paris 1916.

*

невѣрящимъ въ мою миссію. Да погибнутъ всѣ враги германскаго народа. Господь требуетъ ихъ истребленія. Господь повелѣваетъ моими устами исполнять Его волю».

Войнѣ такимъ образомъ придается какой то мистическій характеръ, кайзеръ возвѣщаетъ удивленному человѣчеству, что на него возложена особая миссія, онъ грозитъ смертью и гибелью всѣмъ врагамъ германскаго народа, и ужаснѣе всего, что онъ дерзостно приписываетъ Господу требованія ихъ истребленія. Эти страшныя слова какъ бы узаконяютъ неслыханныя жестокости, совершенныя солдатами кайзера.

Въ міровоззрѣніе воинствующаго пангерманизма крѣпко внѣдрилась мысль о «старомъ нѣмецкомъ Богѣ», осуществляющемъ завѣтныя мечты нѣмцевъ о гегемоніи надъ всѣмъ міромъ. Такъ извѣстный историкъ Карлъ Лампрехтъ говоритъ между прочимъ: «кто посмѣлъ бы нынѣ отрицать существованіе христіанскаго нѣмецкаго Бога и что этотъ Богъ по отношенію къ чужестранцамъ является Богомъ сильнымъ и грознымъ». А профессоръ богословія Эверсъ въ годовщину

Седанской битвы возвѣстилъ:—«Онъ еще живъ, нашъ Господь Богъ, Тотъ, котораго Зитенъ въ былыя времена называлъ великимъ союзникомъ Фридриха Великаго». А другой профессоръ богословія, баронъ Фонъ-Деръ-Гольцъ, въ проповѣди въ Грейсфальдѣ, по случаю взятія Льежа, восклицалъ: «нашъ старый Союзникъ еще живъ».

Для христіанскаго чувства крайне тяжело видѣть такое дерзкое посягательство на Божество Христа Спасителя. Своими руками, обагренными кровью, нѣмцы стараются начертать Его обликъ подходящимъ къ ихъ міровоззрѣнію. Они сочиняютъ своего собственнаго Бога, приспособленнаго къ ихъ воинственному міровоззрѣнію. Ихъ профессора и проповѣдники не стараются поднять нравственный обликъ германца нашихъ дней на высоту чистаго христіанскаго идеала, нѣтъ, они смѣло стремятся къ тому, чтобы самое понятіе о Богѣ было принаровлено къ текущимъ требованіямъ воинственной политики нашихъ дней.

Во Франціи такое отношеніе къ христіанскому ученію нерѣдко объясняется тѣмъ, что

предки пруссаковъ позже другихъ европейскихъ народовъ просвѣтились свѣтомъ христіанскаго ученія. Они крестились только въ XIII вѣкѣ и потому у нихъ легче пробуждаются стремленія противохристіанскаго свойства. Вопросъ, быть можетъ, разрѣшается нѣсколько иначе, если припомнимъ, что церковь лютеранская не проявила достаточнаго авторитета на религіозныя вѣрованія и весь нравственный строй германскаго народа. И мыслимо ли думать объ этомъ авторитетѣ, когда сами учителя вѣры—пасторы нерѣдко въ своихъ догматическихъ воззрѣніяхъ уклоняются весьма далеко отъ основъ христіанства. Ни для кого не тайна, что многіе пасторы въ своихъ проповѣдяхъ рѣшительно отрицаютъ божество Христа Спасителя. Они забываютъ указанія апостола любви о различіи истинныхъ проповѣдниковъ отъ ложныхъ и однажды они не проповѣдуютъ Іисуса Христа во плоти пришедша, то, по апостолу, они не должны бы быть проповѣдниками и учителями христіанскаго народа, но они ими остаются и насаждаютъ ученіе, которое христіанскимъ назвать нельзя. И народъ отъ

этихъ учителей бѣжитъ. Онъ бѣжитъ не только отъ церкви лютеранской, но и вообще отъ христіанства. Эта волна язычества поднимается и растетъ и, какъ извѣстно, въ Берлинѣ, этомъ центрѣ прусскаго милитаризма, число некрещеныхъ дѣтей съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастало.

Упадокъ истиннаго христіанскаго міровоззрѣнія не могъ не сказаться съ особою силою, когда чистота самого богопознанія омрачалась вліяніемъ идей, коренящихся въ прусскомъ милитаризмѣ. Представленіе о благостномъ Христѣ Спасителѣ міра уступало мѣсто облику грознаго стараго нѣмецкаго Бога, и духовенство какъ протестантское, такъ и католическое въ Германіи не возвысило своего голоса противъ того озвѣрѣнія, которое съ такою силою охватило нѣмецкую армію. Извѣстный придворный проповѣдникъ Дріандеръ съ большимъ увлеченіемъ доказывалъ, что война, вызванная, по его словамъ, коварствомъ Англіи, есть война священная. Нѣмцы воюютъ «со спокойною совѣстью». Слѣдовательно война, которую они ведутъ, пріятна Богу. И нельзя не удивляться муже-

ству Дріандера, утверждающаго о спокойномъ состояніи совѣсти людей, повинныхъ въ самыхъ ужасныхъ злодѣяніяхъ.

Извѣстный докторъ богословія и профессоръ берлинскаго университета Адольфъ Дейсманъ пошелъ далѣе. Въ своей брошюрѣ «Война и религія» онъ дѣлаетъ весьма смѣлую попытку приспособить христіанское ученіе къ условіямъ великой міровой борьбы. По его мнѣнію христіанство таило въ своихъ нѣдрахъ все, что было потребно проявить въ годину войны. Правда, въ началѣ XX вѣка былъ замѣтенъ нѣкоторый упадокъ жизненной силы христіанской доктрины, и въ Германіи при началѣ войны возникалъ вопросъ, проявитъ ли христіанство достаточную твердость въ эти дни великаго испытанія. У профессора Дейсмана на этотъ счетъ не было сомнѣнія. Конечно, онъ сдѣлалъ бы съ своей стороны много оговорокъ, «если бы христіанство было тѣмъ сентиментальнымъ и разслабляющимъ ученіемъ, которое такъ широко было распространено у насъ и въ религіозной литературѣ, въ проповѣди и особенно въ искусствѣ царило такъ долго». Но истинное

христіанство представляется Дейсману совершенно инымъ. «Эта религія сентиментальная и слащавая, пишетъ онъ, отнюдь не есть религія Новаго Завѣта». Дейсманъ находитъ, что не представляется затрудненія извлечь изъ текстовъ новаго завѣта поощреніе и призывъ къ бою тѣмъ, которые сражаются. Дейсманъ не дѣлаетъ никакихъ возраженій противъ способовъ веденія войны нѣмцами, черезъ его руки прошло много солдатскихъ писемъ. Они изобилуютъ почитаніемъ войны, столь любезнымъ Дейсману. «То, что они, пишетъ онъ, называютъ варварствомъ, исторія назоветъ современемъ основною силою. И въ нынѣшнее время, когда происходитъ болѣе чѣмъ когда либо сильная мобилизація психическихъ и физическихъ силъ всего міра, мы возвѣщаемъ, или нѣтъ, не мы возвѣщаемъ, но сама себя проявляетъ религія силы».

Весьма любопытно, что молодые грамотные нѣмецкіе солдаты на фронтѣ читаютъ предпочтительно Новый Завѣтъ, Фауста Гете и «Такъ говорилъ Заратустра» Ницше. Это сосѣдство Евангелія съ Ницше нисколько не удивляетъ Дейсмана. Ницше, правда, вы-

давалъ себя за антихриста и богохульствовалъ, но это онъ дѣлалъ по ненависти къ этой религіи «сентиментальной и слащавой», которая не является истиннымъ христіанствомъ и которую самъ Дейсманъ отвергаетъ. «И чѣмъ болѣе, пишетъ онъ, всматриваешься въ проблески силы, разбросанной въ книгахъ Новаго Завѣта, тѣмъ болѣе огорчаешься, что они остались невѣдомыми для творческаго генія Ницше». Подобный взглядъ не можетъ не вызвать крайняго удивленія. Протестантскій богословъ, профессоръ берлинскаго университета является вмѣстѣ съ тѣмъ и ученикомъ Ницше. Эта попытка примирить евангельское ученіе съ философіей Ницше показываетъ, до какого чудовищнаго извращенія основныхъ началъ христіанства могутъ доходить нѣмецкіе богословы въ своемъ стремленіи придать религіи значеніе, соотвѣтствующее вожделѣніямъ прусскаго милитаризма. И только умъ, въ корнѣ извращенный, можетъ находить, что нынѣ наступило время для проявленія какой то новой религіи, силы иной, не похожей на вѣру христіанскую, возродившую къ новой жизни все человѣчество.

Ослѣпленные внѣшнимъ успѣхомъ, проникнутые увлеченіемъ идеи «о силѣ», какъ основѣ всего государственнаго строя, нѣмецкіе проповѣдники наперерывъ усердствовали въ прославленіи подвиговъ нѣмецкой арміи. Такъ, извѣстный Гарнакъ съ рѣдкимъ воодушевленіемъ прославлялъ подвиги арміи Вильгельма II-го. Онъ говоритъ, что «этой чудной арміи за границей не могли понять». Такія же похвалы расточаетъ ей и пасторъ Дріандеръ. Этихъ проповѣдниковъ нисколько не смущаетъ разсказъ унтеръ-офицера 1 роты 154 полка Клемта, какъ онъ съ состоящею подъ его начальствомъ командою звѣрски избивалъ раненыхъ французовъ, лежавшихъ на полѣ битвы, и какъ онъ вечеромъ съ благодарственною молитвою на устахъ уснулъ въ ожиданіи подвиговъ слѣдующаго дня. Такая чудовищная молитва убійцы, имѣвшаго дерзость самому печатно повѣдать о своемъ злодѣяніи, нисколько не обращаетъ на себя вниманія протестантскихъ пасторовъ. Въ интересахъ справедливости, впрочемъ, нужно отмѣтить, что одинъ изъ нихъ, пасторъ Франкъ, рѣшился повѣдать міру свое негодованіе, го-

воря: «кровь неповинныхъ женщинъ и дѣтей прилѣпилась къ германскимъ мечамъ». Но насколько подобныя истины высказывать въ Германіи опасно, видно изъ того, что пасторъ Франкъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности Штетинскимъ военнымъ судомъ по обвиненію въ измѣнѣ.

Пасторъ Франкъ стоитъ совершенно одиноко, а каково настроеніе выдающихся пасторовъ въ Германіи, видно изъ переписки протестантскаго пастора города Нима Бабю съ Дріандромъ. 4 Августа 1914 года Бабю обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на желательность предложить христіанамъ обѣихъ сторонъ всѣ старанія къ смягченію всѣхъ ужасовъ войны. На этотъ призывъ христіанской любви придворный проповѣдникъ Дріандръ отвѣтилъ съ свойственными нѣмцамъ самоувѣренностью и гордостью. «Мы убѣждены, писалъ онъ, что съ нашей стороны борются съ самообладаніемъ, съ доброй совѣстью и мягкостью, примѣры которыхъ еще не встрѣчались въ исторіи всего міра». «Если Англія, пишетъ Дріандръ, указываетъ на насильственное нарушеніе

бельгійскаго нейтралитета, то отвѣтъ на это заявленіе простъ и ясенъ: когда борьба идетъ изъ-за жизни, то тогда не задаются вопросомъ, не приходится ли во время боя взломать дверь сосѣда».

Крайнее развитіе прусскаго милитаризма отразилось гибельно на религіозномъ состояніи нѣмецкаго народа. Забвеніе искупительной жертвы Христа Спасителя, искаженіе Его Божественнаго ученія властолюбивыми и воинственными инстинктами вдохновителей и руководителей воинствующаго германизма лишило протестантскую церковь возможности противодѣйствовать озвѣрѣнію войска и народа Германіи. Силѣ нравственной, покоящейся на справедливости, правѣ и законѣ, Германія противопоставила силу грубую, матеріальную. Историки и философы нѣмецкіе, развивая культъ этой силы, особенно подчеркивали, что сила эта не должна вѣдать состраданіе: «Сила побѣдителя, училъ извѣстный профессоръ Римскаго права Іерингъ, установляетъ границы права». А Ницше писалъ: «основа морали заключается въ томъ, что обязанности могутъ существо-

вать только между равными. По отношенію къ существамъ низшаго порядка и ко всему чуждому можно поступать по своему усмотрѣнію, какъ вамъ подскажетъ сердце, и какъ вы захотите. Для сильныхъ нѣтъ ничего опаснѣе, какъ жалость». Нѣмецкое неохристіанство, являясь скорѣе возрожденнымъ язычествомъ, отрѣшилось отъ идеи евангельскаго милосердія, названнаго Ницше моралью рабовъ. Кротость, милосердіе, человѣчность разсматриваются какъ проявленія слабости. Нація сильная имѣетъ право господства надъ болѣе слабыми. Эти начала должны были послѣдовательно привести къ жестокостямъ, навсегда опозорившимъ нѣмцевъ.

Поклоненіе силѣ особенно развилось среди нѣмцевъ послѣ того, какъ успѣхъ ихъ на разныхъ поприщахъ военныхъ и промышленныхъ доказалъ имъ, что они сильны. Публицисты, профессора стали тогда на всѣ лады прославлять силу и мощь Германіи и доказывать, что нѣмцы, какъ высшая народность, должны подчинить себѣ вселенную. И война обратилась въ нѣкоторое подобіе крестоваго похода, имѣющаго цѣлью раздавить

всѣ низшіе племена и народы, которые могли бы препятствовать Германіи въ осуществленіи ея великой исторической миссіи. На развалинахъ этихъ низшихъ расъ, тщательно обобранныхъ побѣдителями, должно было утвердиться величіе Германіи, владычицы міра.

Германскіе писатели и ученые хорошо разумѣли, что борьба Германіи со всѣми народами, не желающими изнемогать подъ гнетомъ нѣмецкой безпощадной эксплоатаціи, будетъ борьбою не на животъ, а на смерть. Они настойчиво взывали къ самымъ рѣшительнымъ и безпощаднымъ пріемамъ этой борьбы и указывали, что всякая жалость къ противнику, всякое состраданіе къ нему являются проявленіями только слабости, нетерпимой и недозволяемой нѣмецкими моралистами нашихъ дней. А какою ненавистью дышетъ писаніе выдающихся нѣмецкихъ ученыхъ. Такъ, профессоръ Гейдельбергскаго университета Ленаръ въ брошюрѣ, имъ изданной, съ особою злобою опрокинулся на Англію [1]). Онъ писалъ между про-

[1]) Gustave le Bon—Enseignements psychologiques. Стр. 104.

чимъ: «Центральное гнѣздо и главная твердыня лицемѣрія на берегахъ Темзы должны быть уничтожены. Прочь всякое уваженіе къ гробницамъ Шекспира, Ньютона, Фараддэя. Настоящаго мира съ разбойникомъ, грабящимъ на дорогѣ, нельзя имѣть, пока онъ не погибнетъ, пока онъ не будетъ уничтоженъ». Борьба съ этимъ бандитомъ является не только борьбою за бытіе и честь родины, но она является также крестовымъ походомъ для того, чтобы упрочить честность въ сношеніяхъ между людьми. Напрасно было бы думать, что эта ненависть исключительно направляется противъ англичанъ, забывъ основныя начала, на которыхъ должны покоиться отношенія между народами, не утратившими христіанскія начала жизни, нѣмцы съ яростью набрасываются на всѣхъ возстающихъ противъ ихъ попытокъ подчинить себѣ всѣ племена и народы.

Ле Бонъ приводитъ со словъ газеты Le Temps отъ 29 Іюня 1915 г. весьма любопытное извлеченіе изъ одного нѣмецкаго журнала, издаваемаго въ Америкѣ: «Когда мы побѣдимъ нашихъ враговъ и отберемъ

ихъ землю, если кто либо изъ прежнихъ насельниковъ этихъ земель, будь то англичанинъ, французъ, итальянецъ, американецъ или кто либо другой, осмѣлится поднять голосъ выше вздоха, то мы разобьемъ его о землю».

«И послѣ того какъ мы разрушимъ эти покрытые мхомъ соборы и другія мерзкія сооруженія, въ томъ числѣ храмы въ Индіи и другихъ странахъ, тогда мы построимъ соборы болѣе величественные и храмы болѣе роскошные для того, чтобы прославить дѣянія нашего великаго кайзера и его народа, истребившихъ сгнившія племена на землѣ».

«О, какъ мы благодарны Господу, что Онъ избралъ нашего великаго и неподражаемаго кайзера и его народъ, чтобы осуществить эту великую миссію, ибо Дарвинъ сказалъ (и эту мысль онъ заимствовалъ у нашихъ великихъ нѣмецкихъ профессоровъ), что только наиболѣе сильный долженъ имѣть право на жизнь. А развѣ нѣмцы не являются болѣе способными во всѣхъ отношеніяхъ, а потому мы, нѣмцы, и говоримъ:

«Пусть вся мертвечина гніетъ, а на землѣ только одни лишь благородные нѣмцы существуютъ».

Въ книгахъ, статьяхъ и брошюрахъ нѣмецкихъ публицистовъ и писателей имѣется много данныхъ, указывающихъ на своеобразный коллективный гипнозъ, охватившій Германію. Германію, несомнѣнно, охватилъ мистицизмъ; великая міровая война, начатая Германіей, имѣетъ мистическій характеръ. Какъ въ былыя времена арабы и турки проливали потоки человѣческой крови въ безумномъ желаніи весь міръ подчинить Магомету, такъ и нѣмцы, увѣровавъ, что они избранная нація, имѣютъ священную миссію насадить во всемъ мірѣ германскую культуру, и какъ нація болѣе сильная—поработить себѣ всѣ менѣе сильные и одаренные народы. Шеврильонъ въ своемъ изслѣдованіи о нѣмецкомъ мистицизмѣ даетъ этому удивительному явленію нашихъ дней весьма вѣрную характеристику [1]). Онъ пишетъ:

[1]) Gustave le Bon—Enseignements psychologiques. Стр. 122.

«нѣмцы признаютъ себя избраннымъ народомъ, но что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ объ избранномъ народѣ?—Горделивая, мистическая коллективная идея, угрожающая другимъ народамъ, подобно тому какъ нѣкогда являлись угрозою вспышки воинственнаго мистицизма, но германскій мистицизмъ представляется тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ развивается одновременно съ развитіемъ силы и нѣмецкихъ аппетитовъ и самаго ученія, раскрывающаго значеніе этихъ аппетитовъ и этой силы».

«Германцы являются орудіемъ Бога, высшимъ воплощеніемъ Его жизненной энергіи. Они являются Богомъ въ дѣлѣ мірового творчества, духомъ разрушающимъ, дабы возсоздать жизнь изъ ея мертвыхъ и обветшавшихъ формъ»...

«Стряхнувъ съ себя завѣты старой христіанской морали, ее стѣсняющіе, Германія признаетъ лишь одинъ законъ, имѣющій жизненное значеніе, который состоитъ въ томъ, чтобы желать не то, что есть благо или истина, а есть возможность распростра-

няться, расти, расширять свои предѣлы и съ этою цѣлью ненавидѣть, воевать, истреблять или уничтожать все, что представляется чуждымъ и менѣе сильнымъ». Сила является единственнымъ жизненнымъ началомъ; господствующая раса не можетъ подчиняться какимъ нибудь правиламъ, обязательнымъ для другихъ народовъ, бороться съ нею это значитъ идти противъ Провидѣнія и подобное преступленіе достойно самаго тяжкаго возмездія.

Весьма вѣрно опредѣляетъ это мистическое настроеніе германцевъ итальянецъ Парети [1]). Онъ пишетъ: «Вѣра нѣмцевъ въ ихъ культуру и въ ихъ призваніе владычествовать надъ міромъ въ качествѣ народа избраннаго, высшаго надъ всѣми народами въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ представляется, несомнѣнно, мощнымъ факторомъ въ дни войны. Эта вѣра въ ея богословской и мистической окраскѣ является одной изъ причинъ той

[1]) Gustave le Bon—Enseignements Psychologiques. Стр. 123.

жестокости, которою оттѣняются войны, предпринятыя съ религіозною цѣлью. Противникъ не только врагъ, онъ отверженный еретикъ, онъ невѣрный, онъ поноситель священной культуры, повинный въ оскорбленіи величества. Мало его побѣдить, его нужно истребить, уничтожить. Бельгійцы имѣли безбожную дерзость отказать въ пропускѣ священнымъ когортамъ небесной культуры; они оказались виновными въ оскорбленіи какъ бы самого Божества; и они были въ наши дни наказаны столь же справедливо, какъ и въ былыя времена герцогомъ Альба за однородныя преступленія».

Мистическій характеръ нѣмецкой войны даетъ объясненіе многимъ ей присущимъ особенностямъ. Насаждая свою священную культуру, во славу «своего стараго нѣмецкаго Бога», нѣмцы съ особенною жестокостью набросились на церкви и духовенство. Они порвали связь со старою христіанскою моралью, имъ нужно было уничтожить и истребить все, что носило отпечатокъ христіанской культуры. Своимъ озлобленіемъ противъ

духовенства и жаждою разрушенія храмовъ они затмили мусульманъ, у тѣхъ не хватало звѣрства идти такъ далеко, какъ шли нѣмцы. А если мы сопоставимъ нѣмцевъ съ японцами-язычниками, то сравненіе будетъ для нѣмцевъ еще менѣе благопріятно. Величественный православный соборъ въ Токіо остался нетронутымъ во время Японской войны и святитель Николай русскій архіепископъ невозбранно приносилъ безкровную жертву, не испытывая при богослуженіи тѣхъ цензурныхъ стѣсненій, которымъ подвергаются наши плѣнные, когда нѣмецкимъ тиранамъ бываетъ угодно разрѣшить имъ совершать весьма сокращенное богослуженіе. Жестокіе мистики уничтожаютъ и разрушаютъ все чуждое и болѣе слабое, встрѣчаемое ими на пути. Жизнь другихъ людей не имѣетъ для нихъ никакой цѣны. И жизнь и честь, все приносится въ жертву этому все пожирающему Молоху. «Германія превыше всего». И горе и смерть тѣмъ, которые почитаются ея врагами.

Насколько миссія, возложенная Провидѣніемъ на Германію, имѣетъ совер-

шенно исключительный характеръ, видно изъ рѣчи, произнесенной въ 1907 году кайзеромъ въ Мюнстерѣ. Онъ сказалъ между прочимъ: «Пусть всѣ прежніе и новые подданные Имперіи: горожане, крестьяне, рабочіе, объединятся въ единомъ чувствѣ любви и вѣрности къ родинѣ, и народъ нѣмецкій будетъ гранитнымъ камнемъ, на которомъ Господь Богъ можетъ воздвигнуть и завершить міровую цивилизацію, и тогда осуществятся слова поэта «отъ германизма возродится міръ».

Вѣру въ высшую миссію Германіи слѣдуетъ имѣть, по мнѣнію профессора Малинга, слѣдуетъ исповѣдывать каждому нѣмцу. Въ проповѣди, произнесенной въ Мартѣ 1915 года, онъ сказалъ между прочимъ, что время міровой миссіи нѣмецкаго народа наступило, и затѣмъ спросилъ: «готовы ли мы? Хотимъ ли мы быть молотомъ въ рукахъ Господа?» И затѣмъ, указывая на службу нѣмецкихъ солдатъ во время войны, заявилъ: «Въ нихъ, можемъ мы смѣло сказать, Господь являетъ Свою силу». Изъ всего сказаннаго видно, что, по германскому воззрѣнію на войну,

она не является только средствомъ къ одолѣнію врага, она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ значеніе показать моральное превосходство народа. Нѣмецкій писатель Зебергъ находитъ, «что война указываетъ народамъ мѣсто, которое имъ принадлежитъ, сообразно съ силами, которыми они располагаютъ. Она открываетъ ихъ дѣятельности границы, соотвѣтственно съ ихъ способностями. Война облегчаетъ проявленіе истины. Въ этомъ заключается ея исключительно нравственное значеніе въ исторіи, и въ этомъ нужно искать основаніе ея нравственнаго права.... Война доказываетъ превосходство не только силы физической, но и силы моральной и культурной. Война есть судъ, изрекаемый всеобщей исторіей:—одни восходятъ, другіе низвергаются, и приговоръ ея вполнѣ справедливый».

Чтобы узнать, насколько приговоръ великой міровой войны будетъ приговоромъ для Германіи удобнымъ и желаннымъ, нельзя не обратить особаго вниманія на систематическое попраніе Германіей всѣхъ законовъ и обычаевъ войны. Еще міръ антич-

ный въ лицѣ грековъ не былъ чуждъ этихъ вопросовъ. «Всякая война, писалъ Полибій, хотя и является нарушеніемъ правового порядка, но всетаки имѣетъ свои спеціальные законы». Римъ не зналъ никакихъ ограниченій воюющихъ сторонъ. Воля завоевателя была единственнымъ мѣриломъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Побѣдитель могъ по своему усмотрѣнію уничтожать города и избивать всѣхъ ихъ жителей. Тѣхъ, которые уцѣлѣли, продавали въ рабство, или отдавали въ циркъ на растерзаніе звѣрямъ. Эта полнота правъ побѣдителя долго не подвергалась никакимъ ограниченіямъ.

По мѣрѣ развитія среди государствъ и народовъ отношеній, построенныхъ на началахъ справедливости, и особенно подъ вліяніемъ христіанскаго міровоззрѣнія начинаютъ постепенно вырабатываться извѣстные обычаи, а затѣмъ и общепринятыя постановленія, опредѣляющія характеръ отношенія воюющихъ сторонъ къ мирному населенію. Конвенція Женевская и особенно конференціи Гаагская и Брюссельская выработали рядъ постановленій, устраняющихъ все из-

лишнее изъ сферы непосредственно враждебныхъ отношеній между воюющими сторонами. Это стремленіе оградить мирное населеніе отъ бѣдъ и страданій, это желаніе ограничить борьбу только воинскими частями и устранить вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ тѣ способы веденія войны, которые носятъ отпечатокъ ненужной жестокости и только, безъ прямого отношенія даже къ существу военныхъ дѣйствій, оказываются причиняющими излишнія страданія мирному населенію. Долголѣтнія усилія друзей человѣчества смягчить и облегчить всѣ ужасы войны подверглись весьма безпощадной критикѣ со стороны нѣмцевъ, считающихъ себя носителями высшихъ идеаловъ человѣческой культуры. Нѣмцы рѣшительно признали всѣ эти попытки непріемлемыми, что однако не помѣшало имъ примкнуть къ Женевской конвенціи Краснаго Креста. Впрочемъ, они остались вѣрны себѣ, пользуясь выгодами принадлежности къ этой конвенціи, они нисколько не считаютъ себя связанными постановленіями, которыя въ тѣхъ или другихъ случаяхъ являлись имъ помѣхою къ осуществленію преслѣдуе-

мыхъ ими военныхъ цѣлей. Съ постановленіями Гаагской конвенціи нѣмцы еще менѣе стѣсняются. Они считаютъ для себя вполнѣ дозволенными всякіе способы истребленія врага, и въ этомъ отношеніи ихъ военная практика грозитъ человѣчеству величайшею опасностью. Прибѣгая къ воспрещеннымъ Гаагскою конвенціею способамъ веденія войны, къ удушливымъ и ядовитымъ газамъ, напримѣръ, они ставятъ противника въ необходимость прибѣгать къ однороднымъ средствамъ для самозащиты. Благодаря, слѣдовательно, нѣмцамъ, благодѣтельныя послѣдствія постановленій, долженствующихъ упорядочить войну, все болѣе и болѣе устраняются. Столь для всего человѣчества желательное смягченіе военныхъ нравовъ становится неосуществимою мечтою. Варварство нѣмцевъ понижаетъ культурный уровень всего человѣчества. Объ этихъ попранныхъ правахъ мирнаго населенія нѣмцы не признаютъ нужнымъ имѣть какую либо заботу. И почти всѣ нѣмецкіе писатели находятъ, что суровыя и даже жестокія мѣры представляются иногда желательными, такъ какъ

онѣ приводятъ къ скорѣйшему окончанію борьбы. Даже по вопросу о неприкосновенности мирныхъ жителей слѣдуетъ сказать, что и она не признается въ Германіи безусловно обязательною. По господствующему въ Германіи воззрѣнію, отъ усмотрѣнія побѣдителя зависитъ избіеніе мирнаго населенія и присвоеніе всѣхъ его богатствъ. Господство воззрѣній Ницше, его послѣдователей, а также военныхъ писателей привело къ торжеству варварства, отрицающаго у побѣжденныхъ существованіе какихъ либо правъ. Побѣдителю же невозбранно позволяется творить все соотвѣтствующее его интересамъ, онъ можетъ приканчивать раненыхъ, избивать плѣнныхъ, поджигать, грабить, творить всякія насилія.

Чудовищныя звѣрства нѣмецкихъ войскъ на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій являются прямымъ послѣдствіемъ началъ, давно разработанныхъ какъ военными писателями, такъ и нѣмецкими профессорами, ими прусскій генеральный штабъ съ настойчивостью старался оградить нѣмецкую армію отъ разрушительнаго вліянія гуманитарныхъ началъ,

направленныхъ къ смягченію законовъ военнаго времени. Генеральный Штабъ отвергаетъ эти стремленія, какъ идущія въ разрѣзъ съ самымъ существомъ войны. И офицеру дается совѣтъ въ изученіи исторіи войнъ найти средство противъ господства этихъ неразумныхъ идей.

Военный реализмъ, по мнѣнію генерала Гартмана, рѣшительно требуетъ въ его исключительномъ интересѣ, чтобы ему дали предпочтеніе передъ всѣми требованіями научно построеннаго международнаго права.. «Всякое ограниченіе въ военныхъ дѣйствіяхъ приводитъ къ ослабленію силы воюющей стороны... Международное право не должно ослаблять военное дѣйствіе, создавая для него разныя помѣхи».

Генералъ Клаузевицъ весьма опредѣленно заявляетъ, что на войнѣ всякая мысль о человѣколюбіи является ошибкою, опасною глупостью, жестокость битвы не знаетъ границъ. А генералъ Гартманъ поясняетъ, что военнымъ начальникамъ принадлежитъ право на жизнь и смерть непріятеля. Они по своему усмотрѣнію истребляютъ его имущество.

Фельдмаршалъ Гинденбургъ съ своей стороны находитъ, что «чѣмъ война безпощаднѣе, тѣмъ скорѣе она кончится. Чѣмъ скорѣе способы войны приводятъ къ миру, тѣмъ они человѣчнѣе». Варварская расправа съ городами и селеніями въ Бельгіи показала всю несостоятельность воззрѣній Гинденбурга. Онъ и нѣмцы вообще оказались плохими психологами. Увлеченные культомъ грубой физической силы, они забыли, что у людей есть еще болѣе высокій принципъ—сила духа. И бельгійцы своею твердостью проявили эту нравственную мощь. Нѣмцы ихъ убивали, мучили, разоряли, но они, полные достоинства и сознанія своей правоты, всему міру показали, что нѣмецкое варварство было безсильно сломить ихъ, а до какого озвѣрѣнія доходитъ тевтонская злоба, всего лучше видно изъ пѣсни ненависти пѣвца нѣмецкихъ насилій Генриха Фирордта. Обращаясь, въ этомъ трудно поддающемся переводу бредѣ обезумѣвшаго поэта, къ Германіи, онъ говоритъ, что она должна начертать въ своемъ сердцѣ ненависть глубокую и несокрушимую, ненависть давно желанную. «Германія,

заглуши въ себѣ всякое человѣческое чувство и устремляйся въ бой. Ненавидь, задуши тысячи противниковъ и воздвигни изъ труповъ памятникъ до самаго неба. Германія, ненавидь! Покройся бронею и порази врага въ самое сердце. Плѣнныхъ не надо; пусть всѣ они будутъ нѣмы. Родину ихъ обрати въ пустыню. Германія, ненавидь! Твое спасеніе таится въ твоемъ гнѣвѣ. Разбивай черепа ударами приклада или топора. Враги твои дикіе звѣри, ихъ нельзя считать людьми. Черезъ ударъ твоего кулака да свершится надъ ними судъ Божій». Эти бѣлые стихи, хотѣлось бы назвать ихъ конечно красными, авторъ разъясняетъ весьма вразумительной прозою. Въ письмѣ отъ 15 Октября 1914 года въ швейцарской газетѣ «Базельскія Извѣстія» Фирордтъ сообщаетъ: «я одинъ изъ большихъ поклонниковъ искусства въ Германіи. Во время моихъ многочисленныхъ эстетическихъ паломничествъ я испыталъ величайшее удовольствіе при посѣщеніи всѣхъ соборовъ и всѣхъ ратушъ во Франціи и Бельгіи. Но моя любовь къ искусству не затемнила моей памяти и если бы нужно было содѣйствовать

побѣдѣ моей родины, то я хладнокровно разрушилъ бы всѣ соборы и всѣ ратуши на землѣ».

«Сочиняя мои стихи, я не утратилъ, какъ мнѣ говорили, все человѣческое чувство. Напротивъ, если бы сокровищница нѣмецкаго языка обладала для выраженія ненависти и гнѣва словами, въ тысячу разъ болѣе сильными, я былъ бы счастливъ прокричать ихъ передъ лицомъ всего міра. Если бы существовало мученіе въ тысячу разъ болѣе тяжелое, чѣмъ смерть, я бы желалъ его для моихъ враговъ».

Тяжкія думы навѣваетъ эта дикая злоба обезумѣвшихъ нѣмцевъ.

Всѣ научныя побѣды, всѣ улучшенія въ общественномъ и государственномъ строѣ, все, чѣмъ гордилось человѣчество, все, что было лучшимъ достояніемъ христіанской культуры, все это безпощадно разрушается варварами XX вѣка, хотѣвшими подчинить кровью и желѣзомъ весь міръ. Для нихъ нѣтъ ничего святого, и они, эти варвары—куда опаснѣе и хуже гунновъ и Аттилы, столь любезныхъ кайзеру. Они несравненноихъ

опаснѣе, потому что гунны были вооружены только весьма несложнымъ запасомъ орудій смерти, нѣмцы же, неустанно производя все болѣе и болѣе гибельныя для враговъ орудія разрушенія, вносятъ въ свою работу строгую послѣдовательность и научные пріемы. Они даже поджигаютъ вполнѣ систематично, распредѣляя между солдатами работу, обезпечивающую быстроту распространенія пожара.

Безпощадный характеръ настоящей войны получаетъ еще исключительное значеніе, потому что эта война, какъ было указано выше, окрашена мистическомъ характеромъ; кайзеръ въ какомъ то безумномъ ослѣпленіи считаетъ себя призваннымъ свыше на осуществленіе его завѣтной думы подчинить нѣмецкой гегемоніи весь міръ. Вслѣдствіе этого война получаетъ какой то особый характеръ. А какое удручающее впечатлѣніе производитъ фарисейская гордыня придворнаго проповѣдника Дріандера, прославляющаго Господа за то, что Онъ сотворилъ столь безупречными, чистыми и высокими германскаго императора, его армію и народъ, и

выражающаго радость по поводу истребленія Господомъ въ Его святомъ гнѣвѣ всѣхъ враговъ Германіи. Полное забвеніе христіанскаго закона въ Германіи представляетъ несомнѣнно одно изъ наиболѣе грустныхъ явленій нашего времени. Высокая волна жестокости не встрѣтила въ Германіи никакого отпора. Ни протестантскіе проповѣдники, ни католическое духовенство ничѣмъ не проявили своей заботы о томъ, чтобы свѣточъ христіанской любви не угасалъ въ народномъ сознаніи. Воззрѣнія Ницше и его послѣдователей, призывъ къ жестокости, къ грубой силѣ, кровью писанные приказы военныхъ властей, наконецъ разстрѣлы женщинъ, дѣтей, духовныхъ лицъ, стариковъ и раненыхъ, разрушеніе не случайное, а систематическое храмовъ Божіихъ проходило безслѣдно.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ лютеранскіе проповѣдники, прославляющіе подвиги германскихъ солдатъ и имѣющіе смѣлость утверждать, «что германская армія ведетъ войну согласно съ христіанскими воззрѣніями и требованіями гуманности».

Печальнымъ представляется положеніе лютеранства, когда проповѣдники, ослѣпленные враждою, свидѣтельствуютъ явную ложь. А Кельнскій архіепископъ кардиналъ упоминаетъ въ своемъ пастырскомъ посланіи: «Господь былъ и есть съ нашими героями-солдатами и на востокѣ, и на западѣ, и въ морѣ, и въ воздухѣ». Хотѣлось бы знать, думалъ ли кардиналъ о погибели Лузитаніи отъ германской подводной лодки, когда писалъ эти странныя слова и неужели не подумалъ кардиналъ о разрушеніи германскими войсками католическихъ святынь, неужели, по его мнѣнію, Господь могъ благословить обстрѣлъ разрывными бомбами Реймскаго и Малинскаго соборовъ и сотенъ католическихъ церквей повсемѣстно, куда проникало германское войско, и неужели, составляя посланіе, онъ забылъ о разстрѣлянныхъ, избитыхъ католическихъ священникахъ, объ убитыхъ, изнасилованныхъ, замученныхъ, заживо-сожженныхъ женщинахъ. Безотрадно положеніе христіанства, когда призванные вѣщать истину свидѣтельствуютъ ложь. Въ поясненіе страннаго писанія кельнскаго архі-

епископа можно сказать, что кардиналъ подобно римскому папѣ не пожелалъ огорчать кайзера какими либо сѣтованіями по поводу жестокой расправы нѣмецкихъ властей съ католическимъ духовенствомъ Бельгіи. Кардиналъ Мерсье довольно безплодно проливалъ слезы по поводу разрушенія его каѳедральнаго собора въ Малинѣ, а также по поводу жестокаго гоненія, воздвигнутаго на ни въ чемъ не повинное духовенство. Его Святѣйшество отнесся къ представленію кардинала съ совершенно невозмутимымъ академическимъ спокойствіемъ.

По отношенію къ бельгійскому духовенству германскія власти дѣлали попытку обвинять его въ томъ, что оно возбуждало народъ противъ нѣмецкой арміи, что его вліянію слѣдуетъ приписать стрѣльбу мирныхъ жителей въ германскихъ солдатъ. Эти обвиненія были предметомъ тщательнаго разслѣдованія со стороны бюро, именуемаго «Рах», обвиненія духовныхъ лицъ оказались лишенными всякаго основанія. Военныя власти въ Бельгіи постоянно обвиняли населеніе въ томъ, что мирные жители или вольные

стрѣлки стрѣляютъ въ нѣмецкихъ солдатъ. Слѣдственная комиссія устранила эти обвиненія и не могла не признать, что выстрѣлы производились обыкновенно самими нѣмцами, имъ было выгодно стрѣлять, за пальбой обыкновенно слѣдовалъ разгромъ провинившагося селенія или города, поджогъ домовъ, поголовное пьянство и разграбленіе мирныхъ жилищъ. Въ Бельгіи нѣмецкія власти грозно предупреждали жителей о послѣдствіи стрѣльбы въ нѣмецкія войска. За единичные случаи они угрожали коллективной отвѣтственностью и они это дѣлали въ странѣ, гдѣ, какъ извѣстно, мѣстныя власти предупреждали населеніе о необходимости воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ нѣмецкимъ войскамъ. Совершенно иными началами руководствовались нѣмецкія военныя власти въ восточной Пруссіи [1]). Незадолго до вступленія въ предѣлы Пруссіи русскихъ войскъ, военныя власти напечатали прокламацію, въ которой

---

[1]) Gustave le Bon—Enseignements Psychologiques. Стр. 294.

между прочимъ содержалось слѣдующее распоряженіе: «когда непріятель перейдетъ границу Германской имперіи, когда начнется борьба для національной обороны, въ которой всѣ способы отраженія врага признаются дозволенными, всякій человѣкъ, способный носить оружіе, обязанъ препятствовать нашествію и всячески тревожить непріятеля, когда онъ будетъ отступать. Все населеніе должно вооружиться, чтобы всегда быть на стражѣ врага, чтобы отбирать его снаряды, задерживать его продовольствіе, ловить его развѣдчиковъ, истреблять всѣми возможными способами его перевязочные пункты и походные госпитали и чтобы убивать его ночью». Сопоставленіе этой прокламаціи съ воззваніемъ бельгійскаго правительства къ мѣстному населенію весьма назидательно. Бельгійцы, воспитанные въ уваженіи къ закону и помня обязательныя для всѣхъ постановленія Гаагской конвенціи, старались оградить мирное населеніе отъ всѣхъ ужасовъ войны. Поступая такъ, они думали, что и германскія войска будутъ вести себя безупречно. Въ восточной же Пруссіи нѣмцы,

вѣрные своей традиціонной жестокости, и мирныхъ жителей признали необходимымъ вооружить противъ русскихъ войскъ, что конечно не помѣшало бы имъ обвинять нашихъ солдатъ въ убійствѣ мирныхъ гражданъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе стали бы дѣйствовать по приказу, имъ данному.

Извѣстный нѣмецкій соціологъ Науманъ [1]) смотритъ на современную войну, какъ на капиталистическое или, выражаясь точнѣе, какъ на экономическое предпріятіе. Это воззрѣніе нашло въ настоящей войнѣ широкое примѣненіе. Нѣмцы спѣшатъ захватить дѣйствительныя богатства завоеванной страны, вывозятъ цѣнныя дорого-стоющія машины, подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, разрушаютъ фабрики, могущія соперничать съ нѣмецкими предпріятіями, стараются и въ будущемъ ослабить экономическое процвѣтаніе непріятельской страны. При недостаткѣ рабочихъ рукъ насильственно, въ противность основнымъ началамъ междуна-

---

[1]) Friedrich Naumann—Das blaue Buch von Vater land und Freiheit. Leipzig. 1913.

роднаго права, тысячами выселяютъ жителей завоеванныхъ странъ и принуждаютъ ихъ вдали отъ родины къ тяжкимъ работамъ, и, какъ рабовъ, заставляютъ свободныхъ людей трудиться въ каменноугольныхъ копяхъ. Постановленія Гаагской конвенціи 1907 г. ограждаютъ личность и собственность отдѣльныхъ лицъ отъ произвольныхъ дѣйствій воюющей стороны. Статьи 46—52 Положенія о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны содержатъ вполнѣ ясныя указанія, свидѣтельствующія о томъ, что всѣ державы, подписавшія конвенцію, въ томъ числѣ и Германія и Австро-Венгрія, признаютъ неприкосновенность лицъ и имуществъ подданныхъ завоеванной страны, но Германія, а за нею и Австро-Венгрія не стѣсняются клочками писанной бумаги и съ полнымъ презрѣніемъ относятся къ постановленіямъ международныхъ конференцій, стѣсняющихъ ихъ произволъ. Онъ выше закона, онѣ внѣ его, и горе побѣжденнымъ. Избранная нація низвела ихъ въ XX вѣкѣ на уровень рабовъ, съ жизнью, честью и собственностью которыхъ нѣтъ надобности стѣсняться.

Servi sunt res. Тысячи беззащитныхъ людей, женщинъ и дѣвушекъ Нѣмцы выселяютъ изъ Франціи и Бельгіи, словно скотъ или товаръ внутрь Германіи. Съ глубокимъ негодованіемъ и возмущеннымъ чувствомъ человѣческаго достоинства смотрятъ всѣ христіанскіе народы на злодѣянія изверговъ тевтоновъ.

Болѣе двухъ лѣтъ прошло съ начала великой міровой войны, и какъ много потеряла Германія въ безумной погонѣ за гегемоніею надъ всѣмъ міромъ. Передъ войною широкое развитіе ея торговли и промышленности было такъ велико, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Германія могла бы мирнымъ путемъ завоевать себѣ первенствующее положеніе между государствами Европы. Удивительная способность нѣмцевъ всюду проникать, вездѣ заводить всевозможныя фабрики, конторы, заводы, предпріятія привела къ тому, что нѣмецкое экономическое нашествіе широко раскинулось по всѣмъ странамъ Европы. Въ одной Франціи было болѣе 12.000 нѣмецкихъ предпріятій. Бельгія была переполнена ими. Говорить ли объ обиліи ихъ въ Россіи. Благодаря богатству и силѣ

ихъ картели, т. е. ассоціаціи всѣхъ членовъ, всѣхъ представителей одной отрасли промышленности, представленныхъ однимъ бюро, установляющимъ цѣны и получающимъ доходы для распредѣленія прибыли между всѣми членами, нѣмцы могли разорять своихъ конкурентовъ, продавая извѣстные товары даже ниже ихъ стоимости. Ле-Бонъ [1]) приводитъ любопытный примѣръ, указанный Миллью, какъ нѣмецкіе заводчики продавали желѣзныя балки въ Германіи по 130 марокъ за тонну, въ Швейцаріи по 120 и, наконецъ, въ Италіи—по 75. Теряя въ послѣднемъ случаѣ около 20 марокъ, они пріобрѣтали въ странѣ многочисленныхъ покупщиковъ. Конкуренція съ ними была невозможна, и они скоро дѣлались хозяевами положенія. Извѣстная Дармштадтская фирма Мерка своими аптечными товарами и всевозможными лѣкарствами сумѣла вытѣснить мѣстное производство во Франціи и открыла въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ цѣлый рядъ

---

[1]) Gustave le Bon—Enseignements Psychologiques. Стр. 61.

своихъ магазиновъ. Компанія электрическихъ лампочекъ Осрамъ и особенно Всеобщая Электрическая Компанія пріобрѣли далекую извѣстность за предѣлами Германіи. Всѣмъ на Руси хорошо извѣстно, какъ трудно вести борьбу съ Обществомъ 1886 года. Это Общество, обладая огромными капиталами, является учрежденіемъ нѣмецкимъ, руководствующимся въ своихъ дѣйствіяхъ распоряженіями, идущими изъ Берлина [1]). Правда, у него и у родственной ему «Московской Электропередачи» имѣлись свои утвержденные въ установленномъ порядкѣ акціонерные уставы, но уставы эти существовали только, такъ сказать, для видимости, но въ дѣйствительности эти Общества были совершенно нѣмецкими предпріятіями, и чудовищность положенія, какъ я не разъ на это указывалъ, заключалась въ томъ, что дѣятельность этихъ предпріятій всецѣло подчинялась распоряженіямъ, идущимъ изъ Берлина.

[1]) На безусловную необходимость покончить съ этимъ Обществомъ указано много въ изданіяхъ подъ заглавіемъ: Германскія звѣрства.—Петроградъ 1915. Стр. V и Французы о Нѣмцахъ стр. 246.

Напримѣръ, вопросъ о снабженіи электрическою энергіею какой нибудь фабрики въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ. зависѣлъ отъ разрѣшенія, даннаго въ Берлинѣ. Такое чудовищное положеніе дѣлъ, конечно, не должно быть терпимо, и слѣдуетъ надѣяться, что нынѣ при болѣе рѣшительной, чѣмъ прежде, борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ, это столь важное для народнаго хозяйства предпріятіе перестанетъ быть нѣмецкимъ, а навсегда будетъ русскимъ. Размноженію нѣмецкихъ фирмъ, столь во многихъ отношеніяхъ тревожному, въ значительной степени способствовали банки, въ которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, нѣмецкое и еврейское вліяніе проявляется въ весьма тревожныхъ размѣрахъ.

Настоящая война открыла многимъ довѣрчивымъ и недальнозоркимъ людямъ всю опасность переполненія рынка предметами нѣмецкаго производства. Технически прекрасно оборудованныя, руководимыя опытными и знающими свое дѣло директорами, нѣмецкія предпріятія являлись конкурентами, весьма опасными для всякихъ

мѣстныхъ начинаній. А кромѣ того нѣмцы, пользуясь широкою поддержкою нѣмецкой государственной казны, занимались не только исключительно тѣми или другими промышленными дѣлами, но попутно исполняли возложенныя на нихъ различныя порученія и были негласными агентами, или, говоря проще, шпіонами нѣмецкаго правительства. Много ихъ было и осталось у насъ на Руси. Полагаю, что ими были производимы взрывы боевыхъ снарядовъ въ мѣстахъ ихъ производства или доставки. Агенты нѣмецкіе, обладая удивительною изворотливостью, могутъ легко обманывать довѣрчивыхъ и добродушныхъ россіянъ. Страшиться намъ нужно нѣмцевъ. Нужно помнить, что всѣ они солидарны, и что въ стремленіи къ осуществленію полезныхъ для кайзера начинаній они способны на все. Для нихъ нѣтъ ничего святого. Ихъ нужно съ настойчивостью искоренять, а пока они еще не устранены, относиться къ нимъ съ самою зоркою предусмотрительною осторожностью.

Говоря о нравственномъ обликѣ германца, нельзя не припомнить, что писалъ о нихъ

Valerius Paterculus въ началѣ христіанской эры: «Характеръ германцевъ представляетъ собою ужасную смѣсь жестокости и плутовства. Этотъ народъ рожденъ для лжи». Невысокаго мнѣнія былъ о нихъ и Григорій Турскій, онъ говорилъ, что «германцы не имѣютъ уваженія къ клятвенному обѣщанію, не знаютъ состраданія къ побѣжденному, они не знаютъ совѣсти въ отношеніяхъ къ женщинамъ, дѣтямъ и слабымъ». Неутѣшительное мнѣніе о германцахъ встрѣчаемъ въ Аугсбургской лѣтописи 1117 года. «Германцами не соблюдаются ни Божій миръ, ни договоры, скрѣпленные клятвою». Весьма благодарный матеріалъ для оцѣнки нравственнаго облика германца находится въ замѣчательныхъ изреченіяхъ Великаго Фрица. Онъ говоритъ: «Не стѣсняйтесь вступать въ союзы, имѣя въ виду получить выгоду исключительно для себя. Не допускайте грубой ошибки не разрывать ихъ, когда того потребуетъ ваша польза» [1]).

[1]) B. François—Condamnés par eux-mêmes. Paris. Стр. 3.

«Весьма назидательны отмѣтки Великаго Фрица на книгѣ Тацита: «Не слѣдуетъ заключать союзовъ иначе какъ для того, чтобы сѣять вражду, начинать и поддерживать войну между моими сосѣдями. Всегда обѣщать помощь и никогда не давать ее». Весьма также назидателенъ совѣтъ того же Великаго Фрица: «Брать слѣдуетъ, когда можно, и не правъ бываешь лишь тогда, когда долженъ отдавать. Подъ политикой, продолжаетъ тотъ же авторъ, я разумѣю, что слѣдуетъ надувать другихъ, это единственный способъ получить выгоду». «Помните, продолжаетъ онъ, слѣдующее правило: обирать своихъ сосѣдей,—это значитъ лишать ихъ возможности вредить вамъ. Если выгодно быть честнымъ человѣкомъ, размышляетъ Великій Фрицъ, то мы будемъ имъ. Если выгоднѣе надувать, будемъ обманщикомъ». Говоря о маршалѣ Субизѣ, Великій Фрицъ промолвилъ: «у него 20 поваровъ и ни одного шпіона, а у меня 20 шпіоновъ и только одинъ поваръ». Это слово о шпіонахъ имѣетъ глубокій историческій смыслъ. И шпіонамъ суждено играть особенно въ послѣднее время выдающуюся роль.

Въ исторіи прусскаго шпіонажа занимаетъ видное мѣсто Стиберъ [1]), именуемый королемъ шпіоновъ, 29 лѣтъ онъ поступаетъ въ 1847 году директоромъ на фабрику братьевъ Шеффель. Въ короткое время онъ сумѣлъ завладѣть ихъ довѣріемъ. Вліяніе его на фабрикѣ растетъ съ каждымъ днемъ. Онъ выступаетъ другомъ рабочихъ. Онъ оплакиваетъ горькое положеніе пролетаріевъ, признаетъ себя соціалистомъ, и по христіанскимъ, и по политическимъ воззрѣніямъ. Онъ мечтаетъ о созданіи большой нѣмецкой республики и предсказываетъ зарю всеобщаго благополучія. Шеффель, увлеченный молодымъ директоромъ, предлагаетъ ему разъяснять рабочимъ весь вредъ военнаго и полицейскаго гнета и всю законность пролетарскихъ требованій. Въ 1848 году фабрика Шеффеля получаетъ значеніе крупнаго революціоннаго центра. Это одинъ изъ видныхъ очаговъ классовой борьбы и кромѣ того на фабрикѣ имѣется складъ оружія. И вдругъ по приказу изъ Берлина полиція

[1]) G. Lenotre—Prussiens d'hier. Стр. 79.

неожиданно является на фабрику, рабочихъ арестуетъ, одного изъ братьевъ Шеффеля сажаютъ въ крѣпость. Эдвига дочь его, влюбленная въ Стибера, убѣгаетъ съ нимъ, и тогда только убитые горемъ люди узнаютъ, что берлинскій адвокатъ Стиберъ былъ тайнымъ полицейскимъ агентомъ, проживавшимъ на фабрикѣ съ провокаціонною цѣлью. По прибытіи въ Берлинъ, Стиберъ проявилъ качества, которымъ могъ бы позавидовать самъ Азефъ,—съ одной стороны онъ выступалъ краснорѣчивымъ защитникомъ наиболѣе выдающихся политическихъ преступниковъ, а съ другой стороны онъ, пользуясь довѣріемъ своихъ кліентовъ, узнаетъ отъ нихъ всѣ свѣдѣнія о революціонныхъ организаціяхъ и въ величайшей подробности сообщаетъ ихъ тайной полиціи. Эту двойную роль онъ играетъ весьма искусно. На него смотрятъ въ полиціи, какъ на самаго искуснаго сыщика, а у революціонеровъ, какъ на героя пролетаріевъ. Свою роль онъ играетъ такъ ловко, что ему удается 20 Марта 1848 года убѣдить Фридриха Вильгельма проѣхать верхомъ среди бун-

тующей толпы по улицамъ Берлина. Когда въ одномъ мѣстѣ король нѣсколько смутился и поблѣднѣлъ, видя враждебное настроеніе толпы, поднятые кулаки и слыша дерзкіе крики, Стиберъ быстро подошелъ къ нему, какъ бы желая его оскорбить, и тихо сказалъ на ухо: «Не бойтесь, Государь, мои мѣры приняты, я распоряжусь ими». Трудно было играть двойную роль. Полиція захватила его съ поличнымъ, и онъ долженъ былъ бѣжать изъ Берлина, но король помнилъ его и не только простилъ, но даже назначилъ на видное мѣсто совѣтника полиціи. Чтобы обезпечить себѣ расположеніе монарха, онъ сумѣлъ окружить шпіонами всѣхъ членовъ королевской семьи и всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, и ежедневно представлялъ королю подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ. Вскорѣ онъ сдѣлался человѣкомъ, котораго заискивали и очень боялись. Послѣ 10 лѣтней усердной службы, онъ былъ оцѣненъ Бисмаркомъ, который, предвидя войну съ Австріей, послалъ Стибера въ Богемію подготовлять путь нѣмецкой арміи до Садовой, мѣста заранѣе назначеннаго для рѣ-

шительнаго боя. Стиберъ совершилъ это путешествіе, постоянно мѣняя свою профессію и платье. Онъ являлся то фотографомъ, то продавцомъ статуетокъ, крестиковъ, иконъ, и иногда и веселыхъ пѣсенъ. Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ онъ ходилъ изъ одной деревни въ другую, набиралъ агентовъ, собиралъ различныя справки и когда наконецъ, война была объявлена, Бисмаркъ назначилъ его начальникомъ полевой полиціи. Стиберъ блестяще оправдалъ довѣріе своего патрона. Движеніе арміи было по вражеской странѣ подготовлено замѣчательно хорошо. Въ каждой деревнѣ были заранѣе намѣчены дома для всѣхъ начальствующихъ лицъ. Агентъ Стибера, мѣстный крестьянинъ, обыкновенно очень хорошо подготовленный, сообщалъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о расположеніи австрійскихъ войскъ, о запасахъ провіанта и фуража. По окончаніи войны, Стиберъ былъ героемъ дня, Бисмаркъ и Мольтке осыпали его похвалами, и шпіонъ былъ назначенъ директоромъ полиціи. Предусмотрительный Бисмаркъ, въ виду воз-

можной войны съ Франціей, поручилъ Стиберу подготовить пути для вторженія нѣмецкихъ армій. Стиберъ потребовалъ увеличенія бюджета на 1.500.000 марокъ и неограниченнаго кредита. Во Францію онъ поѣхалъ одинъ, въ чемоданѣ у него была коллекція париковъ, бородъ и усовъ. Онъ обозрѣлъ своихъ 1850 шпіоновъ, собралъ всѣ необходимыя для него свѣдѣнія, устроилъ въ 14 департаментахъ, отдѣляющихъ Парижъ отъ границы, особыя конторы, начальники которыхъ имѣли своихъ корреспондентовъ въ Брюсселѣ, Лозаннѣ, Женевѣ и Берлинѣ. Все это Стиберъ продѣлалъ, не навлекая на себя подозрѣнія ни одного изъ префектовъ Французской Имперіи. По возвращеніи въ Берлинъ Стиберъ заказалъ своему правительству отъ 4.000 до 5.000 рабочихъ разныхъ наименованій: садовниковъ, винодѣловъ; отъ 7.000 до 9.000 женской прислуги для кофеенъ, ресторановъ, гостиницъ и пивныхъ, 700 отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ его агенты должны были размѣстить по разнымъ бюро; 46 молодыхъ хорошенькихъ нѣмокъ изъ Пруссіи, пред-

назначенныхъ для службы въ военныхъ собраніяхъ восточныхъ гарнизоновъ, и 200 приличныхъ дамъ и барышень на должности учительницъ и компаньонокъ въ семейные дома. Всѣмъ этимъ лицамъ было назначено приличное вознагражденіе, и всѣ они были на мѣстахъ во время выставки 1867 года. Въ это же время между каменьщиками, работавшими въ Мецской крѣпости, были обнаружены два мнимыхъ прусскихъ дезертира, и цѣлыя толпы художниковъ, рисовальщиковъ, акварелистовъ и фотографовъ странствовали въ Вогезахъ, а на берегахъ Сены и Мозеля появились многочисленные любители рыбной ловли. Весною 1870 года Стиберъ могъ доложить своему начальству, что пути, ведущіе во Францію, открыты. Съ самаго начала войны французскія арміи оказались опутанными сѣтью нѣмецкихъ шпіоновъ. Нѣмецкій генеральный штабъ былъ всегда освѣдомленъ о всѣхъ передвиженіяхъ французскихъ войскъ. Предательство и измѣна сопровождали всякое ихъ военное дѣйствіе. Стиберъ занялъ видное положеніе въ Версалѣ. Онъ созвалъ туда изъ департаментовъ,

занятыхъ нѣмцами, до 9.000 своихъ шпіоновъ. Въ городѣ Людовика XIV они громко привѣтствовали новаго Императора Германской Имперіи. Послѣ окончанія войны Стиберъ поселился въ Берлинѣ и прожилъ въ немъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1892 году. Желая нанести особый вредъ Франціи, онъ занялся возбужденіемъ недовольства среди рабочаго класса, распространеніемъ брошюръ и революціонныхъ изданій. Онъ старался черезъ своихъ агентовъ изыскивать способы къ ослабленію дисциплины во французской арміи. Дѣло, имъ начатое, не было оставлено послѣ его смерти. Въ 1893 году на секретные фонды, испрошенные генераломъ Каприви у рейхстага въ размѣрѣ 80.000 талеровъ, была напечатана надѣлавшая въ свое время много шума брошюра Менара. Содержаніе ея было весьма революціонное, направлена она была противъ военнаго вѣдомства и угрожала стачкой 100.000 желѣзнодорожныхъ рабочихъ на случай мобилизаціи французскаго войска. Въ публичномъ засѣданіи конгресса генеральный секретарь синдиката желѣзныхъ дорогъ доложилъ, что особая

комиссія признала эту брошюру полезной и соотвѣтствующей принципамъ синдикальной камеры. Наивные рабочіе не подозрѣвали, что эта брошюра была напечатана въ Германіи и прислана во Францію нѣмецкимъ консуломъ изъ Женевы.

Міровая война пробудила во Франціи благоразумную бдительность. Знакомство съ безчестными пріемами нѣмецкаго шпіонства открыло глаза слишкомъ довѣрчивымъ французамъ. Они знаютъ теперь, какъ искусно умѣютъ нѣмцы сѣять соціальныя распри, съ какимъ искусствомъ они устраиваютъ стачки. Такъ во время большой стачки, бывшей въ 1892 году въ Амьенѣ, оказалось, что изъ 32.000 франковъ, полученныхъ синдикатомъ въ теченіе первыхъ 10 дней послѣ начала стачки 25.000 франковъ были получены изъ Франкфурта, 3.100 франковъ изъ Цюриха, одного изъ крупныхъ центровъ нѣмецкаго шпіонажа и только 1.200 франковъ были собраны во Франціи. Это участіе тайной нѣмецкой полиціи въ устройствѣ международныхъ стачекъ удостовѣрено тогдашнимъ министромъ иностранныхъ

дѣлъ Девелемъ. Онъ говорилъ: «Въ этихъ международныхъ организаціяхъ происходятъ вещи весьма любопытныя, вызывающія особыя размышленія, а именно: всѣмъ канцеляріямъ извѣстно, что стачки поддерживаются нѣмецкими деньгами».

Между нѣмецкими учрежденіями, служащими цѣлямъ шпіонажа, особенно видное мѣсто занимаетъ агентство Шиммельпфенга. Прежде чѣмъ ознакомиться съ его организаціей, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Германія, расходуя на содержаніе своихъ шпіоновъ значительныя суммы, имѣетъ во всей странѣ отъ 20.000—25.000 агентовъ, на подготовку которыхъ германское правительство всегда обращало особое вниманіе [1]). Министръ внутреннихъ дѣлъ Путкаммеръ находилъ, что агенты, проживающіе постоянно на одномъ мѣстѣ, не должны ограничиваться полученіемъ одного лишь жалованія, необходимо брать съ нихъ обязательство заниматься

[1]) Jacques Dyssord—l'Espionnage allemand à l'oeuvre. Paris 1915.

Leon Daudet—L'Avant-guerre. Paris 1915.

Leon Daudet—Mesures d'après-guerre. Paris 1915.

какою либо торговлею, конечно, по ихъ выбору и вполнѣ соотвѣтствующей потребностямъ той или другой мѣстности. Лавка такого агента должна быть обставлена совершенно прилично. Агенты должны внушать довѣріе и пріобрѣтать его образомъ своей жизни. Они должны стараться создавать для себя извѣстное положеніе, выдавая въ потребныхъ случаяхъ пособія и стараясь приносить своею дѣятельностью пользу въ различныхъ обществахъ и союзахъ. Нужно, чтобы они были всюду хорошо принимаемы и пользовались общимъ уваженіемъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ всегда могъ освѣдомлять о всемъ, кого слѣдуетъ. Путткаммеръ хотя и признавалъ необходимость бережливаго отношенія къ фондамъ, но давалъ агентамъ шпіонамъ твердую надежду на то, что убытки, ими понесенные по торговымъ операціямъ, будутъ покрываемы пославшимъ ихъ правительствомъ.

Благодаря осуществленію на дѣлѣ системы прусскаго шпіонажа, Франція покрылась множествомъ нѣмецкихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, съ успѣхомъ

развивавшихъ свою дѣятельность, иногда въ ущербъ предпріятіямъ французскимъ. Правда, нерѣдко людямъ близко знакомымъ съ дѣломъ представлялось страннымъ несоотвѣтствіе размѣровъ предпріятія съ доходами, которые оно могло давать. Иногда казалось, что предпріятіе работаетъ въ ущербъ себѣ. Руководители ихъ умѣли во всѣхъ потребныхъ случаяхъ находить способы для того, чтобы усыплять подозрительное вниманіе мѣстныхъ жителей. Нѣмцы всегда были большими мастерами путемъ подкупа и подарковъ устранять невыгодное для нихъ осложненіе.

Обращаясь къ институту Шиммельпфенга, слѣдуетъ замѣтить, что съ его дѣятельностью весьма подробно знакомитъ въ своемъ трудѣ L'Avant-guerre Леонъ Додэ. Онъ пишетъ, что это учрежденіе собираетъ всѣ свѣдѣнія о дѣлахъ торговыхъ, промышленныхъ, финансовыхъ и военныхъ и даетъ возможность нѣмцамъ устраивать свои предпріятія тамъ, гдѣ это представляется для нихъ особенно выгоднымъ и особенно для Франціи нежелательнымъ. Предпріятіе это, покрывшее всю Францію сѣтью своихъ агентуръ,- суще-

ствуетъ уже болѣе 20 лѣтъ. Агентство начало свою дѣятельность разсылкою вопросныхъ листовъ лицамъ, занимающимся торговлею или промышленностью. Вопросные листы разсылались при письмахъ весьма любезныхъ, въ которыхъ агентство указывало на свое обязательство ограждать интересы лицъ ему довѣряющихъ, и всегда будетъ достойно ихъ довѣрія. Копіи съ этихъ свѣдѣній направлялись въ Берлинъ въ центральное управленіе.

Всякая отрасль торговли, промышленности, земледѣлія, равно разработка минъ и изученіе почвы были предметомъ весьма тщательнаго изслѣдованія, имѣвшаго цѣлью подробно описать:

1) Мѣсто, климатъ, пути сообщенія, населеніе, его денежныя средства, отношеніе туземцевъ къ иностранцамъ, положеніе депутатовъ, ихъ вліяніе.

2) Количество рабочихъ и служащихъ, потребныхъ для дѣла, ихъ трудоспособность и ихъ заработокъ.

3) Общую сумму издержекъ.

4) Способъ производствъ.

5) Размѣры производства, ежедневные, ежемѣсячные и годовые.

6) Сырье.

7) Фабричную марку и

8) Стоимость производства, продажныя цѣны и т. п.

Эти и имъ подобные вопросные листки, тысячами разсылаемые агентствомъ, сначала привели многихъ въ недоумѣніе. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ оставили листки безъ отвѣта, но большинство отвѣтило, видя въ этихъ вопросахъ возможность выгодной рекламы, а другіе побоялись своимъ молчаніемъ вызвать неодобрительный отзывъ агентства. На ряду съ вопросами исключительно коммерческаго или промышленнаго характера, агентство весьма усердно собирало и свѣдѣнія ничего общаго съ торговлею и промышленностью не имѣющія. Отвѣты по этимъ вопросамъ тщательно выдѣлялись особыми контролерами и посылались въ Берлинъ. Агентство весьма охотно давало своимъ кліентамъ свѣдѣнія, взимая обыкновенно по $3^1/_2$ франка за отвѣтъ, но съ нѣкоторыхъ кліентовъ, которые для агентства представля-

ются наиболѣе выгодными, взимали только одинъ франкъ 10 сантимовъ. Насколько дѣятельность агентства широко развилась во Франціи видно, напримѣръ, изъ того, что нѣкоторыя кредитныя учрежденія присылали одновременно по 10.000 запросовъ. Главная цѣль агентства заключалась въ томъ, чтобы сообщать торговымъ и промышленнымъ нѣмецкимъ учрежденіямъ свѣдѣнія, для нихъ необходимыя для того, чтобы съ наименьшими затратами и наименьшимъ рискомъ завладѣть французскимъ рынкомъ. Всѣ свѣдѣнія, собираемыя агентствомъ, распредѣлялись по городамъ и отличались такою полнотою и разнообразіемъ, что ни одно изъ французскихъ учрежденій не могло съ ними соперничать. Обладаніе этими данными должно было облегчать нѣмцамъ всѣ подготовительныя соображенія по продовольствію арміи на случай войны съ Франціей.

Разоблаченія Додэ особенно смутили благоразумныхъ французовъ потому, что нѣмцы сумѣли устроить агентство, которое, пользуясь свѣдѣніями, доставленными фран-

цузами, создало условіе благопріятное для завоеванія нѣмцами французскаго рынка и одновременно доставило много свѣдѣній, весьма цѣнныхъ для нѣмецкаго шпіонажа. Главная цѣль агентства такимъ образомъ была достигнута въ совершенствѣ; шпіонажъ былъ тщательно прикрытъ совершенно законною коммерческою сдѣлкою. Агентство Шиммельпфенга оказывало особую помощь Бауману, директору большой паровой мельницы въ Корбельи, снабжающей значительными запасами муки Парижъ. Нѣмецкое происхожденіе Баумана, весьма встревожило Акціонерное Общество Корбельскихъ мельницъ, и еврей Бауманъ смущенный этимъ, поспѣшилъ принять французское подданство, но поступокъ этотъ мало успокоилъ людей, стоящихъ на стражѣ огражденія жизненныхъ интересовъ Франціи. Они припомнили, что законъ Дельбрюка 1912 года, исходя изъ того основного положенія, semel germanus semper germanus, предоставляетъ право германскимъ подданнымъ, почему либо принявшимъ подданство въ иной странѣ, и впредь сохранять за собою подданство германское.

Благодаря неутомимой дѣятельности нѣмецкихъ торговыхъ агентовъ, многія нѣмецкія произведенія, какъ напримѣръ смазочныя масла, вытѣсняли продукты французскіе не только на той же мукомольной мельницѣ въ Корбельи, но даже по распоряженію военнаго министерства всѣ автомобили французской арміи должны были пользоваться исключительно масломъ нѣмецкимъ. (Sternoline-Ossag). Его предпочли многимъ французскимъ масламъ на конкурсѣ, въ которомъ принимали участіе 32 конкурента. Успѣху нѣмецкихъ предпріятій оказывалъ, конечно, сильную поддержку банкъ Швейцарско-Французскій, въ дѣйствительности являющійся послушнымъ органомъ нѣмецкаго банка.

Къ счастію для Франціи настоящая война открыла французамъ глаза. Корбельскія мельницы подверглись реквизиціи.

Нѣмцы, зная какое значеніе имѣетъ каменный уголь для крѣпостей, сумѣли добиться предоставленія нѣмецкимъ фирмамъ снабженія каменнымъ углемъ крѣпостей западной границы Франціи.

Додэ по этому поводу пишетъ: «Мнѣ сообщаютъ, что одинъ изъ хозяевъ фирмы Гансенъ и Неуербургъ, поставляющій каменный уголь въ французскіе форты на западной границѣ, состоитъ нѣмецкимъ консуломъ въ Шарлеруа. Это свѣдѣніе, конечно, требуетъ провѣрки, но если оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то окажется, что нѣмецкое оффиціальное лицо имѣетъ доступъ во Французскіе форта. Но и помимо этого самое разрѣшеніе военнымъ министерствомъ нѣмецкимъ фирмамъ быть поставщиками не только противорѣчитъ здравому смыслу и точному разуму дѣйствующихъ по сему вопросу постановленій, но является совершенно непонятнымъ, такъ какъ Франція сама обладаетъ каменнымъ углемъ, который разрабатывается въ сѣверныхъ департаментахъ и имѣется въ неразработанномъ видѣ во французской Лотарингіи. Не лишено значенія и то обстоятельство, что иностранный уголь, ввозимый во Францію, перевозился по тарифу его мѣстонахожденія, въ данномъ случаѣ, нѣмецкому, очень низкому. Цѣна нѣмецкаго угля оказывалась ниже французскаго, но дорого

обошлась Франціи эта скидка, особенно, если принять во вниманіе, что каменный уголь доставлялся нѣмецкими рабочими, выгружавшими его около фортовъ, доступъ на которые не дозволяется французскимъ гражданамъ».

Крайне удручающее впечатлѣніе произвела во Франціи исторія сооруженія военной желѣзной дороги въ Сатори, близъ Версаля, въ мѣстности, имѣющей такое исключительно важное значеніе среди Парижскихъ укрѣпленій. Всѣ крупныя работы по выемкѣ земли производились чудовищной машиной, сооруженной фирмой Коппель въ Шпандау. Всѣ части этой машины были доставлены въ большихъ ящикахъ прямо изъ Пруссіи. Нѣмецкіе рабочіе были выписаны во множествѣ на мѣсто сооруженія этой дороги. Они собрали эту черпательную машину и управляли ею. И все это происходило среди военнаго лагеря и укрѣпленій, обычно тщательно ограждаемыхъ отъ посѣщенія посторонними лицами. Эта Компанія Коппеля получила скоро во Франціи большую извѣстность. Ей удалось совершенно поглотить давнее пред-

пріятіе въ Корбелѣ, Общество Декoвиля, пользовавшееся прекрасною репутаціею и извѣстное сооруженіемъ узко-колейныхъ дорогъ. Это поглощеніе нѣмецкой фирмой стараго французскаго предпріятія произвело особенно тяжелое впечатлѣніе потому, что Морское Министерство, поручивъ въ 1903 году Обществу Оренштейна и Коппеля производство разныхъ работъ, должно было изъять эти работы у фирмы, такъ какъ обнаружило, что два инженера этой фирмы были прусскими офицерами. Дѣятельность этихъ господъ оказалась недопустимой. Они могли во всякое время, посѣщая Шербургъ, получать точныя свѣдѣнія о французскомъ флотѣ. Морское Министерство порвало контрактъ съ фирмой. Но Артуръ Коппель не сталъ унывать. Онъ поселился въ Лондонѣ, открылъ тамъ контору и добился разрѣшенія въ 1908 году возвратиться въ Корбель и продолжать прерванную на нѣкоторое время дѣятельность. Инженеръ Коппель обнаружилъ настойчивость, присущую нѣмцамъ въ осуществленіи намѣченныхъ ими цѣлей. Весьма поучительны происки нѣмцевъ, направленные къ устройству все-

возможныхъ предпріятій въ мѣстностяхъ, имѣющихъ стратегическое значеніе, или вблизи учрежденій, особенно необходимыхъ для военныхъ цѣлей. Такъ, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Компьена находится воздухоплавательный паркъ, гдѣ были сооружены различные дирижабли. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ парка были построены зданія промышленнаго Общества химическихъ продуктовъ, оказавшіяся отдѣленіемъ нѣмецкаго Общества Электрона. Директоромъ послѣдняго былъ нѣкто Строфъ, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ нѣсколькихъ Обществъ въ Дьюсбургѣ и Берлинѣ, сотрудниками его были различные нѣмцы. Такимъ образомъ важное для военныхъ цѣлей французское предпріятіе находилось въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нѣмецкимъ заводомъ, получившимъ разрѣшеніе снабжать кислородомъ воздухоплавательный паркъ. При такомъ сосѣдствѣ, нѣмцы получили возможность имѣть постоянное наблюденіе за дѣятельностью воздухоплавательнаго парка. Не знаешь чему дивиться близорукости ли францу-

зовъ или неудержимой настойчивости нѣмцевъ.

Извѣстная фирма Круппа, прикрываясь именемъ бельгійскаго Общества, сумѣла даже проникнуть въ Нормандію въ погонѣ за рудой, столь необходимой для Крупповскихъ заведеній въ Эссенѣ.

Общество лампы Осрама пріютилось въ Парижѣ близъ арсенала и усиленно добивалось разрѣшенія возвести одно очень высокое зданіе въ мѣстности, несомнѣнно имѣющей чрезвычайно важное стратегическое значеніе, Общество исключительно нѣмецкое, всецѣло зависящее отъ Берлина и до такой степени связанное съ нимъ, что даже всѣ мелкіе заказы обычно направляло въ Пруссію. Близость фабрики къ арсеналу давала возможность рабочимъ нѣмцамъ встрѣчаться въ кофейной съ рабочими арсенала и узнавать отъ нихъ многое для нѣмцевъ необходимое. Война помѣшала Обществу Осрама возвести столь для него желательное сооруженіе.

Крейль, важный желѣзнодородный узелъ, оказался переполненнымъ нѣмецкими пред-

пріятіями. Нѣмецкіе инженеры, мастера, рабочіе придавали Крейлю значеніе какого то нѣмецкаго промышленнаго центра. Между нѣмецкими предпріятіями особенно выдвигалась Всеобщая Электрическая Компанія, имѣющая руководителями нѣмцевъ Сименса и Шукерта. Фабрика оказалась расположенной такимъ образомъ, что нѣмецкіе рабочіе должны были по нѣскольку разъ въ день переходить черезъ рельсы желѣзнодорожныхъ путей. Администрація этого обширнаго предпріятія была поставлена въ ближайшую зависимость отъ главнаго управленія, находящагося въ Берлинѣ. Изъ Берлина исходили всѣ распоряженія, касающіяся личнаго состава крейльскаго предпріятія. Нѣмцы остаются вѣрными себѣ. Электрическое Общество 1886 года поставлено въ одинаковое условіе дѣятельности. Московское управленіе дѣлами этого общества всецѣло зависитъ отъ главной администраціи, пребывающей въ Берлинѣ. И такъ изъ Берлина исходятъ распоряженія, касающіяся предпріятій, оборудованныхъ нѣмцами въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ

Россіи и Франціи. Можно съ увѣренностью сказать, что не разразись надъ міромъ переживаемая нами великая міровая война, нѣмцы сумѣли бы въ теченіе какихъ либо 15—20 лѣтъ такъ далеко зайти по пути мірнаго завоеванія культурныхъ странъ стараго свѣта, что искорененіе ихъ представило бы конечно несравненно большее затрудненіе, чѣмъ въ настоящее время. Труды французскихъ авторовъ, посвященныхъ настоящему вопросу, изобилуютъ множествомъ примѣровъ наглости и цинизма нѣмцевъ при устройствѣ ими въ чужой странѣ своихъ предпріятій и осуществленіи своихъ шпіонскихъ начинаній. Такъ, незадолго до начала войны жители деревень близъ одного изъ фортовъ на западной границѣ были весьма удивлены тѣмъ, что хлѣбъ въ этотъ фортъ ежедневно былъ приносимъ молодымъ человѣкомъ не французскаго происхожденія. Мѣстнымъ жителямъ французамъ входъ въ укрѣпленіе былъ безусловно запрещенъ, а нѣмецъ, весьма скромно носившій хлѣбъ, имѣлъ туда ежедневный доступъ.

Дуэ, имѣвшій особенно важное стратегическое значеніе близъ границы Бельгіи, былъ переполненъ нѣмецкими шпіонами.

А съ какою предусмотрительностью нѣмцы помогли Фридерику Круппу пріобрѣсти участокъ земли въ 6 километровъ отъ крѣпости Мобежа. Въ 1911 году близъ этой крѣпости продавался участокъ земли. Этотъ участокъ былъ пріобрѣтенъ на имя одного Брюссельскаго жителя, въ дѣйствительности же онъ оказался купленнымъ Круппомъ, который объявилъ, что намѣренъ немедленно приступить къ устройству большого завода для постройки локомотивовъ. Быстро закипѣла работа, нѣмецкіе каменьщики возводили сооруженія, весьма удивлявшія мѣстныхъ жителей. Между постройками оказались прекрасно оборудованныя бетонныя платформы со всѣми необходимыми приспособленіями для тяжелыхъ дальнобойныхъ орудій, которыя по доставкѣ ихъ на мѣсто немедленно начали обстрѣлъ Мобежа разрушительными снарядами. Не то было при осадѣ Парижа 1870—1871 года, тогда Крупповскія орудія были въ концѣ ноября доставлены на

фортъ Шателенъ, а заговорить онѣ могли только въ началѣ Января—около 1½ мѣсяцевъ потребовалось для сооруженія платформъ.

Какъ на образецъ удивительной организаціи нѣмецкаго шпіонажа можно указать на исторію съ однимъ французскимъ офицеромъ. Состоя на службѣ въ Нанси, онъ получилъ приказаніе ознакомиться съ ходомъ работъ по сооруженію одной крѣпости на берегахъ Рейна. Онъ оставляетъ во Франціи жену и маленькую больную дочь. Черезъ Швейцарію направляется въ Германію. Имѣя надлежащія бумаги, въ совершенствѣ владѣя нѣмецкимъ языкомъ, онъ поступаетъ рабочимъ на фабрику близъ сооружаемой крѣпости; въ продолженіе 11 мѣсяцевъ онъ исполняетъ самыя тяжелыя работы, съ семьей не переписывается и даже не подходитъ къ крѣпости и старается только осторожно собирать интересующія его свѣдѣнія, наблюдаетъ и дѣлаетъ замѣтки.

Однажды хозяинъ фабрики приглашаетъ его къ себѣ, запираетъ дверь на ключъ, кладетъ револьверъ на столъ, пристально на него глядитъ и говоритъ ему: «вы

не Гансъ Веберъ, вы французскій офицеръ и принадлежите къ такому то корпусу.

— Я не понимаю васъ, вотъ мои документы, вы ошибаетесь.

— Я ошибаюсь и вы не капитанъ Х? И вы не жили въ Нанси? И вы не выѣхали изъ Франціи, направляясь въ Базель?

— Вы ошибаетесь, меня зовутъ Гансъ Веберъ и я пріѣхалъ изъ Гановера.

— Вы пріѣхали изъ Гановера! Хорошо. А я капитанъ Х. объявляю вамъ, что ваша маленькая дочь, которую вы оставили въ Нанси больною, умерла въ Январѣ, черезъ два мѣсяца послѣ вашего отъѣзда.

Французскій офицеръ покойно, не моргнувъ глазами, выдержалъ упорный взоръ своего патрона.

— Маленькая дочь? У меня? Я увѣряю васъ ничего не понимаю. У меня никогда не было маленькой дочери.

Тогда—патронъ поднимается, ударяетъ по плечу капитана Х. и, вынимая изъ кармана портсигаръ съ папиросами, тихо говоритъ ему «Браво, милый мой, я полковникъ Х. и на-

хожусь здѣсь уже 4 года. А ваша дочка, долженъ сказать вамъ, чувствуетъ себя прекрасно.

Описанію геніальной изобрѣтательности нѣмцевъ въ устройствѣ шпіонажа можно посвятить цѣлые трактаты, но и имѣющихся свѣдѣній достаточно, чтобы понимать насколько правительство, общественныя учрежденія и частныя лица должны быть осмотрительны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ хотя бы отдаленная возможность встрѣтиться съ нѣмецкими происками или вліяніями. Нѣмцы, считая себя гражданами сверхъ-государства, призваннаго, по мнѣнію ихъ, подчинить своему вліянію государства и народы всего міра, признаютъ себя внѣ всякихъ законовъ и при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлаютъ то, что находятъ полезнымъ для осуществленія своей завѣтной мечты. «Германія превыше всего». Германія страна высокой культуры, она лишь одна, обладая законченной организаціей своего государственнаго и общественнаго строя, должна подчинить себѣ весь міръ. Въ устахъ кайзера и его ближайшихъ единомышленниковъ эта миссія получаетъ какой

то особый сакраментальный характеръ. Кайзеръ безумно вѣщаетъ, что Богъ призвалъ его на это дѣло. Но какими же средствами, какими путями осуществляется это великое посланничество? Не начинаніями, направленными къ обновленію государственнаго и общественнаго строя на началахъ разумной свободы, законности и справедливости, а попраніемъ всѣхъ основныхъ началъ христіанской культуры, варварствомъ, облеченнымъ въ научную систему. Союзныя державы вступились за поруганныя нѣмцами права всего человѣчества, онѣ грозно и властно заявляютъ кайзеру, что не потерпятъ болѣе господства прусскаго милитаризма, вовлекшаго страны всего міра въ разорительное приготовленіе къ войнѣ и вызвавшаго войну, своими чудовищными размѣрами превзошедшую войны, когда либо бывшія на землѣ. Не иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго отвращенія всякій не германецъ смотритъ на нѣмецкое шпіонство, этотъ позоръ человѣчества въ XX столѣтіи, на злоупотребленія нѣмцами довѣріемъ и терпѣніемъ ихъ сосѣдей. Германія должна знать, что

шпіонажъ, покрывавшій своими сѣтями цѣлыя страны, не можетъ быть терпимъ въ государствахъ, связанныхъ узами взаимнаго уваженія и довѣрія. Эти гнѣзда продажныхъ нѣмецкихъ агентовъ, живущихъ подкупами и обманами, не должны существовать. Они вносятъ разстройства въ здоровую жизнь общественнаго организма подобно тому, какъ помойныя ямы отравляютъ воздухъ. Нѣмецкіе шпіоны являются грозной опасностью для страны, когда они, особенно въ дни войны, пользуясь сонливою халатностью властей и гражданъ, могутъ вызывать великія бѣдствія взрывами пороховыхъ складовъ, фабрикъ, изготовляющихъ снаряды, поѣздовъ и пароходовъ, нагруженныхъ ими, а въ мирное время эти продажные нѣмецкіе агенты стараются сѣять религіозную и соціальную рознь въ государствахъ, мирное теченіе жизни которыхъ не по сердцу нѣмецкому владыкѣ. Его средствами снабженные миссіонеры баптизма были направляемы въ Россію для того, чтобы поколебать твердость православной вѣры, нравственной основы величія нашей родины. Проповѣдь гражданской войны,

возстановленіе однихъ классовъ противъ другихъ, устройство стачекъ — все это творится агентами кайзера. У всѣхъ на памяти броженіе между рабочими и стачки въ Петроградѣ незадолго до начала войны. Странныя, для многихъ совершенно непонятныя явленія въ женскихъ мастерскихъ петроградскихъ фабрикъ, по мнѣнію многихъ, явились дѣломъ рукъ нѣмецкихъ шпіоновъ. Правительства всѣхъ странъ обязаны принять всѣ мѣры къ устраненію впредь тайной и недопустимой въ благоустроенной странѣ дѣятельности этихъ преступныхъ заговорщиковъ. Само законодательство должно создать нормы, устраняющія шпіонажъ и строго карающія шпіоновъ. Покойная трудовая жизнь въ странѣ становится невозможною, когда воздухъ пропитанъ ядомъ шпіонажа. Онъ порождаетъ ту болѣзненную подозрительность, которая положительно портитъ жизнь людей. Если со стороны всѣхъ государствъ, воюющихъ съ Германіей, послѣдуетъ не только теоретическое осужденіе шпіонажа, но и единодушіе въ искорененіи его, то Германія пойметъ, что все человѣ-

чество единодушно осудило шпіонажъ и будетъ считаться съ твердымъ намѣреніемъ всѣхъ навсегда покончить съ нимъ.

Германія не постыдилась даже злоупотреблять правомъ внѣземельности, устраивая въ домахъ своихъ посольствъ, какъ то было въ Бухарестѣ, склады взрывчатыхъ веществъ и притомъ въ количествѣ, достаточномъ для разрушенія цѣлаго города.

Германія, какъ выше было указано, съ полнымъ презрѣніемъ относится къ силѣ договоровъ, утвержденныхъ при ея согласіи. Нарушеніе бельгійской неприкосновенности было встрѣчено взрывомъ всеобщаго негодованія и заставило Англію стряхнуть съ себя традиціонное миролюбіе и воевать съ Германіей въ защиту попранной національной чести.

Германія въ противность не только постановленіямъ Гаагской конвенціи, но и самымъ основнымъ началамъ справедливости и человѣколюбія, насильственно высылаетъ рабочихъ изъ завоеванныхъ ею странъ на работу въ Германіи. И въ Бельгіи, и въ Польшѣ нѣмцы позволяли себѣ эти возму-

тительныя надъ свободными людьми насилія. Забывъ многовѣковую практику европейскихъ войнъ, они въ XX вѣкѣ смотрятъ на мирное населеніе завоеванныхъ ими странъ какъ на рабовъ, судьба которыхъ всецѣло зависитъ отъ капризной воли завоевателей. А на праздникъ Пасхи они не постыдились даже самымъ безпощаднымъ образомъ распорядиться судьбою части женскаго населенія города Лилля во Франціи. При произвольной высылкѣ изъ Бельгіи мирнаго населенія, нѣмцы безжалостно разлучали членовъ семьи, однихъ направляли въ одни мѣста, другихъ въ другія. Писать ли о всѣхъ ужасахъ, которымъ такъ давно подвергаются наши многострадальные плѣнные. Народъ русскій по природѣ добрый и прощающій, по заповѣди евангельской, личныя обиды врагамъ, и самъ полный милосердія къ плѣннымъ нѣмцамъ и австрійцамъ, не сумѣетъ забыть и простить нѣмцамъ всѣ злодѣянія и преступленія, совершенныя ими надъ изнемогающими отъ голода русскими плѣнными. А провозглашеніе независимости Польскаго государства, предпринятое ради того, чтобы

польскими новобранцами пополнить порѣдѣвшіе ряды германской арміи, развѣ не свидѣтельствуетъ о нарушеніи нѣмцами одного изъ существенныхъ законовъ военнаго времени, воспрещающаго вооружать противъ непріятельской страны ея же гражданъ, находящихся въ завоеванной непріятелемъ территоріи. И какой пріемъ, недостойный великихъ державъ, прикрывать произвольное и незаконное распоряженіе провозглашеніемъ королевства, границы коего оказываются еще неопредѣленными, королевства, въ дѣйствительное существованіе котораго никто пока не вѣритъ. Германія и Австрія хотѣли, конечно, этимъ провозглашеніемъ нанести тяжелый ударъ Россіи. Но и въ данномъ случаѣ нѣмцы оказались плохими психологами. Распоряженіе, ими сдѣланное, никого не удовлетворило и менѣе всего тѣхъ, которыхъ они хотѣли облагодѣтельствовать. Жители Царства Польскаго, вѣря воззванію Великаго Князя Николая Николаевича, надѣялись дожить до объединенія всѣхъ польскихъ земель и, конечно, ихъ не могло удовлетворить искусственное измышленіе нѣмецкихъ политиковъ,

продолжающихъ попрежнему угнетать поляковъ въ Познани. Не время теперь предрѣшать вопросы о будущемъ государственномъ строѣ объединенныхъ польскихъ земель, но великая міровая война должна бы, по моему глубокому убѣжденію, привести къ учрежденію Польскаго Королевства въ этнографическихъ границахъ. Единой, недѣлимой Россіи не нужны польскія земли. Для обезпеченія въ будущемъ мирнаго сожительства и готовности всегда дать общими силами отпоръ нѣмцамъ, Россіи и Польшѣ нужно мирно размежеваться; чужія земли Россіи не нужны, но и своихъ никому не должна она уступать. Нестоятоятельность послѣдняго нѣмецкаго распоряженія свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи нѣмцами польскаго вопроса. Поляковъ нѣмцы не только не удовлетворили, но еще болѣе возстановили противъ себя. Поляки, да и вообще всѣ, и союзныя и нейтральныя державы, отлично поняли, что нѣмцы, заигрывая неумѣлою рукою съ поляками и думая нанести тяжелый ударъ Россіи, въ дѣйствительности же имѣли преимущественно въ виду пополнить свои обез-

людившіе полки польскими новобранцами. Сознательно подготовляя братоубійственное столкновеніе между поляками, служащими въ нѣмецкихъ войскахъ, и поляками, находящимися въ рядахъ русской арміи, нѣмцы передъ лицомъ всего міра показали до какой степени у нихъ извращены самыя основныя понятія объ общечеловѣческой, а тѣмъ болѣе о христіанской нравственности. Отуманенные идеею своего сверхчеловѣческаго величія, они считаютъ себя въ правѣ дѣлать все, что имъ подскажетъ ихъ злоба, воспитанная философіею Ницше и прусскимъ милитаризмомъ.

Безчисленныя преступленія противъ жизни, здоровья, чести и собственности беззащитныхъ людей въ Бельгіи не должны быть забыты. Истекающая кровью Бельгія должна знать, что ея готовность всѣмъ жертвовать для спасенія чести родной земли нашла справедливую оцѣнку и въ Россіи.

Разсказъ о нѣмецкихъ звѣрствахъ въ Бельгіи имѣетъ цѣлью собрать по возможности всѣ почерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ свѣдѣнія объ ужасахъ нѣмецкаго на-

шествія [1]). Отдѣльныя свѣдѣнія, почерпаемыя изъ газетныхъ статей, легко могутъ забываться, и потому не безполезно собрать возможно болѣе точныхъ данныхъ о жестокости нѣмцевъ и о перенесенныхъ бельгійскимъ народомъ тяжкихъ страданіяхъ, не поколебавшихъ у этого героическаго народа вѣры въ торжество правды и справедливости надъ дикимъ произволомъ и нечеловѣческимъ варварствомъ полчищъ когда то культурнаго германскаго народа [1]).

Время событій, упоминаемыхъ въ настоящей книгѣ, указано по новому стилю.

Село Богословское
Тульской губерніи.
2 ноября 1916 г.

---

[1]) Въ книгахъ подъ заглавіемъ: Германскія звѣрства (Петроградъ 1915) и Французы о Нѣмцахъ (Петроградъ 1916) сообщены свѣдѣнія о законѣ Дельбрюка о двойномъ подданствѣ, о развитіи пангерманской идеи, о вліяніи Ницше на міровоззрѣніе современныхъ нѣмцевъ, о нѣмецкомъ шпіонажѣ и о разгромѣ бельгійскихъ городовъ Малина, Ипра и Ньюпорта.

ГЛАВА I.

1. Отношенія Бельгіи къ Германіи. Нейтралитетъ Бельгіи. Переговоры съ германскимъ правительствомъ.

Кровавая расправа тевтонскихъ полчищъ съ Бельгіею, неприкосновенность территоріи которой была освящена торжественнымъ договоромъ державъ-поручительницъ, составитъ одну изъ позорныхъ страницъ исторіи человѣчества.

Цвѣтущая страна, достигшая рѣдкаго благоустройства, опустошена[1]). Храмы—рѣдкіе памятники искусства, историческія зданія, музеи,

---

[1]) Grimauty—Six mois de Guerre en Belgique par un soldat Belge. Août 1914—Février 1915. Paris 1915.

Emile Waxweiler—La Belgique neutre et loyale. Paris 1915.

Jacques de Dampierre—L'Allemagne et le droit des gens. Paris 1915.

Collected Diplomatic Documents relating to the Outbreak of the European War. London 1915.

L. H. Grondijs—Les Allemands en Belgique. Paris 1915.

библіотеки, хранившія вѣковыя сокровища науки и литературы, разрушены. Тысячи людей разстрѣляны, искалѣчены, опозорены, разорены. Убійства, чудовищныя насилія совершены надъ беззащитными людьми. Цѣлые города, богатыя селенія, красивые замки, хутора безпощадно сожжены.

Правдивую повѣсть объ ужасахъ нѣмецкаго нашествія разсказываетъ въ своей книгѣ извѣстный бельгійскій публицистъ, издатель льежской газеты «Депеша», Сомвиль [1]). Затѣмъ весьма много подробныхъ свѣдѣній о злодѣяніяхъ нѣмцевъ въ Бельгіи сообщаетъ Нотомбъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: Варвары въ Бельгіи [2]). Книга

---

[1]) Gustave Somville—Vers Liége—Le chemin du crime. Paris 1915.

[2]) Pierre Nothomb—Les Barbares en Belgique. Paris 1915.

General von Bernhardi—La guerre d'aujourd'hui traduit de l'allemand par M. Etard. Paris 1913.

D-r Gustave Le Bon—Enseignements Psychologiques de la guerre Européenne. Paris 1916.

L. Dumons—Wilden—Villes Meurtries de Belgique, Bruxelles et Louvain. Bruxelles et Paris. 1916.

Emile Verhaeren—Villes Meurtries de Belgique, Anvers, Malines et Lierre. Bruxelles et Paris. 1916.

Сомвиля содержитъ много цѣнныхъ данныхъ, тщательно и съ полнымъ безпристрастіемъ собранныхъ авторомъ. Онъ имѣлъ подъ руками офиціальные отчеты правительственной комиссіи по изслѣдованію нѣмецкихъ звѣрствъ. Какъ мѣстный житель, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, онъ не спѣша собиралъ свѣдѣнія и внимательно провѣрялъ ихъ, устраняя всякіе сомнительные, непровѣренные слухи. Отбрасывая голословныя показанія, онъ старался излагать событія совершенно объективно и писать такъ, чтобы факты, имъ удостовѣренные, могли быть провѣрены тѣми, которые будутъ сомнѣваться въ правдивости его изложенія.

Alexander Powell—La guerre en Flandres. Paris 1915. Traduit de l'anglais par Gérard Harry.

Charles Le Goffic—Dixmude. Paris 1915.

Henri Malo—Le drame des Flandres. Paris 1916.

Claude Prieur—De Dixmude à Nieuport. Paris 1916.

Maurice Muret—L'orgueil allemand. Paris 1915.

Rapports et procès-verbaux d'enquête de la Commission instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation du droit des gens I, II, III—IV. Paris 1915. 1916.

Documents Diplomatiques—1914. La guerre européenne. Paris.

Съ Сомвилемъ я имѣлъ случай познакомиться, когда въ сентябрѣ 1906 года былъ въ Льежѣ. Изучая устройство крестьянскихъ союзовъ въ Бельгіи, я пользовался свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Сомвилемъ. Въ концѣ прошлаго и особенно въ началѣ нынѣшняго столѣтія крестьянскіе союзы и Рейфейзенскія ссудо-сберегательныя кассы получили въ Бельгіи широкое развитіе и вмѣстѣ съ кооперативными учрежденіями много способствовали поднятію уровня матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія населенія. Небольшая страна, обладающая хорошимъ правительствомъ, достигла высокаго совершенства въ правильной организаціи различныхъ отраслей производительнаго труда. Во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности: въ промышленности, торговлѣ, политикѣ, литературѣ, искусствѣ и въ наукахъ Бельгія заняла одно изъ видныхъ мѣстъ между культурными странами. Лувэнскій и другіе университеты, общеобразовательныя техническія учебныя заведенія подготовляли молодыхъ людей къ различнымъ отраслямъ дѣятельности и давали странѣ высокопросвѣщенныхъ людей, имена которыхъ пріобрѣтали широкую извѣстность.

Благодаря содѣйствію Сомвиля, я имѣлъ случай посѣтить Льежскую духовную семинарію. Одинъ изъ профессоровъ, указывая мнѣ на вереницы семинаристовъ, молча или съ книгами въ рукахъ гулявшихъ въ саду, сказалъ мнѣ: «Вотъ наша надежда».

«Это сосредоточенное, трудящееся юношество готовитъ себя къ великому соціальному служенію».

«Наши семинаристы прекрасно понимаютъ, что для вліянія на народъ необходимо пройти школу дисциплинированнаго труда. Здѣсь, въ этой атмосферѣ труда и молитвы, они запасаются силами для того, чтобы вести народъ по пути христіанской культуры. Бельгійское духовенство, чутко прислушиваясь къ требованіямъ времени, съумѣло поставить себя въ исключительно хорошее отношеніе къ народу». Вильгельмова рать, какъ увидимъ дальше, отлично поняла это и съ особенной жестокостью набросилась на бельгійское духовенство. Но убійцы не съумѣютъ сокрушить вѣры бельгійскаго народа въ торжество правды. Этотъ мученикъ-народъ, видя въ своемъ королѣ Альбертѣ живое воплощеніе лучшихъ добродѣтелей человѣка и семьянина, воспи-

танъ въ уваженіи къ закону, и свободу свою и родной земли съумѣетъ спасти отъ гнета тевтонскихъ хищниковъ. Невольно приходятъ на память слова извѣстнаго профессора Деплуажа «Фландрія не спитъ, Фландрія бодрствуетъ! Она бодрствуетъ близъ своихъ алтарей, которые вы хотите обезславить, она бодрствуетъ близъ своихъ очаговъ, которыя вы хотите осквернить, она бодрствуетъ, охраняя свою свободу, которую вы хотите уничтожить».

Тяжело подумать, что героическая многострадальная Бельгія уже болѣе двухъ лѣтъ стонетъ подъ гнетомъ нѣмецкихъ насильниковъ. Истребивъ огнемъ и мечомъ много цвѣтущихъ городовъ и селъ, нѣмцы безжалостно разоряютъ завоеванный край.

Въ нарушеніе основныхъ началъ международнаго права, они произвольно взыскиваютъ съ городовъ непомѣрныя контрибуціи, вывозятъ за предѣлы страны рельсы и подвижные составы желѣзныхъ дорогъ, насильственно вывозятъ въ Германію на тяжкія работы тысячи свободныхъ людей, обрекая ихъ, словно рабовъ, на принудительный трудъ при плохомъ питаніи. Деспотически и жестоко подавляютъ проявленіе

всякаго національнаго чувства. Съ отвращеніемъ и негодованіемъ всматриваясь въ эти чудовищныя явленія, остается только дивиться, какимъ образомъ Германія, опозорившая себя варварствомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ подвиги сподвижниковъ Аттилы, смѣетъ считать себя призванной къ гегемоніи надъ всѣмъ культурнымъ міромъ.

Отношенія Германіи къ Бельгіи до самаго нашествія отличались дружескимъ характеромъ.

Сама граница между двумя странами почти не существовала. Нѣмцы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе распространялись и умножались въ Бельгіи. Заводили свои промышленныя и торговыя предпріятія, поступали конторщиками и служащими въ торговые дома. Особенно привлекалъ ихъ къ себѣ Антверпенъ. Довѣрчивые бельгійцы не безъ удивленія узнали послѣ начала военныхъ дѣйствій въ мундирахъ офицеровъ и солдатъ своихъ старыхъ знакомыхъ, безсовѣстно злоупотребившихъ довѣріемъ учрежденій и фирмъ, въ которыхъ служили.

Проживая въ Бельгіи, они собирали всѣ свѣдѣнія, которыми предательски воспользовались при разгромѣ страны.

Эти дружелюбныя отношенія между двумя народами нашли себя отголосокъ и въ отношеніяхъ, установившихся между главами государствъ.

Такъ, когда послѣ смерти короля Леопольда II-го, его преемникъ король Альбертъ, женатый на принцессѣ Баварской Елизаветѣ, посѣтилъ въ Іюнѣ 1910 года Берлинъ, то кронпринцъ привѣтствовалъ королевскую чету отъ имени кайзера и выражалъ ей лучшія пожеланія славнаго царствованія на благо счастливой Бельгіи. Король Альбертъ, отвѣчая кронпринцу, сказалъ, между прочимъ, что его пожеланія найдутъ въ Бельгіи радостный отголосокъ, такъ какъ бельгійцы питаютъ къ нѣмецкому народу дѣйствительную дружбу, непрерывно развивающуюся съ первыхъ дней независимости Бельгіи.

Въ Октябрѣ того же 1910 года кайзеръ съ супругою посѣтилъ Брюссель. Король Альбертъ за обѣдомъ произнесъ тостъ, въ которомъ выразилъ между прочимъ желаніе народа бельгійскаго, чтобы дружба, существующая между царствующими домами, упрочила дружескія отношенія между обоими народами. Кайзеръ,

благодаря короля и бельгійскій народъ за торжественный и радушный пріемъ, указалъ на то, что Германія вмѣстѣ съ нимъ съ особымъ сочувствіемъ замѣчаетъ, какъ великъ успѣхъ бельгійскаго народа въ области торговли и промышленности.

Добрыя отношенія, установившіяся между Германіею и Бельгіею, отнюдь не препятствовали упроченію согласія между Бельгіею и Франціею во всѣхъ вопросахъ экономическаго и политическаго строя.

Вопросъ о соблюденіи нейтралитета былъ, конечно, предметомъ особой заботы бельгійскихъ государственныхъ людей, и со стороны Германіи неоднократно дѣлались увѣренія, долженствующія устранить всякія опасенія бельгійскаго народа. Во время франко-прусской войны 1870 года нейтралитетъ Бельгіи не былъ нарушенъ, и Бисмаркъ въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 2-го Мая 1871 года, весьма опредѣленно высказалъ ту мысль, что въ Германіи привыкли по отношенію къ Бельгіи уважать трактаты и нейтралитетъ. Въ 1911 году Бетманъ-Гольвегъ весьма опредѣленно заявилъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ, что Гер-

манія не намѣрена нарушать нейтралитетъ Бельгіи (Зеленая книга № 12).

Въ 1913 году въ Бюджетной Комиссіи эта мысль была выражена еще съ большей опредѣленностью. На заявленіе одного члена соціалъ-демократической партіи о томъ, что въ Бельгіи начинаютъ опасаться возможности англо-прусской войны и боятся, что Германія не будетъ уважать нейтралитетъ Бельгіи, Статсъ-Секретарь по министерству иностранныхъ дѣлъ Яговъ весьма опредѣленно возразилъ по этому поводу: «нейтралитетъ Бельгіи покоится на международныхъ соглашеніяхъ и Германія намѣрена уважать эти соглашенія». Это воззрѣніе настолько упрочилось во всеобщемъ сознаніи, что бельгійскій министръ баронъ Вальвицъ заявилъ въ 1905 году на торжественномъ банкетѣ въ Антверпенѣ по случаю 74 юбилея національной независимости Бельгіи, что уваженіе къ ея нейтралитету есть, какъ бы, политическая аксіома для Германіи.

Если съ одной стороны на нейтралитетъ смотрѣли какъ на незыблемое начало государственнаго бытія Бельгіи, то съ другой—начинали высказываться мнѣнія иного свойства. Такъ, ко-

роль румынскій Карлъ весьма внушительно замѣтилъ, что чудо 1870 года вновь не повторится и что нейтралитетъ Бельгіи подвергается опасности быть нарушеннымъ со стороны трехъ сосѣдей этой державы.

Еще болѣе тревожное значеніе имѣли воззрѣнія извѣстнаго нѣмецкаго военнаго писателя генерала фонъ Бернгарди. Въ своемъ трудѣ «Германія и ближайшая война», изданномъ въ концѣ 1911 года, онъ пишетъ: ученіе о постоянномъ нейтралитетѣ состоитъ въ полномъ противорѣчіи съ самимъ существомъ государства, которое не можетъ достигнуть осуществленія главныхъ задачъ своего бытія безъ соперничества съ другими государствами (5 глава стр. 120). Далѣе онъ продолжаетъ, что въ Бельгіи и Голландіи нѣтъ никакой естественной преграды, никакой крѣпости, которая бы останавливала нашествіе врага, а что нейтралитетъ представляется только бумажной преградой.

Король Альбертъ съ самаго восшествія на престолъ, несмотря на все свое миролюбіе, вѣрно понималъ необходимость принимать всѣ мѣры, потребныя для огражденія полной неприкосновенности Бельгіи, и въ 1913 году былъ окон-

чательно рѣшенъ вопросъ о коренномъ преобразованіи всей арміи.

Въ Ноябрѣ 1913 года король Альбертъ ѣздилъ въ Потсдамъ на полковой праздникъ своего гренадерскаго полка. Кайзеръ принялъ его весьма любезно и очень откровенно сообщилъ ему, что ему становится трудно избѣжать войны съ Франціею, не понимающей его миролюбиваго настроенія, печать же французская проявляетъ все болѣе и болѣе враждебныя настроенія; на случай же войны кайзеръ нисколько не сомнѣвается въ побѣдѣ нѣмецкой арміи. Разставаясь съ королемъ, онъ пригласилъ его пріѣхать 17 Сентября 1914 года на маневры въ окрестностяхъ Кельна.

Всѣмъ памятно съ какою стихійною быстротою развивались политическія событія въ послѣднихъ числахъ Іюля 1914 года. 29 Іюля бельгійское правительство признало необходимымъ принять нѣкоторыя мѣры къ приведенію войска на военное положеніе, а 31 Іюля французскій посланникъ заявилъ министру иностранныхъ дѣлъ Давиньону (Сѣрая книга № 9): «никакое вторженіе французскихъ войскъ не будетъ сдѣлано въ Бельгію, даже если значитель-

ныя военныя части будутъ находиться на ея границѣ; Франція не желаетъ принимать на себя отвѣтственности перваго враждебнаго акта по отношенію къ Бельгіи». Бельгійскій министръ на это отвѣтилъ: «мы всегда имѣли глубокое довѣріе къ полной добросовѣстности нашихъ обоихъ сосѣднихъ государствъ къ исполненію ихъ обязанностей по отношенію къ намъ, мы надѣемся, что германское правительство будетъ относиться къ намъ точно такъ же, какъ и французское».

Того же 31 Іюля англійскій посолъ сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ (Сѣрая книга № 11), что Англія надѣется, что Бельгія будетъ защищать свой нейтралитетъ до послѣдней крайности, что она одновременно съ симъ послала запросъ Германіи и Франціи, намѣрены ли онѣ уважать нейтралитетъ Бельгіи, пока какая либо другая держава не нарушила его. Бельгійскій министръ отвѣтилъ, что военныя силы Бельгіи, за послѣднее время значительно увеличенныя, будутъ настойчиво защищать страну въ случаѣ нарушенія ея неприкосновенности.

31 Іюля состоялся указъ о мобилизаціи бельгійской арміи. Министерство по поводу

этого указа сообщило циркулярно посламъ, что это мѣропріятіе было осуществлено исключительно, дабы Бельгія могла исполнить свои международныя обязанности, оно было осуществлено отнюдь не для того, чтобы принять участіе въ войнѣ и не по чувству недовѣрія къ какой либо изъ державъ.

Франція вполнѣ одобрила этотъ образъ дѣйствій, и 1 Августа французскій посланникъ заявилъ, что онъ уполномоченъ сообщить, что въ случаѣ международнаго столкновенія правительство республики будетъ уважать нейтралитетъ Бельгіи. Въ случаѣ же нарушенія этого нейтралитета другой державою, французское правительство въ видахъ собственной защиты можетъ быть вынуждено измѣнить свое рѣшеніе (Сѣрая книга № 15).

Въ виду серьезности положенія министръ иностранныхъ дѣлъ 1 Августа сообщаетъ о вышеизложенномъ нѣмецкому послу, который съ своей стороны увѣдомляетъ, что онъ пока еще не уполномоченъ дѣлать какое либо официальное заявленіе, но что всѣмъ извѣстно его личное мнѣніе о томъ, что Бельгія можетъ съ полнымъ спокойствіемъ относиться къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ.

Того же числа была получена депеша изъ Берлина, извѣщающая, что имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ лишенъ возможности дать отвѣтъ на вопросъ, предложенный Англіею.

На слѣдующій день, 2 Августа, нѣмецкій посланникъ обратился въ Министерство съ просьбою облегчить отъѣздъ изъ Бельгіи нѣмецкимъ подданнымъ, призваннымъ мобилизаціею въ ряды арміи. Онъ былъ встрѣченъ съ полною предусмотрительностью и ему сказали, что все сдѣланное для нѣмцевъ будетъ сдѣлано и по отношенію къ французамъ. «Конечно», отвѣтилъ посланникъ, «Вы знаете, посколько дѣло касается насъ, вы можете быть покойны».

Нѣмецкій посланникъ сообщилъ одному изъ журналистовъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ дружескомъ расположеніи нѣмцевъ къ Бельгіи. «Быть можетъ», сказалъ онъ «крыши домовъ вашихъ сосѣдей будутъ горѣть, но вашъ домъ уцѣлѣетъ».

Нѣмцы, призванные мобилизаціею, уѣзжаютъ изъ Брюсселя безъ какихъ либо враждебныхъ демонстрацій, а бельгійцы, также мобилизованные, ѣдутъ въ веселомъ настроеніи, готовясь нести на границѣ далеко нетрудную службу огражденія нейтралитета родины.

*

2 Августа газета «Вечеръ» помѣстила два офиціальныхъ сообщенія прусскаго военнаго агента капитана Бринкмана, опровергающія нѣкоторые тревожные слухи относительно объявленія войны Германіею Франціи и Россіи и о занятіи Люксембурга.

2. Совершенно довѣрительная нота германскаго правительства.

Германскій посланникъ 2 Августа попросилъ министра иностранныхъ дѣлъ принять его въ 7 часовъ вечера и выслушать отъ него важное сообщеніе. Въ назначенный часъ посланникъ явился и вручилъ бельгійскому правительству дипломатическое сообщеніе, для отвѣта на каковое было назначено 12 часовъ. Надъ нѣмецкимъ текстомъ значилось по французски «весьма довѣрительно». Въ сообщеніи было указано, что нѣмецкое правительство получило достовѣрное сообщеніе о намѣреніи Франціи направить свои войска въ Германію черезъ бельгійскую территорію. Нѣмецкое правительство, опасаясь, что Бельгія, несмотря на свое желаніе, не будетъ имѣть возможности помѣшать движенію французскихъ войскъ, признаетъ для себя повели-

тельную обязанность отразить подобное нападеніе; правительству было бы весьма прискорбно, если бы Бельгія сочла за враждебное противъ себя дѣйствіе то, что Германія, вынужденная врагами, должна нарушить неприкосновенность Бельгійской территоріи.

Для устраненія всякихъ недоразумѣній нѣмецкое правительство объявляетъ:

1) «Германія не имѣетъ въ виду предпринимать какихъ либо враждебныхъ дѣйствій противъ Бельгіи. Если Бельгія согласится во все время войны сохранять благожелательный нейтралитетъ по отношенію къ Германіи, то германское правительство съ своей стороны обязуется гарантировать при заключеніи мира во всей полнотѣ независимость и неприкосновенность королевства.

2) Германія обязывается въ такомъ случаѣ вывести свои войска изъ Бельгіи немедленно по заключеніи мира.

3) Если Бельгія сохранитъ благопріятное отношеніе къ Германіи, то Германія выражаетъ готовность по соглашенію съ бельгійскимъ начальствомъ пріобрѣтать на наличныя средства все необходимое для ея войска и возмѣщать

всѣ убытки, причиненные Бельгіи нѣмецкими войсками.

4) Если Бельгія будетъ какимъ либо образомъ враждебно относиться къ нѣмецкимъ войскамъ и особенно чинить затрудненіе ихъ продвиженію сопротивленіемъ крѣпостей на Маасѣ или разрушеніемъ путей, желѣзныхъ дорогъ, тоннелей и другихъ сооруженій, то Германія будетъ вынуждена, къ сожалѣнію, относиться къ Бельгіи, какъ ко врагу».

Требованіе Германіи, предъявленное Бельгіи, заключалось въ томъ, что она должна была открыть свои границы для нѣмецкой арміи. Такое требованіе является прямымъ нарушеніемъ обязательствъ, лежащихъ на основаніи акта о нейтралитетѣ какъ на Бельгіи, такъ и на Германіи. Бельгія не могла открыть своихъ границъ, потому что она въ 1839 году обязалась по отношенію къ Англіи, Австро-Венгріи, Франціи и Россіи и самой Пруссіи никогда не выходить за предѣлы нейтралитета. Давая требуемое Германіею разрѣшеніе, она оказала бы ей предпочтеніе передъ Франціей и нарушила бы интересы послѣдней. И Гаагская конвенція 1907 года статьею 5-ю установляетъ, что

нейтральная держава не можетъ пропускать черезъ свою территорію войска или обозы воюющей стороны, а статья 10 той же конвенціи опредѣляетъ, что не можетъ быть почитаемо враждебнымъ дѣйствіемъ отстраненіе даже силою посягательствъ на нейтралитетъ. Такая постановка вопроса вполнѣ соотвѣтствуетъ воззрѣнію на Бельгійскій нейтралитетъ извѣстнаго профессора Блюнчли. Онъ говоритъ: «Европейскія державы, гарантируя въ интересахъ европейскаго мира нейтралитетъ Бельгіи, очевидно получили право протестовать противъ всякой державы, которая угрожала бы нейтралитету или независимости этой страны, даже въ томъ случаѣ, если бы ихъ вмѣшательство не было испрошено заинтересованною страною». И далѣе, по мнѣнію Блюнчли, державы, гарантировавшія нейтралитетъ Бельгіи и не защищающія ее противъ нападенія, не исполнили бы своихъ обязательствъ и были бы повинны въ нарушеніи права.

Для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя требованіе германскаго правительства является грубымъ нарушеніемъ обязательствъ, принятыхъ на себя Германіею по отношенію къ Бельгіи,

и изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла нельзя не придти къ тому заключенію, что вопросъ о проходѣ войскъ черезъ Бельгію былъ давно предрѣшенъ Германіею, какъ соотвѣтствующій плану главнаго генеральнаго штаба нанести быстрый ударъ Франціи, занять Парижъ и затѣмъ нанести ударъ Россіи.

Ваксвейлеръ [1]) приводитъ въ своей книгѣ весьма интересный разговоръ посланника бельгійскаго барона Бейенса съ статсъ-секретаремъ Яговымъ. Во вторникъ 4 Августа рано утромъ онъ былъ принятъ Яговымъ, который съ большимъ волненіемъ сказалъ ему: «повѣрьте, что Германія съ смертельною болью въ сердцѣ рѣшилась нарушить нейтралитетъ Бельгіи, и я лично глубоко этимъ огорченъ. Но что дѣлать? Это вопросъ жизни и смерти для Имперіи. Если нѣмецкія войска не хотятъ попасть между молотомъ и наковальней, то они должны нанести сильный ударъ Франціи, чтобы потомъ обратиться противъ Россіи».

«Но, возразилъ баронъ Бейенсъ, границы Франціи достаточно длинны и можно бы миновать Бельгію».

[1]) Emile Waxweiler—La Belgique neutre et loyale, стр. 65.

«Онѣ слишкомъ укрѣплены, перебилъ его Яговъ, кромѣ того, чего же просимъ мы? Только того, чтобы дали пропускъ нашимъ войскамъ, не портили желѣзнодорожныхъ путей и предоставили намъ занять укрѣпленія, которыя могутъ намъ понадобиться».

Бельгійскій посланникъ возразилъ на это: есть простой способъ разрѣшить сомнѣніе предположивъ, что Франція обратилась бы къ Бельгіи съ такимъ же заявленіемъ. Развѣ Германія не возразила бы намъ, что мы ее постыднѣйшимъ образомъ предали, и Бельгія, если дорожитъ своею честью, продолжалъ онъ— не можетъ дать иного отвѣта, какъ тотъ, который вы получите. Про народы можно сказать тоже, что и про людей, и у тѣхъ и у другихъ должно быть представленіе о чести».

Доводы бельгійскаго посланника не убѣдили Ягова, онъ продолжалъ утверждать: «безопасность Имперіи безусловно требуетъ, чтобы нѣмецкія войска прошли черезъ Бельгію».

Канцлеръ высказалъ, въ тотъ же день, въ рейхсратѣ тѣ же мысли еще съ большей рѣшительностью: «наши войска заняли Люксембургъ и быть можетъ уже вступили въ Бельгію.

Это противорѣчитъ постановленіямъ международнаго права... Мы были вынуждены отклонить основательные протесты Люксембургскаго и Бельгійскаго правительствъ. Несправедливость—говорю совершенно откровенно, которую мы такимъ образомъ совершаемъ, мы устранимъ, какъ только цѣль нашихъ военныхъ дѣйствій будетъ достигнута. Тому, кто находится подъ угрозой подобно намъ и кто борется за свое высшее благо, тому позволительно только заботиться о способахъ избавленія... Мы находимся въ состояніи законной обороны, и для нужды законъ не писанъ. «(Not kennt kein Gebot)».

Объясняясь въ тотъ же день съ англійскимъ посломъ въ Берлинѣ, канцлеръ выразилъ свою мысль еще съ большей рѣзкостью: «Нейтралитетъ?—слово, на которое въ военное время такъ часто не обращали никакого вниманія. Трактатъ? Клочекъ бумаги».

3. Отвѣтъ Бельгійскаго правительства.

Нѣмецкое дипломатическое сообщеніе было передано бельгійскому правительству въ воскресенье 2-го Августа, въ 7 часовъ вечера.

Въ 9 часовъ состоялось засѣданіе совѣта министровъ въ присутствіи короля. Ночью отвѣтъ былъ составленъ и утромъ 3-го Августа отосланъ. Въ этомъ отвѣтѣ, между прочимъ, указано, «что германское сообщеніе весьма удивило бельгійское правительство, такъ какъ Франціи приписывается намѣреніе, находящееся въ полномъ противорѣчіи съ опредѣленными заявленіями, сдѣланными 1-го Августа отъ имени республиканскаго правительства. И кромѣ того, если бы въ противность съ этими увѣреніями послѣдовало нарушеніе бельгійскаго нейтралитета со стороны Франціи, то Бельгія осталась бы вѣрна своимъ международнымъ обязательствамъ и ея арміи оказали бы насильнику самое рѣшительное сопротивленіе».

«Трактаты 1839 года, подтвержденные трактатами 1870 г., утверждаютъ независимость и нейтралитетъ Бельгіи подъ гарантіею державъ и между прочимъ правительства Его Величества прусскаго короля. Бельгія была всегда вѣрна своимъ международнымъ обязательствамъ; она исполняла свои обязанности въ духѣ полнаго безпристрастія; она никогда не щадила стараній для огражденія своего нейтралитета».

«Посягательство на ея независимость, которымъ ей угрожаетъ германское правительство, составляетъ явное нарушеніе международнаго права».

«Никакіе стратегическіе интересы не оправдываютъ этого нарушенія».

«Бельгійское правительство, принимая сдѣланное ему предложеніе, пожертвовало бы честью націи и измѣнило бы своимъ обязательствамъ по отношенію къ Европѣ».

«Памятуя о значеніи, которое выпало на долю Бельгіи въ теченіе восьмидесяти лѣтъ въ области международныхъ отношеній, бельгійское правительство отказывается вѣрить, чтобы независимость Бельгіи могла быть сохранена цѣною ея нейтралитета. Если эта надежда не оправдается, то бельгійское правительство рѣшительно намѣрено отстранить всѣми способами, находящимися въ его распоряженіи, всякое посягательство на его права».

Отвѣтъ бельгійскаго правительства, начертанный съ такою твердостью и достоинствомъ, былъ встрѣченъ съ полнымъ сочувствіемъ во Франціи.

4. Нарушеніе неприкосновенности Бельгійской территоріи.

Обстоятельства развивались съ необычайной быстротою. Въ понедѣльникъ 4-го Августа раннимъ утромъ бельгійское правительство получило слѣдующее сообщеніе отъ нѣмецкаго посланника: «Мнѣ поручено и я имѣю честь увѣдомить, что вслѣдствіе отказа правительства Его Величества Короля на столь благонамѣренныя предложенія, сдѣланныя ему Императорскимъ правительствомъ, послѣднее будетъ къ его величайшему сожалѣнію вынуждено принять, по необходимости, даже силою оружія всѣ мѣры къ огражденію безопасности въ виду французскихъ угрозъ». Непосредственно, вслѣдъ за симъ, бельгійскій главный штабъ извѣстилъ, что нѣмецкія войска вторглись въ Бельгію въ Геммениxѣ. Было очевидно, что Германія насильственно нарушила бельгійскій нейтралитетъ. Совѣтъ Министровъ былъ немедленно созванъ и вечеромъ 4-го Августа онъ послалъ тремъ державамъ, гарантировавшимъ независимость Бельгіи, Англіи, Франціи и Россіи, слѣдующій протестъ:

«Бельгійское правительство почитаетъ долгомъ съ прискорбіемъ сообщить, что нынѣ германскія вооруженныя силы проникле на бельгійскую территорію въ нарушеніи обязательствъ, принятыхъ по трактату.

Бельгійское правительство твердо намѣрено противиться всѣми способами, находящимися въ его распоряженіи. Бельгія обращается къ Англіи, Франціи и Россіи, какъ къ державамъ, гарантирующимъ ея независимость, за содѣйствіемъ къ защитѣ ея территоріи».

5. Взглядъ англійскаго правительства. Сэръ Грей и Бетманъ Голльвегъ.

Насиліе, учиненное Германіею, произвело удручающее впечатлѣніе на правительство и на общественное мнѣніе въ Англіи.

Встревоженный извѣстіями о нѣмецкихъ замыслахъ сэръ Эдуардъ Грей обратилъ въ палатѣ представителей вниманіе депутатовъ на общую Европейскую опасность. Нарушеніе Германіею нейтралитета Бельгіи, по его мнѣнію, должно повлечь за собою утрату независимости страны. «Если Бельгія—говорилъ онъ, лишится независимости, такая же участь ожидаетъ и Голлан-

дію и тогда я прошу палату подумать, какое изъ всего этого возникаетъ положеніе. И Франція можетъ быть разбита и утратитъ свое значеніе великой державы, порабощенная державою болѣе ея сильною, и Бельгія, подчиненная той же державѣ, и Голландія и наконецъ Данія».

«Тогда не окажется ли правымъ Гладстонъ и не очутимся ли мы лицомъ къ лицу съ необходимостью противодѣйствовать чрезмѣрному росту одной державы?»

Продолжая далѣе сэръ Грей съ особымъ воодушевленіемъ произнесъ: «было бы ли мыслимо, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ страна столь сильная и могущественная, какъ Англія, оставалась безучастной при совершеніи самаго чудовищнаго изъ преступленій и не являлась ли бы какъ бы участницей въ его содѣяніи».

«И пусть не говорятъ, что мы могли бы оставаться безучастными во время войны и затѣмъ послѣ ея окончанія возстановили отношенія по нашему желанію. Если при такомъ кризисѣ, какъ нынѣ, мы уклонимся отъ обязательныхъ требованій чести и требованій пользы, то какою бы въ концѣ концовъ ни была

наша матеріальная сила, но она мало будетъ имѣть значенія послѣ утраченнаго нами уваженія другихъ; мы такимъ образомъ принесли бы въ жертву одновременно и нашъ авторитетъ предъ всѣмъ міромъ и наши особенно цѣнные и важные экономическіе интересы».

Сэръ Грей говорилъ эту рѣчь еще до полученія извѣстія о германскомъ дипломатическомъ сообщеніи. Извѣстясь, что оно послѣдовало, онъ сообщилъ Бельгійскому посланнику въ Лондонѣ, что если нейтралитетъ Бельгіи будетъ нарушенъ, то война съ Германіею послѣдуетъ. 4 Августа утромъ Грей посылаетъ въ Берлинъ телеграмму, въ которой сообщаетъ, что англійское правительство рѣшительно протестуетъ противъ нарушенія договора, подписаннаго также Германіею. Ему необходимо получить удостовѣреніе, что требованіе, предъявленное Бельгіи, останется безъ исполненія, и что ея нейтралитетъ будетъ соблюдаемъ Германіею.

Бетманъ Гольльвегъ 4 Сентября телеграфировалъ нѣмецкому послу въ Лондонъ слѣдующее: «постарайтесь устранить всякое подозрѣніе, которое могло бы смущать британское правитель-

ство по отношенію къ нашимъ намѣреніямъ, заявите положительно опредѣленное увѣреніе, что даже въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Бельгіею, Германія не присоединитъ себѣ ни подъ какимъ предлогомъ никакой части бельгійской территоріи»...

«Постарайтесь разъяснить сэру Грею, что нѣмецкая армія не можетъ подвергаться нападенію французской арміи на бельгійской территоріи, нападенію, которое по имѣющимся совершенно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ было предположено. Германія, такимъ образомъ, должна не считаться съ бельгійскимъ нейтралитетомъ; для нея вопросъ жизни или смерти предупредить наступленіе французской арміи. 4 же Сентября канцлеръ заявилъ въ рейхстагѣ: мы дали Англіи удостовѣреніе, что, пока она останется нейтральною, мы будетъ уважать территоріальную неприкосновенность и независимость Бельгіи. Это заявленіе я возобновляю здѣсь публично и передъ всѣмъ свѣтомъ».

4 Августа сэръ Грей телеграфировалъ англійскому послу въ Берлинѣ и поручилъ ему постараться получить отвѣтъ германскаго правительства на запросъ Англіи о необходимости

имѣть столь же ясное удостовѣреніе по отношенію сохраненія бельгійскаго нейтралитета со стороны Германіи, какъ то было дано Франціею. Въ случаѣ отказа Грей предписываетъ послу просить о выдачѣ паспортовъ и объявить, что британское правительство почитаетъ себя вынужденнымъ принять всѣ отъ него зависящія средства къ поддержанію нейтралитета Бельгіи и уваженія къ трактату.

Въ послѣобѣденное время англійскій посолъ посѣтилъ статсъ-секретаря Ягова и спросилъ его, будетъ ли нѣмецкое правительство уважать бельгійскій нейтралитетъ. «Весьма жалѣю, что долженъ сказать: нѣтъ, заявилъ Яговъ, и кромѣ того нейтралитетъ уже нарушенъ, нѣмецкія войска перешли черезъ границу».

Весьма знаменательная бесѣда состоялась вечеромъ того же 4 Августа, между имперскимъ канцлеромъ и англійскимъ посломъ. Въ донесеніи посла сэру Грею приводится этотъ историческій разговоръ: «Я нашелъ, пишетъ посолъ, канцлера весьма возбужденнымъ. Его Превосходительство произнесъ рѣчь, которая продолжалась около 20 минутъ. Онъ говорилъ, что мѣра принятая правительствомъ

Его Британскаго Величества, поистинѣ ужасная; изъ одного слова «нейтралитетъ», изъ за слова, съ которымъ въ военное время часто совершенно не считались,—изъ за простого клочка бумаги, Великобританія намѣрена воевать съ націею ей родственною и только желающею пребывать съ ней въ дружбѣ. Всѣ его усилія, продолжалъ онъ, предпринятыя въ этомъ смыслѣ, оказываются, вслѣдствіе этой ужасной мѣры, безполезными. Политика, которой онъ служилъ съ того времени, когда былъ облеченъ властью, рушилась, какъ карточный домикъ». Съ большимъ возбужденіемъ сказалъ онъ, что мы дѣлаемъ что то непонятное, что это равносильно удару, нанесенному въ спину человѣку, когда онъ защищаетъ свою жизнь противъ двухъ нападающихъ. Онъ признаетъ Великобританію отвѣтственной за всѣ ужасныя послѣдствія, которыя могутъ отъ сего произойти.

«Я рѣшительно возражалъ противъ этого заявленія и сказалъ ему, что и онъ, и статсъ-секретарь желали дать мнѣ понять, что по стратегическимъ соображеніямъ для Германіи является вопросомъ жизни и смерти движеніе ея

войскъ черезъ Бельгію и нарушеніе ея нейтралитета, то точно также я желаю, чтобы онъ понялъ, что, если можно такъ выразиться,— вопросомъ жизни или смерти для чести Великобританіи является исполненіе торжественнаго обязательства, принятаго ею защищать до послѣдней крайности нейтралитетъ Бельгіи, если на нее будетъ произведено нападеніе». «Необходимо, настаивалъ я, сохранять этотъ торжественный договоръ, безъ чего, какое довѣріе можно имѣть въ будущемъ къ обязательствамъ, принятымъ на себя Великобританіей».

Канцлеръ на это замѣтилъ: «но какою же цѣною будетъ этотъ договоръ поддержанъ? Подумало ли объ этомъ Британское правительство?»

Я старался разъяснить Его Превосходительству съ возможною ясностью, что опасеніе за послѣдствія не можетъ быть разсматриваемо, какъ основаніе для нарушенія торжественныхъ обѣщаній. Но Его Превосходительство былъ настолько возбужденъ и настолько озадаченъ извѣстіемъ о нашемъ вмѣшательствѣ и такъ мало расположенъ слушать разъясненія, что я не пожелалъ подливать масла въ огонь дальнѣйшимъ споромъ».

«Прощаясь со мною, онъ сказалъ, что ударъ, нанесенный Великобританіею Германіи, тѣмъ болѣе чувствителенъ, что онъ и его правительство до послѣдней минуты трудились совмѣстно съ нами и опираясь на наши усилія старались поддержать миръ между Австріею и Россіею».

Англія, несмотря на свое всѣмъ извѣстное миролюбіе, не взирая на то, что ея армія была отнюдь не подготовлена къ участію въ великой европейской войнѣ, не могла оставаться безучастной зрительницей дерзкаго нарушенія Германіею торжественныхъ обязательствъ по охраненію нейтралитета Бельгіи. Не могла Англія оставить безъ вниманія попранія основъ международнаго строя, обезпечивающаго независимость и неприкосновенность небольшихъ государствъ. Преклоненіе предъ горделивымъ цинизмомъ тевтонскихъ насильниковъ было бы тревожнымъ прецедентомъ для дальнѣйшихъ покушеній на свободу и самостоятельность слабыхъ государствъ. Молчаніе Англіи было бы какъ бы зарею нѣмецкой гегемоніи надъ всѣмъ культурнымъ міромъ.

6. Вторичное предложеніе Бельгіи разрѣшить пропускъ германскихъ войскъ. Отказъ Бельгіи.

Напрасно государственные люди Германіи говорили объ искреннемъ сожалѣніи ихъ по поводу необходимости нарушить нейтралитетъ Бельгіи. Вопросъ о проходѣ германской арміи черезъ Бельгію былъ несомнѣнно давно предрѣшенъ. Бельгія, вѣрная международнымъ обязательствамъ, на ней лежащимъ, дала во многихъ мѣстахъ рѣшительный отпоръ нѣмецкимъ войскамъ, и германское правительство 9 Августа послѣ взятія Льежа, обращаясь къ Бельгіи дипломатическимъ путемъ съ новымъ предложеніемъ, упомянуло, между прочимъ, что бельгійская армія блестящимъ образомъ защищала честь своего оружія, геройски сопротивляясь противъ несравненно болѣе сильнаго противника. Въ этомъ документѣ нѣмецкое правительство выражаетъ крайнее сожалѣніе по поводу того, что дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній. Германія не пришла какъ врагъ въ Бельгію... Германское правительство проситъ Его Величество Короля и бельгійское правительство избавить Бельгію отъ ужасовъ

войны. Трудно вѣрить искренности подобныхъ заявленій, такъ какъ дѣйствительность отнюдь не соотвѣтствовала такому благодушному настроенію.

Эта новая попытка склонить Бельгію согласиться на нарушеніе ея нейтралитета также не увѣнчалась успѣхомъ. Не могла Бельгія поступиться своею честью, да и было бы странно довѣриться обѣщаніямъ Германіи послѣ того, какъ она съ такимъ пренебреженіемъ отнеслась къ трактатамъ, ею же подписаннымъ, и наконецъ какое значеніе могло бы имѣть обѣщаніе признавать послѣ окончанія войны неприкосновенность и независимость Бельгіи тѣмъ болѣе, что еще не вѣдомо, побѣдитъ ли Германія. На случай измѣны Бельгіи державамъ, гарантировавшимъ ея независимость, она конечно навсегда должна бы порвать всякія отношенія съ ними и никогда не могла бы разсчитывать на ихъ поддержку. Бельгія правильно смотрѣла на трактатъ 1839 г., подписанный 5 державами, гарантировавшими ея нейтралитетъ, въ томъ числѣ и Германіею, какъ на незыблемое основаніе ея государственнаго бытія. Иначе смотрѣла на дѣло Германія, и генералъ Бернгарди въ

1911 г. весьма опредѣленно выразилъ ту мысль, что постоянный нейтралитетъ есть политическая ересь, забывая, что Германія обязалась въ 1839 г. никогда не нарушать неприкосновенности бельгійской территоріи и въ 1870 г. во время французской войны не нарушила ее, а въ 1907 г. подписала 1 статью Гаагской конвенціи, опредѣляющую, что территорія нейтральныхъ государствъ неприкосновенна. Бельгія не могла, конечно, забыть и своихъ обязанностей по охраненію нейтралитета, возлагаемыхъ на нее ст. 5 Гаагской конвенціи, на основаніи которой нейтральная держава не должна пропускать черезъ свою территорію войска или обозы съ военными или съѣстными припасами воюющей стороны и обязана потому принимать мѣры къ огражденію неприкосновенности своей территоріи, имѣя въ виду, что по ст. 10 «не можетъ разсматриваться какъ враждебное дѣйствіе отраженіе нейтральною державою, даже силою, покушеніе на ея нейтралитетъ».

Въ сообщеніи нѣмецкаго правительства отъ 14 Августа содержится упоминаніе о томъ, что война приметъ въ Бельгіи характеръ грозный, что она получитъ «einen grausamen

Charakter» и что отвѣтственность за это падетъ на Бельгію. Это сообщеніе утверждаетъ:

1) что многіе мирные жители принимали участіе въ бояхъ около Льежа;

2) что мирные жители мучили раненыхъ;

3) что чернь въ Антверпенѣ разрушала нѣмецкую собственность и звѣрскимъ образомъ избивала женщинъ и дѣтей

7. Обвиненіе Бельгійцевъ въ жестокости. Несостоятельность этихъ обвиненій.

Желая привлечь сочувствіе широкихъ слоевъ американскаго общества, кайзеръ обратился къ президенту Соединенныхъ Штатовъ съ посланіемъ, въ которомъ писалъ: «бельгійское правительство публично поощряло населеніе Бельгіи принимать участіе въ войнѣ и давно заботливо подготовляло это участіе. Жестокости, совершенныя во время этой партизанской войны даже женщинами и священниками надъ солдатами, врачами и сидѣлками, таковы, что мои генералы были, наконецъ, вынуждены обратиться къ самымъ строгимъ мѣрамъ для наказанія виновныхъ и посѣять страхъ среди

кровожаднаго населенія, дабы помѣшать ему продолжать свои убійства и злодѣянія».

Германское правительство съ своей стороны напечатало сообщеніе о жестокостяхъ, совершенныхъ въ Бельгіи. Этотъ документъ былъ главнымъ образомъ предназначенъ для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ долженъ былъ ослабить впечатлѣнія, вызванныя пріѣздомъ въ Америку бельгійской миссіи. Подписанъ онъ Имперскимъ Канцлеромъ, имѣетъ официальный характеръ и установляетъ слѣдующіе факты:

Бельгійскія молодыя дѣвушки выкалывали раненымъ глаза на полѣ битвы.

Бельгійскія женщины перерѣзывали горло нѣмецкимъ солдатамъ, помѣщеннымъ у нихъ. (Подлинный текстъ былъ переданъ 2 Сентября въ главной квартирѣ Имперскимъ Канцлеромъ представителямъ американской печати и воспроизведенъ 8 Сентября Сѣверо-Германской всеобщей газетой).

Императоръ Вильгельмъ съ своей стороны въ телеграммѣ отъ 8 Сентября сообщалъ президенту Вильсону: «Жестокости, учиненныя женщинами и дѣтьми, заставили насъ принять строгія мѣры, каковы:—разрушеніе деревень и даже

древняго города Лувэна за исключеніемъ его ратуши. Мое сердце обливается кровью по поводу того, что я былъ вынужденъ принять подобныя мѣры». Отправляя подобную депешу, Императоръ, конечно, руководствовался какими либо данными, сообщенными ему изъ достовѣрнаго источника, и приложеніе къ Нѣмецкой Бѣлой книгѣ знакомитъ читателя съ этимъ документомъ. Документъ этотъ, озаглавленный: «Жестокость бельгійскаго населенія», содержитъ показанія Германа Констена, поступившаго въ Льежѣ на службу Краснаго Креста. Констенъ показываетъ: «Я искалъ въ Льежскомъ госпиталѣ моихъ Аахенскихъ знакомыхъ и обратился къ главному бельгійскому врачу. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что нельзя сообщить никакихъ свѣдѣній объ умершихъ, такъ какъ похоронили много нѣмецкихъ солдатъ, которые были совершенно голыми и у которыхъ не было совершенно никакихъ документовъ, удостовѣряющихъ ихъ личность. Въ госпиталѣ я узналъ отъ нѣмецкихъ раненыхъ, что бельгійцы не только убивали раненыхъ, но что они мучили раненыхъ и плѣнныхъ самымъ жестокимъ образомъ. Такъ у раненыхъ и плѣнныхъ отпиливали

ноги, выкалывали глаза, отрѣзывали уши и т. д. Даже женщины принимали участіе въ этихъ жестокостяхъ. Я говорилъ въ нѣмецкомъ госпиталѣ съ четырьмя ранеными, они мнѣ разсказали, какимъ образомъ они были ранены и взяты въ плѣнъ, и что они видѣли изъ второго этажа дома, въ которомъ находились безъ оружія и безъ возможности помочь, какъ на улицѣ напали на одного нѣмецкаго офицера, какъ выкалывали ему глаза и отрѣзали уши».

Нѣмецкія газеты съ торжествомъ воспроизводили эти строки и указывали на Германа Констена, какъ на свидѣтеля вполнѣ достовѣрнаго, какъ на Швейцарскаго гражданина и поэтому безпристрастнаго и къ тому же состоящаго на службѣ въ учрежденіи Краснаго Креста.

Сотрудникъ газеты «Утро», Гальмо постарался собрать точныя свѣдѣнія объ этомъ швейцарцѣ Констенѣ и въ газетѣ отъ 22 сентября 1914 года сообщилъ о немъ весьма любопытныя свѣдѣнія. Гальмо отправился къ главному начальнику Швейцарской полиціи и узналъ отъ него слѣдующее:

«Германъ Констенъ нѣмецъ, открывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ справочное Бюро въ

Базелѣ. На это агентство было указано Швейцарскому правительству какъ на учрежденіе нѣмецкаго шпіонажа. Съ этого времени Германъ Констенъ сдѣлался моимъ кліентомъ. Почти одновременно съ симъ, онъ просилъ о принятіи его въ швейцарское подданство. Ему было отказано въ натурализаціи.

Въ прошломъ Ноябрѣ Базельскія власти приступили къ производству слѣдствія по поводу обвиненія Германа Констена въ мошенническихъ поступкахъ. Судомъ онъ былъ приговоренъ къ изгнанію, что и было приведено мною въ исполненіе 10 Сентября.

Въ отвѣтъ на ваши вопросы отвѣчаю:

1) Германъ Констенъ никогда не принадлежалъ къ составу Швейцарскаго Краснаго Креста.

2) Германъ Констенъ не швейцарецъ, ему было отказано въ натурализаціи.

3) Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ Германъ Констенъ находится подъ надзоромъ Швейцарской полиціи. Я удостовѣряю, что со времени объявленія войны онъ отлучился изъ Швейцаріи только съ 9 по 14 Августа. Безусловно невозможно, чтобы онъ могъ нахо-

диться въ Льежѣ въ указанное вами время осады.

4) Германъ Констенъ окончательно покинулъ Швейцарію, вслѣдствіе приговора объ изгнаніи 19 Сентября.

5) Никакимъ нравственнымъ или матеріальнымъ кредитомъ Германъ Констенъ не обладаетъ. Этотъ человѣкъ мало внушающій къ себѣ довѣрія».

Такимъ образомъ тревога Императора Вильгельма, пожаръ деревень и разрушеніе древняго города Лувэна за исключеніемъ ратуши были вызваны донесеніемъ человѣка, мало заслуживающаго довѣрія.

Цивилизованный міръ содрогнулся отъ ужаса и негодованія, и Императоръ, чтобы утишить бурю, указываетъ на обвинителя, который постарается оправдать избіенія народа героевъ. Этимъ обвинителемъ является нѣмецкій шпіонъ опозоренный, темный мошенникъ, изгнанный, какъ воръ, изъ пограничнаго Швейцарскаго города.

Разоблаченіе Парижской газетой «Утро» доказываетъ всю лживость тяжкаго обвиненія, возведеннаго на бельгійцевъ, на бельгійскихъ

дѣвушекъ и даже дѣтей. Вопль нѣмецкихъ газетъ вскорѣ послѣ занятія Бельгіи нѣмецкими войсками отличался совершенной неопредѣленностью. Не были указаны ни лица пострадавшія, ни мѣсто, гдѣ звѣрства были совершены. Нѣмцы, весьма склонные распространять выгодныя для нихъ ложныя извѣстія, охотно разглашали всякія небылицы. Они особенно часто обвиняли бельгійскихъ вольныхъ стрѣлковъ въ томъ, что они стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ. И это обвиненіе, совершенно ложно, тѣмъ болѣе позоритъ нѣмцевъ, что они хорошо освѣдомленные своими шпіонами о всемъ, что происходило въ Бельгіи, отлично знали, что въ Бельгіи никогда не существовало никакихъ вольныхъ стрѣлковъ, а что была гражданская стража, обладавшая всѣми признаками, которые на основаніи Гаагской конференціи усвояются воинскимъ частямъ. Далѣе нѣмцы, конечно, отлично знали, что вскорѣ послѣ ихъ вторженія въ Бельгію у вольной стражи были почти повсемѣстно отобраны ружья, дабы устранить основаніе къ обвиненію въ томъ, что они стрѣляли. Нынѣ можно признать несомнѣнно установленнымъ, что стрѣляли сами нѣмцы, иногда

вслѣдствіе опьянѣнія, иногда просто зря, а иногда и очень часто умышленно. Подобный выстрѣлъ бывалъ сигналомъ къ разграбленію частныхъ жилищъ и особенно погребовъ, дававшихъ возможность нѣмцамъ предаваться самому широкому разгулу. Бывали случаи, когда сами нѣмецкіе офицеры наказывали солдатъ, самочинно стрѣлявшихъ и вызывавшихъ тѣмъ тревогу и крупные безпорядки.

8. Мѣры принятыя Бельгійскимъ Правительствомъ для предотвращенія столкновекій населенія съ войсками.

Безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ германское нашествіе на Бельгію, приводитъ къ убѣжденію въ совершенной неосновательности тяжелыхъ обвиненій, взведенныхъ на беззащитное населеніе бельгійскихъ городовъ и деревень. Обвиненіе бельгійскаго правительства въ томъ, что оно поощряло мирное населеніе къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ германской арміи, находитъ себѣ лучшее опроверженіе въ мѣропріятіяхъ правительства, направленныхъ къ устраненію всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ между

мирнымъ населеніемъ и германскими войсками, такъ правительство поспѣшило разослать 4 Августа циркуляръ всѣмъ 2.600 общинамъ, опредѣляющій характеръ отношенія населенія къ вторгающимся войскамъ. При составленіи этого циркуляра были приняты во вниманіе и относящіяся къ этимъ вопросамъ постановленія Гаагской конвенціи 1907 года. Въ этомъ циркулярѣ прямо указано, что по законамъ войны лицамъ, не признаваемымъ воюющими, не дозволяется совершать никакихъ враждебныхъ дѣйствій, т. е. нападать на непріятеля или принимать участіе въ бою, а также совершать какіе либо поступки, запрещенные самимъ солдатамъ, т. е. пользоваться отравленнымъ оружіемъ, предательски убивать или ранить противника. Подобныя правила, содержащіяся въ правительственномъ циркулярѣ, были расклеены во всѣхъ городахъ и общинахъ. Расклейка эта была произведена столь быстро, что 5 Августа въ Льежѣ эти объявленія были уже получены, и германцы, вступая въ городъ, ихъ видѣли.

Министерство не ограничилось расклейкою этихъ афишъ, оно распорядилось въ первыхъ

числахъ Августа, чтобы во всѣхъ газетахъ, по возможности ежедневно, печаталось слѣдующее сообщеніе: министерство внутреннихъ дѣлъ совѣтуетъ частнымъ лицамъ, по появленіи непріятеля, не сражаться съ непріятелемъ, не произносить оскорбительныхъ словъ или угрозъ, не выходить изъ домовъ и закрывать окна, дабы избѣжать обвиненій въ провокаціи. Если солдаты будутъ занимать домъ или уединенный хуторъ, то уходить изъ зданія съ тѣмъ, чтобы не могли говорить, что частныя лица стрѣляли. Всякое насильственное дѣйствіе частнаго лица было бы преступленіемъ, наказуемымъ по закону, такъ какъ оно могло бы быть поводомъ къ кровавому возмездію, грабежу и избіенію невинныхъ женщинъ и дѣтей.

Общинныя власти во многихъ мѣстахъ приглашали населеніе сдавать на храненіе всякое оружіе.

Мирное населеніе было совершенно чуждо какихъ либо воинственныхъ замысловъ. Оно было застигнуто врасплохъ нѣмецкимъ нашествіемъ. Воспитанное въ строгомъ христіанскомъ направленіи, поглощенное мирною трудовою жизнью, оно никогда не готовилось къ войнѣ.

Оно знало, что Бельгія—государство нейтральное, что бельгійская армія призвана не воевать съ кѣмъ либо, а только охранять неприкосновенность родной территоріи. Въ Бельгіи были хорошо знакомы съ постановленіями Гаагской мирной конференціи и твердо вѣрили, что блага мира вполнѣ обезпечены для Бельгіи. Нѣмцы очень часто, объясняя свои жестокія расправы съ частными лицами въ Бельгіи, указывали на вольныхъ стрѣлковъ, нападавшихъ на нѣмецкихъ солдатъ. Обвиненіе это лишено всякаго основанія, никакихъ вольныхъ стрѣлковъ въ Бельгіи не было, а на ряду съ регулярными войсками дѣйствовала и такъ называемая гражданская стража (Garde civique). Лица, входящія въ составъ этой стражи, вполнѣ удовлетворяли всѣмъ условіямъ, указаннымъ въ ст. 1 приложенія къ Гаагской конвенціи 1907 года. Внѣ всякаго сомнѣнія, что ихъ слѣдуетъ признать воюющими. Иного воззрѣнія держались германскія военныя власти, но вѣдь для нихъ ни Гаагская, ни Женевская конвенціи не существуютъ. Что же касается до обвиненій молодыхъ дѣвушекъ и священниковъ въ жестокихъ поступкахъ по отношенію къ раненымъ нѣмцамъ, то обви-

ненія эти не покоятся на какихъ либо точно установленныхъ данныхъ, а являются простыми измышленіями и по отзыву даже многихъ нѣмецкихъ газетъ часто принадлежатъ сотрудникамъ, которые, какъ сами въ томъ сознавались, не были свидѣтелями фактовъ, ими описываемыхъ, многіе разсказы писались на память и покоились на сообщеніяхъ не очевидцевъ, а переданныхъ по слухамъ. Насколько обвиненіе въ убійствѣ иногда бывали неосновательными, видно, напримѣръ, изъ того, что въ одномъ валлонскомъ городѣ бургомистръ былъ арестованъ, потому что одинъ нѣмецкій офицеръ палъ сраженный пулею. Обвинили, конечно, жителей. «Разстрѣляйте меня», сказалъ бургомистръ, «но я требую, чтобы было произведено вскрытіе убитаго». При вскрытіи была найдена нѣмецкая пуля.

Въ Герве во время пожара одна жительница Брюсселя видѣла, какъ изъ окна сосѣдняго дома выстрѣлилъ нѣмецкій офицеръ и закричалъ потомъ солдатамъ: «здѣсь стрѣляютъ».

Корреспондентъ Кельнской газеты № 968 разсказываетъ, что въ Намюрѣ, на площади стрѣляли въ войска. Такъ какъ нельзя было подумать, что стрѣлялъ какой нибудь одинъ фана-

тикъ, то рѣшились немедленно наложить суровое наказаніе: площадь была подожжена съ двухъ концовъ.

Другой сотрудникъ той же газеты (№ 1009), сообщая о вступленіи нѣмецкихъ войскъ въ городъ Таминъ, пишетъ, что солдаты, не имѣя возможности узнать, кто стрѣлялъ въ нихъ, направили всю свою ярость на городокъ. Онъ былъ сожженъ до тла и лежитъ въ развалинахъ.

Мирное, трудолюбивое населеніе Бельгіи, около столѣтія не видавшее войны, было застигнуто врасплохъ нѣмецкимъ нашествіемъ. Культурно-развитое населеніе это было далеко отъ мысли, чтобы въ двадцатомъ столѣтіи народъ, считающій себя носителемъ высшихъ началъ цивилизаціи, былъ способенъ унизить себя до проявленія самыхъ дикихъ варварскихъ инстинктовъ. Въ Бельгіи были хорошо знакомы съ постановленіями Гаагскихъ конференцій 1899 и 1907 гг. Въ силу коихъ честь и права семейныя, жизнь отдѣльныхъ лицъ и частная собственность, равно какъ и религіозныя убѣжденія и отправленіе обрядовъ вѣры должны быть уважаемы. Частная собственность не подлежитъ конфискаціи (Приложеніе къ конвенціи. Положеніе о законахъ

и обычаяхъ сухопутной войны, ст. 46). Грабежъ безусловно воспрещается ст. 47. Никакое общее взысканіе, денежное или иное, не можетъ быть безъ всякаго суда налагаемо на все населеніе за дѣянія единичныхъ лицъ. Воспитанное въ уваженіи къ закону, населеніе полагало, что враждебныя дѣйствія будутъ происходить только между военными частями. Во многихъ мѣстахъ офицеровъ и солдатъ встрѣчали совершенно дружелюбно, даже угощали ихъ. Настроеніе у мѣстныхъ жителей было покойное и сосредоточенное.

ГЛАВА II.

I. Вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ Бельгію.

2 Августа въ 7 часовъ вечера, какъ извѣстно, бельгійскому правительству было предъявлено германское сообщеніе. 3 Августа послѣдовалъ отвѣтъ, а 4-го утромъ три корпуса перешли границу Бельгіи въ разныхъ мѣстахъ. Насколько это движеніе было заранѣе обдумано, видно изъ того, что въ составъ вступившихъ въ Бельгію войскъ входили части, прибывшія съ сѣвера Германіи изъ Магдебурга и Шверина. Переступая границу, офицеры говорили солда-

тамъ: «пусть ничто васъ не останавливаетъ, Бельгія осмѣлилась объявить намъ войну; чѣмъ болѣе вы будете жестоки, тѣмъ скорѣе вы побѣдите. Охраняйте только желѣзнодорожныя станціи, онѣ намъ будутъ полезнѣе соборовъ». Эти слова Сомвиль слышалъ отъ одного раненаго нѣмецкаго солдата въ Льежѣ. Нѣкоторые солдаты, смертельно раненые, со стономъ говорили въ больницѣ: «не хорошо мы поступали, но мы и четверти того не сдѣлали, что намъ было приказано». Солдаты творили волю своего начальства. А начальство руководствовалось правилами, начертанными въ руководствѣ нѣмецкаго генеральнаго штаба о законахъ войны (Kriegsgebrauch im Landkriege). Какъ извѣстно нѣмецкія военныя власти не сочувствуютъ современнымъ попыткамъ сдерживать военныя страсти въ границахъ, начертанныхъ справедливостью и человѣколюбіемъ. Многочисленныя изреченія самого кайзера и выдающихся нѣмецкихъ военныхъ писателей Клаузевица, Бернгарди и другихъ ясно указываютъ на то, что война по господствующему въ Германіи воззрѣнію должна быть ведена жестоко. Населеніе нужно терроризировать. Нѣмецкій гене-

ральный штабъ въ предисловіи къ вышеупомянутому руководству поясняетъ, «что война, настойчиво веденная, не можетъ быть направлена единственно противъ воюющаго врага и его способовъ защиты, но она должна стремиться къ разрушенію основъ его матеріальнаго и нравственнаго благополучія. Соображенія человѣколюбиваго свойства относительно лицъ и ихъ имущества могутъ быть допущены, если природа и цѣль войны могутъ быть съ ними согласованы». Цѣль войны слѣдовательно имѣетъ рѣшающее значеніе. Далѣе рѣшающее значеніе должно имѣть въ силу этого ученія и «состояніе необходимости» (Notstand). Извѣстный писатель Мейреръ говоритъ по этому поводу: «нѣтъ нарушенія правъ войны, когда извѣстныя дѣйствія необходимы для того, чтобы поддержать войска или чтобы оградить ихъ отъ опасности, не могущей быть иначе устраненной, или для того, чтобы обезпечить успѣхъ извѣстнаго военнаго предпріятія». Подъ понятіе необходимости могутъ быть подведены всѣ вообще обстоятельства, происходящія во время военныхъ дѣйствій; такъ можетъ случиться, что войско можетъ быть вынуждено оставить умирать плѣн-

ныхъ голодной смертью, если начальникъ найдетъ, что это является единственнымъ способомъ приведенія въ исполненіе приказанія, имъ полученнаго, напримѣръ: достигнуть къ извѣстному времени извѣстнаго мѣста, необходимаго для успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій.

Въ основаніе этихъ воззрѣній положено то начало, что сила царитъ надъ правомъ, подчиняясь одной лишь необходимости.

Исходя изъ этихъ началъ, нѣмецкое правительство угрожало Бельгіи и 2 Августа, когда совѣтовало бельгійскому правительству «избавить Бельгію отъ ужасовъ войны» и когда, послѣ второго отказа Бельгіи отъ нѣмецкихъ предложеній, оповѣщало его, что война приметъ отнынѣ жестокій характеръ.

Съ быстротою потока влилась нѣмецкая рать по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ Германіи въ Бельгію. Случаи поджога отдѣльныхъ зданій и даже убійствъ, ничѣмъ не вызванныхъ, встрѣчались по мѣстамъ, но злоба нѣмецкихъ насильниковъ проснулась, когда наступающія войска встрѣтили отпоръ со стороны отдѣльныхъ фортовъ и укрѣпленій, расположенныхъ близъ границы.

2. Звѣрства въ Франкоршампѣ, въ Хоке и въ Шанкеѣ. Избіенія въ Линсе.

Бельгія, руководствуясь конвенціей о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ и лицъ въ случаѣ сухопутной войны, рѣшилась на основаніи ст. 5 этой конвенціи не допускать проходъ черезъ свою территорію германскихъ войскъ и военныхъ обозовъ. Нѣмецкія войска, понеся у фортовъ и укрѣпленій потери убитыми и ранеными, съ яростью набросились на мирное населеніе, не принимавшее никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вступивъ утромъ 4 Августа въ мѣстечко Франкоршампъ [1]) и потерпѣвъ неудачу близъ сосѣдняго укрѣпленія, войска начали съ 8 Августа свирѣпствовать, такъ безъ всякой видимой причины начали производить обстрѣлъ домовъ, арестовали нѣсколькихъ жителей и 13 изъ нихъ, въ томъ числѣ 3 женщинъ, разстрѣляли. Населеніе въ ужасѣ спасается, войска грабятъ дома, вытаскиваютъ изъ гостиницы вино. Во дворѣ этой гостиницы 65-лѣтняя старушка Бови, несла

---

[1]) Gustave Somville—Vers Liége. Стр. 19.

солдатамъ кружку молока. Они ее разстрѣляли и потомъ говорили, что она стрѣляла въ солдатъ. 14 Августа черезъ мѣстечко проходятъ новыя войска. Солдаты поджигаютъ дома, оставленные жителями. 25 домовъ, въ томъ числѣ нѣсколько дачъ горятъ. Хозяинъ гостиницы Трико и его жена спасаются въ подвалѣ. Нѣмцы вытаскиваютъ ихъ оттуда. Хозяина убиваютъ на мѣстѣ. Разстрѣлу подвергаются и случайные прохожіе.

На отставного начальника станціи Дерле нападаютъ три пьяные солдата. Они стрѣляютъ. Онъ раненъ, его переносятъ въ кухню. Жена перевязываетъ его раны. Въ дверь вбѣгаетъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы прикончить раненаго. Жена старается спасти его; она отчаянно кричитъ. На ея вопли приходитъ офицеръ. 3 выстрѣлами изъ револьвера онъ убиваетъ раненаго. Солдаты набрасываются на двухъ сыновей Дерле Эмилія и Ивана. Они мучаютъ ихъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, убійцы увѣряютъ, что кто то стрѣлялъ и что одинъ солдатъ былъ раненъ.

Нѣсколькими выстрѣлами встрѣтили солдаты молодую дѣвушку, она шла по улицѣ и

несла на рукахъ ребенка. Ребенокъ былъ убитъ.

Брюссельскій адвокатъ Лауде жилъ въ Франкоршампѣ на дачѣ. Услыхавъ стрѣльбу, онъ спасся съ семьею въ подвалѣ. Нѣмцы, разграбивъ первый этажъ, стараются взломать дверь въ подвалъ. Лауде и его двоюродный братъ отворяютъ дверь; ихъ на мѣстѣ убиваютъ. Женщинъ и дѣтей выгоняютъ. Одна изъ женщинъ разрѣшается отъ бремени. Обугленное тѣло адвоката Лауде нашли въ развалинахъ; трупъ его двоюродного брата валялся въ саду.

Нѣкоторыхъ жителей угнали къ кирпичному заводу и разстрѣляли. На женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ набросились озвѣрѣвшіе нѣмцы. Многихъ жителей заставили нагрузить подводы мебелью, награбленною нѣмцами. Эту добычу они отправили въ Германію. Вещи оставшіяся были разломаны и сожжены.

Не пощадили нѣмцы и близлежащее селеніе Хоке. Настоятель церкви слылъ за германофила, но это не спасло его. Солдаты, войдя въ село, начали разстрѣливать народъ, утверждая, что въ войска стрѣляли съ колокольни небольшой церкви. Они сжигаютъ три дома и

грабятъ въ остальныхъ зданіяхъ. По пути они убиваютъ нѣкоего М. Клосса, указывавшаго на невинность его согражданъ. Но солдаты не унимаются и грозятъ новыми разстрѣлами. Тогда является священникъ и говоритъ: «Если нужна жертва, то берите меня». Его хватаютъ и влекутъ въ Тьежъ. Его бьютъ и подвергаютъ всякимъ оскорбленіямъ. «Это онъ стрѣлялъ», кричалъ одинъ солдатъ, «я видѣлъ, онъ стрѣлялъ 10 разъ». Не взирая на настойчивыя просьбы и мольбы многихъ жителей, священникъ разстрѣленъ. А у него передъ тѣмъ останавливались офицеры. Онъ любезно принялъ ихъ и далъ имъ на дорогу жареныхъ цыплятъ и корзинку съ еживикой. Любезные гости сначала задержали его, какъ заложника и проводника, а потомъ разстрѣляли.

Въ деревнѣ Сартѣ офицеры ужинали у одного изъ жителей. Вдругъ раздается выстрѣлъ. «Вы слышите?»—кричатъ они, «Вотъ опять ваши вольные стрѣлки» (francs-tireurs). Хозяинъ дома возражаетъ.—«Позвольте, господа, намъ выпадаетъ рѣдкій случай; выстрѣлъ раздался вблизи, пойдемте, прошу васъ, и изслѣдуемъ дѣло».

— Безполезно, это вольные стрѣлки!

— А я отвѣчаю своею жизнью, что нѣтъ.

— Итакъ, пойдемте.

Офицеры уступили. Вблизи на дорогѣ встрѣтили нѣсколькихъ солдатъ, одинъ изъ которыхъ сознался, что онъ стрѣлялъ. Безъ этого разслѣдованія вся деревня была бы сожжена и залита кровью.

Близъ селенія Шанкса черезъ рѣку перекинутъ высокій каменный мостъ въ три пролета. 6 Августа солдаты съ разныхъ сторонъ пригнали на этотъ мостъ толпу крестьянъ. Ихъ привязывали къ одной веревкѣ. Офицеръ объявилъ имъ, что они будутъ разстрѣлены. Затѣмъ послали за священникомъ, пожелавшимъ напутствовать осужденныхъ. Священникъ началъ убѣдительно просить не избивать множество совершенно невинныхъ людей. Но офицеры находили, что необходимо примѣрное наказаніе. Одинъ болѣе человѣчный лейтенантъ убѣдилъ начальника предоставить священнику право выбрать прихожанъ, за которыхъ онъ можетъ отвѣчать. 22 человѣка были освобождены немедленно, а остальная толпа, голодная, плохо одѣтая, подъ дождемъ, пробѣдствовала всю ночь.

На слѣдующій день близъ моста на желѣзной дорогѣ арестовали трехъ молодыхъ людей, они возвращались домой, изъ желѣзнодорожной мастерской, на срединѣ моста ихъ разстрѣляли, а тѣла сбросили въ рѣку. Участь этихъ юношей постигла еще нѣсколькихъ крестьянъ, подходившихъ къ мосту. 7 Августа священникъ получилъ приказаніе собрать всѣхъ мужчинъ и молодыхъ людей. Гусары окружили ихъ. Женщинамъ было приказано не запирать дверей и не мѣшать осмотру домовъ. Если бы кто изъ мужчинъ былъ найденъ при осмотрѣ домовъ, то онъ подлежалъ бы немедленному разстрѣлу. Всѣхъ мужчинъ до 13 Августа на ночь загоняли въ церковь. 7 Августа одинъ крестьянинъ былъ безъ всякаго повода убитъ на пути къ своему полю.

Небольшую деревню Линсе 5 Августа переполнили нѣмецкія войска. У извѣстнаго въ той мѣстности торговца Нандрина ужинали нѣмецкіе офицеры. Одинъ изъ нихъ по фамиліи фонъ Бюловъ вышелъ въ садъ и тамъ былъ серьезно раненъ. Озлобленные офицеры набросились на сына хозяина дома, который, между прочимъ, никуда не выходилъ изъ столовой. Отецъ арестованнаго напрасно просилъ его сосѣда по столу,

военнаго доктора удостовѣрить, что сынъ его не выходилъ изъ комнаты и потому не могъ быть признанъ виновнымъ, и отецъ и сынъ напрасно просили доктора. Они оба были арестованы и приговорены къ разстрѣлу. Домъ ихъ подожженъ, хозяйка дома спряталась въ подвалѣ, изъ котораго съ трудомъ была спасена. На слѣдующій день было удостовѣрено, что офицеръ былъ раненъ нѣмецкимъ солдатомъ. Приходскій священникъ былъ обвиненъ въ томъ, что подговаривалъ стрѣлять въ нѣмцевъ. Онъ рѣшительно возражаетъ противъ этого обвиненія, но ему не вѣрятъ, его избиваютъ и плюютъ въ лицо. Тѣмъ временемъ пожаръ все распространяется; перепуганное населеніе бѣжитъ, его избиваютъ, забрасываютъ каменьями. У одной молодой дѣвушки челюсть разбита пулею. Въ продолженіе всей ночи не прекращаются ужасныя сцены. Одинъ крестьянинъ по фамиліи Пирмезъ приготовлялъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ овесъ для нѣмецкой кавалеріи. Около часа во дворъ неожиданно въѣзжаютъ два кавалериста. Они пристрѣливаютъ крестьянина и его сына и быстро и галопомъ исчезаютъ во тьмѣ ночной. Во второмъ часу ночи нѣмцы врываются въ домъ Бин-

дельса. Они находятъ въ закромахъ 2000 килограммъ овса, забираютъ его и увозятъ съ собою хозяина и его родственника, каноника Симона. Имъ даже не позволили обуться. Несчастныхъ заставляютъ бѣжать рядомъ съ лошадьми. Прибывъ въ Линсе, каноника помѣщаютъ въ домѣ священника. Одному солдату поручено караулить его. Вдругъ со двора, гдѣ стояли солдаты, раздается выстрѣлъ. Солдатъ думалъ убить каноника, но пуля уложила на мѣстѣ караульнаго. Солдаты съ страшнымъ озлобленіемъ набросились на беззащитнаго старца. Несчастная деревня пережила страшную ночь. 12-лѣтняя дѣвочка, бѣжавшая къ родителямъ, убита. Она сражена двумя пулями. Одинокаго, несчастнаго, разбитаго параличемъ старика вытащили изъ дома и разстрѣляли, несмотря на протесты священника. Его не слушаютъ, его бросаютъ на землю, набиваютъ его ротъ грязью, нещадно бьютъ и связываютъ. Послѣ разныхъ невзгодъ арестованныхъ жителей ведутъ къ мѣсту казни. 16 или 17 убиты на мѣстѣ. Каноникъ Симонъ проситъ разрѣшенія исповѣдывать осужденныхъ; ему разрѣшаютъ, но требуютъ, чтобы онъ сталъ съ ними рядомъ. Ихъ всѣхъ поставили на колѣни

лицомъ къ дорогѣ; за каждымъ изъ нихъ стоялъ солдатъ съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, ожидая приказанія стрѣлять. Въ это время неожиданно появляется ординарецъ и уводитъ каноника со словами: «Этого—не теперь». Каноникъ даетъ несчастнымъ разрѣшеніе. Палачи не позволили исповѣдывать ихъ. Затѣмъ послѣдовала казнь. Несчастные падаютъ лицомъ на землю, нѣкоторые еще живы. Двое изъ нихъ, между прочимъ, Нандринъ-отецъ, сраженный выстрѣломъ, проситъ, чтобы его убили. Ихъ приканчиваютъ выстрѣлами изъ револьвера, остальныхъ добиваютъ прикладами. Солдаты тѣмъ временемъ негодуютъ, что ихъ лишили возможности покончить съ каноникомъ. «Онъ стрѣлялъ», вопятъ они, «мы это видѣли». Между убитыми—большинство старики; были между ними и дѣти, умирали они съ рѣдкимъ мужествомъ. Нандринъ-сынъ кричалъ своей сестрѣ: «Прости, Алиса, свидимся въ вѣчности. Знай, что я не могъ исповѣдываться, но умираю такъ, какъ слѣдуетъ».

Между разстрѣлянными многіе оставили послѣ себя сиротъ. Сыновья фермера Матье были застрѣлены во время бѣгства. Пирмезъ,

владѣлецъ замка, словно предчувствуя кончину, наканунѣ причастился. Старикъ Донье, тяжко больной, былъ извлеченъ изъ кровати, а домъ его подвергся обстрѣлу, а затѣмъ былъ сожженъ.

Колбасникъ Графо жарилъ для нѣмецкихъ солдатъ говядину, когда они вторглись въ его домъ, чтобы вести его на казнь. Домъ его подожженъ; его маленькаго сына священникъ спасъ изъ пламени. Молодой Альфонсъ Лебиръ былъ сраженъ пулею, когда выскакивалъ изъ кровати. Такая же участь постигла и телеграфиста Брифоза, когда онъ, полураздѣтый, шелъ отворять дверь. Его обугленное тѣло было найдено послѣ пожара. Помимо убитыхъ, были и раненые. Такъ, одинъ мальчикъ былъ раненъ въ голову и ногу; онъ притворился мертвымъ, чтобы спастись отъ убійцъ.

Разбой продолжался въ Линсе долгое время. Всѣ погреба были опустошены, а дома сожжены. 74-лѣтній Нинанъ былъ разстрѣленъ въ пятницу. Жилище госпожи Андримонъ было совершенно разграблено и затѣмъ сожжено.

Съ приходомъ новаго полка, священника снова потребовали къ офицерамъ.—«10 человѣкъ

*

изъ числа вашихъ прихожанъ должны быть разстрѣляны», сказалъ маіоръ. Священникъ увѣряетъ, что они совершенно невинны. Онъ говоритъ: — «Но они стрѣляли». «Нѣтъ, клянусь, что этого не было! Это могъ бы сдѣлать только сумашедшій, и этотъ фактъ не существуетъ». При Штабѣ состоялъ одинъ офицеръ, баронъ Бранкаръ. Онъ сказалъ: «Ну, по крайней мѣрѣ, трое изъ вашихъ должны быть разстрѣляны, таковъ законъ войны». Слѣдующею ночью несчастные собрались въ церкви. Затѣмъ они нашли пристанище въ одномъ изъ зданій стариннаго замка Макара. Но грабители туда явились, взломали денежные ящики и съ револьверами въ рукахъ разогнали бѣглецовъ, посылая имъ въ догоню выстрѣлы изъ своихъ револьверовъ.

3. Пожаръ и разгромъ Лувенье. Разрушеніе Баттиса.

Тяжкая доля постигла красивое селеніе Лувенье. Нѣмцы появились тамъ во вторникъ, 4 Августа, въ $2^1/_2$ часа. Первымъ прибылъ уланъ съ бѣлымъ знаменемъ; затѣмъ семь улановъ раздавали свидѣтельства, удостовѣряющія, что нѣмцы

пришли, какъ друзья, и просятъ только о пропускѣ. Они проходятъ тысячами. Ихъ помѣщаютъ въ церкви, въ школахъ, въ частныхъ домахъ. Съ самаго появленія они взяли заложниковъ. Въ пятницу, 7 Августа, являются новые полки. Видъ у людей мрачный. Многіе изъ нихъ дрались подъ Льежемъ. Въ полдень являются тѣ, которые свирѣпствовали въ Линсе. Они грабятъ винныя лавки, между солдатами много пьяныхъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются выстрѣлы, а офицеры кричатъ: «Здѣсь частныя лица стрѣляютъ, здѣсь находятся вольные стрѣлки». Это была совершенная неправда. Въ теченіе трехъ дней нѣмцамъ давали все, что они требовали, и ихъ было такъ много, что о нападеніи на нихъ не могло быть и рѣчи.

Жители возражаютъ противъ обвиненія: «Никто не могъ стрѣлять, и гдѣ же это произошло?»—«Тамъ», указываютъ нѣмцы на одинъ домъ. «Это было жилище Леонарда Шарлье, уѣхавшаго наканунѣ. «Тамъ нѣтъ никого».—«Все равно». Домъ поджигаютъ.

Тѣмъ временемъ нѣмцы приносятъ въ домъ священника раненаго улана и кладутъ его въ первомъ этажѣ на кровать, заранѣе подгото-

вленную. «Цивилисты», говорятъ они, «ранили этого улана». Совершенно достаточное основаніе для задержанія 12 человѣкъ. Между ними два старика 74 и 80 лѣтъ и, конечно, настоятель прихода. Удары кулаками, удары ногами, угрозы смертью. Мужчинъ уводятъ для разстрѣла, не обращая вниманія на плачъ и просьбы женщинъ и на крики дѣтей. Всѣхъ ихъ запираютъ въ тѣсную кузницу и въ половинѣ седьмого имъ говорятъ: «Теперь вы можете бѣжать, но скоро, или...». Несчастные бѣгутъ, и солдаты потѣшаются тѣмъ, что стрѣляютъ имъ вслѣдъ. Нѣкоторымъ удалось спастись тѣмъ, что успѣли броситься въ канавы. Офицеры плотно поужинали у настоятеля, затѣмъ они ему сказали: «Теперь мы вамъ покажемъ, какъ нѣмцы умѣютъ карать деревню. Сопровождайте насъ въ автомобилѣ». Автомобиль подали. Настоятеля съ непокрытою головою поставили на подножку. Автомобиль тихо двигался между рядами солдатъ. Близъ дороги лежали трупы убитыхъ жителей. Между солдатами находились болѣе человѣчно настроенные; они говорили женщинамъ: «бѣгите скорѣе и подальше, произойдетъ нѣчто ужасное».

Въ 7 часовъ поджигатели приступили къ работѣ. Бензинъ, деготь, ракеты, всѣ принятые въ нѣмецкой арміи зажигательные снаряды пущены въ ходъ. Женщины и дѣти бѣгутъ въ отчаяніи. Средина общины объята пламенемъ. Горятъ красивые дома и фермы, а варвары поютъ свои воинственныя пѣсни. А автомобиль продолжаетъ свой путь. Грубый солдатъ бьетъ кулакомъ настоятеля по головѣ, а на слѣдующій день другой солдатъ заставляетъ его нести свой мѣшокъ. Въ субботу нѣмцы убиваютъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ чету новобрачныхъ: несчастные вышли въ поле доить коровъ, ихъ подстрѣлили, словно дичь.

Въ воскресенье грубый артиллерійскій капитанъ требуетъ, чтобы немедленно 10 человѣкъ отправились хоронить убитыхъ; къ нему приводятъ настоятеля, нотаріуса Дельво и стараго заштатнаго священника Фургона. Они исполняютъ приказаніе капитана, а настоятель затѣмъ посылается объявить прихожанамъ, что скоро начнется обстрѣлъ селенія, поджогъ домовъ, и что они должны немедленно бѣжать. Несчастные священники проводятъ ночь въ полѣ, веревками опутаны ихъ шеи и ноги; и

они привязаны къ шесту. Утромъ ихъ заставляютъ вмѣстѣ съ вновь прибывшими плѣнными зарывать въ землю лошадей, свиней и собакъ, причемъ на долю настоятеля выпадаетъ самая грязная и отвратительная работа. Тѣмъ временемъ въ селѣ пылаетъ настоятельскій домъ. Жестокости нѣмцевъ не было границъ. Въ теченіе 15 дней они мучили совершенно мирное, ни въ чемъ неповинное населеніе.

На перекресткѣ дорогъ, идущихъ изъ Льежа въ Аахенъ и изъ Вервье въ Местрихтъ стояло красивое, утопающее въ зелени село Баттисъ. Этотъ чудный уголокъ обращенъ въ груду развалинъ. Жители его первоначально не боялись пришествія нѣмцевъ: они думали, что нѣмцы покойно пройдутъ мимо ихъ села. Но скоро имъ пришлось разочароваться. Переступивъ границу 4 Августа, нѣмцы въ два часа вступили въ село и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по направленію къ желѣзнодорожной станціи, совершенно безлюдной, они начали взламывать двери и окна для того, чтобы воровать то, что имъ охотно давали бы. Въ сумеркахъ три путника, возвращающихся изъ Вервье, остановились на дорогѣ и посматривали на проходящія войска.

Нѣмцы ихъ арестуютъ, какъ подозрительныхъ. Ихъ хотятъ разстрѣлять. Извѣщенный объ этомъ, настоятель бѣжитъ ихъ спасать. Онъ увѣряетъ маіора, что прохожіе, изъ любопытства смотрящіе на войска, не похожи на людей кому-либо опасныхъ. Маіоръ неумолимъ. Онъ говоритъ, что ихъ будутъ судить. Солдаты ихъ избили, имъ что-то объявили и затѣмъ всѣхъ трехъ разстрѣляли.

Потерпѣвъ неудачу у сосѣдняго форта Флерона, нѣмцы крайне ожесточились. Такъ, солдаты, проходя мимо кофейни, увидѣли тамъ молодого крестьянина Якова Галле съ невѣстою. Безъ всякаго повода солдаты застрѣлили жениха. Два друга его, Деноэль съ сыномъ бросились бѣжать. Отецъ сраженъ двумя пулями. Отецъ жениха, заслышавъ стрѣльбу, спрятался на своемъ дворѣ. И видитъ онъ маленькую собаку, всегда бѣгавшею за его сыномъ. Морда собачки была въ крови. Предчувствіе ему подсказало, что это была кровь его сына. Нѣмцы вбѣгаютъ въ его усадьбу; онъ сначала прячется въ ямѣ, затѣмъ карабкается на дерево, гдѣ и сидитъ до поздней ночи. Слѣзъ онъ съ дерева сѣдымъ; въ нѣсколько часовъ онъ состарился на десять лѣтъ. Когда

утихла стрѣльба въсаду, нашлимолодую невѣсту: она лежала безъ сознанія на тѣлѣ убитаго жениха. Нѣкоторое время ее считали помѣшанной.

А нѣмцы не переставали свирѣпствовать. Особенно отличился 165-й полкъ. Грабежъ, убійства, поджоги не прекращались. Струи бензина, керосина, взрывчатые патроны быстро распространяютъ огонь. Красивое село горитъ, словно факелъ на высотѣ, распространяя ужасъ и отчаяніе на всѣ окрестныя мѣста. Несчастные, попадающіе въ руки солдатъ, убиваются безпощадно. Для примѣра, можно указать на семью Гендрикса. Два брата и двѣ сестры жили на фермѣ. Двое изъ нихъ были больны, за ними ходила монахиня. Завидѣвъ солдатъ, женщины хотятъ спастись черезъ окно; солдаты стрѣляютъ въ нихъ; одна изъ сестеръ ранена въ голову, другая сестра бросилась изъ окна и упала на вязанку хвороста, въ нее стрѣляютъ, поджигаютъ хворостъ,—она погибаетъ. Больного брата нашли обугленнымъ, а другой братъ спасся у сосѣда. Въ подвалѣ его дома спряталось нѣсколько лицъ. Задыхаясь въ пожарномъ дыму, они хотѣли спастись изъ подвала, но солдаты встрѣтили ихъ выстрѣлами. Ихъ обугленныя тѣла

были найдены подъ развалинами дома. Солдаты зря стрѣляютъ въ крестьянъ, а вечеромъ десять человѣкъ жителей были безъ всякаго повода разстрѣляны въ полѣ, въ тотъ же самый часъ, когда были убиты 200 невинныхъ людей въ Суманьѣ.

Грабежъ предваряетъ пожаръ и слѣдуетъ за нимъ; на желѣзнодорожной станціи стоялъ поѣздъ съ имуществомъ, награбленнымъ въ Баттисѣ.

Сомвиль утверждаетъ, что, при отсутствіи всякихъ поводовъ со стороны жителей Баттиса къ дикой расправѣ съ ними, можно придти къ тому заключенію, что участь Баттиса была заранѣе предрѣшена. Деревня была расположена на холмѣ вблизи форта. Это мнѣніе подтверждается упорствомъ, съ которымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней производились поджоги селенія. Чувствовалось, что рѣшили его разрушить. И солдаты при появленіи своемъ, когда ихъ угоцали, недаромъ говорили: «вы здѣсь всѣ погибнете». «Vous, ici, tous caput»

4. Разгромъ города Герве.

Разрушеніе красиваго городка Герве сопровождалось ужасными преступленіями. 4 Августа

въ половинѣ второго, четыре улана показались въ началѣ города, за ними вскорѣ появился автомобиль; проѣзжая по мосту, офицеры сидѣвшіе въ немъ, безъ всякаго повода застрѣлили изъ револьвера 16-лѣтняго мальчика. Въ городъ вступилъ прибывшій прямо изъ Магденбурга 165-й полкъ, прославившійся впослѣдствіи своими злодѣяніями. Жители, весьма смущенные, угощали солдатъ напитками и закусками.

Маіоръ Бейеръ остановился съ двумя офицерами и нѣсколькими солдатами у одного изъ викарныхъ священниковъ; онъ былъ очень любезенъ, выражалъ сожалѣніе по поводу войны. Въ девятомъ часу вечера полковой командиръ потребовалъ его въ ратушу; маіоръ попросилъ священника сопровождать его. Въ ратушѣ они нашли бургомистра; гнѣвный полковникъ кричалъ на него и, ссылаясь на стрѣльбу въ войска, грозилъ пожаромъ и разстрѣломъ. Бургомистру и священнику онъ объявилъ, что они арестованы. Бургомистръ рѣшительно возражаетъ противъ несправедливаго обвиненія и направляется вмѣстѣ съ священникомъ и маіоромъ оповѣстить горожанъ о судьбѣ, ихъ ожидающей. Ночью

полкъ былъ спѣшно выведенъ изъ города. Солдаты безъ всякаго къ тому повода произвели нѣсколько залповъ по тѣмъ самымъ домамъ, въ которыхъ они ночевали, гдѣ они были приняты съ полнымъ гостепріимствомъ. Нѣсколько лицъ были ранены. Въ четвергъ, 6 Августа, проходятъ новыя войска; солдаты кричатъ: здѣсь стрѣляли. Вечеромъ вспыхнулъ первый пожаръ.

Въ пятницу бургомистръ и писарь задержаны, какъ заложники, и вызваны въ штабъ. Тамъ въ ихъ присутствіи происходитъ разстрѣлъ пяти ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ. Ужасъ охватываетъ населеніе, многіе бѣгутъ изъ города, а остающіеся подвергаются тяжкимъ испытаніямъ. Двери домовъ должны быть то открыты, то заперты. Жителей выставляютъ противъ стѣнъ съ руками, поднятыми къ верху. Имъ постоянно угрожаютъ смертью. Нѣкоторые изъ болѣе добрыхъ офицеровъ совѣтуютъ жителямъ бѣжать изъ города. А одинъ офицеръ, графъ Х. упрекаетъ фельдшера, зачѣмъ онъ оставляетъ раненыхъ въ городѣ, и затѣмъ со смущеніемъ говоритъ: «Бѣдная Бельгія! Вѣдь мы исполняемъ только приказанія».

Вечеромъ по всему городу ищутъ генерала фонъ-Эммиха. Его исчезновеніе приписываютъ жителямъ. Въ домахъ производятся обыски и жителямъ угрожаютъ страшными бѣдствіями. Жители готовятся къ смерти, исповѣдываются и пишутъ завѣщанія.

Суббота, 8 Августа, былъ ужасный день. Съ утра наплывъ войска, пѣхота, кавалерія и артиллерія изъ Аахена. Войска, возбужденные чудовищными разсказами нѣмецкихъ газетъ о бельгійскихъ звѣрствахъ, наводняютъ городъ, какъ орда дикарей, производятъ тысячи выстрѣловъ и бросаютъ зажигательные снаряды. Словно въ порывѣ изступленія, солдаты врываются въ дома, выгоняютъ жителей, женщинъ и дѣтей, разставляютъ съ поднятыми руками вдоль стѣнъ, мужчинъ уводятъ. Со всѣхъ сторонъ разносятся взрывы и крики отчаянія женщинъ; палачи плюютъ имъ въ лицо и бьютъ ихъ. Жена доктора Генно, ухаживающая за ранеными нѣмцами, выгнана изъ дома съ пятью дѣтьми; ее оскорбляютъ, даютъ ей пощечины. Трупы наполняютъ улицы; жители, уцѣлѣвшіе, прячутся въ погребахъ. Одинъ нервный больной М. Р. спасается отъ смерти въ пустой могилѣ на старомъ клад-

бищѣ. Одного слѣпца связываютъ и бросаютъ посреди улицы. У слѣпой крестьянки убиваютъ мужа и сына и уводятъ коровъ.

Поджоги и убійства производились преимущественно солдатами 39-го резервнаго полка. Мѣстный священникъ обращается къ офицерамъ и проситъ ихъ пощадить населеніе. Онъ проситъ о томъ же и нѣмецкаго врача. Онъ говоритъ ему: «четыре дня мы ухаживаемъ за вашими больными, спасите нашихъ несчастныхъ жителей». Врачъ выдаетъ 3 удостовѣренія въ томъ, что жители города Герве относились къ войскамъ дружелюбно, и проситъ размѣстить ихъ въ пяти благотворительныхъ учрежденіяхъ. Защитникомъ невинныхъ выступаетъ даже фельдфебель 39-го полка Шлиссеръ. Является новый кавалерійскій полкъ; священникъ снова проситъ о пощадѣ, но одинъ молодой офицеръ громко кричитъ: «весь городъ долженъ быть сожженъ». Священника хватаютъ и тащутъ между двумя лошадьми черезъ весь городъ. Пожаръ бушуетъ всю ночь, на улицахъ происходитъ нѣчто неподдающееся описанію. Въ теченіе слѣдующаго дня поджоги и убійства продолжаются среди этихъ сценъ дикаго ужаса,

одна женщина, по фамиліи Гендриксъ, бросается на колѣни, держа въ рукахъ Распятіе; нѣмцы убиваютъ ее. На улицѣ Жардонъ они убиваютъ старика и двухъ мальчиковъ 16 и 13 лѣтъ. Точные списки всѣхъ убитыхъ нѣмцами составлены и провѣрены. 44 человѣка убиты безъ какой-либо съ ихъ стороны вины. Это были люди весьма почтенные, многіе изъ нихъ пользовались любовью и уваженіемъ населенія. Они ничѣмъ не провинились противъ нѣмцевъ. Арестовали ихъ случайно, разстрѣливали зря, иногда среди ихъ обычныхъ занятій; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, когда они бѣжали изъ своихъ домовъ. Грайле и его жена были убиты, когда доили своихъ коровъ; братья Бейеры, служащіе въ земледѣльческомъ кооперативномъ обществѣ, дѣятельно снабжали нѣмцевъ всѣмъ имъ необходимымъ—они были безъ всякаго состраданія убиты. На подъѣздѣ у Эмиля Льежуа нѣмцы звонятъ и произносятъ успокоительныя рѣчи; онъ отворяетъ дверь, его убиваютъ и тяжело ранятъ его сестру. Госпожа Дье и ея дочь задохлись отъ огня въ подвалѣ своего дома; многіе были разстрѣляны въ присутствіи ихъ женъ и дѣтей. Два старика Изерентанъ и Лар-

динуа, узнавъ, что не далеко отъ города лежатъ тѣла фермера де Гвелдера и его дочери, пожелали отнести два гроба и похоронить ихъ. Нѣмцы не помѣшали имъ, но глядя на нихъ посмѣивались. Но потомъ, когда они уложили покойниковъ въ гроба, одному изъ нихъ размозжили голову прикладомъ ружья, а другого сразили штыковыми ударами. Въ воскресенье 9 Августа подожгли ратушу, она сгорѣла со всѣми документами и знаменемъ 1830 года.

Генералъ фонъ Клюкъ поселяется на виллѣ Филиппара, герцогъ Шлезвигъ-Гольштейнскій, зять кайзера, сидитъ на верандѣ, у дверей стоятъ заложники; обращаясь къ нимъ, герцогъ сказалъ: «я родственникъ вашего Короля и у меня много добрыхъ друзей въ Бельгіи, но если въ нашу армію стрѣляютъ, то возмездіе необходимо». Далѣе онъ говоритъ о безполезности дальнѣйшей защиты форта Флерона. «И что вы думаете объ этомъ»? Спрашиваетъ онъ священника, присутствующаго при разговорѣ.

— Я священникъ,—отвѣчалъ послѣдній,— это внѣ моего вѣдѣнія.

— А что вы думаете о Бельгіи, которая навлекла на себя такія несчастія?

— Дѣло идетъ о нашей національной чести и лучше потерять все, чѣмъ лишиться ея.

11 Августа многіе жители бѣгутъ по направленію къ Вервье.

11—хоронятъ разстрѣлянныхъ и убитыхъ. Генералъ Клермонъ арестуетъ священниковъ, какъ заложниковъ. Въ Германію отходитъ поѣздъ, нагруженный мебелью, награбленной въ Вервье. Всеобщее пьянство среди солдатъ. Стрѣльба раздается во всемъ городѣ. Стрѣляютъ даже въ своихъ.

Въ среду 12 Августа пожаръ снова разгорается. Грабежъ принимаетъ еще болѣе широкіе размѣры; грабители тащатъ все:—мебель, посуду бѣлье, одежду. Нагружаютъ ими автомобили, повозки; эти экипажи постоянно направлялись къ границѣ и снова возвращались за добычей. Офицеры взломали денежные сундуки въ ратушѣ и на почтѣ.

13—продолжается грабежъ и насиліе. Жители подавлены страхомъ. Госпожа Л. сходитъ съ ума. У многихъ помутился разумъ.

14 Августа офицеры въ автомобилѣ принимаютъ участіе въ грабежѣ. Поджогъ дома бургомистра.

Въ воскресенье 16 безпорядокъ въ полномъ разгарѣ. Солдаты пьютъ коньякъ прямо изъ бутылокъ. Они хотятъ разстрѣливать жителей, то арестуютъ ихъ, то снова отпускаютъ. У бывшаго аптекаря Борбу они крадутъ деньги и разные предметы и покрываютъ нечистотами комнаты.

17 Августа грабежъ продолжается. Лепантеръ любезно принялъ у себя гусаръ, они привязали его къ столу и въ его присутствіи мучили его жену.

18—поджогъ четырехъ домовъ близъ станціи желѣзной дороги. Грабежъ преимущественно солдатами 159 полка.

До 25 Августа продолжается разгромъ города. Болѣе 300 домовъ было разрушено. Жители въ конецъ разорены. Всѣ автомобили похищены. Всѣ погреба опустошены. Въ домахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, насильники рвали на части образа, фотографіи, разбивали и оскверняли то, что не могли утащить, покрывали нечистотами кровати, одѣяла. О другихъ злодѣяніяхъ лучше не говорить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было видѣть, что грабежъ былъ произведенъ людьми,

обладающими спеціальными техническими познаніями. Такъ у доктора были съ большимъ разборомъ выкрадены всѣ лучшіе новые и дорогіе препараты и инструменты. Въ Германію были отправлены 80 головъ скота и множество припасовъ, 5 роялей и множество мелкихъ предметовъ, выкраденныхъ въ магазинахъ.

Къ одному красивому магазину подъѣхали въ автомобиляхъ военные и штатскіе нѣмцы. Они вышли изъ магазина съ цѣлыми охапками тростей и зонтиковъ. Другіе автомобили нагружались у частныхъ домовъ корзинами съ винами. Все это отправлялось въ Германію.

Цвѣтущій прежде городъ Герве въ теченіе 10 дней былъ жертвою самаго дикаго вандализма. Жители его въ конецъ разореные разбѣжались. Изъ 4.500 по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ возвратилось около 3.000.

5. Избіеніе въ Буксѣ, Ольнѣ и Сентъ-Гаделинѣ.

Недалеко отъ Герве по обѣимъ сторонамъ шоссе раскинулась красивая деревня Буксъ. Здѣсь разыгрались самыя отвратительныя сцены избіенія всего мужского населенія и истребленія цѣлыхъ семействъ, какъ, напри-

мѣръ, семья Бенуа, состоящая изъ отца, трехъ сыновей 19, 18 и 16 лѣтъ, дочери 12 лѣтъ; семья Крессона, состоящая изъ отца, матери, сыновей 16 и 13 лѣтъ и дочерей 11 и 7 лѣтъ и т. д. Солдаты 165 полка пришли въ Буксъ вечеромъ 4 Августа. Послѣ того, какъ ихъ хорошо накормили, они выразили желаніе поиграть въ карты. На слѣдующій день утромъ они выступали противъ форта Флерона и, потерпѣвъ неудачу, возвратились крайне озлобленными. Въ 4 часу утра въ понедѣльникъ раздалась сильная стрѣльба, жители подумали, что начинается сраженіе, но нѣмцы, вбѣгая въ дома, кричали: «Вонъ выбѣгайте, гадкіе французы». И по мѣрѣ того, какъ люди показывались въ дверяхъ, ихъ убивали наповалъ. Одинъ изъ несчастныхъ бросается на колѣни и проситъ пощадить его ради жены и дѣтей. Выстрѣлъ изъ ружья сразилъ его. Одинъ офицеръ спускается въ подвалъ, гдѣ находитъ 11 женщинъ и дѣтей. Съ револьверомъ въ рукахъ онъ всѣхъ ихъ выгоняетъ. Они бѣгутъ по улицѣ среди пылающихъ домовъ. Обезумѣвшіе солдаты кричатъ имъ: «Мерзкія француженки, всѣхъ васъ въ огонь!» Эта страшная

угроза не была пока приведена въ исполненіе.

Въ субботу около 5 часовъ утра новая пальба. Солдаты, избивая несчастныхъ кулаками и прикладами, выгоняли одну часть жителей на лужайку, а другую—къ кирпичному заводу. Тѣхъ, которые надѣялись спастить бѣгствомъ, убивали выстрѣлами изъ ружей. Затѣмъ самымъ отвратительнымъ образомъ расправились съ остальными. Ихъ поставили рядомъ, сразили залпомъ и раненыхъ прикончили на мѣстѣ. Всего на этомъ мѣстѣ пали 81 жертва, и кромѣ того недалеко погибли 48 несчастныхъ пригнанныхъ изъ сосѣднихъ деревень и поставленныхъ передъ нѣмецкими войсками, когда они шли атаковать сосѣдній фортъ. Недалеко отъ Букса были три фермы, нѣмцы ежедневно посѣщали ихъ и получали даромъ яйца, молоко, масло и мясо. Въ субботу они, неизвѣстно почему, сожгли двѣ фермы и убили всѣми уважаемаго крестьянина Багетта. Въ третьей фермѣ они произвели полный разгромъ. Одинъ 80-ти-лѣтній старецъ говорилъ сосѣдямъ: «Спасайтесь всѣ скорѣе, я старъ, что могутъ они сдѣлать со мною». Черезъ полчаса онъ былъ убитъ.

Одинъ изъ жителей Букса Генрихъ Дефоозъ, отецъ двухъ погибшихъ сыновей, былъ раненъ и притворился мертвымъ, его обыскали, какъ и другихъ, и вытащили изъ кармана 2.000 франк.

Всего любопытнѣе, что тщательное изслѣдованіе, призведенное нѣмецкими властями изъ Льежа, вполнѣ установило, что нѣмцы не имѣли никакого повода обвинять въ чемъ либо мѣстное населеніе.

Жестоко пострадало отъ нѣмцевъ село Ольнъ. Во вторникъ 4 Августа солдаты 20 и 35 полковъ и охотники 5 полка вступили въ село, весьма красиво расположенное на пригоркѣ. Населеніе встрѣчаетъ ихъ даже слишкомъ любезно. Въ среду однако настроеніе мѣняется. Нѣмцы хотятъ устранить съ колокольни бельгійскій флагъ, прикрѣпленный къ высокому шпилю. Солдаты поднимаются на колокольню, но имъ не удается убрать флагъ. Послѣ обѣда войско, ходившее противъ форта Флерона, возвратилось, имѣя довольно много раненыхъ, между ними находились маіоръ и одинъ офицеръ. Солдаты снова пошли на колокольню снимать флагъ и на этотъ разъ удачно, но имъ

при этомъ пришлось нѣсколько разъ толкнуть флагъ, отчего онъ развѣвался. По прошествіи нѣкотораго времени, къ церкви прибѣжали стрѣлки, они стараются взломать дверь. Настоятель приноситъ ключъ. Стрѣлки прицѣливаются въ него, приставляютъ къ его виску револьверъ и кричатъ: «Флагомъ давали сигналы, вы измѣнникъ и будете убиты». Настоятель старается объяснить имъ то, что произошло, они ничего не хотятъ слушать, тщательно осматриваютъ всю церковь, утверждая, что въ ней спрятаны солдаты и подозрительные люди. Конечно, они никого не находятъ. Въ это время въ церковъ приходятъ викарный священникъ и общинный секретарь. Настоятель разсказываетъ имъ о происшествіи и предлагаетъ имъ зайти къ нему, они отказываются и на нихъ совершенно неожиданно набрасываются солдаты. Безъ всякаго видимаго повода они убиваютъ одного 69-лѣтняго старика Шене и 21-лѣтняго юношу Низе, случайно проходившаго мимо. Въ четвергъ утромъ были найдены тѣла викарнаго и коммунальнаго секретаря. Тѣмъ временемъ раненыхъ маіора Шютса 20 полка и лейтенанта Вассерфаля помѣстили

въ школу сестеръ, туда же начали направлять и раненыхъ. Маіоръ по этому поводу сказалъ: «Если противъ насъ что либо будетъ предпринято, то настоятель будетъ повѣшенъ и всѣ остальные перебиты». Въ другихъ мѣстахъ рѣзали носы и уши раненымъ и цѣлыя общины перестали существовать.

Слѣдующая недѣля прошла покойно. Въ четвергъ 13-го село было занято крупными орудіями. Бургомистра арестовали. Перепуганному населенію было сообщено, что если ночью раздадутся выстрѣлы, то бургомистръ и настоятель будутъ повѣшены, а всѣ остальные разстрѣляны. Предупрежденіе по отношенію къ жителямъ совершенно излишнее. Эти мирные люди ни въ Ольнѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не собирались предпринимать противъ угнетателей какихъ либо насильственныхъ дѣйствій.

Недалеко отъ Ольна, на берегу рѣки Маньи, красиво раскинулось село Сентъ-Гаделинъ. Жители его встрѣтили 5 Августа нѣмцевъ весьма спокойно и относились къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, но близость форта Флерона была для несчастнаго селенія источникомъ великихъ бѣдствій. Сопротивленіе этого форта

раздражало войска, они разграбили кооперативъ и утащили изъ одного погреба 300 бутылокъ вина. Населеніе, предвидя бѣду, спаслось въ церкви, а опьянѣвшіе солдаты начали поджигать нѣсколько домовъ. Ночью они проникаютъ къ школьному учителю Варнье, арестуютъ его вмѣстѣ съ его семействомъ и полевымъ сторожемъ Навалемъ. Нѣмцы обвиняютъ его въ томъ, что выстрѣлы изъ форта ночью доносились до села. Онъ рѣшительно отвергаетъ это дикое обвиненіе, но насильники ничего не хотятъ слушать. Несчастнаго учителя гонятъ къ часовнѣ. Жена съ ребенкомъ на рукахъ слѣдуетъ за нимъ, она проситъ пощады, ее отталкиваютъ прикладами ружья. Съ окровавленнымъ лицомъ она продолжаетъ просить о мужѣ. На ея глазахъ разстрѣляли ея мужа, потомъ она присутствуетъ при избіеніи ея дѣтей. Два сына падаютъ сраженные пулями, такова же участь ея дочерей. Берта лежитъ на землѣ, ее покрываетъ Нелли, смертельно раненая; она слышитъ предсмертные хрипы сестры и чувствуетъ, какъ она отходитъ. Мать, сама тяжело раненая, присутствуетъ при этомъ страшномъ зрѣлищѣ избіенія ея дѣтей. Она слышитъ отчаянные крики жены Наваля,

падающей безъ чувствъ, видя, что собираются разстрѣлять ея мужа, въ то время когда ихъ маленькій 5-ти-лѣтній сынъ умоляетъ: «Господинъ солдатъ, не трогайте папу, онъ ничего не сдѣлалъ, онъ добрый»... Нѣмцы безпощадны, они убиваютъ трехъ крестьянъ изъ деревни Форе. Этихъ несчастныхъ нашли съ руками, перевязанными за спиною цѣпями, которыми обыкновенно привязываютъ козъ и барановъ. Затѣмъ убійцы врываются въ домъ Дезане. Семья состоитъ изъ 66-ти-лѣтней старушки, разбитой параличемъ, ея сына Генриха и дочери Жозефины. Увидавъ въ сосѣднихъ домахъ пожаръ, они снесли старушку въ нижній этажъ въ то самое время, когда нѣмцы выламывали входную дверь. Солдаты набрасываются на несчастныхъ. Мать и дочь ранены выстрѣлами и прикончены прикладами ружей. Сынъ раненый спасся подъ лавкою. Убитыхъ женщинъ нашли въ развалинахъ. Ихъ тѣла обуглились. Послѣ этихъ ужасовъ нѣмцы направляются къ ткацкой фабрикѣ. Они выгоняютъ оттуда женщинъ и, несмотря на ихъ слезы и мольбу, уводятъ мужчинъ. Ихъ ведутъ къ деревнѣ Риссонсару. Жители ея, не подозрѣвая ничего тревожнаго, выходятъ

къ нѣмцамъ навстрѣчу, несутъ имъ съѣстные припасы. Ихъ присоединяютъ къ прежней толпѣ и ведутъ на казнь. Разстрѣлъ производится небольшими партіями въ мѣстности, называемой ле Френъ.

Одинъ изъ осужденныхъ отставной учитель Поле, человѣкъ съ характеромъ твердымъ возмутился варварствомъ палачей. Когда ему приказали занять мѣсто передъ разстрѣломъ, то онъ съ негодованіемъ отказался, его разстрѣляли на бугоркѣ, на которомъ онъ стоялъ, въ позѣ полной мужества и достоинства.

Нѣкто Маге, обращаясь къ осужденнымъ на казнь, громко прочелъ отходную. Слова молитвы повторяли несчастные страдальцы. Потомъ, когда пришелъ его чередъ, Маге поднялъ шляпу и прокричалъ: «Да здравствуетъ Бельгія!» «Да здравствуетъ Бельгія!» повторили несчастные.

Дальнѣйшему избіенію помѣшалъ неожиданный пріѣздъ верхового. Онъ передалъ приказаніе немедленнаго выступленія. 33 человѣка были застрѣляны, 4 жертвы ждали своей очереди, но ихъ не успѣли убить и вмѣстѣ съ другими осужденными заставили тащить пушки въ мѣстность, прилегающую къ форту Флерону.

А затѣмъ всѣхъ ихъ отпустили безъ всякихъ объясненій. Правда, имъ сказали: «Идите прямо домой». Но дома ихъ были обращены въ дымящіяся развалины. Нужно, впрочемъ, отмѣтить рѣдкій случай человѣколюбія. Ночью, когда осужденныхъ гнали на казнь, одинъ изъ нихъ раненый въ ногу могъ двигаться, только опираясь на палку. Когда это замѣтили, то палку отъ него отняли и бросили въ горящій домъ. Онъ съ трудомъ передвигался, его безпощадно бьютъ. Замѣтивъ солдата, показавшагося ему добрымъ, онъ прошепталъ ему: «У меня полдюжины дѣтей, вотъ мое несчастіе. Я долженъ бы пожить еще». Солдатъ ему отвѣтилъ въ полголоса: «Идите, въ сторону вотъ туда». Арестованный отсталъ и спасся.

Уцѣлѣвшіе отъ избіенія передавали, что нѣмецкіе солдаты были крайне возбуждены. «Это были не люди», говорили они: «а какіе то демоны».

Въ ту же ночь съ 5 на 6 Августа солдаты, грабя дома, находятъ въ одномъ изъ нихъ небольшое ружье, висящее на стѣнѣ. Не обращая вниманія на то, что никто имъ не пользовался, они тутъ же разстрѣливаютъ Іосифа Тиксона и

Генриха Маге. Затѣмъ проникаютъ въ ферму Девандра и убиваютъ хозяина, его двухъ сыновей и двухъ родственниковъ. Фермеръ Деяненъ, заслышавъ крики и стрѣльбу, вышелъ посмотрѣть на то, что происходитъ. Его убиваютъ на порогѣ его дома.

Тѣмъ временемъ въ окрестности поджигаютъ дома. Женщины едва одѣтыя спасаются, унося едва прикрытыхъ дѣтей. Со всѣхъ сторонъ несутся отчаянные вопли въ перемежку съ бранью и ругательствами варваровъ.

А передъ тѣмъ въ мѣстность, называемую Вье Саръ,—гдѣ находится старая каменоломня, были приведены около двадцати жителей изъ Эйне. Офицеры дѣлали видъ, какъ будто о чемъ то имѣли сужденіе, и затѣмъ, не предъявляя никакихъ обвиненій, не дѣлая даже допросовъ, приказали разстрѣлять этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Многіе изъ убитыхъ были найдены обугленными. Изъ 29 людей, жившихъ въ томъ мѣстѣ, 23 были убиты.

Всѣмъ этимъ еще не исчерпываются звѣрства германцевъ. Они гонятъ передъ собою людей, выставляя ихъ подъ разстрѣлъ фортовъ, а

затѣмъ разстрѣливаютъ или инымъ способомъ убиваютъ ихъ.

Германцы не только убивали людей, но и мучительно издѣвались надъ ними. Такъ, цѣлясь въ нихъ, они заставляли ихъ аплодировать и прыгать.

6. Разгромъ деревни Форе.

Нѣмцы вступили въ деревню Форе 5 и 6 Августа. Большой замокъ семьи Фабрибекерсъ подвергся совершенному разгрому. Ферма М. Дельво подожжена, и его оба сына убиты безъ всякаго повода. Затѣмъ еще двѣ фермы сожжены. Жители ихъ частью перебиты, частью отправлены къ фортамъ для того, чтобы защищать осаждающихъ отъ выстрѣловъ. А затѣмъ всѣ они были перебиты въ Буни. Домъ священника Форе также былъ разгромленъ. Прежде чѣмъ разстрѣлять учителя, его поставили на бельгійскій флагъ, снятый съ колокольни. Онъ долженъ былъ топтать ногами флагъ родной земли.

По поводу разстрѣла двѣнадцати лицъ въ деревнѣ Форе были высказаны предположенія, что эта расправа была вызвана тѣмъ, что въ одномъ изъ домовъ нашли блузу бельгійскаго

солдата. Въ ночь съ 5 на 6 Августа нѣмцы направились изъ деревни Форе въ небольшую деревню Манье. По пути они совершаютъ цѣлый рядъ грабежей. Такъ, сначала они сжигаютъ домъ Беккерса и еще двухъ крестьянъ. Они убиваютъ Іакова Гатца и его родственника Беккерса, когда онъ съ двумя ведрами въ рукахъ шелъ доить коровъ. Разстрѣлявъ Ивана Наваля, они бросаютъ тѣла ихъ въ глубокій ровъ близъ дороги. Подпаливъ три дома, грабители подходятъ къ фермѣ М. Спирлета. Слуга, заслышавъ шумъ, подходитъ къ окну, пуля сражаетъ его, и онъ падаетъ мертвымъ. Затѣмъ грабители поджигаютъ сосѣднюю ферму и посылаютъ въ нее нѣсколько залповъ. Перепуганные жители спрятались въ подвалъ и едва не задыхаются отъ дыма. Стрѣляя по пути въ двери и окна, солдаты врываются къ М. Денису и къ его сосѣду, поджигаютъ домъ перваго и гонятъ обоихъ по улицѣ. Офицеры, увидавъ ихъ, спрашиваютъ солдатъ: «Что это за люди?» Солдаты отвѣчаютъ незнаніемъ. Ихъ отпускаютъ и даже не мѣшаютъ имъ тушить пожаръ.

Далѣе солдаты поджигаютъ еще одинъ домъ. Они доходятъ до площади среди села. Въ 4 часа

утра показывается 35 полкъ. Во главѣ его плѣнные и настоятель церкви Форе, аббатъ Шабо. Около мѣстности, именуемой Соклюсъ, ихъ разстрѣливаютъ. Священникъ падаетъ лицомъ на землю, его молитвенникъ лежитъ близъ правой руки.

Вслѣдъ за полкомъ гонятъ новыхъ арестованныхъ.

Около церкви солдаты проникаютъ къ Г-жѣ Фассотъ. Ея родственники и нѣсколько человѣкъ прислуги спрятались въ подвалѣ. «Выходите оттуда!» кричатъ солдаты. Они выходятъ и несутъ съѣстные припасы. Ихъ ставятъ въ одинъ рядъ и всѣхъ разстрѣливаютъ.

Нѣмцы, озлобленные столкновеніемъ съ бельгійскимъ отрядомъ, продолжаютъ истязать мирное населеніе. Въ деревнѣ Манье солдаты стучатъ въ дверь дома, занятаго семействомъ Жакмина. Трое молодыхъ людей молились вмѣстѣ со своею матерью, недавно овдовѣвшею. Они спѣшатъ предложить солдатамъ корзинки съ хлѣбомъ и масломъ. Ихъ отталкиваютъ. Удаляютъ мать, а ихъ уводятъ въ поле, гдѣ разстрѣливаютъ. Бѣдная мать узнала объ убійствѣ ея дѣтей черезъ три дня совершенно случайно

отъ одной незнакомой женщины, сказавшей ей: «Самая несчастная женщина,—это бѣдная вдова Жакминъ, у нея убили трехъ сыновей». Злодѣи проникаютъ и въ сосѣдній домъ капитана Жакоба, уѣхавшаго на войну. Найдя кепи и шинель, они производятъ полный разгромъ дома, уничтожаютъ предметы искусства и собранія всякихъ рѣдкостей. Они грабятъ въ сосѣднихъ небольшихъ домахъ и ищутъ настоятеля: «Вашъ священникъ, кричатъ изверги, бросалъ гранаты и велѣлъ стрѣлять въ насъ, онъ долженъ погибнуть, гдѣ же онъ?»

Грабежъ продолжается. Среди неописуемыхъ криковъ и шума одинъ параличный сходитъ съ ума. Онъ вѣшается. Его родственница, молодая жена бельгійскаго солдата, видя это ужасное зрѣлище, падаетъ въ обморокъ и умираетъ.

Грабители портятъ припасы, которыхъ не могутъ взять съ собою. Возвращаясь въ деревню, они поджигаютъ еще нѣсколько домовъ.

Настоятель, котораго искали солдаты, обходилъ тѣмъ временемъ село и уговаривалъ своихъ прихожанъ спасаться отъ вѣрной смерти. Нѣкто Дюйтанъ нѣмецкаго происхожденія не послушался. Его любезные соотечественники

убили его съ женою и съ 18 лѣтнимъ сыномъ; домъ былъ разграбленъ и подожженъ.

Крестьянинъ по фамиліи Жакмине, женившійся незадолго передъ тѣмъ, не подозрѣвая, что происходитъ въ деревнѣ, покуривая сигару, возвращался съ поля по тропинкѣ, оказавшейся запретной; при поворотѣ его замѣтили; раздался выстрѣлъ, онъ упалъ сраженный, держа сигару между пальцами.

Затѣмъ солдаты встрѣчаютъ ветхаго старика Жерара:—новое убійство. Возвратясь къ церкви, они поджигаютъ два дома и уводятъ оба семейства по направленію къ деревнѣ Ольнъ. Къ этимъ семействамъ присоединяются еще двѣ семьи. Всѣ эти люди идутъ съ руками, завязанными на спинѣ и весьма близко связанными между собою. Они должны были защищать осаждающихъ отъ огня фортовъ.

Новые поджоги домовъ двухъ крестьянъ сестеръ Гатуа, пожилыхъ дѣвушекъ, одна изъ которыхъ лежала въ постели послѣ тяжкой операціи. Ихъ выгоняютъ изъ дома и тащатъ въ поле.

Близъ церкви солдаты грабятъ домъ Лерьютта и уводятъ связанными пять его сыновей въ

Ольнъ. У одного бѣднаго старика по фамиліи Бофе нѣмцы поджигаютъ мебель; старикъ не теряется, выбрасываетъ горящую мебель изъ дома и тѣмъ останавливаетъ пожаръ.

Поджигатели идутъ въ деревню; они зажигаютъ домъ Мерсіе, затѣмъ арестуютъ Бастина, его жену и двухъ сыновей. Больная женщина не можетъ идти, ее грубо бросаютъ на артиллерійскій ящикъ. Несчастное семейство въ смертельной тревогѣ направляется въ Ольнъ, гдѣ проводитъ ночь на голой землѣ.

Тѣмъ временемъ солдаты ѣли и напивались. «Что дѣлать, говорилъ офицеръ одному старику, который горько плакалъ,—когда дерутся на войнѣ, то люди становятся словно дикими звѣрями».

Священникъ Вьюдаръ зашелъ въ одинъ домъ для перевязки раненыхъ. Вдругъ надъ кроватью одного изъ больныхъ разрывается шрапнель и въ то же время другой снарядъ падаетъ въ идущую мимо кавалерію. Одинъ изъ всадниковъ сраженъ. Его останки зарываютъ въ землю. Священникъ, перевязавъ раненыхъ, выходитъ изъ дома, руки его запачканы кровью и іодомъ. Его останавливаютъ: «Вы видите,

это убійца, смотрите на его руки, хватайте его!» Священникъ объясняется. «Хорошо, Вы будете проводникомъ». Его уводятъ. Люди разсказывали, что на пути шрапнели постоянно летѣли изъ форта, солдаты ложились въ канавы, а священника заставляли стоять. Далѣе солдаты били его прикладами. Бельгійскія войска стрѣляли: «Вы слышите, говорили ему, это опять крестьяне стрѣляютъ.—Неправда ли?

— Я не знаю, кто стрѣляетъ, вѣроятно войска стрѣляютъ.

— Хорошо. Вы будете разстрѣляны и впередъ!» Угроза не была примѣнена къ нему, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ его постоянно тревожили, какъ заложника, и онъ тяжко заболѣлъ отъ всего имъ пережитаго.

Что же касается до толпы, направленной въ Ольнъ, то храбрые германцы пользовались ею, какъ прикрытіемъ при атакѣ форта Шодфонтена.

7. Избіеніе въ Ромзе.

Ромзе небольшая деревня между фортами Флерономъ и Шодфонтеномъ. 6 Августа въ три часа утра нѣмцы идутъ приступомъ на Флеронъ.

Фортъ встрѣчаетъ ихъ шрапнелью, а бельгійская пѣхота—дождемъ пуль. Нѣмцы мстятъ мирному населенію: мужчинъ разстрѣливаютъ, несмотря на слезы и вопли женщинъ и дѣтей.

Убиваютъ безъ разбора. Одинъ падаетъ, отворяя дверь, въ которую стучатся солдаты; другой сраженъ среди своей семьи, третій—среди улицы. Женщинъ и дѣтей выгоняютъ по направленію къ форту Шодфонтену. Всего убито свыше 30 старыхъ и молодыхъ, въ томъ числѣ одинъ священникъ. Въ подвалѣ одного изъ домовъ спряталось семейство фабриканта Мажеса. Нѣмцы разбиваютъ двери и окна и хватаютъ мужчинъ. «Убивайте, поджигайте!» кричатъ офицеры. Мажесы немного говорятъ по нѣмецки и спрашиваютъ: «Почему?» Офицеръ, пожимая плечами, говоритъ: «Что дѣлать, это война». Противъ дома ставятъ рядомъ Мажеса отца, 18-лѣтняго сына, воспитанника нормальной школы, младшаго сына, стараго слугу. Женщинъ гонятъ. Передъ самымъ разстрѣломъ, офицеръ, показывая на младшаго сына ребенка, говоритъ: «Слишкомъ молодъ». Мальчика отводятъ. И затѣмъ стрѣляютъ сначала въ слугу. Затѣмъ въ сына на глазахъ у

отца, а затѣмъ и въ отца. Всѣ трое падаютъ къ порогу собственнаго дома. Сосѣди въ ужасѣ смотрятъ на это страшное избіеніе.

Затѣмъ дома подвергаются разграбленію. Солдаты воруютъ напитки, вина, сигары, деньги. Стрѣляютъ взрывчатами составами, дома пылаютъ. Тѣла убитыхъ горятъ въ огнѣ. Въ домѣ Мажеса бросаютъ въ огонь мебель, піанино.

12 домовъ еще разграблены, а затѣмъ подожжены. Эти постыдныя дѣянія совершены офицерами и солдатами 35 пѣхотнаго полка. Тѣмъ временемъ фортъ обсыпаетъ нѣмецкія войска снарядами. Дома, уцѣлѣвшіе отъ пожара, наполняются ранеными солдатами. Священникъ и сельскіе жители, принадлежащіе къ отряду Краснаго Креста, идутъ подбирать раненыхъ. Въ нихъ стрѣляютъ. Затѣмъ, когда они показываютъ разрѣшеніе нѣмецкаго врача и желаютъ исполнять свои обязанности по отношенію къ раненымъ, ихъ арестуютъ и ведутъ въ лагерь. Въ штабѣ на нихъ набрасываются, обвиняя въ измѣнѣ, въ шпіонажѣ. Съ ними обѣщаютъ посчитаться. Затѣмъ совершенно неожиданно происходитъ какое то замѣшательство, они спѣ-

шатъ этимъ воспользоваться и спасаются бѣгствомъ.

Ужасный день выпалъ на долю жителей деревни. Они должны были ограждать собою нѣмцевъ отъ бельгійскихъ выстрѣловъ, а пока ихъ держали передъ фронтомъ, нѣмцы безчинствовали въ ихъ домахъ.

8. Разгромъ деревни Мишеру.

Небольшая деревня Мишеру лежитъ на пути изъ Аахена въ Льежъ. Нѣмцы появились въ деревнѣ 5 Августа въ 4 часа утра. Они вламывались въ двери, жаловались на усталость и требовали пищи; ихъ накормили. Безъ всякой причины солдаты набросились на мирныхъ жителей, начали грабить дома и поджигать ихъ. Въ Мишеру не обвиняли крестьянъ въ томъ, что они стрѣляли. Нѣкоторые солдаты, только злобно говорили: «вотъ, какъ Бельгія не хочетъ насъ пропустить». Женщинъ и дѣтей выгоняли изъ домовъ безъ всякой пощады; одну родильницу выбросили изъ кровати прямо на улицу. Сестры по фамиліи Фасоттъ поспѣшили устроить въ своемъ домѣ лазаретъ. Имъ немедленно воспользовались нѣмцы и благодарили

сестеръ, что однакоже не избавило ихъ отъ ареста. Ихъ направили вмѣстѣ съ другими женщинами въ церковь селенія Фешера. Когда ихъ выпустили изъ церкви, онѣ нашли лишь однѣ дымящіяся развалины своего дома. Такова благодарность нѣмецкихъ культуртрегеровъ.

Въ 4 часа утра пруссаки будятъ купца Пальера и его двухъ дочерей. Они требуютъ закуски. Въ лавку входитъ капитанъ, благодаритъ хозяина за любезность и говоритъ:—«иголка не пропадетъ въ этомъ домѣ». Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ любезнаго хозяина и его дочерей выгоняютъ изъ дома. Возвратясь на слѣдующій день, несчастные нашли свое жилище испепеленнымъ.

Близъ деревни были вмѣстѣ съ мѣстными жителями разстрѣляны крестьяне, женщины и дѣти. Было не мало раненыхъ. Много домовъ было сожжено и разграблено. Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ подвиговъ нѣмецкой орды, одинъ мѣстный житель родомъ изъ Германіи сказалъ своимъ бывшимъ соотечественникамъ: «вы убиваете болѣе мирныхъ гражданъ, чѣмъ солдатъ, развѣ это война?—Это вѣрно—отвѣчали ему, но если бы мы буквально исполняли приказанія,

намъ данныя, то не осталось бы камня на камнѣ и ни одного живого существа».

5 Сентября, одинъ офицеръ, возвращаясь изъ Германіи, проѣзжалъ черезъ Мишеру. «Ровно мѣсяцъ тому назадъ я былъ здѣсь, а у васъ еще уцѣлѣли двѣ хорошія улицы, вамъ очень повезло».

Слова эти получаютъ особый смыслъ, когда приходятъ на память обѣщанія нѣмцевъ камня на камнѣ не оставить въ Бельгіи, если имъ придется уходить изъ нея.

9. Избіенія въ Фешерѣ.

5 и 6 Августа въ этой деревнѣ было избито болѣе 200 жителей. Нѣмцы начали свирѣпствовать съ 4 часовъ утра 4 Августа. Рабочіе, возвращавшіеся раннимъ утромъ изъ Льежа, подверглись безпощадному разстрѣлу.

Нѣмцы, отброшенные бельгійскими войсками, съ яростью опрокидываются на мирныхъ жителей. Они выгоняютъ ихъ изъ домовъ, обвиняя ихъ въ стрѣльбѣ. Двери разбиваютъ ударами топоровъ и жителей выгоняютъ въ поле и заставляютъ сидѣть съ поднятыми руками. Другую часть жителей нѣмцы сгоняютъ въ залу

кооператива. Долго держатъ этихъ несчастныхъ безъ всякой пищи, женщины и дѣти плачутъ. Солдаты прицѣливаются въ нихъ. Поднятыя руки отъ утомленія опускаются. Ослабѣвшихъ бьютъ прикладами. Показывая на нихъ говорятъ капитану: «посмотрите на этихъ людей, они вѣдь ни въ чемъ неповинны, и они страдаютъ отъ голода».—«Это не наше дѣло»,—отвѣчаетъ офицеръ.

Послѣ полудня всю толпу перегоняютъ въ новую еще не оконченную церковь, по пути туда виднѣлась деревня Вивье, вся объятая пламенемъ. Воздухъ оглашался стрѣльбой и воплями. Около тысячи несчастныхъ набралось въ церкви. Въ церковь вбѣгаетъ женщина въ ужасѣ, на ея прострѣленной рукѣ лежитъ убитый младенецъ.

Въ послѣобѣденный часъ изъ Вивье пригнали 69 арестованныхъ, ихъ построили рядами, а противъ нихъ выстроили солдатъ въ три ряда. Всѣ 69 были немедленно разстрѣляны, нѣкоторые изъ нихъ были только ранены, они притворились мертвыми, въ надеждѣ спастись отъ варваровъ. А тѣмъ временемъ заключенные въ церкви изнемогали отъ усталости, голода,

холода и страха. Ихъ долго мучили, а затѣмъ заставили идти передъ наступающими на бельгійцевъ нѣмецкими войсками, чтобы ограждать ихъ отъ бельгійскихъ пушекъ и ружей. Мужчинъ ставятъ среди церкви, ихъ привязываютъ ремнями одного къ другому такъ крѣпко, что слѣды ремней уцѣлѣли у нихъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. При плачѣ женъ и дѣтей изъ церкви выводятъ 412 мужчинъ. Первый изъ нихъ, неизвѣстно почему, былъ застрѣленъ у самаго порога церковнаго. Женщинамъ затѣмъ объявляютъ, что онѣ свободны. Мужчинъ уводятъ изъ деревни, близъ дороги они видятъ бездыханныя тѣла 17-ти убитыхъ жителей. Нѣкоторые старики изнемогаютъ, они не могутъ идти, ихъ несутъ на рукахъ болѣе молодые. Къ вечеру ихъ приводятъ въ мѣстность, называемую Шартрезъ, заброшенный фортъ близъ Льежа. Они проводятъ ночь подъ открытымъ небомъ, безъ пищи. Въ 6 часовъ утра ихъ направляютъ къ Льежу. Они должны служить вмѣстѣ съ другими арестованными прикрытіемъ для нѣмецкой арміи, вступающей въ городъ. И генералъ со своимъ штабомъ, ѣдущій верхомъ за этой толпою голодныхъ, едва лохмотьями

прикрытыхъ крестьянъ, имѣетъ храбрость телеграфировать о взятіи приступомъ Льежской крѣпости. Другихъ арестованныхъ размѣстили на мостахъ, они стоятъ подъ проливнымъ дождемъ и ихъ держатъ безъ пищи на этихъ мостахъ съ пятницы до вторника. Нѣкоторые сердобольные люди бросали имъ черезъ голову стражи немного хлѣба. Одному изъ несчастныхъ удалось развязать ремень и онъ съ отчаянія бросился въ Маасъ, гдѣ и утонулъ.

Послѣ окончательнаго занятія Льежа, нѣкоторые изъ арестованныхъ были отпущены домой, гдѣ они нашли однѣ лишь развалины, другихъ же, случайно выбранныхъ въ толпѣ, продержали 45 дней въ Шартрезѣ. Они очень страдали, съ ними обращались жестоко, спали они въ грязныхъ конюшняхъ и питались заплѣснѣвшими корками.

Для того, чтобы оправдать себя по отношенію къ этимъ несчастнымъ, нѣмцы изобрѣли цѣлый рядъ легендъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они нападали на солдатъ, что они ранили раненыхъ. Послѣ всякихъ издѣвательствъ многихъ изъ нихъ отправили въ Германію, ихъ дальнѣйшая судьба неизвѣстна.

Женское населеніе, оставшееся въ Фешерѣ, переживало страшные дни. Въ полной неизвѣстности о положеніи мужей и братьевъ онѣ предавались неутѣшному горю, многія хотѣли топиться, за ними гонялись солдаты, били ихъ прикладами ружей; «убейте же насъ»,— кричали онѣ. Одна изъ нихъ бросилась въ рѣку съ ребенкомъ.

А разстрѣлы тѣмъ временемъ продолжались въ окрестностяхъ. Особою жестокостью отличалось избіеніе 18 жертвъ въ Нейре. Женамъ осужденныхъ разрѣшено было слѣдовать за ними, нѣкоторыя изъ нихъ плакали и просили пощады, другія, понимая, что все уже кончено, посылали осужденнымъ «послѣднее прости». Разсказываютъ, что палачи имѣли безчеловѣчность спрашивать несчастныхъ: «вотъ этотъ вашъ мужъ, смотрите на него» и затѣмъ стрѣляли. Большинство умерло 5 Августа, 7 просили разрѣшить похоронить ихъ, но напрасно. Въ народѣ держалась молва, что слышались стоны тяжко раненыхъ. Варвары не подпускали къ нимъ родныхъ и только въ пятницу были разрѣшены похороны, нельзя было оставлять умершихъ незарытыми, да и раненые къ тому вре-

мени успѣли умереть. 156 невинныхъ людей были растрѣляны. Между убитыми встрѣчаются люди съ нѣмецкими фамиліями, это были эмигранты или дѣти эмигрантовъ, работающіе въ Бельгіи, ихъ не пощадили ихъ бывшіе соотечественники.

Цѣлыя страницы могли бы быть посвящены описанію слезъ, страданій и отчаянія женъ и дѣтей—свидѣтелей жестокой казни старыхъ и малыхъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Разстрѣлы безъ всякаго суда, казни безъ разслѣдованія вины казненнаго, убійства людей случайно захваченныхъ, и всѣ эти потоки крови проливались войсками кайзера, желавшаго высококультурную Германію поставить во главѣ всего человѣчества.

10. Рѣзня близъ форта Баршона.

Въ юго-восточной части Льежской провинціи находится фортъ Баршонъ. Въ окрестностяхъ его разыгрались кровавыя событія. Фортъ этотъ держался недолго. Отпоръ, данный имъ, а также и второй отказъ Бельгіи на германскія предложенія придалъ дѣйствіямъ нѣмецкихъ войскъ тотъ характеръ жестокости, о которомъ упомина-

лось въ офиціальномъ сообщеніи. Небольшой городокъ Визе и селы, его окружающія, были уничтожены. Страна между Жюпиллемъ, мѣстомъ рожденія Карла Великаго, и Аахеномъ, гдѣ находится его гробница, обагрилась кровью тысячи жертвъ.

4 Августа въ половинѣ десятаго утра 50 уланъ, перейдя границу Бельгіи въ Геменихѣ, явились въ деревнѣ Варзажѣ, находящейся на пути изъ Аахена въ Визе. Они остановились противъ дома бургомистра, сенатора Флеше, рѣшительно и храбро протестовавшаго противъ вторженія иноземной рати, нарушающей нейтралитетъ Бельгіи. Въ отвѣтъ ему маіоръ прочелъ печатный документъ, изъ котораго явствовало, что король Альбертъ, отказавъ Германіи въ пропускѣ войскъ, тѣмъ самымъ объявилъ войну Германіи. Нѣмцы утверждали, что они встрѣчали на пути препятствія, но что они съ бельгійцами не воюютъ, а желаютъ только слѣдовать далѣе. Много затѣмъ появилось всякаго войска. Оказалась необходимость снабжать его припасами. Начальство затѣмъ потребовало, чтобы деревья, поваленныя на дорогѣ, были убраны и ямы, выкопанныя по распоря-

женію бельгійскихъ военныхъ властей засыпаны.

Офицеръ спросилъ бургомистра: «Есть ли въ деревнѣ бельгійскіе солдаты?—

— Нѣтъ.

— А въ Берно?

— Не знаю, а если бы и зналъ, то не сказалъ бы.

— Правда ли, что мостъ въ Визе разрушенъ? Никто не отвѣчалъ.

— Не слѣдуетъ разрушать мостовъ, рубить деревьевъ, мы непремѣнно должны пройти черезъ Бельгію».

Съ четырехъ часовъ начинается стрѣльба съ фортовъ. Нѣмецкая армія, вслѣдствіе этого задерживается въ Варзажѣ. Семейство Флеше и Жакобъ прилагаютъ всякія старанія, чтобы размѣстить офицеровъ съ удобствами. Народонаселеніе старается снабжать солдатъ всѣмъ необходимымъ. На ночь прячется въ подвалахъ. Съ зари 5 Августа продолжается вступленіе войскъ. Послѣ обѣда отъ 200 до 300 нѣмцевъ возвращаются изъ Берно, они разсказываютъ, что они подожгли и бомбардировали эту деревню и разстрѣляли тамъ нѣсколькихъ лицъ,

такъ какъ тамъ стрѣляли въ нѣмцевъ и отравили нѣсколькихъ раненыхъ.

Появленіе этихъ солдатъ смутило населеніе. И, дѣйствительно, съ сумерокъ солдаты начали обходить дома, требуя, чтобы огни были погашены во всѣхъ окнахъ, выходящихъ на улицу. Жители спустились въ подвалы, гдѣ провели тревожную ночь. Въ 5 часовъ солдаты совершенно неожиданно ушли, но вскорѣ послѣ полудня солдаты опять неожиданно приходятъ въ Варзажъ, стрѣляя въ окна и обсыпая дома пулями. Жители опять прячутся въ подвалы. Вскорѣ наступило нѣкоторое успокоеніе. Бургомистръ созвалъ жителей на площадь, дѣлалъ онъ это по распоряженію капитана. Тѣмъ временемъ солдаты уже начали безчинствовать. Іосифъ Лебо 50 лѣтъ, услыхавъ стрѣльбу, спрятался въ сараѣ. Солдаты, замѣтивъ это, окружили зданіе и подожгли его. Лебо сгорѣлъ живымъ. Лаврентій Гоффаръ и его двоюродный братъ Генсенъ также подверглись нападенію солдатъ. Гоффаръ убитъ, а Генсенъ получилъ семь ранъ. Во время стрѣльбы семейство Гарди бѣжало съ фермы въ сосѣднюю деревню. 81-лѣтній старикъ Гарди захотѣлъ вернуться домой.

Напрасно его отговаривали родные, онъ не послушался ихъ, говоря, что его преклонный возрастъ исключаетъ всякую опасность. И едва онъ вернулся домой, какъ нѣмцы его убили на порогѣ его дома, его тѣло было брошено среди улицы. Убійцы запретили трогать его, и только вечеромъ сыну его удалось перенести тѣло отца во дворъ и спрятать подъ соломой. Цѣлую недѣлю тѣло оставалось безъ погребенія, затѣмъ его тайно похоронили въ саду и по прошествіи нѣкотораго времени перенесли на кладбище.

Собранный на площади народъ былъ окруженъ солдатами. Они цѣлились въ испуганныхъ людей ружьями и револьверами.

— «Но въ чемъ же обвиняютъ насъ»?—Спрашивали они солдатъ.

— Обвиненіе возводится опредѣленное; одинъ изъ жителей Варзажа убилъ нѣмецкаго офицера».

Тогда раздается сигнальный свистокъ: грабители и поджигатели приступаютъ къ работѣ. Между селеніемъ и нѣмецкой границей начинается учащенная ѣзда, начинается настоящій разгромъ. Мебель, бѣлье, платье, посуда, вино

нагружается въ автомобили и въ фургоны и быстро перевозится въ Германію черезъ сосѣднюю границу. Затѣмъ около двадцати домовъ сгораютъ. Винные погреба двухъ лицъ разгромлены. Солдаты перепиваются. По нѣмецкимъ разсказамъ одинъ офицеръ былъ подстрѣленъ гражданами. Но обвиненіе это представляется вымышленнымъ. Разслѣдованіемъ установлено, что нѣмецкій офицеръ былъ смертельно раненъ нѣмецкимъ солдатомъ, у котораго не досчитались одного патрона. Солдатъ былъ, по распоряженію нѣмецкихъ властей, арестованъ, что, однако, не помѣшало разгрому деревни. Бургомистръ былъ арестованъ въ то самое время, когда онъ около двери своего дома разговаривалъ съ нѣмецкими офицерами, которые только что пообѣдали у него. Арестованы были также четыре жителя, одинъ изъ которыхъ поилъ нѣмецкихъ лошадей. Время идетъ, а толпа арестованная все томится на площади. Мужчины ожидаютъ казни, женщины и дѣти плачутъ. Одинъ офицеръ объявляетъ, что если снова раздастся выстрѣлъ, то шесть арестованныхъ будутъ разстрѣлены. Выстрѣлъ раздается. Офицеръ велитъ разстрѣлять шесть человѣкъ.

Ихъ уводятъ. Офицеръ объявляетъ, что, въ случаѣ новыхъ выстрѣловъ, все населеніе будетъ разстрѣляно. Ихъ уводятъ. По пути число арестованныхъ увеличивается. Ударами прикладовъ ихъ подгоняютъ. Навстрѣчу идутъ нѣмецкія войска изъ Германіи. Офицеры и солдаты бранятъ арестованныхъ и требуютъ ихъ казни. Между конвойными было нѣсколько кавалеристовъ, они выстроили въ рядъ шесть арестованныхъ и ударами сабель по затылку устраивали подобіе гильотинированія. Затѣмъ ихъ разстрѣляли. Передъ тѣмъ бургомистръ, указывая на одного изъ нихъ, сказалъ офицеру: «Неужели Вы будете убивать этого слабоумнаго»? А офицеръ отвѣтилъ: «А мнѣ какое до этого дѣло»? Остальнымъ объявили, что они будутъ разстрѣляны черезъ полчаса. Затѣмъ казнь была отложена до слѣдующаго дня. Всѣхъ арестованныхъ заставили стать на колѣни, они должны были провести всю ночь въ этомъ положеніи. Если, изнемогая, они падали, то ихъ поднимали ударами ноги и прикладомъ ружья.

60-лѣтній Пуссе не могъ стоять на колѣняхъ и поднялся на ноги. Его схватили и силою поставили на колѣни. Онъ закричалъ: «Лучше

убейте насъ, чѣмъ мучить такъ». Ему нанесли нѣсколько ударовъ прикладомъ.

Одинъ старикъ, получивъ нѣсколько ударовъ, протестовалъ. Семь или восемь солдатъ набросились на него и жестоко избивали, пока не сочли его мертвымъ. По прошествіи получаса онъ пошевелился, тогда его привязали къ колесу телѣжки и продолжали наносить ему удары. Потомъ привели лошадь и, стегая ее, заставляли топтать несчастнаго. Одинъ офицеръ, проходившій мимо, спросилъ солдатъ: «Какъ вамъ не стыдно истязать такъ беззащитнаго старика»? Когда офицеръ удалился, мучители продолжали истязанія, пока старикъ не умеръ.

Къ арестованнымъ подходили разные солдаты и говорили: «Я видѣлъ, какъ вы стрѣляли».— На это одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «Въ послѣдніе дни я только и занимался тѣмъ, что пекъ хлѣбы для васъ». Какъ только онъ произнесъ эти слова, три солдата набросились на него и жестоко его избили.

Арестованные оставались все время безъ пищи, имъ не давали пить. Одинъ изъ нихъ, изнемогая, горько жаловался на жажду. Сол-

даты приходили пить близъ арестованныхъ, не давая имъ ни капли воды. Утромъ ихъ заставили ходить передъ войсками, чтобы произвести на нихъ благопріятное впечатлѣніе. Затѣмъ изъ заставили стать на колѣни близъ дороги. Когда начали проходить войска, приступили къ приготовленіямъ казни.

Висѣлицу устроили весьма просто. Между двумя тополями перекинули желѣзную полосу. Къ ней прибили нѣсколько блоковъ. Палачи прежде всего взяли Кеера изъ Фурона. Ему накинули на шею петлю и, дергая за веревку, семь или восемь разъ заставляли стукаться головою о висѣлицу ,пока онъ не испустилъ послѣдняго вздоха. Всѣ арестованные должны были между двумя рядами солдатъ смотрѣть на это ужасное зрѣлище. Шесть арестованныхъ были замучены такимъ варварскимъ способомъ, остальныхъ погнали далѣе. Имъ пришлось идти подъ проливнымъ дождемъ. Ихъ подгоняли штыками и прикладами. Три старика, бывшіе среди арестованныхъ, не могли бѣжать такъ скоро, какъ остальные. Но что произошло съ ними, никому неизвѣстно, болѣе ихъ никто никогда не видѣлъ.

11. Разрушеніе Берно.

Небольшая деревня Берно находится близъ голландской границы. Деревня жестоко пострадала отъ нѣмцевъ. Голландцы говорятъ, что нѣмецкіе солдаты крайне безчинствовали, они грабили, напивались, ссорились между собою и другъ въ друга стрѣляли. Вскорѣ послѣ пришествія ихъ вся деревня была объята пламенемъ. И, дѣйствительно, за исключеніемъ двухъ-трехъ домовъ, въ которыхъ жили нѣмцы, всѣ остальные были сожжены. Сгорѣлъ и большой домъ, принадлежавшій семьѣ Андріана. Тамъ жили два брата и сестра. Послѣдняя была застрѣляна, когда выходила изъ дома, неся большую сумму денегъ. Нѣмцы обыскали убитую и ограбили ее. Предполагаютъ, что братья вмѣстѣ съ другими были отправлены въ Германію, но гдѣ они—неизвѣстно. Несомнѣнно, что они исчезли. Жители деревни, спасшіеся 4 Сентября въ Голландію, разсказываютъ, что пьяные солдаты стрѣляли и что выстрѣлы ихъ были приписаны мѣстнымъ жителямъ. Нѣмцамъ нужно было создать поводъ для того, чтобы ограбить деревню, напиться допьяна и поджечь всю деревню.

Въ хуторѣ близъ деревни большая часть построекъ была также подожжена послѣ грабежа и притомъ безъ всякаго повода. Мѣстные жители говорили про нѣмцевъ, что они это сдѣлали словно для потѣхи.

Деревня Жюлемонъ подверглась участи, одинаковой съ Берно. Она въ конецъ опустошена. И здѣсь грабежъ предшествовалъ пожару. Мебель, посуда, бѣлье были отправлены въ Германію. И все по тому же поводу:—стрѣляли. 12 человѣкъ совершенно невинныхъ были разстрѣляны. Нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣмцы поймали во время ихъ бѣгства и безпощадно убивали.

Въ небольшой деревни Бомбе близъ Берно жителей вывели въ поле, и они пробыли тамъ подъ проливнымъ дождемъ полтора дня. Семейство Гаутваста голодное возвратилось домой, сѣли они ужинать, и вдругъ раздался выстрѣлъ, солдаты вторглись въ домъ съ криками: «Draussen—вонъ». Женщины расплакались. Мужчины негодуютъ. Нѣмцы кричатъ: «Здѣсь стрѣляли; ферма будетъ сожжена, а вы разстрѣляны». Солдаты указываютъ на окно и говорятъ: «вотъ отсюда стрѣляли».

Въ это время одна старуха, проходившая мимо, вступилась за несчастныхъ: «того, кто стрѣлялъ,—кричала она—я видѣла, вотъ онъ», и она показала на нѣмецкаго солдата. Хотя онъ и рѣшительно отрицалъ обвиненіе старухи, но она съ удивительною настойчивостью схватила дуло ружья и громко кричала: «я видѣла, это онъ». Офицеры, смущенные, осматриваютъ ружье, и дѣйствительно убѣждаются въ томъ, что солдатъ стрѣлялъ. Солдатъ уличенный сознается, поясняя, что выстрѣлъ произошелъ по неосторожности.

Въ цѣломъ рядѣ однородныхъ случаевъ, вполнѣ безпристрастное разслѣдованіе привело къ убѣжденію, что стрѣльба, произведенная нѣмецкими солдатами, давала нѣмецкимъ военнымъ властямъ основаніе утверждать, что стрѣляли мирные жители. Эти выстрѣлы являлись желаннымъ поводомъ для разгрома, разграбленія и поджога домовъ, для пьянства, разгула и насилія нѣмецкой арміи, дающей въ XX вѣкѣ культурнѣйшей странѣ въ Европѣ не высшее благо жизни, а несущей за собою разрушеніе, смерть и позоръ.

Изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ нашествіе варваровъ на цвѣтущую Бельгію, нальзя не замѣтить, что всѣ подробности военныхъ дѣйствій арміи были заранѣе установлены. Офицеры знали, какія сообщенія они должны дѣлать мѣстнымъ властямъ. Въ одной общинѣ, въ первый день войны, маіоръ, командовавшій отрядомъ, обратился къ священнику съ краткой рѣчью, произнесенной словно наизусть по нѣмецки. Онъ сказалъ: «вы, бельгійцы, дикари; васъ образумятъ. Вы, католическіе священники, вызвали эту войну. Вы свиньи, паршивыя собаки, въ потребныхъ случаяхъ вы будете разстрѣляны. Поняли ли вы?» За первымъ баталіономъ слѣдовалъ второй. Командиръ его воспроизводилъ тѣ же рѣчи. Затѣмъ слѣдовалъ третій и т. д.

Священникъ смотрѣлъ на проходящія войска, слушалъ и молчалъ. Однородныя сообщенія дѣлались и бургомистрамъ многими офицерами.

12. Убійства и ужасы въ Баршонѣ.

Деревня Баршонъ расположена на Маасѣ, недалеко отъ форта того же имени. Въ деревнѣ было 600 жителей. Деревня разрушена, жители

бѣжали. Разгромъ въ деревнѣ не находится въ какомъ либо отношеніи къ осадѣ форта. Нѣмцы предали деревню огню черезъ нѣсколько дней послѣ взятія форта. 9 Августа, занявъ фортъ, они вступаютъ въ деревню и 11 начинаютъ грабить въ домахъ, жители которыхъ убѣжали. Въ погребахъ они находятъ въ изобиліи вино. Они проникаютъ въ церковь и оскверняютъ ее. Населеніе въ ужасѣ бѣжитъ изъ деревни.

12 Августа нѣмцы занимаютъ домъ Хакина, на церковной площади, выносятъ изъ него мебель и при проходѣ войска играютъ на фортепіано. Они также вторгаются въ общественный домъ, все рвутъ и ломаютъ; такова же судьба и двухъ школъ. Не пощадили они и кладбище. Погребъ торговца винъ Гарсо ими совершенно очищенъ, не взирая на запретъ полковника.

13 Августа проходятъ новыя войска, оставшіеся жители встрѣчаютъ ихъ дружелюбно, доставляютъ имъ то, чего они требуютъ. Полковой командиръ благодаритъ священника отъ своего имени и отъ имени полка.

14 Августа войска продолжаютъ идти. Жители, нѣсколько успокоенные за послѣдніе

дни, начинаютъ возвращаться, но, вдругъ, около 9 ч. вечера, на улицѣ раздается учащенная стрѣльба. Солдаты, словно дикіе тигры, накидываются на мирное населеніе, они выгоняютъ изъ домовъ и стариковъ, и дѣтей, и больныхъ. 85 полкъ свирѣпствуетъ въ одной деревнѣ, 165 и это самый ужасный—въ другой. Солдаты убиваютъ людей въ домахъ, въ огородѣ, въ садахъ. Ужасъ не поддается описанію. Солдаты поджигаютъ дома, церковь. Перепуганныхъ жителей сгоняютъ къ двумъ мѣстамъ—и къ приходскому дому и къ дому Кольсона. Оттуда они видятъ пожаръ ихъ деревни и разстрѣлы ихъ родныхъ.

Изъ среды задержанныхъ у приходскаго дома солдаты выбираютъ 5 молодыхъ дѣвушекъ и уводятъ ихъ въ лагерь. Толпа задыхается отъ дыма, искры летятъ вихрями, угрожая поджечь платья несчастныхъ и солому, которую около нихъ разбросали.

Ночь проходитъ въ слезахъ и отчаяніи. Нѣмцы, спрошенные о причинахъ, вызвавшихъ эти жестокости, ссылаются на то, что жители стрѣляли. Въ дѣйствительности же очевидцы-свидѣтели удостовѣрили, что стрѣляли солдаты, желавшіе создать поводъ для грабежа.

Ночью пригнали новыхъ арестованныхъ, утромъ освободили женщинъ. 12 мужчинъ связали и отправили въ Жюпиль. 12 другихъ приговорили къ разстрѣлу; ямы для нихъ вырываютъ близъ мѣстъ, гдѣ они стоятъ. Мимо идущія войска, съ особымъ остервенѣніемъ бранятъ этихъ несчастныхъ, имъ указывали на нихъ, какъ на стрѣлявшихъ въ нѣмцевъ.

Тѣмъ временемъ въ мѣстности, называемой «Лекомюнъ», нѣмцы убили и сожгли 26 человѣкъ, между ними были старцы 75, 76 и 94 лѣтъ, дѣти 2, 5 и 12 лѣтъ и юноши 17, 19 и 20 лѣтъ.

12 приговоренныхъ къ смерти цѣлыя сутки въ мучительномъ томленіи ожидали разстрѣла, съ ними былъ священникъ. Въ понедѣльникъ ихъ отпустили. Въ эту страшную ночь въ Баршонѣ сожжено 90 домовъ. Люди погибали при ужасныхъ условіяхъ: одни изъ нихъ были подняты на штыки, когда открывали двери солдатамъ, другіе были убиты въ садахъ, на дорогѣ, и всюду, гдѣ они спасались; многіе сгорѣли и многихъ бросили въ огонь.

15 Августа нѣмцы убили одного бѣдняка Августина Сенена въ то время, когда онъ работалъ въ своемъ огородѣ. Братъ его пошелъ поку-

нать гробъ и былъ арестованъ нѣмцами. Не пощадили они ихъ 75-лѣтней матери.

16 Августа приводятъ арестованными всѣхъ жителей деревни Шефне. Зажигаютъ одинъ домъ и разстрѣливаютъ четырехъ. Послѣ полудня 70-лѣтній Варзажъ на пути домой разстрѣлянъ.

17 Августа нѣмцы сжигаютъ 22 дома въ поселкѣ Шефне. И съ этихъ поръ Баршонъ обращенъ въ пустыню; развалины его домовъ производятъ гнетущее впечатлѣніе.

13. Разгромъ Бленьи.

Недалеко отъ Баршона въ живописной мѣстности на пригоркѣ раскинулось красивое селеніе Бленьи. Оно выдѣлялось многими домами красивой архитектуры, изящными дачами и большой величественной готической церковью.

Все это безпощадно разрушено, и эти величественныя развалины краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о безпощадной злобѣ нѣмецкихъ насильниковъ. Бленьи дважды подверглось разгрому. 4 Августа сообщались свѣдѣнія о появленіи нѣмцевъ въ сосѣдствѣ, но населеніе не опасалось ихъ появленія. 5 Августа вступаетъ

16 полкъ и части полковъ 19 и 23. Видъ у солдатъ возбужденный. Они спрашиваютъ, не видѣлъ ли кто французскихъ развѣдчиковъ. Вѣроятно, они повѣрили легендѣ о вступленіи французскихъ войскъ въ Бельгію. Отрицательные отвѣты вызываютъ недовѣріе.

Въ послѣобѣденные часы было совершено первое убійство съ возмутительными подробностями. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ жителей селенія профессоръ Сметсъ сидѣлъ у изголовья своей жены, разрѣшившейся отъ бремени. Солдаты врываются въ домъ, убиваютъ профессора и выбрасываютъ его тѣло на дорогу. Прикладами выгоняютъ изъ спальни его жену и гонятъ ее и ея сестру съ новорожденнымъ. Этотъ варварскій поступокъ ничѣмъ не былъ вызванъ со стороны пострадавшихъ. Въ другомъ домѣ старикъ Бансаръ совершенно зря раненъ пулей на вылетъ. Тѣмъ временемъ большая толпа людей была выгнана солдатами изъ домовъ. Ихъ били, имъ угрожали. Они спаслись въ благотворительномъ учрежденіи, устроенномъ монахинями. Къ вечеру подошли еще бѣглецы съ разныхъ сторонъ, къ нимъ обратился нѣмецкій офицеръ съ рѣчью въ насмѣшливо-

вызывающемъ тонѣ. Онъ заставлялъ ихъ то ложиться, то подниматься, то садиться. Около 9 часовъ ихъ приглашаютъ подняться и полюбоваться на интересное зрѣлище. Они видятъ ихъ родное село въ пламени. Несчастные проводятъ ночь въ отчаяніи и слезахъ.

6 Августа—новыя убійства. Мастеровой Германъ, всѣми уважаемый и любимый за свое трудолюбіе, не могъ бѣжать изъ деревни. Жена его незадолго передъ тѣмъ перенесла тяжелую операцію. Услышавъ въ сосѣдствѣ выстрѣлы, они думали спастись въ подвалѣ, но нѣмцы выгнали ихъ оттуда. Его немилосердно, безъ всякаго основанія, убили. Домъ сожгли. Семья, жившая въ достаткѣ, пущена по міру.

Въ то же время изъ толпы, собранной близъ благотворительнаго учрежденія, выбрали 296 мужчинъ; ихъ заключили въ церковь. На слѣдующій день ихъ перегнали за нѣсколько миль, по направленію къ деревнѣ Баттисъ. Тамъ подвергся мучительнымъ оскорбленіямъ любимый прихожанами, почтенный настоятель церкви въ Бленьи, аббатъ Лабей. Нѣмцы бросили его въ яму; онъ поднялся изъ нея, сталъ на колѣни и молился. Нѣмцы его бро-

сили лицомъ въ грязь, били и кололи штыками.

Тамъ же безъ всякой видимой причины разстрѣляли 7 человѣкъ. Никто не зналъ, почему эти именно 7 человѣкъ были убиты. Похоронили ихъ вблизи дороги, едва прикрывъ ихъ тѣла землею. Когда родственники отрыли тѣло старшины Дюмонсо, то нашли привязанную къ ногамъ его цѣпь, за которую тащили этого 80-лѣтняго старца. Всѣ убитые до казни подвергались различнымъ мученіямъ. Такъ, у Ноэля Нигана лицо и шея обожжены дымящимися сигарами. Въ лицо этимъ несчастнымъ плевали.

6 Августа Ламбертъ Дельнозъ 55 лѣтъ, обитавшій въ уединенной фермѣ, слышитъ шумъ. Онъ пріотворилъ дверь, высунулъ голову; въ него стрѣляютъ, онъ падаетъ мертвымъ.

7 Августа былъ разстрѣлянъ 35-лѣтній Альфонсъ Гендрихъ.

Вторая серія преступленій началась по прошествіи 9 дней. 16 Августа свирѣпствуетъ 64-й полкъ. Въ прошлую ночь раздались выстрѣлы. И, конечно, то стрѣляли не запуганные жители. Утромъ нѣмцы поставили вдоль церковной стѣны четырехъ человѣкъ, между

ними были бургомистръ Рюве и священникъ Лабей. На стѣнахъ церкви видны слѣды пуль, сразившихъ эти неповинныя жертвы нѣмецкаго варварства. Двое изъ убитыхъ Гакины, желая избавить деревню отъ ярости нѣмцевъ, денно и нощно старались доставлять войскамъ все для нихъ необходимое.

Наканунѣ 15 Августа двое жителей Бленьи погибли въ Баршонѣ. Варвары хотѣли застрѣлить молодого 23-лѣтняго Генриха Ренсоне. Мать за него вступилась, она просила, молила палачей о пощадѣ. Они убили и мать, и сына.

При этомъ нужно замѣтить, что 70 нѣмецкихъ раненыхъ, привезенныхъ изъ Левальскаго лѣса, были положены въ лазаретѣ, устроенномъ въ Бленьи. 16 Августа церковь была подожжена. Сестры милосердія пришли изъ лазарета подбирать убитыхъ. Въ это время мимо церкви проѣхалъ нѣмецкій автомобиль. Изъ автомобиля стрѣляли въ сестеръ, къ счастью, безуспѣшно. Въ Бленьи нѣмцы сожгли 56 домовъ. Дома, не пострадавшіе отъ пожара, были разграблены. Жителей подъ разными предлогами заставляли немедленно уходить изъ домовъ; послѣ ихъ ухода грабили. Такъ, у Греффа, часовщика были похи-

щены часы и драгоцѣнныя вещи. У Леманера противъ церкви нѣмцы говорили: «Оставайтесь, нѣтъ никакой опасности». И что же? Въ это самое время домъ поджигали съ разныхъ сторонъ. Такъ, не обвиняя въ чемъ-либо жителей, начали грабить и поджигать. И только впослѣдствіи на жителей стали возводить неопредѣленное обвиненіе, что они стрѣляли, и что одинъ нѣмецкій солдатъ былъ смертельно раненъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ постоянно солдаты въ пьяномъ видѣ стрѣляли въ разныхъ мѣстахъ.

Мѣстный докторъ Рейдемейстеръ дѣлалъ раненому операцію; онъ извлекъ пулю нѣмецкую, о чемъ было доведено до свѣдѣнія нѣмецкихъ офицеровъ. Когда въ Январѣ нѣмцы спрашивали мѣстныхъ жителей, видѣли ли они вольныхъ стрѣлковъ, нападеніе коихъ такъ возбудило войска, одинъ изъ нихъ заявилъ, что 5 или 6 Августа онъ, стоя на порогѣ своего дома, видѣлъ, какъ одинъ офицеръ выстрѣлилъ въ воздухъ и потомъ свистнулъ. Вскорѣ офицеръ былъ окруженъ солдатами кричавшими: «Man hat geschossen»—стрѣляли.

Въ теченіе Февраля, того же доктора нѣмецкая слѣдственная комиссія нѣсколько разъ пыталась склонить къ заявленію, что онъ не убѣжденъ въ томъ, что пуля была нѣмецкаго образца. Докторъ остался при прежнемъ заявленіи и доказалъ, что онъ знакомъ съ различными пулями нѣмецкаго, французскаго и бельгійскаго образцовъ.

Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, нѣмецкія объясненія не выдерживаютъ критики. Нѣмецкіе офицеры были откровеннѣе. По поводу обвиненій войскъ въ жестокости они обычно возражали: «Что дѣлать,—это дѣло военное».

Сомвиль приводитъ въ своемъ трудѣ весьма любопытное извлеченіе изъ дневника разстрѣляннаго нѣмцами аббата Лабея [1]). Подробно описывая нѣмецкія звѣрства, онъ, между прочимъ, пишетъ: «Я очень пострадалъ отъ дурного обращенія со стороны солдатъ и низшихъ начальниковъ. Они обвиняли меня въ томъ, что я помѣстилъ телефонъ на башнѣ (устроенъ же онъ былъ тамъ бельгійскою арміей), и что я тамъ поставилъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы они стрѣляли въ

[1]) Gustave Somville—Vers Liége. Стр. 190.

нѣмцевъ. Затѣмъ были произносимы оскорбительныя рѣчи противъ религіи, противъ Христа Спасителя и противъ молитвы. Хотѣли заставить меня сознаться въ томъ, что я говорю по-нѣмецки. Такъ какъ я не понималъ ихъ словъ, то они показывали мнѣ кулакъ, толкали ногами, угрожали мнѣ ружьемъ, штыкомъ, топоромъ, кинжаломъ. Однажды офицеръ плюнулъ мнѣ въ лицо, бросилъ мою шляпу на землю и наплевалъ на нее. Другой офицеръ сильно толкнулъ меня въ грудь и ударилъ по ногѣ около колѣна. Одинъ солдатъ трижды укололъ меня штыкомъ и нанесъ мнѣ небольшую рану. Ничего здѣсь не было тревожнаго, но только мои мучители обнаруживали такую ярость, что будь я одинъ, то могъ бы думать, что они меня убьютъ».

«Тѣмъ временемъ около насъ разстрѣляли пятерыхъ изъ нашихъ спутниковъ: Іосифа Кюрстерса, Ивана Дортю, Содара, Іосифа Фламана и Ренара. Дважды затѣмъ намъ давали понять, что мы также будемъ разстрѣляны. А затѣмъ насъ ставили подъ огонь пѣхоты, желая насъ испугать. Въ заключеніе, передъ нами поставили четырехъ осужденныхъ на смерть. Эти несчастные томились съ четырехъ часовъ

вчерашняго утра съ завязанными руками, и я слышалъ, что они оставались тамъ на слѣдующій день послѣ нашего выступленія».

«Въ пятницу, въ половинѣ двѣнадцатаго утра, шелъ проливной дождь. Мы съ ужасомъ думали о ночлегѣ, но пришедшій капитанъ объявилъ намъ, что мы свободны и должны скорѣе возвратиться въ Бленьи».

Далѣе въ дневникѣ подробно указаны всѣ злодѣянія, совершенныя нѣмцами, и затѣмъ приводится выдержка изъ проповѣди, которую аббатъ собирался произнести въ своей приходской церкви 15 Августа. Онъ убѣждалъ своихъ прихожанъ не впадать въ уныніе и искать утѣшеніе въ молитвѣ: «Крѣпко держитесь Господа,—писалъ онъ,—но не для того, чтобы Господь прекратилъ ваши страданія, а для того, чтобы Онъ причислилъ васъ къ сонму избранныхъ. Не то существенно, что мы страдаемъ, что у насъ отнимаютъ наше достояніе, что мы умираемъ, а существенно, чтобы мы были причислены къ сонму избранныхъ и торжествовали съ Іисусомъ Христомъ на небесахъ».

«Братіе, быть можетъ, мои опасенія напрасны, быть можетъ, мы увидимъ лучшіе дни,

и если мы скоро будемъ избавлены отъ страданій, то, повѣрьте мнѣ, мы достигнемъ этого нашимъ мужествомъ, раскаяніемъ въ нашихъ грѣхахъ и нашею молитвою».

Въ субботу, 15 Августа—обыски въ церкви, въ церковномъ домѣ, въ институтѣ. Поджигаютъ дома Августа Симониса, Вильгельма Перикледена, Вильгельма Комблена. На этомъ прекращается дневникъ казненнаго аббата. Его прихожанинъ, очевидецъ его казни, сообщаетъ трогательныя подробности о его послѣднихъ дняхъ:

7 Августа, въ половинѣ перваго, аббатъ возвратился изъ Баттиса вмѣстѣ съ нѣсколькими прихожанами. Велика была радость всѣхъ прихожанъ и особенно бѣдныхъ, получившихъ пріютъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Въ субботу, въ праздникъ Успенія, около 6 часовъ вечера, солдаты передали аббату записку, въ которой сообщалось ему, что если будутъ стрѣлять въ селѣ, то онъ будетъ разстрѣлянъ. Аббатъ, бургомистръ и Г. Дельнозъ объявляются арестованными и должны быть задержаны и оставаться въ спальнѣ аббата.

Въ 9 часовъ для офицеровъ (ихъ было около 6) долженъ быть приготовленъ ужинъ.

Офицеры должны жить въ домѣ священника, всѣ въ одной комнатѣ. «Вотъ мои комнаты»,— сказалъ имъ священникъ.

Въ пріютѣ рядомъ были помѣщены солдаты.

Дельнозъ и бургомистръ Рюве приходятъ въ четверть девятаго и поднимаются въ комнаты священника.

Офицеры ужинаютъ. Они приказываютъ приготовить хорошій ужинъ для аббата. Два часовыхъ стоятъ у двери.

Въ четверть второго ночи раздаются выстрѣлы близъ дома. Офицеры выходятъ. «Три солдата ранены», говорятъ они горничной, «жители стрѣляли».

Одинъ офицеръ приходитъ и говоритъ: «Эти свиньи опять стрѣляли». Горничная отвѣчаетъ: «Въ Бленьи нѣтъ болѣе оружія».

Офицеры размѣстились въ гостиной и кабинетѣ на матрацахъ. Утромъ они таинственно посовѣтовались и около 5 часовъ позвали одну сестру изъ института, знающую нѣмецкій языкъ, чтобы сообщить аббату, что онъ долженъ быть уведенъ, такъ какъ опять стрѣляли.

Монахиня проситъ пощады. Офицеръ отвѣчаетъ: «Этотъ приказъ данъ свыше и онъ долженъ быть исполненъ». Тогда сестра проситъ дать разрѣшеніе аббату отслужить обѣдню; разрѣшеніе дается. Аббатъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ отправился служить обѣдню въ церковь института. Викарный удивился спокойствію и самообладанію аббата. Благодарственныя молитвы были прочтены имъ съ особымъ чувствомъ. Послѣ окончанія службы онъ подошелъ къ викарному, попросилъ у него прощенія и при этомъ былъ совершенно покоенъ. Онъ вышелъ, направляясь въ свой домъ, было четверть седьмого. Выходя ихъ часовни, аббатъ, благословляя монахинь, сказалъ: «Что будете дѣлать? Я буду молиться о васъ». Возвратясь домой, онъ выпилъ чашку кофе и сказалъ прислугѣ: «Вы также можете возложить упованіе на Провидѣніе. Церковь будетъ сожжена, а также, вѣроятно, и церковный домъ».

Служанка приготовила для него кусокъ хлѣба съ масломъ и три куска шоколада. Она хотѣла дать ему денегъ, но онъ отказался. «Они мнѣ не нужны», сказалъ онъ. «Вотъ если

бы позволили перемѣнить подрясникъ». Разрѣшеніе послѣдовало.

Бургомистръ и Дельнозъ также пошли переодѣться. Ихъ сопровождали солдаты. Они думали, что ихъ направляютъ въ Льежъ. Бургомистръ написалъ письмо въ защиту отъ обвиненій, на него возводимыхъ. Онъ вернулся одинъ. Дельнозъ былъ помилованъ, какъ родственникъ доктора, лѣчившаго нѣмецкихъ раненыхъ.

Аббатъ попросилъ разрѣшить ему взять съ собою молитвенникъ и еще одну книгу. Онъ плакалъ и дрожалъ, когда пилъ кофе, дѣлая свои послѣднія распоряженія.

Бургомистръ и аббатъ, сопровождаемые солдатами, пошли по направленію къ церкви, гдѣ они встрѣтились съ Гакинами, арестованными, какъ кажется, совершенно случайно.

Близъ церкви имъ сказали: «Карета въ Льежъ скоро проѣдетъ, но вамъ не нужно видѣть, куда вы идете». Имъ завязали глаза и поставили вдоль церковной стѣны.

Разстрѣливаніе состоялось около половины восьмого. Сначала оба Гакина были убиты, потомъ аббатъ и, наконецъ, бургомистръ. Аббатъ упалъ лицомъ на землю на братьевъ,

а бургомистръ на аббата. Онъ скончался мгновенно: пуля ударила его въ лобъ, раздробивъ черепъ.

Немедленно послѣ этой бойни подожгли церковь. Бленьи—въ ужасѣ. Никто не смѣетъ показываться. Около половины одиннадцатаго, когда солдаты ушли, двѣ монахини отправились съ тачкою за тѣломъ аббата; имъ помогалъ юноша Леопольдъ Лафаэ, имѣвшій мужество сопровождать ихъ.

Аббатъ и бургомистръ имѣли въ рукахъ четки. Видя храбрость двухъ монахинь, прихожане помогли перенести тѣла въ институтъ.

Докторъ Рейдемейстеръ произвелъ вскрытіе. Тѣло аббата было покрыто кровью, глаза были закрыты, нѣсколько пуль засѣло въ груди; на ногахъ подтеки и синяки, полученные въ Баттисѣ.

Тѣла братьевъ Гакиновъ настолько растерзаны выстрѣлами, что ихъ останки пришлось завернуть въ простыню и отправить въ покойницкую.

Въ понедѣльникъ, послѣ обѣда, одинъ сосѣдній священникъ и мѣстный викарій въ облаченіяхъ прошли мимо еще дымившихся разва-

линъ церкви, сопровождая на кладбище тѣла убитыхъ, которыхъ, за неимѣніемъ гробовъ, пришлось нести на рукахъ.

Читая эти строки, глазамъ не вѣрится, что такое варварское избіеніе могло произойти въ началѣ XX вѣка. Въ полномъ забвеніи признанныхъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ обычаевъ и законовъ войны, нѣмцы съ какою то особой утонченной жестокостью обагряютъ стѣны христіанскаго храма кровью ни въ чемъ неповинныхъ людей, людей, своею христіанскою кончиною грозно обличающихъ нѣмецкихъ варваровъ, забывшихъ въ своей дьявольской гордынѣ и Христа Спасителя и основныя начала христіанскаго вѣроученія.

14. Избіеніе жителей въ Вандрѣ.

Деревня Вандръ расположена на правомъ берегу Мааса. 6 Августа около деревни произошелъ горячій бой между германцами и бельгійцами. На холмѣ недалеко отъ деревни похоронены 403 нѣмца, невдалекѣ могилы 135 бельгійцевъ. Священникъ церкви въ Санъ-Реми и соціалистъ Брандъ устроили 7 Августа похороны павшихъ въ бою. Они тщательно собирали

всѣ вещи, принадлежавшія убитымъ, какъ то: бумаги, часы, деньги, завязывали въ платки эти вещи и снабжали каждый узелокъ запискою съ обозначеніемъ убитаго—собственника этихъ вещей. Они наполнили этими дорогими для родственниковъ убитыхъ вещами нѣсколько мѣшковъ; составили опись всему найденному и доставили вещи при описи въ казарму жандармовъ въ Вандрѣ. Легко себѣ представить, насколько родственники убитыхъ были бы утѣшены полученіемъ всѣхъ этихъ вещей, принадлежавшихъ павшимъ въ бою!

Нѣмцы съ алчностью набросились на это сокровище. Они, со свойственнымъ имъ безстыдствомъ, выкрали всѣ цѣнные предметы, а остальные сожгли, вмѣстѣ съ регистромъ. «Безсердечные они»! сказала мать одного изъ убитыхъ.

15 Августа нѣмцы опрокинулись на деревню, они начали грабить и поджигать. Въ послѣобѣденное время крестьянинъ Илья Грутъ, 55 лѣтъ, повстрѣчался близъ деревни съ войсками. Выстрѣлъ изъ ружья сразилъ его. А наканунѣ солдаты увѣряли жителей, что они могутъ мирно почивать!

Къ вечеру въ мѣстности, называемой «Катръ Бра», солдаты начали пьянствовать; ночью они вламывались въ дома и выгоняли изъ нихъ мужчинъ съ обычнымъ криками: «здѣсь стрѣляли». Женщины, полураздѣтыя, бѣжали съ дѣтьми въ сосѣдній лѣсъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что никто не стрѣлялъ. Вѣсть объ избіеніи въ Баршонѣ, состоявшемся наканунѣ, наполнила ужасомъ сердца всѣхъ жителей. И мѣстнымъ жителямъ хорошо извѣстно, что ночью одна женщина, мужъ и сынъ которой были разстрѣляны, разсказывала, что ночью она была разбужена нѣмцами видѣла, какъ одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ. Солдаты начали тогда немедленно обсыпать дома пулями. Есть и другое показаніе: когда утромъ нѣмцы указывали въ мѣстности, называемой «Буа-ла-Дамъ», на домъ, изъ котораго стрѣляли, то имъ указали на то, что въ этомъ домѣ никто не живетъ. Но они не смутились и указали на другой домъ.

16 Августа, въ 6 часовъ утра, нѣсколько человѣкъ задержаны близъ Рабозе; ихъ ведутъ съ руками, связанными за спиной, привязываютъ къ желѣзной рѣшеткѣ и разстрѣливаютъ.

Кромѣ этихъ пяти невинно-пострадавшихъ, 18 человѣкъ задержаны на улицѣ Буа-ла-Дамъ. Священникъ вступается за нихъ, указывая на безусловную невинность своихъ прихожанъ. Нѣмцы грубо возражаютъ ему. Но, вслѣдствіе настойчивыхъ заявленій священника, они освобождаютъ двухъ не жившихъ въ домахъ, изъ которыхъ, по ихъ словамъ, стрѣляли. Тѣмъ временемъ прибѣжали женщины; многія изъ нихъ держали на рукахъ маленькихъ дѣтей. Съ раздирающими душу криками, стоя на колѣняхъ, молили онѣ о пощадѣ офицеровъ и солдатъ, увѣряли именемъ Божіимъ, что ихъ мужья и сыновья невинны. Нѣмцы отталкивали ихъ ружейными прикладами. Въ $5^1/_2$ часовъ они выстроили 16 осужденныхъ и послѣ разрѣшительной молитвы, прочитанной священникомъ, разстрѣляли. Несчастные свалились на землю. Многіе изъ нихъ еще шевелились и стонали; палачи приканчивали ихъ выстрѣлами изъ револьверовъ, среди воплей женъ и дѣтей, присутствовавшихъ при избіеніи.

Въ другой части деревни солдаты занялись разгромомъ фермы «Геннево». Опустошивъ погребъ, эти разбойники выгнали семейство и

подожгли всѣ зданія. Одного изъ сыновей хозяина застрѣлили, а другого спрятавшагося сожгли живымъ. Третій сынъ исчезъ безслѣдно, предполагаютъ, что онъ также сгорѣлъ въ развалинахъ. Четвертый спасся, но не надолго. 19 Августа четверо молодыхъ людей изъ Вандра были приглашены сопровождать нѣмецкое войско, въ качествѣ проводниковъ, до одной мѣстности, находящейся по другую сторону моста на рѣкѣ Маасѣ. Исполнивъ это порученіе, они возвращаются; навстрѣчу имъ идетъ нѣмецкій полкъ. Изъ перваго ряда полка раздается залпъ. Одинъ изъ убитыхъ падаетъ среди улицы, солдаты отпихиваютъ ногой его тѣло на тротуаръ. Эта дикая сцена происходитъ на улицѣ, противъ помѣщенія, занятаго «комендантурою»; бургомистръ заявляетъ рѣшительный протестъ. Офицеры не обращаютъ вниманія. Въ 9 часовъ жителямъ разрѣшаютъ похоронить убитыхъ.

Того же числа 22-лѣтній Лемменсъ, работая въ свекловичномъ полѣ, сраженъ выстрѣломъ изъ ружья. Промышленникъ Серве 44 лѣтъ застрѣленъ. Евгеній Варзажъ 71 года убитъ у порога своего дома. Тѣло его мѣшаетъ проходу

войскъ; два нѣмца хватаютъ его, одинъ за плечи, другой за ноги и перебрасываютъ его черезъ заборъ. По прошествіи недѣли его похоронили. Наконецъ хромой Гидонъ, вышедшій посмотрѣть на проходящія войска, палъ сраженный 4-мя выстрѣлами и нѣсколькими ударами пикъ. Въ итогѣ 32 убитыхъ.

Нѣмцы конечно не ограничились одними убійствами, 32 дома подожжены. Солдаты грабятъ во всю.

Въ фермѣ Мертенса, гдѣ солдаты въ теченіе 5 дней пользовались квартирою и столомъ, появляется офицеръ и велитъ убивать хозяевъ и жечь ферму. Хозяинъ, зная нѣсколько нѣмецкій языкъ, спасается съ семействомъ. Ферма его ярко пылаетъ. Нѣмецкими военными властями Мертенсу было выдано удостовѣреніе о щедромъ гостепріимствѣ, съ которымъ онъ принималъ нѣмецкихъ солдатъ.

Въ Вандрѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, нѣмцы широко пользовались столь любимыми ими техническими пріемами для систематическаго поджога зданій. Наиболѣе пострадали отъ нихъ бѣдныя семьи рудокоповъ. До войны они жили съ нѣкоторымъ достаткомъ, у нихъ

было свое небольшое хозяйство, немного домашняго скота. Нѣмцы у нихъ все отняли, въ конецъ ихъ разорили. Эти славные подвиги совершены солдатами 35, 53 и особенно 24 полковъ.

15. Разгромъ города Визе.

Цвѣтущій, красиво обстроенный городокъ въ конецъ разрушенъ. Уцѣлѣли только нѣсколько зданій, служившихъ лазаретами для варваровъ. До 600 домовъ, красивыя постройки прежнихъ дней, готическая церковь, ратуша 15 вѣка, школы и благотворительныя учрежденія, все безусловно разрушено. Изъ 3.930 жителей сколько убито—неизвѣстно. 600 были вывезены въ Германію, ихъ подвергли всякимъ насиліямъ, побоямъ, на нихъ плевали, ихъ мучили угрозами разстрѣла. А многіе, испытавъ весь ужасъ рабства, насильственныхъ трудовъ и всякихъ лишеній, бѣжали за-границу. Черезъ мѣсяцъ послѣ разгрома одинъ случайный посѣтитель среди развалинъ Визе увидѣлъ только трехъ солдатъ, они вытаскивали изъ погреба корзину съ виномъ.

Вѣсть о нашествіи нѣмецкомъ дошла до Визе 3-го Августа. Въ ночь на 4-е бельгійская

армія взрываетъ двѣ арки моста, на слѣдующій день, послѣ полудня, нѣмцы вступаютъ въ городъ и безъ всякаго повода убиваютъ кассира желѣзной дороги Истаса, возвращающагося домой къ обѣду.

Послѣ перестрѣлки съ бельгійскими войсками нѣмцы производятъ реквизиціи и убиваютъ 8 мирныхъ гражданъ. Въ ближайшіе затѣмъ дни войска отбираютъ у жителей съѣстные припасы и всякіе напитки. Затѣмъ мужчинъ выгоняютъ для работы въ траншеи, въ противность законамъ военнаго времени ихъ заставляютъ работать, и у кого нѣтъ инструментовъ, тотъ долженъ копать землю своими руками, къ числу послѣднихъ принадлежалъ бургомистръ, профессоръ Льежскаго университета и нотаріусъ Мартинъ были между ними. Прикладами ружей подгонялись нерадивые.

Въ пятницу нѣмцы разрушаютъ замокъ въ Наванье, собственность семейства Дессена, и пользуются матеріалами для постройки дороги. Граждане города Визе должны участвовать въ этой работѣ и ночью ихъ задерживаютъ, какъ заложниковъ. Ихъ изнуряютъ трудами,

съ ними дурно обращаются, ихъ морятъ голодомъ. Каноникъ Лемменсъ, деканъ церкви въ Визе, вынужденъ брать руками изъ ведра отвратительную пищу.

А тѣмъ временемъ то тутъ, то тамъ стрѣляютъ, убиваютъ. Два старика—братья Бруха, торговцы пивомъ, работали въ своемъ погребѣ. Нѣмцы врываются въ погребъ, обвиняютъ ихъ, что они стрѣляли или хотѣли стрѣлять, и убиваютъ ихъ; сыновья и зять убитыхъ прибѣгаютъ, ихъ тоже убиваютъ.

12 или 13 Августа поджигаютъ церковь подъ тѣмъ предлогомъ, что она можетъ быть прицѣломъ для стрѣльбы изъ сосѣдняго форта.

15 Августа разстрѣливаютъ противъ гостиницы Мишо и немедленно хоронятъ почтеннаго 75-лѣтняго старца тяжко больного Дюшена. Экзекуція производится четырьмя солдатами. Убитый былъ по просьбѣ одной дамы перенесенъ и погребенъ на кладбищѣ. Когда эта дама просила разрѣшенія на эти похороны, то комендантъ думалъ, что рѣчь идетъ о хозяинѣ гостиницы, обвиненномъ въ томъ, что онъ стрѣлялъ въ солдатъ, и очень удивился, когда узналъ, что

убитый Дюшенъ былъ слѣпъ на правый глазъ. Вольный стрѣлокъ такимъ образомъ цѣлился въ нѣмцевъ искусственнымъ стекляннымъ глазомъ.

15 Августа въ 5 часовъ пополудни въ Визе вступаетъ прусскій полкъ изъ Кенигсберга. Новые пришельцы оказались еще болѣе неудобными, чѣмъ ихъ предшественники. Въ 9 часовъ вечера раздается выстрѣлъ. Это сигналъ. Кричатъ: «Man hat geschossen». Затѣмъ послѣдовалъ страшный взрывъ негодованія и злобы, какъ дикіе звѣри накинулись нѣмцы на мирный городокъ; двери и окна полетѣли вдребезги, грабежъ и разгромъ повсюду, стариковъ подвергаютъ безпощадному разстрѣлу. Списокъ убитыхъ долго не представилось возможности составить.

600 жителей Визе были спѣшно отправлены въ Германію. Имъ даже не дали времени одѣться и обуться какъ слѣдуетъ. Пруссаки объявляютъ, что это вольные стрѣлки, которыхъ отправляютъ въ плѣнъ. Дома остаются однѣ женщины. Грабежъ принимаетъ широкіе размѣры, а огонь завершаетъ дѣло великой несправедливости и вандализма. Оставшіеся въ Визе въ ужасѣ разбѣгаются.

Одинъ изъ отправленныхъ въ Германію сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о безчеловѣчномъ отношеніи нѣмцевъ къ несчастнымъ жителямъ Визе: «насъ отправили 15 Августа, насъ было 300 человѣкъ, мы не знали, чѣмъ мы провинились. Другая партія въ 300 человѣкъ должна была выѣхать на слѣдующій день. 16 Августа вечеромъ мы пріѣхали въ Гемменигъ (граница). Солдаты получили приказаніе зарядить ружья, и намъ устроили какъ бы подобіе нашего разстрѣла. Насъ посадили полукругомъ на лужайкѣ, солдаты прицѣлились въ насъ. Затѣмъ неожиданно насъ подняли ударами ружейныхъ прикладовъ по головѣ и груди. Было 9 часовъ, насъ привели на станцію, поѣздъ тронулся въ 11 часовъ. Мы проѣхали Аахенъ, Кельнъ, Бохумъ, Оснабрюкъ. Насъ везли въ вагонахъ для скота. Ѣхали мы стоя, голодные и изнемогающіе отъ усталости. Намъ только разъ дали чашку супа близъ Бремена.

18—въ четыре часа утра мы пріѣхали въ Мюнстеръ-лагерь, до 3 часовъ насъ продержали безъ пищи на станціи. Наконецъ, нѣкоторымъ изъ насъ дали немного хлѣба и картофеля. Остальные ничего не получили. 19 утромъ они

получили, а первая половина осталась безъ завтрака. Въ 2 часа намъ привили оспу, въ 6 часовъ дали хлѣба. 20—тотъ же распорядокъ.

21—насъ помѣстили въ конюшняхъ. Соломенная подстилка не перемѣнялась въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тяжелые дни выпали на нашу долю. До 23 Августа сильно голодали. Съ этого времени тѣ, у которыхъ денегъ до тѣхъ поръ не украли, могли покупать въ лавкѣ сосиски, печенку и т. д. Этими припасами дѣлились.

Въ первомъ баракѣ находились Лувенскіе граждане, во второмъ и третьемъ—жители Визе, въ четвертомъ—400 русскихъ студентовъ изъ Льежскаго университета. Было нѣсколько случаевъ смерти между заключенными. Многіе лишились разума.

Въ ночь съ 31 Августа на 1 Сентября тревога, выстрѣлы, убитъ одинъ изъ жителей Аэршота, только что доставленный. Ихъ задержали во время полевыхъ работъ, около 15 разстрѣляли, а остальныхъ вывезли въ Германію. Прибыли они изнуренными, почти безумными отъ голода.

1 Сентября въ 5 часовъ новая тревога. Раздаются выстрѣлы, двое плѣнныхъ падаютъ,

одинъ бельгійскій унтеръ-офицеръ убитъ, солдатъ раненъ, провинились тѣмъ, что пошли по дорогѣ, не зная, что плѣннымъ запрещено по ней ходить.

Затѣмъ потянулась однообразная жизнь, въ полной неизвѣстности о томъ, что происходитъ на войнѣ. Первая вѣсть пришла только 25 Октября».

Другой плѣнный сообщаетъ, что многіе изъ его товарищей были освобождены послѣ 6-мѣсячнаго задержанія, при чемъ оказывали предпочтеніе лицамъ фламандскаго происхожденія потому ли, что нѣмцы хотятъ пріобрѣсти расположеніе жителей провинцій Анверсъ-Лимбургъ, которыя надѣятся присоединить къ Германіи, потому ли, что хотятъ разъединить фламанцевъ и валлоновъ. Жителей Визе часто требуютъ въ комендантуру, ихъ хотятъ заставить признаться, что гражданскія лица стрѣляли. Въ отвѣтъ на ихъ отрицанія комендантъ говоритъ, что показаніе 1.000 гражданскихъ лицъ стоятъ менѣе показанія одного офицера. Нѣмцы должны бы удивляться, видя 600 человѣкъ различныхъ положеній, готовыхъ подчиняться тяжкимъ условіямъ 8-мѣсячнаго плѣна,

когда одно лишь слово могло бы освободить ихъ.

Показанія многихъ жителей Визе, бѣжавшихъ въ Голландію, съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что не было никакихъ основаній къ обвиненію жителей. Населеніе отличалось весьма покойнымъ и мирнымъ характеромъ. Конечно, оно было настроенія патріотическаго, но отлично сознавало всю безплодность и весь вредъ вооруженныхъ дѣйствій противъ нѣмцевъ. Ихъ жестокая расправа въ сосѣднихъ селеніяхъ была хорошо извѣстна. Нѣмецкія расправы были послѣдовательнымъ осуществленіемъ началъ военнаго террора, этого догмата, усвоеннаго германцами, какъ основаніе ихъ гегемоніи надъ всѣмъ міромъ. Какъ на иллюстрацію ихъ жестокости можно указать на слѣдующій случай: въ началѣ Сентября Рёрбракъ, фермеръ въ Онкѣ, пошелъ косить пшеницу на холмѣ съ двумя работниками. Онъ не зналъ, что нѣмцы запретили подниматься на болѣе возвышенныя мѣста. Эти три несчастные были забраны кавалеристами, которые привязали ихъ руки къ сѣдламъ своихъ лошадей и потащили ихъ, заставивъ бѣжать лошадей галопомъ.

Несчастныхъ видѣли въ ужасномъ положеніи съ высунутыми языками, съ глазами на выкатѣ, кровь у нихъ лилась изъ носа и ушей. Палачи доволокли свои жертвы до Ликса, гдѣ ихъ разстрѣляли. Ихъ семейства долго не знали, что съ ними случилось. Когда ихъ откопали, то только мѣтки на бѣльѣ помогли распознать ихъ; лица ихъ были неузнаваемы.

16. Звѣрства въ Понтиссѣ.

Понтиссъ—большое селеніе въ 7 километрахъ отъ Льежа. Въ немъ и его окрестностяхъ германцы много причинили бѣдъ. Особенно велики были ихъ злодѣянія въ мѣстечкѣ Упеи. 90 полкъ стоялъ въ этомъ мѣстечкѣ 13 Августа. Нѣмцы объявили заложниками бургомистровъ и священника. Они были арестованы. Одновременно съ этимъ въ деревню были доставлены бургомистръ и священникъ изъ Эр-ле-Роменъ. Послѣдній былъ присужденъ къ смертной казни.

14—приходитъ 26 полкъ. Имъ ограбленъ замокъ въ Грази. Солдаты воруютъ, разбиваютъ мебель, уничтожаютъ предметы искусства. Грабежъ продолжается полдня. Генералъ въ это время находился въ Упеи.

Около 50 жителей, связанныхъ по двое или по трое, уведены по дорогѣ въ Гакуръ. Всѣ окрестности переполнены войсками. Генералъ объявляетъ, что если онъ будетъ недоволенъ, то велитъ разстрѣливать жителей «группами въ 10 человѣкъ», а главное, говоритъ онъ, чтобы никто не смѣлъ прикоснуться къ госпожѣ Максъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ велитъ всѣхъ перестрѣлять.

Рѣчь шла объ одной нѣмкѣ, гостившей у пріятельницы, которую никто не думалъ трогать. Тѣмъ временемъ плѣнныхъ водятъ по деревнѣ. Одинъ изъ уважаемыхъ жителей, старикъ Вильметъ, избитъ кулаками. Плѣнные должны были ночевать подъ открытымъ небомъ. Солдаты угрожали священнику, прицѣливались въ него ружьями. Одинъ изъ нихъ бросилъ ему въ лицо комъ земли. Нѣмцы жарили куръ, награбленныхъ ими, и, подобно дикарямъ, жадно поглощали ихъ. А на фонѣ этой картины рядъ пылающихъ деревень.

Утромъ въ праздникъ Успенія народъ собрался въ церковь; тамъ царило полное разрушеніе, около исповѣдаленъ лежали нечистоты. А у дверей храма солдаты предлагали купить

раскошно изданные молитвенники и различные награбленные ими предметы.

За 26 полкомъ пришелъ 30-й. Нѣмцы грабятъ и кричатъ: «Мы здѣсь господа! Nous maitres ici! Deutsch ici!».

Въ воскресенье, 16, нѣмцы требуютъ, чтобы жители передали имъ все, что можно было признать оружіемъ: бритвы, кухонные ножи и даже маленькіе ножи для чистки картофеля. Аббаты Пираръ и Жиляръ должны были уговаривать прихожанъ подчиниться этому требованію. Когда они направились съ этою цѣлью къ одному изъ прихожанъ, то въ нихъ стрѣляли. Затѣмъ нѣмцы подожгли 8 домовъ, при томъ иронически спрашивали: «Кто поджегъ ихъ?». Они арестовали бургомистра Фрера и еще двухъ лицъ. Въ продолженіе часа ихъ держатъ у стѣны, какъ бы готовясь разстрѣлять ихъ. Затѣмъ ихъ отпускаютъ и снова арестуютъ.

Въ понедѣльникъ, 17, значительный наплывъ нѣмецкихъ войскъ. Нѣмцы словно готовятся къ нападенію на нихъ со стороны мирныхъ жителей. Одного изъ нихъ, Вильмета, вторично арестуютъ и на этотъ разъ присуждаютъ къ разстрѣлу. Онъ проситъ позвать священника;

аббатъ приходитъ и спрашиваетъ, «чѣмъ вызванъ приговоръ?»—«Телефонная проволока была порвана, необходимо наказаніе». Священникъ рѣшительно утверждаетъ, что Вильметъ тутъ не причемъ. Сосѣди громко кричатъ: «Вильметъ не виновенъ, быстро проѣхавшій автомобиль порвалъ проволоку». По осмотрѣ мѣста это объясненіе оказывается вѣрнымъ. Эти, словно очумѣвшіе, люди не унимаются. 17—они собрались разстрѣлять фермера и садовника. Затѣмъ сами отпускаютъ ихъ, не зная, по какому поводу они были арестованы. Въ этотъ день прослѣдовали черезъ деревню арестованные въ Жюлемонѣ. У священника лицо было въ крови. Одинъ офицеръ ударилъ его по лицу прикладомъ браунинга.

Не посчастливилось также сосѣдней деревнѣ Гермалю. Въ ночь на 15 Августа въ половинѣ двѣнадцатаго нѣмецкіе солдаты вторглись въ дома близъ церкви и, не указывая на какой либо поводъ, выгоняютъ изъ ихъ домовъ настоятеля, викарнаго и 14 жителей и гонятъ ихъ по дорогѣ. Затѣмъ выставляютъ ихъ передъ взводомъ солдатъ, какъ бы подготовляя ихъ разстрѣлъ. Въ половинѣ третьяго утра ихъ гонятъ

къ пекарнѣ, гдѣ ихъ соединяютъ съ другими арестованными. По пути имъ наносятъ удары прикладами и штыками. Многіе изъ нихъ тяжело ранены; одновременно съ этимъ грабятъ и поджигаютъ три дома. Люди, въ нихъ жившіе, Робба Вранкенъ и Андре арестованы. Ихъ привязываютъ къ телѣжкѣ, одного къ каждому изъ двухъ колесъ, а третьяго къ оси, спиною на навозѣ, а животомъ противъ оси.

Чтобы перепугать женщинъ, нѣмцы имъ объявляютъ, что заложники будутъ разстрѣляны. Женщинамъ разрѣшаютъ проститься съ своими мужьями. Женщины толпою съ криками отчаянія и дѣти съ плачемъ бѣгутъ къ мѣсту, гдѣ находятся арестованные. Это зрѣлище очень потѣшаетъ нѣмцевъ. Въ теченіе трехъ недѣль мужчины съ 18 до 60 лѣтъ должны были проводить ночи въ церкви, весьма часто переживая смертельную тревогу.

Тѣмъ временемъ деревня была обстрѣляна нѣмцами, предавшимися грабежу. 10 домовъ были сожжены.

Деревня Гакуръ въ 5 верстахъ Понтисса до 18 Августа пользовалась спокойствіемъ, а 18—въ 8 час. утра раздалась стрѣльба. Нѣмцы вторг-

лись въ деревню и съ ожесточеніемъ стрѣляютъ. Жители бѣгутъ. Они встрѣчаются съ солдатами, которые увѣряютъ, что никто изъ нихъ не пострадаетъ. Бѣглецы возвращаются. И въ это самое время солдаты набрасываются на священника и ведутъ его въ сарай, гдѣ были заключены Дефруадмонъ и его сынъ. По прошествіи часа солдаты возвращаются съ тѣмъ, чтобы разстрѣлять ихъ. Почтенный священникъ падаетъ, сраженный пулею въ затылокъ и приконченный штыковымъ ударомъ въ грудь. Убійцы крадутъ его часы. Дефруадмонъ отецъ и сынъ бѣгутъ. Сына, 15-лѣтняго юношу, догоняютъ злодѣи, онъ падаетъ, сраженный штыковыми ударами. Сверхъ того, въ различныхъ частяхъ деревни застрѣлены 14 человѣкъ, изъ нихъ 4 старика, 5 женщинъ и двое 15-лѣтнихъ. Жена Дессара 23 лѣтъ была убита въ полѣ. Нѣмцы потребовали, чтобы мужъ положилъ тѣло своей жены на телѣжку и свезъ его на кладбище.

Заштатный священникъ, аббатъ Гауфъ, лежалъ въ постели, когда нѣмцы подожгли его домъ. Они завернули его въ одѣяло и изъ окна перваго этажа бросили его на улицу, а затѣмъ перенесли его въ другой домъ. По прошествіи

нѣсколькихъ дней несчастный аббатъ умеръ отъ волненія и пытки, имъ перенесенной.

Эмиль Дессаръ былъ повѣшенъ, его три раза вынимали изъ петли, а затѣмъ разстрѣляли.

Въ деревнѣ Галембе близъ Гокура послѣ разграбленія были сожжены 84 дома.

Между особенно тяжкими преступленіями нѣмцевъ слѣдуетъ указать на разрушеніе статуи Христа Спасителя. Злодѣи бросили священное изображеніе на полъ и ударами сапогъ старались обезобразить ликъ Христа.

Извергамъ было мало сжечь деревню и залить ее кровью, 112 жителей были объявлены плѣнными и отправлены въ Германію. 10 молодыхъ дѣвушекъ изъ Гокура содержались въ теченіе шести недѣль въ одиночномъ заключеніи въ Аахенѣ. Но почему же эта ярость нѣмецкая разразилась надъ беззащитнымъ населеніемъ, которое даже нѣмцы не могли обвинить въ какомъ либо враждебномъ дѣйствіи противъ солдатъ? Вмѣсто обычныхъ обвиненій имъ показываютъ убитую лошадь. Они требуютъ вскрытія, предсказывая, что будетъ найдена при этомъ нѣмецкая пуля. Офицеры отказываются и велятъ зарыть лошадь.

Въ началѣ Февраля одинъ нѣмецкій судья прибылъ въ Гокуръ, онъ старался склонить жителей подписать заявленіе, что военная кара была вызвана необходимостью обуздать гражданскихъ лицъ, нападающихъ на войска. Нѣмецкій судья не достигъ желанной цѣли.

Изъ деревень, сосѣднихъ съ Понтиссомъ, весьма пострадала Герме. 14 Августа утромъ бургомистръ и священникъ были взяты какъ заложники. Въ 4 часа маіоръ, командующій нѣмецкимъ отрядомъ, велитъ бургомистру и священнику стать по бокамъ его лошади и велитъ собрать народъ. Изъ 1.200 жителей осталось около 750. Остальные разбѣжались. Мужчины были поставлены съ одной стороны, женщины и дѣти—съ другой. Маіоръ проситъ священника указать границы деревни. Священникъ Пессъ указываетъ границы деревни, не включая въ нихъ хуторовъ.

Затѣмъ солдатамъ было приказано произвести тщательный обыскъ во всѣхъ домахъ и удостовѣриться, не хранится ли тамъ оружій. Напрасная попытка; въ нѣкоторыхъ домахъ нашли только патроны, оставленныя бельгійскими и нѣмецкими войсками. Но и это оказа-

лось достаточнымъ, дома эти были переписаны и хозяева ихъ присуждены къ смертной казни. Маіоръ потребовалъ, чтобы ему указали, кто изъ присутствовавшихъ жилъ въ этихъ домахъ, такъ какъ они должны быть разстрѣляны. На перекличкѣ оказалось, что хозяева домовъ выбыли съ семействами въ Льежъ, тогда маіоръ объявляетъ, что такъ какъ въ этой общинѣ были убиты нѣмецкіе солдаты и раненые пристрѣлены, то деревня должна быть сожжена.

Мужчины онѣмѣли отъ ужаса, женщины и дѣти зарыдали. Священникъ снова объясняетъ маіору, что нѣмецкіе солдаты подверглись обстрѣлу со стороны бельгійскихъ войскъ и форта Понтисса и что никого изъ мирныхъ жителей нельзя обвинить въ враждебныхъ дѣйствіяхъ, что они проявили гостепріимство.

Офицеръ отвѣчаетъ неопредѣленно, что въ общинѣ были найдены тѣла раненыхъ, убитыхъ и похороненныхъ жителями.

Тогда бургомистръ предъявляетъ благодарственное письмо нѣмецкаго врача и удостовѣреніе Мейстрихскаго коменданта.

*

Въ виду такихъ офиціальныхъ документовъ маіоръ послѣ нѣкотораго раздумья сообщаетъ: «Здѣсь есть, можетъ быть, недоразумѣніе, но я получилъ офиціальный приказъ и долженъ его исполнить».

Солдаты заставляютъ тогда всѣхъ 750 жителей оставить селеніе. Маіоръ, выслушавъ новыя просьбы священника, сказалъ ему: «ведите ихъ».

Было $6^1/_2$ часовъ пополудни, ночь надвигалась, все населеніе двинулось по пути въ Мильмортъ. Бѣдные люди были застигнуты врасплохъ. Они вышли изъ домовъ, ничего не взявъ съ собою.

Нѣмцы не теряли времени. Они вывели изъ дворовъ лошадей, въ которыхъ очень нуждались, а остальной скотъ остался въ стойлахъ и сгорѣлъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, солдаты загнали толпу въ хлѣбное поле. Бѣдные люди подумали, что ихъ собираются казнить.

Когда они остановились, имъ крикнули: «обернитесь теперь и посмотрите на вашу деревню».

Видно было, какъ солдаты съ зажженными факелами бѣгали отъ одного дома къ другому, какъ ракеты, разсѣкая воздухъ огнемъ, падали

на крыши. Вскорѣ пламя охватило всю деревню. Несчастные вмѣстѣ со своимъ священникомъ пали на колѣни и громко молились. Болѣе двухъ часовъ они присутствовали при разрушеніи ихъ домовъ, при истребленіи ихъ скота, урожая и всего ихъ достоянія.

Въ 9½ ч. пожаръ потухалъ, балки и крыши домовъ съ трескомъ заваливались, тысячи искръ разносились въ вечерней мглѣ. Нѣмцы отдаютъ приказъ трогаться въ путь. Нѣмецкіе солдаты провожаютъ несчастныхъ криками: варвары, варвары. Послѣ разныхъ препятствій изгнанники приходятъ въ полночь въ деревню Мильмортъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ съ братской любовью. На слѣдующій день, въ праздникъ Успенія, солдаты продолжаютъ свои безчинства, называвшіе жителей деревни Герме варварами опустошаютъ погреба и напиваются и безобразничаютъ. Здѣсь тоже кричатъ они: «стрѣляли въ наши войска». Поговариваютъ о необходимости сжечь село. Священника, домъ котораго былъ разграбленъ, арестуютъ, когда онъ собирался служить обѣдню, и отправляютъ въ Льежъ.

Въ Герме, богатомъ селеніи, сожжено 119 домовъ. Послѣ опустошенія деревни огнемъ,

нѣмцы завершили свой подвигъ разграбленіемъ и уничтоженіемъ всего оставшагося. Они очистили погреба и обобрали фруктовыя деревья. Въ несгораемомъ шкапу, стоявшемъ въ приходскомъ домѣ, хранились, помимо церковныхъ капиталовъ и церковнаго архива, священные старинные предметы высоко художественной цѣнности. Шкапъ взломали и очистили. Чаша была найдена въ пыли дороги.

Одинъ крестьянинъ, глядя на дымящіяся развалины родной деревни, сказалъ: «мы вернемся, вѣдь не могутъ же они у насъ отнять и землю».

17. Звѣрства въ деревнѣ Эръ-ле-Роменъ.

Деревня Эръ-ле-Роменъ находится въ двухъ километрахъ отъ Герме. До 15 Августа жители ея пользовались относительнымъ спокойствіемъ, но послѣ 15 солдаты 93 полка начали проявлять тревожное настроеніе.

Они безобразно пьянствовали. Около $10^1/_2$ ч. вечера они начали стрѣлять и кричали, что мѣстные жители стрѣляли въ войска, но все оружіе давно уже было отдано на сохраненіе и уничтожено. Солдаты были размѣщены по всѣмъ домамъ и порядокъ не былъ нарушенъ.

Фермеръ Стокисъ получаетъ ударъ штыкомъ, когда покойно спрашиваетъ, что происходитъ въ селѣ. Гаделинъ Вержусъ сраженъ выстрѣломъ изъ ружья, когда онъ обратился въ бѣгство. 4 дома подожжены.

На слѣдующій день въ воскресенье 16 нѣмцы поджигаютъ нѣсколько фермъ. Наканунѣ оскорбительныя предложенія были сдѣланы вдовѣ Сули и ея дочери. Онѣ съ негодованіемъ отвѣтили варварамъ и ихъ немедленно выгнали съ прислугою. Онѣ должны были ночевать подъ открытымъ небомъ, а офицеры помѣстились въ ихъ комнатахъ.

На слѣдующій день все горѣло. Поджигатели украли 15 лошадей. Въ тотъ же день утромъ всѣ жители селенія изгоняются изъ своихъ домовъ. Ихъ запираютъ въ церковь, съ высоты амвона имъ объявляютъ: «вы будете разстрѣляны, а ваша деревня сожжена, мы хозяева, мы имѣемъ право жизни и смерти». Пулеметъ поставленъ въ церкви и направленъ на жителей. Имъ угрожаютъ разстрѣломъ, несчастныхъ оскорбляютъ и бьютъ. Въ теченіе двухъ часовъ ихъ заставляютъ стоять съ поднятыми руками. Они проводятъ цѣлый день, цѣлую ночь въ ужас-

ныхъ терзаніяхъ, многіе выражаютъ желаніе быть разстрѣлянными.

Село подвергается ограбленію, солдаты крадутъ деньги и все необходимое цѣнное. Мебель нагружаютъ въ фургоны и увозятъ. Первая группа, состоящая изъ 7 жителей, подвергается разстрѣлу; между ними два старика и двѣ женщины.

Аббатъ Ансенъ, весьма любимый за свою сердечную доброту, арестованъ, какъ заложникъ, вмѣстѣ съ бургомистромъ Леонардомъ. Вслѣдствіе утомленія и болѣзни, бургомистръ былъ замѣненъ его братомъ. Аббата повели съ непокрытою головою, съ руками, крѣпко связанными, въ кофейную Тассе, гдѣ онъ подвергся тяжкимъ оскорбленіямъ со стороны палачей. Наконецъ ему объявили, что наступилъ его послѣдній часъ. Онъ присѣлъ и плѣнные слышали, какъ онъ въ глубокомъ смущеніи сказалъ: «о, моя бѣдная мать».

Изверги убили его такъ же, какъ и Леонарда, на сосѣднемъ полѣ. У аббата не была, какъ ошибочно утверждали, сломана рука. Его носили съ руками, крѣпко перевязанными; четыре или пять пуль были направлены въ сердце, голова была раздроблена ударомъ топора.

Госпожа Дельфонтенъ и ея дочь г-жа Вестфаль, преслѣдуемыя бандитами, спрятались на чердакѣ и оттуда поднялись на крышу. Ружейными выстрѣлами нѣмцы заставили ихъ спуститься. Совершивъ эти подвиги, 93 полкъ вышелъ изъ селенія. На смѣну ему явились 72 и 67 полки. Они немедленно приступили къ дальнѣйшему разрушенію селенія. Большая часть жителей, выпущенная изъ церкви въ понедѣльникъ, къ счастью успѣла спастись. Селеніе подожгли съ разныхъ концовъ.

Въ церкви весьма красивой архитектуры поджигатели выливали ведра нефти на колокольню, стрѣляли въ нее, но она устояла. 70 домовъ, въ томъ числѣ нѣсколько большихъ фермъ, были сожжены варварами.

Въ то время, когда все пылало, изверги устроили настоящую охоту за несчастными, оставшимися въ селеніи. Они всѣ едва не погибли. Нѣмцы безъ всякаго различія возраста и пола всѣхъ убивали. Такъ они застрѣлили 19 жертвъ, въ томъ числѣ двухъ 70-лѣтнихъ, 5 женщинъ и 4 дѣтей 15, 14 и трехъ мѣсяцевъ. Сверхъ того ими убито 27 людей и многихъ тяжело ранили. 4-мѣсячный ребенокъ, еле живой,

былъ взятъ изъ рукъ его убитой матери тяжело раненою бабушкою.

Госпожа Спельтъ была застрѣлена въ саду. 70-лѣтній Вальуаръ былъ убитъ, когда онъ давалъ пить своему тяжело раненому сыну, лежащему на дорогѣ.

Нѣмцы обыскивали убитыхъ ими и крали деньги у раненыхъ и мертвыхъ. Хворый старикъ Гати былъ сначала извлеченъ изъ пылающаго дома и подъ обстрѣломъ перенесенъ въ домъ Вальуара; нѣмцы подожгли этотъ домъ и старикъ заживо сгорѣлъ.

Въ январѣ послѣ появленія извѣстнаго письма кардинала Мерсье, нѣмцы произвели изслѣдованія причинъ, вызвавшихъ всѣ эти ужасныя убійства и, главное, убійства священниковъ. Но какія же объясненія могутъ быть даны, кромѣ тѣхъ, что причина этихъ ужасовъ коренится въ чудовищной теоріи войны, послѣдовательно осуществляемой войсками, дисциплинированными даже при совершеніи технически обставленныхъ поджоговъ и разстрѣлахъ неповинныхъ людей.

18. Разгромъ Льежа.

Нѣмецкія войска, встрѣтивъ рѣшительный отпоръ со стороны фортовъ, окружающихъ Льежъ, вошли въ самый городъ безъ всякихъ затрудненій. Первые 10 дней прошли покойно. Но со времени полученія второго отказа Бельгіи обѣщанные «нѣмецкимъ сообщеніемъ» ужасы войны дали себя почувствовать и въ Льежѣ.

17 и 18 Августа солдаты 39 резервнаго полка начали грабить винные склады. Бутылки вина въ корзинахъ подъ наблюденіемъ офицеровъ перевозились въ зданія, занятыя войсками. «Что тутъ дѣлать», сказалъ офицеръ одному возмущенному собесѣднику, «это война».

19 и особенно 20 вечеромъ большинство солдатъ было пьяно. Сильно выпившіе офицеры были видны на улицахъ. Въ половинѣ десятаго совершенно неожиданно раздался выстрѣлъ. Это былъ, несомнѣнно, сигналъ. За нимъ началась учащенная перестрѣлка. Пулеметы, привезенные въ теченіе дня, были поставлены на площади и направлены на зданія, находящіяся противъ университета. Площадь была моментально наполнена солдатами въ полномъ воору-

женіи, стрѣлявшими во всѣхъ направленіяхъ. Трескъ этой пальбы изъ ружей и пулеметовъ вмѣстѣ съ воплями солдатъ и командой офицеровъ производилъ удручающее впечатлѣніе. Двери и ставни выламывались ударами топоровъ. Офицеры входили въ переднія и кричали по французски: «Женщины и дѣти должны выходить, мужчины должны погибнуть мечемъ или огнемъ». И немедленно солдаты поджигали нижніе этажи ведрами жидкости, воспламеняемой факелами. Всѣ мужчины, которыхъ арестовали въ подвалахъ, на лѣстницахъ и въ комнатахъ, были приведены на площадь недалеко отъ статуи Андрея Дюмона и разстрѣляны безъ всякаго суда, ихъ было 9. Между ними было пять испанцевъ. Но на такую мелочь нѣмецкіе палачи не обращали вниманія. Далѣе злодѣи направились на площадь Кокерилля. Обстрѣлявъ дома, солдаты проникаютъ въ зданія, ломаютъ ударами топора всякія преграды, кричатъ обычное «Man hat geschossen». И они тащатъ людей на мѣсто казни около статуи Андрея Дюмона, гдѣ лежатъ тѣла первыхъ жертвъ. Этихъ несчастныхъ поставили около нихъ и по командѣ офицера «стрѣлять» солдатъ,

стоящій отъ нихъ въ трехъ или четырехъ метрахъ, убивалъ ихъ одного за другимъ въ присутствіи ихъ женъ. Чтобы убѣдиться въ ихъ смерти, у нихъ сдирали кожу съ черепа или прокалывали штыками. Такимъ образомъ погибли 7 совершенно невинныхъ людей. Тѣмъ временемъ пулеметы не переставали трещать. Солдаты стрѣляли во всѣхъ направленіяхъ и есть основаніе думать, что не менѣе дюжины солдатъ были подстрѣлены своими же.

Пожарные, пріѣхавшіе около 10 часовъ, были встрѣчены солдатами весьма враждебно. Имъ мѣшали тушить пожаръ. Ночью стрѣльба продолжалась. Артиллерійскія орудія, поставленныя на правомъ берегу Мааса, обстрѣливали зданія, находящіяся на лѣвомъ берегу. На слѣдующій день вмѣстѣ съ первыми лучами солнца солдаты проникли въ склады и помѣщенія частныхъ лицъ и преимущественно на площади Кокерилля. Они заставили выйти изъ домовъ женъ и родственниковъ разстрѣлянныхъ ими, потребовали, чтобы они стояли съ поднятыми вверхъ руками, грабили въ магазинахъ, обращая особое вниманіе на ящики съ консервами. И все это происходило въ присутствіи офицеровъ

Въ это дѣло думали замѣшать и русскихъ студентовъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они дали первый выстрѣлъ, вызвавшій это страшное побоище.

Это обвиненіе оказалось совершенно неосновательнымъ. Первый этажъ дома, нанятаго Оливье, былъ сданъ въ наемъ Обществу русскихъ студентовъ еврейскаго происхожденія. Они собирались тамъ, но уже въ продолженіе нѣсколькихъ дней болѣе не посѣщали этого дома. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что солдаты тщательно осмотрѣли это помѣщеніе. Помѣщеніе это совершенно пустое и въ немъ не было ни мебели, ни даже кровати. Никакой русскій подданный не жилъ ни въ этомъ домѣ, ни въ окрестностяхъ.

Въ дѣйствительности первый выстрѣлъ былъ произведенъ нѣмецкимъ солдатомъ. Вся эта сцена была организована заранѣе, и съ полной очевидностью удостовѣрено, что одинъ нѣмецкій солдатъ, поднятый мертвымъ на университетской площади и котораго считали жертвой этого выстрѣла, былъ найденъ уже остывшимъ. Когда его раздѣли, то увидали, что онъ былъ уже вскрытъ, сердце и внутренности были положены въ свои мѣста и прикрѣплены бандажами. Это

былъ трупъ, положенный близъ госпиталя, онъ долженъ былъ свидѣтельствовать въ подтвержденіе того, что стрѣляли мирные граждане. Когда это открытіе было сдѣлано бельгійцами, то нѣмецкій врачъ крикнулъ: «Вѣдь это колоссально».

Недалеко отъ университетской площади находится «Набережная рыбаковъ», обстроенная большими прекрасными зданіями. Между ними выдѣлялись институты анатомическій, терапевтическій и другія монументальныя сооруженія. Многіе изъ живущихъ въ этихъ зданіяхъ были предупреждены, что нѣмцы будутъ безчинствовать, и, дѣйствительно, сотни выстрѣловъ были сдѣланы въ дома на набережной. Двери этихъ домовъ были взломаны ударами топоровъ и жилища разграблены. Погреба были опустошены. Ломовыя дроги были нагружены виномъ и наиболѣе цѣнными предметами. Весь этотъ разбой происходилъ среди пальбы и дикихъ воплей солдатъ. Затѣмъ ракеты и взрывчатыя гранаты довершили нѣмецкіе подвиги. Цѣлый рядъ прекрасныхъ зданій былъ сожженъ.

Нѣмецкое звѣрство съ особой силой проявилось въ разгромѣ квартиры семейства Де-

виве. Семейство это состояло изъ отца, матери, молодой дѣвушки и двухъ молодыхъ сыновей. Они жили въ 3 этажѣ, а въ первомъ помѣщалось кафе Бано. Въ 10 часовъ вечера раздались выстрѣлы. Жена Девиве проситъ мужа и сыновей спастись на дворѣ, а старшій сынъ Лаврентій говоритъ: «Зачѣмъ намъ спасаться, мы ничего дурного не сдѣлали». «Man hat geschossen», вопятъ солдаты и вламываются въ комнату. Перепуганные и едва одѣтые члены семьи Девиве увѣряютъ, что во всемъ домѣ нѣтъ оружія, но нѣмцы и слышать не хотятъ, они опрокидываются на несчастныхъ молодыхъ людей и, не слушая мольбы и слезъ женщинъ, прокалываютъ ихъ штыками. Также они покончили въ сосѣдней комнатѣ и съ отцомъ семейства. Его маленькая племянница Павлина бросается на убійцу и старается защитить любимаго дядю. Другіе солдаты тѣмъ временемъ окружили хозяина кофейной и его жену, они стараются и ихъ приколоть штыками. Одинъ изъ солдатъ говоритъ: «Женщину нельзя». Ее хватаютъ и бросаютъ на лѣстницу, въ концѣ которой она свалилась безъ чувствъ. А мужа ея прокалываютъ пятью штыками, прикладами пяти ружей на-

носятъ удары по головѣ и отпихиваютъ ногой. Онъ теряетъ сознаніе, нѣмцы уходятъ.

Расправившись съ хозяевами, убійцы принялись за грабежъ. Пиво, вино, табакъ и разные другіе предметы были похищены. Они ничего не пощадили, брали деньги, всѣ болѣе или менѣе цѣнные предметы и даже дѣтскія игрушки. Выкрали они даже и процентныя бумаги Девиве. Семья лишилась всего своего достоянія.

Всѣ сосѣдніе дома были также разграблены, а въ театрѣ были выкрадены цѣнныя вещи.

Нѣмецкія военныя власти, разрѣшая ночной разгромъ Льежа, съ одной стороны имѣли въ виду осуществить на дѣлѣ любимую ими систему устрашенія мирнаго населенія и кромѣ того по свойственной имъ подозрительности хотѣли удалить мѣстныхъ жителей отъ тѣхъ зданій, которыми желали воспользоваться для помѣщенія различныхъ военныхъ лицъ и управленій.

19. Разгромъ города Аэршота.

Въ самомъ началѣ войны словно разрушительный смерчъ пронесся по Бельгіи. Полчища

грабителей и поджигателей разрушили цвѣтущіе города съ ихъ чудными храмами, историческими памятниками, сокровищами искусствъ, рѣдкими библіотеками, благоустроенными школами. Городское населеніе частью погибло отъ руки палачей, частью выселено въ Германію, частью разбѣжалось.

Аэршотъ, благоустроенный городъ съ 8000 жителей на берегу рѣки Демера [1]). Во время отступленія бельгійской арміи къ Антверпену, на долинѣ, прилегающей къ Аэршоту, происходили ожесточенные бои. Но 19 Августа, при вступленіи нѣмцевъ въ городъ, тамъ не было ни одного бельгійскаго солдата. Нѣмцы съ первыхъ шаговъ себя проявили. Безъ всякой причины посыпались выстрѣлы, и нѣсколько домовъ были подожжены. А на улицѣ называемой Du Marteau заставили выйти нѣкоторыхъ жителей и разстрѣляли ихъ. Затѣмъ войска разошлись по всему городу. До вечера все было покойно.

---

[1]) Grondijs—Les Allemands en Belgique. Paris. Стр. 16.

Pierre Nothomb—Les Barbares en Belgique. Paris 1915. Стр. 106.

Alexander Powell — La Guerre en Flandre. Paris. Стр. 83.

Генералъ со своими адъютантами остановился у бургомистра Тильманса. Въ 4 часа хозяинъ дома раздавалъ сигары часовымъ, стоявшимъ у дверей. Генералъ стоялъ на балконѣ, а площадь была переполнена нѣмецкими солдатами. И вдругъ совершенно неожиданно поднялись два клуба дыма, и началась оживленная пальба. Солдаты въ крайнемъ возбужденіи начали стрѣлять въ окна, взламывать двери въ домахъ и обстрѣливать входы. Перепуганная этимъ зрѣлищемъ жена Тильманса увлекаетъ мужа, дѣтей и прислугу въ подвалъ, а тѣмъ временемъ пуля сразила генерала. «Послѣ первыхъ минутъ полной растерянности» показываетъ госпожа Тильмансъ, «одинъ изъ адъютантовъ генерала спускается въ подвалъ и говоритъ: «Генералъ умеръ, гдѣ бургомистръ»? «Мой мужъ говоритъ мнѣ: «Это весьма для меня опасно». «Я обратилась къ адъютанту и сказала ему: «Вы можете удостовѣрить, мой мужъ не стрѣлялъ». «Все равно», возразилъ онъ, «онъ отвѣтственъ». «Моего мужа увели. Мой сынъ перевелъ насъ въ другой подвалъ. Адъютантъ пришелъ за нимъ и погналъ его, давая ему пинки ногами. Бѣдный ребенокъ могъ съ трудомъ ходить. Утромъ нѣ-

мецкая пуля влетѣла въ его комнату и рикошетомъ ранила его въ икру. Послѣ ареста моего мужа и моего сына нѣмцы, прицѣливаясь въ меня револьверами, водили меня по всему дому. Я должна была видѣть убитаго генерала. Потомъ насъ выгнали изъ дома безъ пальто, въ чемъ мы были. На площади, окруженные цѣпью солдатъ, мы должны были смотрѣть на пожаръ нашего дорогого города. При зловѣщемъ освѣщеніи горѣвшихъ зданій около часа ночи, я въ послѣдній разъ видѣла сына и отца, привязанныхъ одинъ къ другому. Въ сопровожденіи моего зятя они шли на казнь. Изверги отняли у меня все, что мнѣ было дорого».

Ни въ чемъ неповинные отецъ и 15-лѣтній сынъ безъ всякаго суда признаются виновными въ убійствѣ генерала. Ихъ и ихъ родственника казнятъ и городъ въ теченіе трехъ недѣль будетъ терзаемъ нѣмецкою ордою. За казнью первыхъ трехъ жертвъ всѣхъ мужчинъ начинаютъ арестовывать. 50 человѣкъ случайно забранныхъ выводятъ изъ города. Поставивъ по четыре въ рядъ, ихъ погнали и послали имъ вслѣдъ нѣсколько залповъ. 10 человѣкъ спасаются, 40—падаютъ, и ихъ приканчиваютъ штыками. По-

томъ другихъ гражданъ ставятъ рядами на откосѣ. Въ нихъ цѣлятся и убиваютъ методически одного изъ трехъ. Секретарь слѣдственной комиссіи видѣлъ по прошествіи 20 дней кровавые слѣды, оставленные на травѣ несчастными жертвами на мѣстахъ, гдѣ они упали. Оставшихся въ живыхъ заставляютъ рыть могилы для убитыхъ. На ихъ глазахъ пожаръ разгорается въ городѣ. Они видятъ, какъ изъ одного горящяго дома выбрасывается человѣкъ съ ребенкомъ на рукахъ. Они оба разбиваются на смерть при паденіи; они видятъ, какъ шайка грабителей въ военной формѣ опрокидывается на церковь. Пять разъ они безуспѣшно стараются поджечь церковныя двери и наконецъ съ большимъ усиліемъ взламываютъ ихъ. Они разрушаютъ алтари, исповѣдальни, органы, разламываютъ престолы, жгутъ деревянныя готическія статуи, украшающія церковь, похищаютъ и оскверняютъ священные сосуды. Затѣмъ они запираютъ въ оскверненномъ храмѣ несчастныхъ жителей Аэршота. Въ теченіе трехъ недѣль эти бандиты въ мундирахъ поджигаютъ дома, грабятъ, сваливаютъ въ фургоны и вагоны свою добычу и производятъ въ дымящихся

развалинахъ чудовищныя оргіи. Обыкновенно дѣло начинается съ ограбленія дома, а потомъ его поджигаютъ. Остаются нетронутыми дома, въ которыхъ проживаютъ офицеры. Секретарь слѣдственной комиссіи Ортцъ даетъ слѣдующія интересныя показанія: «я посѣтилъ случайно нѣсколько домовъ и ходилъ по разнымъ этажамъ. Всюду мебель въ величайшемъ безпорядкѣ, обивка распотрошенная невѣроятно загажена. Обои клочьями висятъ на стѣнахъ, двери подваловъ взломаны, шкапы, ящики раскрыты и очищены. Бѣлье и самыя разнообразныя вещи разбросаны по полу и всюду и вездѣ безчисленное множество пустыхъ бутылокъ». Въ домѣ доктора З., огражденномъ особою надписью отъ вторженія хищниковъ, проживали офицеры, Ортцъ нашелъ слѣдующее: при входѣ въ домъ поражалъ противный запахъ разлитаго вина, сотни бутылокъ пустыхъ и разбитыхъ наполняли прихожую, лѣстницу и коридоры до самаго двора. Въ комнатахъ царилъ невообразимый безпорядокъ, полъ былъ загроможденъ разорваннымъ платьемъ, клочьями шерсти, распотрошенными матрацами. Повсюду разломанная мебель, а около кроватей всюду пустыя бутылки:

Въ столовой дюжины стакановъ покрывали столы и столики, окруженные разломанными креслами, а въ углу красовалось піанино съ клавіатурой продавленной и разбитой. Все свидѣтельствовало о томъ, что въ этомъ домѣ въ теченіе многихъ дней царило пьянство и дикій разгулъ. Изъ того, что сообщилъ жандармскій вахмистръ, можно заключить, что въ такомъ же видѣ были всѣ дома, въ которыхъ проживали нѣмецкіе офицеры. И въ несчастномъ городѣ остались только нѣсколько женщинъ между развалинами залитыми виномъ, остальные уцѣлѣвшіе жители разбѣжались по опустошеннымъ окрестностямъ или были вывезены въ Германію.

20. Разгромъ города Динана.

Тяжкая доля постигла красивый городокъ Динанъ. 21 Августа нѣмцы безъ выстрѣла заняли городъ, оставленный войсками, пристрѣлили нѣсколькихъ жителей, поломали нѣкоторую мебель, подожгли нѣсколько домовъ и, упоенные успѣхомъ, оставили городъ. 23 Августа они снова занимаютъ городъ, 108 пѣхотный полкъ вступаетъ первымъ. Проходя въ $5^1/_2$ ч. утра

мимо церкви Премонстранскаго монастыря, гдѣ братія служила обѣдню, они вторгаются въ храмъ, грубо отдѣляютъ женщинъ отъ мужчинъ; разстрѣливаютъ 50 мужчинъ, а женщинъ запираютъ въ обители.

Проходя по улицамъ, они звонили у дверей, убивали въ упоръ тѣхъ, которые открывали двери, загоняли всѣхъ встрѣчныхъ въ церковь, а женщинъ и дѣтей въ благотворительныя учрежденія и въ тюрьму. Въ Леффскомъ аббатствѣ, гдѣ они держали подъ замкомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней женщинъ, происходили ужасныя сцены; на первый день они не давали никакой пищи заключеннымъ; во второй день они имъ бросили чернаго хлѣба; въ третій они позволили нѣкоторымъ изъ нихъ накопать немного моркови въ огородѣ монастыря. Обезумѣвшія отъ отчаянія нѣкоторыя изъ несчастныхъ бросались къ ногамъ мучителей и спрашивали: «сколько нужно дать, чтобы быть освобожденными?»—«30.000 франковъ—отвѣчали имъ». Размѣры этой суммы ихъ не смущаютъ, онѣ захватили съ собой все, что имѣли изъ своихъ небольшихъ сбереженій и съ трудомъ собрали между собою 15.000 фр. «Нельзя ли этимъ удовольство-

ваться»—просили онѣ. Офицеръ взялъ деньги, но не освободилъ ихъ и напротивъ нѣмцы стараются дѣлать все, чтобы отягчить ихъ участь. Имъ объявляли, что онѣ будутъ разстрѣлены, что онѣ будутъ сожжены живыми, и чтобы увеличить ихъ испугъ подъ окнами монастыря поджигали солому. На 4 день наконецъ двери были открыты, онѣ могли видѣть ихъ городъ разореннымъ, ихъ дома сожженными. Одна изъ нихъ П. съ радостью видитъ свой домъ уцѣлѣвшимъ. Она вбѣгаетъ въ него съ своими 6 дѣтьми и находитъ въ передней трупъ своего мужа, убитаго 4 дня тому назадъ. Въ глубинѣ своего сада хоронитъ она покойника.

Изъ 1400 домовъ около 200 только уцѣлѣло. Около церкви обуглившіяся развалины, которыя забрызганы кровью 120 мужчинъ, разстрѣлянныхъ изъ пулемета въ присутствіи ихъ женъ, а 84 человѣка были разстрѣлены на другой сторонѣ площади. Ихъ построили четыреугольникомъ около стѣны, нѣмецкіе солдаты были поставлены рядами противъ каждой изъ трехъ сторонъ, такимъ образомъ несчастные должны были подвергаться трехстороннему обстрѣлу. Маленькая 3-лѣтняя дѣвочка неизвѣстныхъ роди-

телей была найдена по прошествіи нѣсколькихъ часовъ живою, подъ этой грудой труповъ. Фабричные рабочіе, протомившись нѣсколько часовъ въ подвалѣ фабрики со своимъ директоромъ Гиммеромъ, Аргентинскимъ консуломъ, вышли изъ своего невольнаго заключенія съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ и просили пощады. Отъ нихъ отогнали женъ, ихъ сопровождавшихъ, и разстрѣляли на томъ же мѣстѣ; счетомъ ихъ было 70 человѣкъ. Нѣсколько женщинъ были арестованы и помѣщены на одномъ дворѣ у подножія скалы, пулеметъ, поставленный невдалекѣ, ихъ принялъ подъ обстрѣлъ. Директоръ Національнаго Банка Вассейжъ за отказъ познакомить съ секретнымъ способомъ открывать кассу былъ убитъ. Онъ умеръ съ молитвой на устахъ, его младшій сынъ 15-лѣтній Яковъ тяжко раненый напрасно просилъ, чтобы его прикончили, никто не смѣлъ ему помочь. Несчастная мать убѣжала въ ужасѣ, спасая одного ребенка, а остальныя дѣти двѣ дѣвочки и мальчикъ были уведены нѣмцами. Жена доктора Л. была спрятана имъ вмѣстѣ съ 3-дневнымъ ребенкомъ въ помойной ямѣ тюрьмы, всѣ трое въ продолженіи двухъ сутокъ томились тамъ въ голодѣ.

Женщины съ плачемъ спрашиваютъ нѣмецкаго офицера: «зачѣмъ все это было сдѣлано вами?»— Онъ имъ отвѣта не далъ. Въ предмѣстьи города Леффе проживало около 2000 рабочихъ, по словамъ свидѣтеля послѣ разгрома уцѣлѣло только 16 человѣкъ. 10 сентября была удостовѣрена личность 190 разстрѣлянныхъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ число ихъ возросло до 800. Изъ нихъ 39 недостигли еще 15-лѣтняго возраста, а 18-ти было болѣе 70 лѣтъ. Варвары безжалостно разрушили красивый городокъ. Мирно и счастливо жило его трудящееся населеніе.

21. Разгромъ города Андена.

Одинаковая участь постигла и городъ Анденъ. Послѣ двухъ дней сравнительно спокойныхъ, въ четвергъ 20 Августа въ 6 часовъ вечера началась оживленная стрѣльба въ разныхъ частяхъ города и около 12 домовъ загорѣлись. Жители спаслись въ подвалахъ, они сначала думали, что въ городъ вступаютъ союзныя войска и только потомъ поняли, что выстрѣлы были направлены противъ нихъ; тѣ, которые подходили къ дверямъ своихъ домовъ, чтобы узнать, что происходитъ на улицѣ,

были убиваемы. Бургомистръ Камюсъ вышелъ изъ своего подвала, съ тѣмъ, чтобы затворить дверь, онъ упалъ раненый пулею, 20 штыковъ немедленно прикончили его. Цѣлыми залпами обстрѣливались окна и отверстія подваловъ. Страшная ночь, на улицахъ раздавались вопли солдатъ, они разбивали окна магазиновъ и расхищали товары, выставленные въ окнахъ. Между полуночью и 1 час. ночи раздался пушечный выстрѣлъ, около 4 часовъ утра, нѣсколько кавалеристовъ пронеслись по шоссе съ крикомъ: «жители Андена выходите, французы идутъ вамъ на помощь». Немногіе повѣрившіе этой вѣсти были убиты. Съ 5 часовъ солдаты начали выгонять изъ домовъ жителей, направляя ихъ на городскую площадь. Они должны были идти съ руками, поднятыми вверхъ—всѣ: мужчины, женщины, дѣти, старики здоровые и больные, они должны были идти между рядами труповъ, лежавшихъ лицомъ къ землѣ. На площади ихъ ожидалъ начальникъ отряда Шенманъ, онъ созвалъ своихъ офицеровъ и передъ толпою осужденныхъ началъ обдумывать, какъ съ ними поступить. Ихъ нужно было наказать (за что неизвѣстно), но дѣло осложнялось тѣмъ, что ихъ было слишкомъ много. Сначала

думали ихъ разстрѣливать изъ пулеметовъ, потомъ предлагали разстрѣливать группами по три или по четыре человѣка и этотъ опытъ былъ сдѣланъ, случайно выбрали въ толпѣ четырехъ человѣкъ и на мѣстѣ застрѣлили ихъ, но затѣмъ раздѣлили арестованныхъ на двѣ части: однихъ отвели на берегъ рѣки Мааса, близъ бойни они были разстрѣляны въ строгомъ порядкѣ группами по 10 человѣкъ въ каждой, остальные арестованные были объявлены заложниками и помѣщены въ нѣсколькихъ домахъ. Они могли слушать ружейные залпы, отчаянные вопли женъ казненныхъ и звуки вальсовъ, наигрываемыхъ пьяными офицерами на фортепьянахъ въ разграбленныхъ ими домахъ. Двое сутокъ продолжались безчинства, 320 жителей были казнены, 300 домовъ сожжены и послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ военныя власти задумали устроить на площади банкетъ, назвавъ его: «Pardon d'Andenne». Офицеры и солдаты привлекли къ этому празднику мѣстныя власти и заставили ихъ кричать: «hoch» императору и слушать нѣмецкіе гимны. Но эти побѣдные крики не могли заглушить плача и стона женъ и матерей безвинно погибшихъ людей.

22. Разгромъ города Тамина.

Таминъ—городъ, преимущественно населенный фабричными рабочими. Нѣмцы, озлобленные потерями, нанесенными имъ французами, съ особеннымъ остервененіемъ набросились на беззащитное трудящееся населеніе Тамина. 22 Августа всѣхъ выходившихъ почему либо на улицу мужчинъ, женщинъ и дѣтей сгоняютъ въ приходскую церковь. Въ 6 часовъ болѣе 500 мужчинъ выводятъ на площадь около моста черезъ Самбру, младшему изъ арестованныхъ 13 лѣтъ, старшему 85 лѣтъ. Почти всѣ рабочіе, нѣмцы захотѣли нанести ударъ трудящемуся населенію фабричнаго города. Вины за ними не было никакой. Въ 7 часовъ вечера офицеръ читаетъ имъ какую то бумагу, хотя словъ ея не понимаютъ, но догадываются, каково ея значеніе. Разстрѣлъ затѣмъ начинается. Когда, послѣ ружейныхъ залповъ, вся эта толпа покачнулась, офицеръ прокричалъ, что жизнь будетъ дарована тѣмъ, которые упали притворяясь, или были ранены, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ поднялись. Но лишь только они окровавленные встали, какъ снова подверглись обстрѣлу. Затѣмъ, чтобы совершенно

покончить съ ними, привели въ дѣйствіе пулеметъ, но и этого оказалось недостаточно, опьянѣвшіе отъ вида крови солдаты накидываются на эту трепещущую кучу загубленныхъ людей и доканчиваютъ эту работу прикладами, штыковыми ударами и каблуками своихъ сапогъ.

23 августа около 200 мужчинъ прислано нѣмцами для погребенія убитыхъ. Они съ содроганіемъ смотрятъ на этотъ холмъ, составленный изъ труповъ: «онъ имѣетъ не менѣе 40 метровъ въ длину, 6 метровъ въ ширину и 1 метра въ вышину». Они вырываютъ огромныя могилы и переносятъ туда окровавленные остатки погибшихъ. «Отцы переносили тѣла своихъ сыновей, а сыновья останки своихъ отцовъ». Женщинъ привели, онѣ должны присутствовать при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ; около нихъ офицеры и солдаты пьютъ шампанское. Одинъ раненый поднимаетъ руки, зовутъ маіора, «похороните»—говоритъ маіоръ и по его приказу грозно повторенному, раненаго хоронятъ. По окончаніи этихъ ужасныхъ похоронъ, хотя могильщиковъ и оставили въ живыхъ, но ихъ рѣшено было вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ городка выгнать, что и было приведено въ исполненіе. Послѣ этого славнаго подвига, воины

кайзера приступили къ разграбленію города. Несгораемые ящики купцовъ вскрываются разными усовершенствованными приспособленіями. 188 домовъ сожжено, 534 дома остались послѣ ухода грабителей разграбленными съ выбитыми дверями и окнами.

23. Разгромъ Термонда.

Термондъ красивый городокъ при впаденіи Дандра въ Шельду [1]). Въ серединѣ городка, сохранившаго обликъ давнихъ временъ, высились красивыя старинныя зданія. Къ городу примыкали два предмѣстья Сентъ-Жилль и Леббеке, населенныя рабочими. Въ трехъ общинахъ числилось 26.000 жителей. Вскорѣ послѣ занятія Брюсселя нѣмецкіе авангарды показались около Термонда. Въ началѣ сентября городъ подвергся бомбардировкѣ. Защищалъ его лишь небольшой бельгійскій отрядъ. Городъ былъ вскорѣ взятъ. Вступивъ въ него, нѣмцы немедленно направились къ госпиталю. Взяли тамъ заложниковъ, ограбили нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ мѣстный банкъ. Жители довольно спокойно отнеслись къ

---

[1]) Pierre Nothomb—Les barbares en Belgique. Стр. 136.

нѣмцамъ, но были смущены совѣтомъ офицера какъ можно скорѣе оставить городъ. «Убирайтесь», сказалъ онъ, «Термондъ будетъ уничтоженъ».— «Когда»?—Черезъ 10 минутъ». И, дѣйствительно, черезъ 10 минутъ 9-й полкъ піонеровъ вступилъ въ городъ. 5 Сентября начался систематическій пожаръ города. Руководилъ этимъ позорнымъ дѣломъ Зоммерфельдъ и его достойный помощникъ Форстнеръ. Госпиталь былъ облитъ керосиномъ и горѣлъ. Одинъ бѣдный эпилептикъ погибъ въ огнѣ. Сосѣдняя церковь загорѣлась и рухнула. Вътеченіе двухъ дней горѣли дома одинъ за другимъ, цѣлыя улицы исчезли. 7 Сентября пожаръ прекратился. Піонеры получили другую командировку, ихъ послали разрушать желѣзную дорогу. При ихъ выступленіи Термондъ представлялъ изъ себя дымящуюся развалину. Городъ и его предмѣстье были тѣмъ временемъ отданы на расхищеніе. Сенъ-Жилль былъ полонъ трупами; въ Леббекѣ 25 человѣкъ были одновремѣнно разстрѣляны, 450 отправлены въ Германію. Сосѣдняя деревня Антельсъ была безъ всякаго основанія подвергнута бомбардировкѣ.

Нѣкоторые жители, несмотря на все, не захотѣли бѣжать. Для нихъ скоро наступилъ ра-

достный день. 10 Сентября Термондъ былъ снова занятъ бельгійцами. Проходя по предмѣстью Сенъ-Жилль, бельгійскіе солдаты могли видѣть одного несчастнаго, распятаго у двери дома. Лѣвая рука была привязана къ двери, а правая—къ звонку; животъ проткнутъ въ пяти мѣстахъ. Недолго бельгійцы удержались въ Термондѣ. 16 и 17 Сентября начался вторичный обстрѣлъ города. Пожаръ начался тамъ, гдѣ онъ прекратился. Башня ратуши еще царила надъ городомъ. Ее подожгли. Нѣсколько домовъ еще стояли, нѣсколько улицъ уцѣлѣли. Ихъ тоже подожгли. И пока солдаты довершали дѣло разрушенія, офицеры пировали на площади. Туда принесли нѣсколько уцѣлѣвшихъ ковровъ, диванов, стульевъ, подушекъ и піанино. При заревѣ пожара гремѣла музыка, и до утра раздавались крики и смѣхъ пьяныхъ офицеровъ. Термондъ былъ пустъ. Термонда болѣе не существовало.

24. Разгромъ Лувэна.

Первое время послѣ занятія нѣмецкими войсками Лувэна проходило сравнительно довольно

покойно [1]). Населеніе было угнетаемо извѣстіями о разгромѣ нѣмецкими войсками многихъ деревень и грубымъ обращеніемъ съ заложниками. Также производили весьма тяжелое впечатлѣніе разсказы объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались женщины. Но какихъ либо враждебныхъ чувствъ явно не проявлялось въ сношеніяхъ между городскимъ населеніемъ и нѣмецкими солдатами. Они ходили и группами и въ одиночку по городу, посѣщали кофейни, даже охотно заговаривали съ мѣстными жителями. Прямо враждебныя чувства высказывались по отношенію къ духовенству и особенно къ священникамъ валлонскаго происхожденія. Нѣмцы смотрѣли на нихъ съ крайнею подозрительностью. Ночью къ дверямъ ихъ спальни обыкновенно ставили вооруженнаго часового. Къ священникамъ-фламандцамъ относились лучше, но и на нихъ смотрѣли обыкновенно какъ на вдохновителей враждебнаго къ нѣмцамъ народнаго чувства, что однако же не мѣ-

[1]) Pierre Nothomb «Les Barbares en Belgique». Стр. 122. Grondijs «Les Allemands en Belgique». Стр. 29.

В. Десятовскій. «Великая міровая война. Французы о нѣмцахъ». Стр. 132.

*

шало нѣмецкимъ офицерамъ широко пользоваться гостепріимствомъ фламандскихъ батюшекъ, нерѣдко уступавшихъ нѣмцамъ свои дома.

Хотя мѣстныя власти принимали всѣ отъ нихъ зависящія мѣры для успокоенія мѣстнаго населенія, но съ каждымъ днемъ настроеніе жителей все болѣе и болѣе поддавалось тревожнымъ вѣстямъ, приходившимъ со всѣхъ сторонъ. Особенно удручающее впечатлѣніе производили толпы бѣглецовъ изъ разоренныхъ нѣмцами мѣстъ. Голодные, перепуганные тянулись они длинными вереницами, съ трудомъ несли на себѣ случайно забранные пожитки, завидя постороннихъ, случайно встрѣчныхъ людей, поднимали кверху руки, по нѣмецкому рецепту, и жалобно просили помощи. Одинъ изъ извѣстныхъ Лувэнскихъ профессоровъ Шарпе видѣлъ 24 Августа въ деревняхъ близъ Лувэна трупы убитыхъ нѣмцами жителей. Населеніе разбѣжалось, и некому было хоронить покойниковъ. Деревня Линденъ была сожжена въ наказаніе за то, что одинъ изъ крестьянъ убилъ нѣмецкаго солдата. Солдатъ этотъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ нанесъ тяжкое оскорбленіе одной молодой дѣвушкѣ въ присутствіи ея родителей,

привязанныхъ ея злодѣями къ стульямъ. Отецъ развязалъ опутывавшія его веревки, схватилъ ружье и убилъ одного изъ солдатъ. Нѣмецкіе офицеры приказали поджечь деревню, родители молодой дѣвушки были вновь привязаны къ стульямъ и ихъ сожгли живыми.

Профессоръ Шарпе видѣлъ также трупъ двухлѣтняго ребенка, проколотаго штыкомъ, и тѣло 70-лѣтняго старика. Онъ держалъ въ рукѣ костыль, на груди его зіяла штыковая рана, а ноги были обуглены. Старикъ этотъ бывалъ неоднократно въ Римѣ и Лурдѣ и пользовался большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго населенія.

Профессоръ техническаго института въ Дортрехтѣ Грондійсъ, голландецъ, въ своемъ очеркѣ, посвященномъ описанію всего лично видѣннаго имъ во время нѣмецкаго нашествія въ Бельгіи, передаетъ много весьма любопытныхъ данныхъ о разгромѣ Лувэна. Его разсказъ отличается полнымъ безпристрастіемъ. Пользуясь своею принадлежностью къ нейтральной державѣ, онъ обнаружилъ рѣдкую настойчивость въ огражденіи отъ насилій нѣмецкихъ властей профессоровъ и выдающихся ученыхъ Лувэнскаго

университета, со многими изъ которыхъ былъ знакомъ со студенческой скамьи. Ему въ значительной степени обязаны своимъ спасеніемъ ректоръ Лувэнскаго университета Монсиньоръ Ладезъ и профессоръ того же университета Коши. Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ страною, ректоръ не захотѣлъ уѣхать изъ Лувэна. Нѣмцы поспѣшили арестовать его и продержали сутки въ ратушѣ въ качествѣ заложника. Когда онъ пожелалъ пойти къ обѣднѣ, то его отпустили только послѣ прибытія одного изъ профессоровъ университета, который и замѣнилъ его во время его отсутствія. Въ Лувэнѣ на первыхъ порахъ священникамъ разрѣшали служить литургію, не приставляя къ нимъ военнаго караула. Въ сосѣднихъ же селахъ священникамъ разрѣшали облачаться и служить не иначе какъ подъ конвоемъ трехъ или четырехъ вооруженныхъ солдатъ. Нѣмецкіе офицеры разсказывали, что католическое духовенство въ своихъ проповѣдяхъ возстановляло населеніе противъ нѣмцевъ.

Нѣсколько священниковъ было разстрѣляно по обвиненію въ помѣщеніи ими на колокольняхъ ихъ церквей пулеметовъ. Обвиненіе со-

вершенно несостоятельное. Если бы нѣмцы соблюдали, приговаривая къ смертной казни священниковъ, хотя самыя элементарныя правила правосудія, то, несомнѣнно, убѣдились бы въ совершенной неосновательности возведенныхъ на священниковъ обвиненій. Прежде всего подлежитъ большому сомнѣнію, были ли поставлены на колокольняхъ пулеметы, а если и были, то на чемъ же покоится обвиненіе священниковъ? Пулеметы эти могли быть поставлены бельгійскими войсками, недавно занимавшими эти мѣста.

Нѣмцы, при входѣ въ Лувэнъ, не нашли тамъ бельгійскихъ войскъ. Желаніе сохранить единственную въ мірѣ библіотеку, храмы и рѣдкія произведенія искусства, вынудило военныя власти вывести войска изъ города. Начальникъ нѣмецкихъ войскъ и штабъ его безпрепятственно заняли ратушу. Бургомистръ находился въ своемъ кабинетѣ. Солдаты ворвались въ дверь, окружили бургомистра съ револьверами въ рукахъ. Отъ бургомистра потребовали немедленно предоставить въ распоряженіе войска 30.000 килограммовъ муки, 30.000 килограммовъ картофеля и 32.000 килограммовъ

хлѣба. При невозможности исполнить это требованіе, городъ долженъ былъ платить по 200.000 франковъ въ день.

Произвольно конфисковавъ въ Газзельскомъ банкѣ 2.000.000 франковъ, нѣмцы озлились, не найдя ничего въ Лувэнскомъ банкѣ, откуда всѣ цѣнности были своевременно увезены. Желая наказать лувэнцевъ, нѣмцы потребовали съ городской кассы 100.000 франковъ. Касса была пуста. Офицеры начали понижать размѣры контрибуціи, стали требовать 80.000, 50.000, 20.000, 10.000 и, наконецъ, 3.000 франковъ. Думскій секретарь, завѣдующій финансовымъ отдѣломъ, прибавилъ еще 80 франковъ, и комендантъ далъ расписку въ полученіи 3.000 франковъ. Городской голова, потрясенный переживаемыми событіями, заболѣлъ. Его замѣнилъ секретарь Шмитзъ. Онъ навлекъ на себя совершенно неосновательно гнѣвъ офицеровъ, его хотѣли разстрѣлять, и только благодаря случайному обстоятельству онъ остался живъ.

Съ 25 Августа нѣмцы начали грабить дома, жители которыхъ обратились въ бѣгство. Профессоръ Грондійсъ посѣтилъ нѣкоторые изъ этихъ домовъ. Двери ихъ были выломаны,

среди разбросанной мебели валялись бѣлье и разныя хозяйственныя принадлежности; всѣ цѣнные предметы исчезли. Уходя изъ домовъ, они по принятому у нихъ обычаю покрывали кровати нечистотами. Грабители проникали даже въ дома, которые не были оставлены жильцами. Такъ, прежде чѣмъ приступить къ разграбленію дома одного университетскаго профессора, они заперли этого почтеннаго ученаго вмѣстѣ съ его женою въ одной изъ комнатъ и вытащили имущество изъ другихъ помѣщеній.

Пожаръ, истребившій часть университетскихъ зданій, богатѣйшую университетскую библіотеку съ ея драгоцѣнными собраніями единственныхъ въ мірѣ рукописей, коллегіальную церковь Св. Петра съ ея сокровищами искусства и дивнымъ амвономъ, лучшія зданія и значительную часть города, начался въ ночь съ 25 на 26 Августа. Мѣстные жители утверждаютъ, что пожаръ начался вслѣдствіе поджога около часа ночи. Пламя быстро охватило цѣлый рядъ построекъ, съ шумомъ и трескомъ въ тиши ночной разрушаются высокія зданія, на улицахъ, прилегающихъ къ пожарищу,—пустота, только около ратуши виднѣются нѣмецкіе солдаты,

принимающіе мѣры къ сохраненію зданія ратуши. Нѣмцы поставили коменданту Мантейфелю въ особую заслугу то, что онъ спасъ отъ огня это замѣчательное по красотѣ зданіе, но въ интересахъ истины нужно замѣтить, что сохранить это зданіе было не легко: пришлось взорвать динамитомъ два сосѣдніе дома, и вмѣнить это въ заслугу барону Мантейфелю тѣмъ менѣе слѣдуетъ, что въ сохраненіи ратуши были наиболѣе заинтересованы сами нѣмцы, тамъ помѣщалась ихъ комендатура, и въ этомъ зданіи они весьма удобно размѣстили множество офицеровъ и солдатъ. Совершенно также неосновательны свѣдѣнія, помѣщенныя въ нѣмецкомъ офиціальномъ отчетѣ о томъ, что коллегіальная церковь случайно загорѣлась. Имѣются точныя указанія мѣстныхъ жителей, что ночью дома, окружающіе церковь, до ея пожара не горѣли и что огонь былъ усмотрѣнъ среди храма и произошелъ отъ поджога.

Нѣмцы обвиняютъ мѣстныхъ жителей въ томъ, что они 25 Августа стрѣляли въ нѣмецкія войска, и чудовищную расправу съ городомъ объясняютъ примѣненіемъ къ нему военнаго нѣмецкаго закона, по которому за престу-

пленіе одного лица долженъ отвѣчать весь городъ.

Жители города, напротивъ того, утверждаютъ, что никто изъ бельгійцевъ не стрѣлялъ въ войска и что нѣмцы просто искали предлогъ, чтобы привести въ исполненіе давно ими задуманное дѣло.

Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній утверждаетъ, что въ Лувэнѣ происходила самая безпорядочная стрѣльба. Мѣстныхъ жителей хватали безъ разбора, солдаты врывались въ дома и просто убивали людей, попадавшихся имъ. Эта чудовищная теорія коллегіальнаго наказанія цѣлаго города послѣдовательно приводила къ совершенной безнаказанности опьянѣвшей отъ вина и крови безпорядочной толпы нѣмецкихъ солдатъ. Военныя власти, несомнѣнно, потворствовали грубымъ инстинктамъ солдатъ. При желѣзной дисциплинѣ, существующей въ германской арміи, начальнику находящихся въ Лувэнѣ войскъ было достаточно воспретить всякія безчинства, и ихъ, конечно, не было бы. Но насколько велико было потворство военнаго начальства возмутительнымъ насиліямъ солдатъ, видно изъ того, что 25 Августа было нѣ-

сколько случаевъ принесенія жалобъ на насильственный уводъ солдатами молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Всѣ эти жалобы, слезы, просьбы оставлены были военнымъ начальствомъ безъ всякихъ послѣдствій.

Какъ на одну изъ причинъ страшной бѣды, разразившейся надъ древнимъ городомъ, указываютъ на особую впечатлительность, на крайне нервное возбужденіе, царившее среди солдатъ. Случайный выстрѣлъ, неизвѣстно когда и кѣмъ произведенный, вызывалъ невыразимую суматоху между солдатами. Они начинали безпорядочную стрѣльбу съ обычными криками, что въ нихъ стрѣляли бельгійцы. Сами нѣмецкія власти, какъ свидѣтельствуетъ Грондійсъ, не отрицаютъ этихъ странныхъ явленій. Такъ, голландскій профессоръ видѣлъ въ Брюсселѣ нѣмецкаго солдата, привязаннаго въ теченіе 24 часовъ къ фургону въ наказаніе за то, что онъ вызвалъ въ гарнизонѣ панику неосмотрительнымъ выстрѣломъ изъ своего ружья. Въ Лувэнѣ Грондійсъ имѣлъ случай видѣть солдата также привязаннаго къ колесу фургона за то, что ночью выстрѣломъ изъ ружья вызвалъ панику въ гарнизонѣ, выразившуюся тѣмъ,

что нѣсколько солдатъ тоже начали стрѣлять.

Изъ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній можно вывести то заключеніе, что нѣмецкіе солдаты были крайне возбуждены 25 Августа. Они много пили вина.

Имъ было извѣстно, что бельгійскія войска идутъ на выручку, что они приближаются къ Лувэну. Ночью отрядъ нѣмецкихъ войскъ, послѣ столкновенія съ бельгійцами близъ Малина, возвращался въ городъ. Нѣмецкія части, расположенныя въ Лувэнѣ, въ потемкахъ сначала не распознали своихъ, приняли ихъ за бельгійцевъ; началась безпорядочная стрѣльба. Обвинили жителей Лувэна. Раздались голоса: «Стрѣляли вольные стрѣлки, стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ, городъ долженъ быть наказанъ». Судьба его была рѣшена.

Старинный городъ былъ данъ на разграбленіе опьянѣвшимъ отъ крови и вина солдатамъ. Вся средняя часть города представляла изъ себя горящій костеръ, дома въ огнѣ и дыму заваливаются. Кромѣ поджигателей и воровъ на улицахъ никто не показывается, но по временамъ крики отчаянія громко раздаются среди

этой ужасной ночи. Въ артиллерійскомъ манежѣ наканунѣ заключили около 2.000 крестьянъ сосѣднихъ деревень, бѣжавшихъ въ Лувэнъ въ надеждѣ найти въ немъ спасеніе. Имъ было такъ тѣсно, что они не могутъ даже растянуться на землѣ. Большинство сидитъ или стоитъ на колѣняхъ. Въ этой толпѣ умираетъ ребенокъ, женщины громко стонутъ, въ зданіи темнота, одинъ лишь зловѣщій отблескъ пожара освѣщаетъ его. Горящія зданія по близости разрушаются. Мученія этихъ несчастныхъ вызываютъ смѣхъ приставленнаго къ нимъ караула. А изъ сосѣдняго театра Альгамбры несется веселая музыка военнаго концерта.

Съ прибытіемъ въ Лувэнъ 29 Августа батальона ландштурма разгромъ на улицахъ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ. Солдатъ, принадлежащій къ этому батальону, написалъ дневникъ, сдѣлавшійся достояніемъ слѣдственной комиссіи. Въ этомъ дневникѣ значится, между прочимъ, что, вступая въ Лувэнъ, онъ нашелъ такое разрушеніе, что ничего худшаго нельзя себѣ представить: дома, горѣвшіе и разрушавшіеся, были по краямъ улицъ, не много домовъ уцѣлѣло, по улицамъ пришлось двигаться съ

трудомъ, всюду осколки битаго стекла, горящія головешки, провода трамвая и телефона. Батальонъ шелъ сомкнутыми рядами, солдаты быстро разсыпались по домамъ, съ тѣмъ, чтобы воровать... извините—«реквизировать» вино и другія вещи. Напоминая хищную стаю, всѣ принялись за работу, офицеры впереди и, подавая примѣръ...

Таково было разрушеніе стариннаго города. Университетъ съ его богатѣйшей библіотекой, коллегіальная церковь Св. Петра съ ея памятниками искусства, 1.494 дома сожжены. Такова была побѣда новѣйшей нѣмецкой культуры надъ тѣмъ, что составляло гордость и славу науки и искусства. Имя Мантейфеля, главнаго виновника этого постыднаго разгрома, будетъ навсегда памятнымъ.

25. Бѣгство изъ Лувэна.

Тяжелое зрѣлище представляло собою безпорядочное бѣгство жителей изъ Лувэна [1]). Вѣсть о томъ, что въ полдень 27 Августа начнется бомбардировка города и что жители должны

---

[1]) Grondijs «Les Allemands en Belgique». Стр. 80.

поспѣшить оставить его, подѣйствовала самымъ удручающимъ образомъ на обезумѣвшихъ отъ страха людей, и потянулись они длинными вереницами въ разныхъ направленіяхъ. Многіе пошли по Брюссельской дорогѣ и направились въ Тервюренъ, и кого только не было въ этой пестрой толпѣ несчастныхъ людей, удрученныхъ безысходнымъ горемъ. Ректоръ университета Монсиньоръ Ладезъ шелъ съ профессоромъ Коши. Оба они шли въ подрясникахъ. А одинъ изъ университетскихъ профессоровъ, застигнутый тревогою врасплохъ, шелъ въ утреннемъ домашнемъ одѣяніи. На жалкихъ тачкахъ тащили безпомощныхъ стариковъ, а за ними на носилкахъ несутъ блѣдныхъ, какъ смерть, больныхъ женщинъ. Старые люди идутъ, изнемогая подъ тяжелой ношей. Это скорбное шествіе вызываетъ со стороны нѣмецкихъ солдатъ насмѣшки и грубую брань. Ревутъ солдаты: «Ахъ, вы мерзкіе паршивые псы» (Sie Lumpe Schweinehunde). И угрожали револьверами, заставляя всѣхъ поднимать руки. И монахини, и дѣти, и профессора, и крестьяне покорно кладутъ свою ношу на землю и стоятъ съ приподнятыми руками. Нѣмецкіе солдаты врѣзываются

въ толпу и дѣлятъ ее на двѣ части. Съ особымъ озлобленіемъ обрушиваются солдаты на духовныхъ. Зловѣщіе крики не умолкаютъ: «Долой католицизмъ! Смерть священникамъ! Всѣ священники должны быть разстрѣляны». Надъ священниками издѣваются. Изъ рядовъ выходитъ одинъ солдатъ, выхватываетъ изъ рукъ одной женщины большой и тяжелый узелъ и кладетъ его на плечо старику профессору Коши. Съ плачемъ и въ глубокомъ отчаяніи шли люди невѣдомо куда. По временамъ они озирались на родной городъ, надъ которымъ возвышался высокій столбъ чернаго дыма. Въ Тервюренѣ ректоръ и его спутникъ собирались сѣсть въ трамвай и отправиться въ Брюссель, но нѣмецкій караулъ, ссылаясь на приказаніе оберъ-лейтенанта, не пропустилъ ихъ. Ихъ отвели за заборъ, гдѣ подъ усиленной охраной уже находилось около 25 священниковъ. На вопросъ о причинѣ такого ареста, нѣмцы отвѣчали: «Священники возбуждали народонаселеніе и совѣтовали стрѣлять въ нѣмецкія войска». Они подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ. Арестъ ихъ признавали необходимымъ, «такъ какъ въ Льежѣ и Аэршотѣ были предательски убиты два великихъ нѣмецкихъ стратега.

А священниковъ обвиняли въ томъ, что они уговаривали народъ поднять оружіе противъ нѣмцевъ, что они въ проповѣдяхъ своихъ разжигали народныя страсти. Между священниками, арестованными въ Тервюренѣ, находились монсиньоры Беккеръ, ректоръ американской коллегіи, и Вюрмесенъ, его предшественникъ. Вещи ихъ были обысканы и ничего для нихъ неблагопріятнаго не было найдено. Менѣе счастливымъ оказался молодой іезуитъ, священникъ Дюпьере,—у него въ карманѣ нашли записную книжку, въ которой онъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку. «Я улыбался, когда въ былые годы читалъ, что гунны подъ предводительствомъ Атиллы разоряли города и что арабы сожгли Александрійскую библіотеку. Но нынѣ я болѣе не улыбаюсь, такъ какъ я собственными глазами видѣлъ, какъ орды нашихъ дней сожигали церкви и знаменитую библіотеку въ Лувэнѣ». Дорого пришлось молодому іезуиту заплатить за эти строки. Передъ фронтомъ были поставлены полукругомъ 30 священниковъ около іезуита. Слова, занесенныя имъ въ дневникъ, были переведены съ французскаго на нѣмецкій языкъ; прочитаны они были однимъ изъ священниковъ.

Крики солдатъ прерывали чтеніе. Лейтенантъ объявилъ, что такъ какъ подговоръ къ убійству ихъ былъ доказанъ, то священникъ долженъ быть на мѣстѣ разстрѣлянъ. Ему позволили исповѣдываться. Послѣ исповѣди ему завязали глаза. Взводъ солдатъ выступилъ. Раздалась команда. Послѣдовалъ залпъ. Священникамъ было приказано смотрѣть на агонію убитаго. Когда онъ испустилъ духъ, ихъ заставили немедленно зарыть его въ землю, а лейтенантъ обратился къ священникамъ со слѣдующею рѣчью: «Именемъ императора я арестую васъ, какъ заложниковъ, и вы должны съ нашимъ отрядомъ пройти черезъ всю Бельгію. Если хотя бы одинъ выстрѣлъ будетъ сдѣланъ по войскамъ мѣстными жителями, то вы всѣ будете разстрѣляны».

Беккеру и вліятельнымъ іезуитамъ удалось добиться въ Брюсселѣ освобожденія этихъ священниковъ.

Недалеко отъ Тервюрена нѣмецкій отрядъ арестовалъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, между которыми находился вице-ректоръ Лувенскаго университета, монсиньоръ Ванъ Кувенбергъ и ректоръ іезуитской коллегіи въ Лувэнѣ Вермершъ, авторъ весьма капитальнаго и

обширнаго труда, посвященнаго подробному обзору всѣхъ существующихъ въ Бельгіи экономическихъ союзовъ и ассоціацій, какъ соціалистическихъ, такъ и церковно-народныхъ. Были также арестованы и два испанца, ректоръ испанской коллегіи Катала и другой испанскій священникъ. Напрасно они указывали на то, что они иностранцы, на ихъ заявленіе не было обращено никакого вниманія. Ихъ били прикладами по поясницѣ и имъ объявили, что они будутъ разстрѣляны. Имъ позволили исповѣдываться, завязали имъ глаза и поставили близъ стѣны. Считая себя осужденными, испанцы читали молитвы и готовились къ смерти. Раздался залпъ. Но солдаты выстрѣлили въ воздухъ и покатывались отъ смѣха. Нѣмцы вскорѣ встрѣтились съ бельгійскимъ отрядомъ, и испанцы воспользовались этимъ столкновеніемъ и убѣжали въ Брюссель. Общее число всѣхъ священниковъ, арестованныхъ въ окрестностяхъ Лувэна, велико. Ихъ насчитываютъ до 90. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось освободиться, а другихъ нѣмцы заставили идти со своими войсками. Судьба многихъ неизвѣстна.

26. Разгромъ села Сюриса.

Разгромъ городовъ, даже и небольшихъ, дѣлается обыкновенно достояніемъ печати и получаетъ болѣе или менѣе широкую извѣстность. Не такова судьба деревень. Теряясь въ глуши, онѣ мало кому вѣдомы. Невѣдомыми остаются и страданія ихъ жителей, не находившихъ пощады отъ нѣмецкихъ варваровъ. Съ судьбою села Сюриса, одного изъ подобныхъ уголковъ, знакомитъ одна бельгійка Алина Дьериксъ де Тенгаммъ [1]). Разсказъ ея, какъ свидѣтельницы нѣмецкихъ звѣрствъ, въ простомъ и безыскусственномъ изложеніи рисуетъ весь ужасъ нѣмецкаго нашествія. Мѣстность, гдѣ разыгрались описываемыя событія, находится въ Бельгіи недалеко отъ французской границы. Приводимъ разсказъ въ подробномъ изложеніи. «Сюрисъ небольшое село, насчитывающее около 600 жителей, вдали отъ большихъ дорогъ. Народонаселеніе состояло изъ людей весьма покойныхъ, поглощенныхъ преимущественно

[1]) Pierre Nothomb. Les barbares en Belgique. Стр. 149. G. Lenotre—Prussiens d'hier et de toujours. Paris 1916. Стр. 278.

земледѣльческими трудами. Село имѣло видъ весьма опрятный, было хорошо обстроено, на всемъ лежалъ отпечатокъ достатка.

Съ Іюня мѣсяца я проводила лѣто въ Сюрисѣ и гостила у моей сестры де Геффье. Наша племянница Марія-Луиза 15 лѣтъ, дочь нашего брата Эрнеста, жила съ нами. На фермѣ рядомъ съ нашимъ домомъ жилъ отецъ ея, его жена и ихъ знакомая молодая дѣвушка Маргарита 17 лѣтъ. Около 14 Августа отрядъ французскихъ войскъ занялъ Сюрисъ. Въ воскресенье 23 появились толпы крестьянъ изъ окрестностей Динана, преимущественно изъ Онгая. Вечеромъ мы увидали зарево пожаровъ въ этихъ мѣстахъ. Тогда же у насъ искалъ пріюта докторъ Жакъ изъ Антея, съ нимъ пріѣхали его жена, пять дѣтей и нѣсколько лицъ. Между ними были настоятель Антейской церкви Пире и настоятель Онгейской церкви. Они нѣсколько успокоили насъ, они находили, что Сюрисъ по своему положенію находится внѣ всякой опасности. Но наши тревоги снова возросли, когда поздно вечеромъ пріѣхали два автомобиля. Въ одномъ находился мужъ нашей кухарки, шоферъ графа Бофора, онъ пріѣхалъ за своею

женою. Въ другомъ ѣхали инженерный капитанъ и одинъ офицеръ съ женою и сыновьями кадетами. Они нарисовали намъ ужасную картину того, что происходило въ Намюрѣ, и затѣмъ уѣхали въ Шимэ.

Въ понедѣльникъ многіе изъ нашихъ гостей рѣшились уѣхать и направились въ Ромеденъ. На смѣну имъ къ намъ пріѣхалъ профессоръ Динанской коллегіи, аббатъ Гаспіаръ. Онъ намъ разсказалъ, что его едва не разстрѣляли. Его арестовали вмѣстѣ съ директоромъ коллегіи и аббатомъ Николаемъ и другими профессорами. Ихъ поставили передъ пулеметами, но имъ удалось убѣжать, и онъ пріѣхалъ со своими двумя друзьями, настоятелемъ церкви въ Остемре Капеллемъ и настоятелемъ въ Морвилѣ Дебати. Эти священники пробыли у насъ недолго и рѣшились ѣхать далѣе въ надеждѣ найти болѣе безопасное мѣсто. Послѣ обѣда моя сестра пошла провѣдать нѣкоторыхъ раненыхъ французовъ, находившихся въ лечебницѣ Отцовъ Св. Семейства въ верхней части села. Она встрѣтила французскихъ офицеровъ, полагавшихъ, что, по крайней мѣрѣ, одну ночь можно провести покойно. Офи-

церы поѣхали по направленію къ Ромедену.

Около 6 часовъ вечера, идя по деревнѣ, она услыхала сильную стрѣльбу. Французскіе пулеметы, поставленные на высотѣ между Сюрисомъ и Ромеденомъ, обстрѣливали по направленію къ кладбищу нѣмцевъ, идущихъ изъ Сульма. Изъ нашего дома также была слышна стрѣльба. Наши гости ушли изъ сада и спрятались въ ригѣ. Это продолжалось около часа. Французы ушли. Говорили, что они перебили много нѣмцевъ. Около 7 часовъ закрыли ставни, и всѣ мы изъ предосторожности спустились въ подвалъ. Около 9 часовъ началась стрѣльба изъ пулеметовъ и изъ пушекъ. Нѣмцы поставили пулеметы на дворѣ сосѣдней фермы. Мой братъ поспѣшилъ убѣжать.

Около 11 часовъ мы почувствовали запахъ дыма. Докторъ Жакъ поднялся съ моею сестрою въ первый этажъ. И они къ ужасу увидали, что все село горитъ и что горитъ наша ферма. Дома, пожираемые огнемъ, уже начали рушиться. Они прибѣжали сказать намъ, что горитъ сосѣдній домъ и что намъ слѣдуетъ спасаться.

Мы сошли съ крыльца. Кругомъ дома пылали. Мы узнали потомъ, что жившіе въ этихъ домахъ также спасались въ подвалахъ, но что ихъ оттуда выгнали нѣмцы, и что они затѣмъ убѣжали изъ деревни. Едва живые отъ страха мы вернулись въ первый этажъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Ночью было не до сна. Каждый изъ насъ молился полный страха и тревоги.

Во вторникъ 25 Августа около 6 часовъ утра мы услыхали бѣгъ лошадей. Офицеры съ револьверами въ рукахъ обыскивали кусты въ нашемъ саду и смотрѣли, не спрятался ли кто либо тамъ. Затѣмъ показалась пѣхота. Раздался крикъ: «Откройте!» Но прежде чѣмъ кто либо успѣлъ открыть двери, онѣ съ шумомъ распахнулись. Солдаты ударили по нимъ ружейными прикладами. Стрѣльба прекратилась. Солдаты были одѣты въ форму сѣраго цвѣта, каска была покрыта чехломъ, № полка я не разобрала, слишкомъ я была перепугана.

Угрожая намъ штыками, они заставили насъ выйти; я хотѣла взять съ собою небольшой чемоданъ, но солдатъ ударилъ меня по рукѣ и помѣшалъ мнѣ. Мою сестру солдаты затол-

кали, ея платье было продырявлено штыками, но она не была ранена. Когда выходили три священника, настоятели изъ Антея и Онгая, и аббатъ Гаспіаръ, то солдаты скрежетали зубами, показывали имъ кулаки и прикладывали штыки къ сердцу. Въ это самое время одинъ нѣмецъ пригрозилъ мнѣ револьверомъ. Тѣмъ временемъ въ саду поджигали хозяйственныя постройки. Насъ выстроили въ рядъ, и мы подумали, что пришелъ нашъ послѣдній часъ. Затѣмъ насъ заставили обойти кругомъ дома, и, проходя мимо оконъ перваго этажа, солдаты разбивали ихъ прикладами ружей. Насъ погнали по дорогѣ къ церкви, къ намъ постоянно присоединялись новыя группы людей, изъ домовъ выходили семейства, избиваемыя солдатами. Здѣсь мы увидали нашего настоятеля Поскина съ его 80-лѣтней старушкой матерью, съ его сестрами—Терезой и Маріей, съ послѣдней шелъ ея мужъ, школьный инспекторъ Шмидъ, пріѣхавшій наканунѣ съ 4 дѣтьми, въ надеждѣ найти пріютъ въ Сюрисѣ. Солдаты продолжали творить свои звѣрства. Они стрѣляли въ людей совершенно безобидныхъ. Такъ старый пѣвчій приходской церкви, 88-лѣтній

Карлъ Колё, выглянулъ изъ своей двери и былъ застрѣленъ. Солдаты завернули его въ одѣяло и подожгли домъ. Я видѣла, какъ одинъ нѣмецъ взломалъ дверь въ конюшнѣ дома Иліи Пьеро, въ то время, когда онъ выносилъ свою тещу, старушку за 80 лѣтъ, изъ горѣвшаго зданія. Солдаты вырвали у него изъ рукъ бѣдную старуху и немедленно его въ упоръ застрѣлили; онъ упалъ у порога своего дома.

Мы проходили мимо дома Генриха Бюрно, домъ горѣлъ, равно какъ и фабрика и контора, горѣло также и зданіе на противоположной сторонѣ улицы. Когда мы подходили къ дому Леопольда Бюрно, почтальона, мы услыхали отчаянные вопли, его жена Элеонора просила пощадить ея сыновей. Ея мужа только что застрѣлили въ ея присутствіи; ея сынъ Арманъ, священникъ, рукоположенный годъ тому назадъ, пріѣхалъ къ ней на каникулы. Солдаты схватили его и также безжалостно убили. Они убили и другого ея сына Альберта, который наканунѣ сломалъ себѣ ногу и потому не могъ спастись. У этой несчастной женщины остался одинъ сынъ Гастонъ, профессоръ Коллегіи въ Малонѣ. Прижимаясь одинъ къ другому, они

примкнули къ намъ, и наше крестное шествіе продолжалось. Проходя, они съ содроганіемъ глядѣли на дымящіяся развалины ихъ дома, гдѣ было совершено страшное преступленіе. Немного далѣе я видѣла въ саду близъ дороги трупъ одной мнѣ неизвѣстной женщины. Двое маленькихъ дѣтей рыдали около нея.

Насъ направили по дорогѣ въ Ромеденъ. Направо и налѣво стояли обгорѣлые остовы домовъ. Школа, община и церковь еще уцѣлѣли.

Мы пришли такимъ образомъ къ мѣсту, называемому «У рвовъ». Близъ дороги тамъ лежали убитые французскіе солдаты и лошади. Направо и налѣво много нѣмецкихъ солдатъ съ пулеметами. Они угрожали намъ кулаками и револьверами. Скоро они заставили насъ сойти съ дороги и повели насъ на одно мѣсто, откуда открывался видъ на Ромеденъ и другія болѣе отдаленныя селенія. Насъ было отъ 50 до 60 мужчинъ и женщинъ. Былъ 8-й часъ утра. Мужчинъ отдѣлили отъ женщинъ. Подъѣхалъ офицеръ и сказалъ по французски съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ: «васъ бы слѣдовало всѣхъ разстрѣлять. Одна 15-лѣтняя

дѣвушка стрѣляла въ одного изъ нашихъ начальниковъ, но военный совѣтъ рѣшилъ, что только мужчины будутъ разстрѣляны, женщины же будутъ взяты въ плѣнъ». Не подлежитъ описанію, что произошло тогда. Передъ нами стояли 18 мужчинъ. Рядомъ съ настоятелями Антейскаго и Онхайскаго приходовъ и аббатомъ Гаспьяромъ стояли нашъ настоятель и его зять, докторъ Жакъ, и его сынъ Генрихъ, 10-лѣтній юноша, далѣе Гастонъ Бюрньо, Леонардъ Сумуа, его зять Дюрдю и Камиллъ Сумуа; далѣе Бальбёръ и Билли съ 17-лѣтнимъ сыномъ; кромѣ того были два человѣка, одинъ изъ Онгоя, а другой изъ Динана. Затѣмъ еще два человѣка, имена которыхъ не могу припомнить. Рядомъ съ ними хотѣли поставить маленькаго 14-лѣтняго сына Шмида. Солдаты задумались, а затѣмъ грубо оттолкнули его. При этомъ я замѣтила одного молодого нѣмецкаго солдата, я это говорю совершенно искренно, крайне смущеннаго, крупныя слезы скатывались на его мундиръ и, не вытирая ихъ, онъ отворачивался, желая быть незамѣченнымъ офицеромъ.

«Протекло нѣсколько минутъ, и къ нашему ужасу, среди криковъ женщинъ: «убейте также

меня, убейте также меня» и плача дѣтей, мужчинъ поставили вдоль проселка, ведущаго отъ большой дороги къ деревнѣ. Они прощались съ нами, кто махалъ рукой, кто фуражкою или шляпою. Мальчикъ Генрихъ Жакъ прижался къ одному изъ священниковъ, онъ какъ бы искалъ помощи и защиты и кричалъ: «я еще слишкомъ молодъ, у меня еще нѣтъ рѣшимости умереть». Я не могла переносить этого ужаснаго зрѣлища, я отвернула голову въ сторону и закрыла лицо руками. Раздается залпъ и всѣ страдальцы падаютъ. Мнѣ говорятъ: «посмотрите, они свалились». Нѣкоторые изъ нихъ еще были живы, были замѣтны движенія ихъ тѣлъ, солдаты прикончили ихъ ударами ружейныхъ прикладовъ по головѣ. У настоятеля Сюрисскаго прихода, какъ мнѣ передавали, голова была страшно разможжена. По окончаніи избіенія, нѣмцы обокрали убитыхъ, они взяли часы, кольца, кошельки и бумажники. Шмидъ имѣлъ при себѣ, какъ мнѣ сказала его жена, около 3000 франковъ.

Вслѣдъ затѣмъ нѣмецкіе солдаты привели Виктора Кавильо и даже прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подойти къ мѣсту, гдѣ пали другіе, въ

него выстрѣлили и я видѣла, какъ онъ, завертѣвшись, упалъ близъ дороги.

Всѣхъ насъ охватилъ ужасъ. Мать нашего настоятеля была такъ поражена тѣмъ, что видѣла смерть ея сына, добраго и кроткаго священника, что безъ слезъ все повторяла: «какое несчастье, какое несчастье». Тереза Поскинъ, блѣдная какъ смерть, утѣшала мать и сестру Шмидъ, горько рыдавшую, она знала нѣсколько словъ по нѣмецки, ея маленькая дочка прижималась къ ней, она напрасно просила пощады, говоря, и то было вѣрно, что онъ не мѣстный житель, а только случайно арестованный. А эта маленькая, передъ самымъ залпомъ, кричала отцу: «папа, прости меня, если я иногда огорчала тебя». Это было ужасно. Жена Леопольда Бюрньо видѣла, какъ третій ея сынъ былъ убитъ въ ея присутствіи, она какъ полоумная съ блуждающимъ взоромъ кричала: «бѣжимъ отсюда, бѣжимъ». Но насъ вынуждали оставаться.

Стоя близъ мѣста казни, я видѣла, какъ загорѣлся нашъ домъ, какъ начался пожаръ въ церкви и школѣ. Около полудня эти зданія обрушились. Мое сердце болѣзненно сжа-

лось, когда я увидѣла пожаръ дома моего отца. Съ этимъ домомъ было связано столько дорогихъ воспоминаній. Много тамъ было вещей, мною любимыхъ; такъ невыносимо грустно было навсегда лишиться ихъ. Послѣ этихъ мучительныхъ часовъ намъ выдали паспортъ, или, говоря точнѣе, передали его одному человѣку, пришедшему изъ Ромедена. Ему приказали отвезти насъ въ Омезе или въ Розе. Идти въ другое мѣсто намъ было строго запрещено. Прежде чѣмъ тронуться въ путь, мы должны были пропустить мимо идущія войска. Тутъ была и пѣхота, и кавалерія, и множество автомобилей. Было много офицеровъ верхомъ, и говорили, что между ними находится одинъ изъ сыновей кайзера и что онъ направлялся въ Рокруа. Я и забыла упомянуть, что передъ разстрѣломъ нашихъ друзей нѣмцы поставили пулеметъ передъ нами, какъ бы собираясь и насъ разстрѣлять. Но вскорѣ пулеметъ увезли и онъ примкнулъ къ другимъ, начавшимъ разстрѣлъ Ромедена. Мнѣ передавали, что церковь и 120 домовъ были тамъ обращены въ пепелъ. Когда путь очистился, мы отправились кружною дорогою въ Омезе. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись

пожары, а солдаты предавались грабежу, тащили все, даже банки съ вареньемъ. Мы добрались до лѣса и я рада была встрѣтить моего брата, которому передала о всѣхъ пережитыхъ мною ужасахъ. Услыхавъ, что между разстрѣленными былъ Дюрдю, онъ мнѣ сказалъ, что это былъ писарь общины и что именно онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы предотвратить со стороны мирныхъ гражданъ какіе либо враждебные поступки противъ непріятеля. Съ самаго начала войны, онъ, по окончаніи богослуженія, читалъ у дверей церкви объявленіе, которое затѣмъ развѣшивалось по всѣмъ деревнямъ, въ которомъ населеніе призывалось къ спокойствію и подчиненію распоряженіямъ подлежащихъ властей. Онъ также требовалъ, чтобы всякое оружіе было доставлено въ комунальную школу, и его приказанія были исполнены. Всѣ ружья, даже старыя охотничьи ружья были собраны и спрятаны подъ замокъ. Мы не могли повѣрить, чтобы молодая дѣвушка изъ Сюриса стрѣляла въ нѣмецкаго офицера и убила его. Если онъ былъ убитъ, то, по мнѣнію нашихъ сосѣдей, его могли подстрѣлить французскіе же солдаты изъ за изгороди въ началѣ села и они приба-

вляли, что въ Морвилѣ и Антеѣ ссылались на тотъ же поводъ для того, чтобы разстрѣливать людей, грабить и поджигать дома.

Я разсказала о томъ, что видѣла, Когда мы встрѣтились въ лѣсу съ братомъ и другими лицами изъ Сюриса, то они намъ передавали, что нѣкто Марронъ былъ разстрѣлянъ въ своемъ домѣ, точно такъ же какъ и Елисей Пьераръ. Были убиты еще и другія лица, именъ ихъ я не знаю, не знаю также и обстоятельствъ, при которыхъ они погибли. За исключеніемъ, впрочемъ, старушки Адели Сумуа, ее сожгли на ея кровати. Моя сестра вернулась въ Сюрисъ 2 или 3 Сентября. Изъ 121 дома уцѣлѣло только 8. Сюриса больше нѣтъ.

Все, что я сказала, точная и неопровержимая истина. Я утверждаю это по совѣсти и готова подтвердить подъ присягою. И кромѣ того, со временемъ можно будетъ собрать показанія тѣхъ, которые подобно мнѣ пережили эти ужасные дни».

27. Разгромъ Намюра.

Данныя, тщательно собранныя слѣдственною комиссіею, установляютъ, что разгромъ города

Намюра былъ предрѣшенъ заранѣе и что, приступая къ нему, нѣмцы старались взвалить вину на несуществующихъ вольныхъ стрѣлковъ. Свидѣтель сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ этого ужаснаго разгрома: «около 9 часовъ вечера выстрѣлы раздались въ различныхъ частяхъ города. Нѣмецкіе солдаты небольшими отрядами двигались по главнымъ улицамъ. На улицѣ Дефэръ я видѣлъ, какъ солдаты, прячась за двери домовъ, стрѣляли. Я слышалъ удары ихъ пуль въ стѣны зданій. И едва началась эта стрѣльба, какъ среди города поднялся высокій столбъ дыма и огня. Съ колокольни начался набатъ». Въ четырехъ концахъ города одновременно вспыхиваютъ пожары, въ средней части города пожаръ уничтожилъ зданія на площади, ратушу, 80 домовъ. Пожаръ, задуманный нѣмцами, удался на славу, но легендѣ, пущенной ими въ ходъ о нападеніи на нихъ вольныхъ стрѣлковъ, никто не повѣрилъ. Этихъ сказочныхъ стрѣлковъ изобрѣли въ Германіи, до вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Бельгію ихъ никто никогда не видѣлъ. «Я имѣю полное основаніе думать, продолжаетъ тотъ же свидѣтель, описавъ пожаръ

и перечисливъ всѣхъ пострадавшихъ, что эти преступленія были преднамѣрены. Нѣмецкая стрѣльба и пожары въ пяти мѣстахъ, находящихся въ растояніи болѣе 1 километра одно отъ другого, начались одновременно. Жители Намюра были обезоружены мѣстными властями за двѣ недѣли передъ тѣмъ; правительство, мѣстныя военныя власти, духовенство и печать приглашали ихъ воздерживаться отъ всякихъ вызывающихъ дѣйствій по отношенію къ непріятелю; бельгійско-французскія войска оставили городъ за 36 часовъ до вступленія непріятеля. Итакъ населеніе не имѣло никакой возможности и не стало бы безумно нападать одновременно въ пяти частяхъ города на грозную нѣмецкую армію и кромѣ того нужно было бы предположить, что въ этихъ 5 частяхъ нѣмецкіе солдаты были случайно снабжены необходимыми средствами для поджога, такъ какъ стрѣльба была одновременна съ началомъ пожаровъ».

Въ Намюрѣ это воображаемое нападеніе легендарныхъ стрѣлковъ было обставлено столь неумѣло, что нѣмцы при всемъ своемъ цинизмѣ не рѣшились въ противность очевид-

ности утверждать, что ихъ войска подверглись тамъ выстрѣламъ со стороны стрѣлковъ или мѣстныхъ жителей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами нѣмцы не находятъ нужнымъ оправдывать свои пождоги и убійства баснями о мнимыхъ на нихъ нападеніяхъ. Такъ, вступая въ селеніе Гу (de Houx), пруссаки, никого не предупреждая и никого не обвиняя, проходя по улицѣ, поджигаютъ дома особыми факелами и стрѣляютъ изъ ружей въ двери. А 18 Августа нѣмецкій отрядъ останавливается недалеко отъ совершенно мирной деревни Эвергальдъ и безъ всякаго повода и предупрежденія жителей начинаетъ обстрѣливать деревню изъ пушки. Жители съ ужасомъ видятъ разрушеніе своихъ домовъ. Когда пожаръ въ деревнѣ нѣсколько утихъ, начальникъ отряда нашелъ недостаточнымъ разгромъ деревни и приказалъ солдатамъ довершить начатое дѣло. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣмцы, убивая мирныхъ гражданъ, не ссылаются на выстрѣлы вольныхъ охотниковъ, а наказываютъ жителей за то, что они давали пріютъ бельгійскимъ солдатамъ до начала боя. Такъ 28 Августа, 7 жителей деревни Бэктъ были разстрѣляны, потому что наканунѣ бельгійскіе

недавно еще цвѣтущая равнина была обращена въ поле смерти и разрушенія. Глядя на нее, можно было подумать, что по ней пронесся грозный циклонъ, все разрушавшій на своемъ пути. Закопченныя дымомъ стѣны богатыхъ фермъ, поля, изрытыя глубокими траншеями, дороги, изборожденныя глубокими колеями на пути слѣдованія тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій и грузныхъ интендантскихъ фургоновъ,—такова безотрадная картина мѣстности къ югу отъ города. Въ городахъ и селеніяхъ по берегу Неты, гдѣ происходили особенно ожесточенные бои, стѣны домовъ завалились, и обломками ихъ были покрыты улицы. На улицахъ же лежали груды мебели, матрацовъ, земледѣльческія орудія, на мѣстахъ, гдѣ были возведены баррикады. Большая часть оконъ въ домахъ были заложены мѣшками и подушками, изъ-за которыхъ стрѣлки разстрѣливали свои послѣдніе патроны. Ліэръ и Дюффель были залиты кровью. Всюду груды тѣлъ. Нѣкоторые изъ мертвецовъ лежали навзничъ съ простертыми руками, другіе лежали, словно въ судорогѣ, въ невѣроятныхъ и ужасныхъ позахъ. Нѣкоторые, наконецъ, сидѣли вдоль стѣнъ, къ которымъ ихъ словно приковала

смерть, у большинства несомкнутые глаза съ какимъ то ужасомъ смотрѣли въ даль [1]).

Во вторникъ вечеромъ военный губернаторъ Антверпена де-Гьюзъ увѣдомилъ правительство, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно. Столица Бельгіи была перенесена въ Остенде. Члены правительства и дипломатическій корпусъ оставили городъ въ среду на зарѣ на особомъ пароходѣ, а командующій англійскими войсками Винстонъ Черчиль отбылъ въ автомобилѣ подъ прикрытіемъ блиндированнаго автомобиля. Передъ отъѣздомъ онъ приказалъ разрушить холодильники нѣмецкихъ судовъ, находящихся въ портѣ. Распоряженіе, которое побудило нѣмцевъ назначить послѣ занятія ими города военную контрибуцію въ размѣрѣ 20.000.000 франковъ.

До утра среды огромное большинство жителей города пребывало въ полнѣйшей неизвѣстности объ истинномъ положеніи дѣлъ. Газеты «Утро» и «Метрополь» изо-дня въ день печатали офиціальныя сообщенія, рѣшительно отрицавшія, что какой-либо изъ фортовъ былъ вынужденъ

[1]) Alexander Powell—La guerre en Flandre. Стр. 163.

умолкнуть, и очень рѣшительно утверждавшія, что непріятелю дается отпоръ по всей линіи. Вслѣдствіе этихъ увѣреній населеніе покойно провело ночь съ 6 на 7 Октября, убаюканное увѣренностью въ отступленіи германцевъ въ ближайшемъ времени. И можно себѣ представить весь ужасъ пробужденія жителей въ среду 7 Октября, когда они узнали, что ночью правительство удалилось, не предваривъ о томъ населеніе. Жители съ испугомъ читали объявленія военнаго губернатора, призывавшія ихъ немедленно оставить городъ, въ виду неизбѣжнаго бомбардированія. Жителей же, лишенныхъ возможности или не желающихъ удалиться, военный губернаторъ приглашалъ помѣститься въ подвалахъ и запастись мѣшками съ пескомъ. Безотрадное отчаяніе овладѣло жителями. Фламандцы, въ обычное время покойные, разсудительные, медлительные какъ въ движеніи, такъ и въ мышленіи, словно преобразились, паника охватила ихъ, словно стадо барановъ. Нѣмцы такъ плотно облегли съ юга городъ, что его 500.000 населенію можно было спасаться только тремя путями: на западъ въ Гентъ, на сѣверо-востокъ въ Голландію и, наконецъ, по Шельдѣ въ Флиссингенъ.

Около 250.000 бѣглецовъ избрало послѣдній путь. Бѣженцы бросились внизъ по Шельдѣ на купеческихъ корабляхъ, баркахъ, лодкахъ, грузовыхъ пароходахъ, яхтахъ, гребныхъ лодкахъ, на всевозможныхъ судахъ и даже на плотахъ. Изъ этихъ тысячъ бѣглецовъ только немногіе успѣли захватить съ собою теплое платье и провизію, и они вынуждены были подъ открытымъ небомъ, дрожа отъ холода, голодать.

Положеніе бѣглецовъ на дорогахъ въ Гентъ и Голландію было еще хуже. Бѣглецы смѣшались съ отступающими войсками въ какой-то чудовищный хаотическій потокъ. Люди въ страшномъ безпорядкѣ ѣхали и бѣжали. Автомобили, кареты, фургоны, крестьянскія телѣги, омнибусы, велосипеды самые удивительные экипажи, запряженные быками, ослами и даже коровами, все это въ паническомъ страхѣ двигалось по дорогѣ. По той же дорогѣ многія тысячи шли просто пѣшкомъ, а нѣкоторые тащили телѣжки, нагруженныя бѣльемъ и люльками съ грудными дѣтьми. Попадались молодые, здоровые люди, уносившіе своихъ родителей на рукахъ или даже на спинѣ. Молодыя свѣтскія дамы въ

дорогихъ шубахъ шли, цѣпляясь за артиллерійскія повозки или за фургоны съ съѣстными припасами. Простыя телѣги двигались переполненныя ранеными солдатами, изъ ранъ ихъ сочилась кровь на пыльную дорогу. Стараго священника, еле передвигающаго ноги, вели или, точнѣе сказать, несли два молодыхъ сослуживца. Наиболѣе тяжелое впечатлѣніе производили солдаты, изъ которыхъ многіе, недавно раненые и крайне истомленные, едва передвигали ноги.

Одинъ пѣхотный солдатъ, утомленный, вѣроятно, слишкомъ тѣсной обувью, снялъ свои ботинки и несъ ихъ на палкѣ, а другой—привязалъ свою обувь къ ранцу и, сильно хромая, едва шагалъ въ плетеныхъ туфляхъ. За солдатами шли капуцины, поспѣшно оставившіе свой монастырь, а за ними двигались монахи, сопровождавшіе толпу дѣтей, сиротъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. Въ этой лавинѣ движущихся людей царилъ ужасный безпорядокъ. Крики, плачъ, стоны людей перемѣшивались со стукомъ колесъ, съ бранью кучеровъ, воплями раненыхъ, плачемъ женъ, пискомъ дѣтей; угрозы, брань не могли заглушить шума отъ шаговъ этой многотысячной толпы. Поля, по которымъ тянулось это

скорбное шествіе, все болѣе и болѣе покрывались людьми, изнемогавшими отъ усталости. И нигдѣ бѣглецы не могли найти ни пищи, ни пристанища. Голодная толпа шла словно по пустынной Сахарѣ. Напрасно молили бѣглецы жителей, еще уцѣлѣвшихъ на фермахъ, о хлѣбѣ и пищѣ. Со слезами на глазахъ имъ отказывали, потому что сами ничего не имѣли. Старики и нарядныя дамы бѣгали по полямъ. Они рады были, когда находили овощи, которыя тутъ же въ сыромъ видѣ поѣдали. Въ теченіе одной ночи недалеко отъ голландской границы родилось у несчастныхъ бѣженокъ около 20 младенцевъ. Никто, конечно, не узнаетъ, какъ много погибло народа во время этого страшнаго бѣгства, можно только съ увѣренностью сказать, что число жертвъ превышаетъ во много разъ число пострадавшихъ во время бомбардировки города.

Обстрѣлъ Антверпена начался въ среду 7 Октября около 10 часовъ вечера. Первая бомба убила 14-лѣтняго мальчика, ранила его мать и маленькую сестру. Вторая—обезглавила одного рабочаго, бѣжавшаго по улицѣ. Всю ночь продолжался этотъ смертельный обстрѣлъ. Нѣмцы ежеминутно посылали отъ 4 до 5 бомбъ. Улицы

были пустынны. Немногіе жители, оставшіеся въ городѣ, забились въ подвалы. Небо озарилось заревомъ отъ горящихъ резервуаровъ нефти, подожженныхъ бельгійцами. Надъ городомъ носился грозный гулъ, съ трескомъ разваливались дома, сокрушаемые бомбами. Отъ силы ударовъ ихъ содрогалась земля. Очевидцы сообщаютъ, что языкъ человѣческій безсиленъ передать весь ужасъ этого грознаго разрушенія. Въ эту страшную ночь нѣмцы впервые пустили въ ходъ свои чудовищныя орудія въ 42 сантиметра [1]). Дѣйствіе этихъ орудій дѣйствительно страшное. Разрывъ этихъ снарядовъ производилъ впечатлѣніе залпа большой батареи. Орудія выбрасывали въ городъ снарядъ, вѣсившій одну тонну, а разрушительное дѣйствіе ихъ равнялось тоннѣ нитроглицирина. Они наполняли воздухъ шумомъ, напоминающимъ шумъ, производимый экстреннымъ поѣздомъ; шумъ этотъ постоянно возросталъ и, наконецъ, наполнялъ воздухъ воемъ, исходящимъ словно отъ циклона. Затѣмъ происходилъ взрывъ, далеко потрясающій почву. Надъ мѣстомъ взрыва поднимались густыя облака пыли и дыма. Когда

[1]) Alexander Powell—La guerre en Flandre. Стр. 170.

одинъ изъ этихъ ужасныхъ снарядовъ падалъ на какое нибудь зданіе, то онъ не ограничивался сносомъ верхнихъ этажей или отверстіемъ въ одной изъ стѣнъ дома, все зданіе было приводимо въ сотрясеніе, оно колебалось въ своихъ основахъ, приплющивалось къ землѣ, словно подъ тяжестью всесокрушающей руки. Падая среди улицы, снарядъ не ограничивался только тѣмъ, что производилъ въ почвѣ яму величиною въ подвалъ, но онъ отрывалъ часть фасадовъ, находящихся въ сферѣ его дѣйствія, и раскрывалъ внутренность домовъ, подобно тому, какъ то бываетъ на театральныхъ декораціяхъ. Каменную кладку онъ рвалъ на части, какъ картонъ. Самые прочные своды подваловъ не могли устоять противъ разрушительнаго дѣйствія этихъ чудовищныхъ бомбъ. И 12 часовъ не прошло съ начала бомбардированія, какъ въ южной части Антверпена не было ни одной улицы, которая не была бы покрыта развалинами домовъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ жили нѣмцы, и которыя были пощажены при бомбардировкѣ. Главныя улицы были покрыты всевозможными предметами, выбитыми снарядами изъ полуразрушенныхъ домовъ. Тяжелый воз-

духъ былъ насыщенъ ѣдкимъ дымомъ. Собаки выли близъ домовъ, оставленныхъ жильцами. Въ разныхъ мѣстахъ города вспыхнулъ пожаръ. Гарнизонъ оставилъ городъ въ четвергъ. Онъ выступилъ въ полномъ порядкѣ. И хотя нѣкоторыя изъ траншей были очень близко, только въ 200 ярдахъ отъ траншей нѣмецкихъ, но, благодаря распорядительности военныхъ властей, отступленіе бельгійской арміи и англійскаго отряда было совершено въ отличномъ порядкѣ, съ военной точки зрѣнія этотъ маневръ представляется особенно удачнымъ потому, что если бы нѣмцы отрѣзали эту линію отступленія, то могли бы вынудить бельгійскія и англійскія войска отступить по направленію къ Голландіи.

Въ пятницу 9 Октября утромъ военный губернаторъ Антверпена, генералъ де-Гьюзъ приказалъ взорвать понтонный мостъ на Шельдѣ, единственный мостъ, по которому можно было бѣжать изъ Антверпена [1]). Въ полдень генералъ со своимъ штабомъ перешелъ въ фортъ св. Филиппа на берегу Шельды ниже города и далъ знать бургомистру, что войска болѣе не могутъ за-

[1]) Alexander Powell—La guerre en Belgique. Стр. 181.

щищать городъ и что приспѣло время бургомистру приступить къ переговорамъ о сдачѣ города нѣмцамъ на возможно выгодныхъ условіяхъ. Бургомистръ Дево, депутатъ Франкъ, коммунальный совѣтникъ Рикмансъ и испанскій консулъ выѣхали изъ города въ одни ворота, а въ такъ называемыя Малинскія ворота въѣхали нѣсколько автомобилей и по бульварамъ быстро доѣхали до ратуши. Въ ратушу вошелъ молодой офицеръ и объявилъ швейцару, что онъ имѣетъ передать посланіе Муниципальному Совѣту. «Совѣтники завтракаютъ», отвѣчалъ швейцаръ, «я не могу ихъ безпокоить, вы можете подождать, если желаете». Офицеръ усѣлся на скамейку, а солдаты расположились вдоль стѣны. Минутъ черезъ десять дверь столовой отворилась и изъ нея вышелъ совѣтникъ, онъ спросилъ не безъ торжественности:

— «Вы желаете сдѣлать сообщеніе Совѣту? Въ чемъ дѣло?

— Мнѣ поручено васъ извѣстить, отвѣчалъ офицеръ, что Антверпенъ—нынѣ городъ нѣмецкій. Генералъ, командующій арміей его императорскаго величества, предлагаетъ вамъ извѣстить о семъ вашихъ согражданъ и что они не

будутъ терпѣть никакихъ безпокойствъ, если не проявятъ никакихъ враждебныхъ чувствъ, по отношенію къ нашимъ войскамъ».

Во время этого интереснаго разговора, бургомистръ, не зная, что врагъ занялъ уже городъ, бесѣдовалъ съ нѣмецкимъ главнокомандующимъ, который сообщилъ ему что если форты немедленно сдадутся, то никакая военная контрибуція не будетъ взыскана съ города. Всѣ же товары, хранящіеся въ складахъ, объявлены подлежащими конфискаціи.

Первыми вступили въ городъ велосипедисты. Они съ большою осмотрительностью, какъ развѣдчики, разсыпались по всему городу. За ними слѣдовала пѣхотная бригада и нѣсколько артиллерійскихъ батарей. Орудія быстро понеслись къ пристани и открыли огонь по отступавшимъ бельгійскимъ войскамъ. Затѣмъ нѣмцы быстро возстановили разрушенный бельгійцами мостъ и двинулись въ погоню за отступающей бельгійской арміею.

Хотя обстрѣлъ города окончился въ послѣобѣденное время въ пятницу, но ночью въ разныхъ частяхъ города бушевали пожары, вызванные разрывными бомбами. Недостатокъ воды

мѣшалъ пожарнымъ тушить огонь. Пожаръ особенно разгорался въ части города, прилегающей къ собору. Онъ былъ остановленъ, благодаря вмѣшательству американца Витгофа, обратившагося къ нѣмецкимъ войскамъ съ просьбою ограничить площадь пожара, взорвавъ динамитомъ прилегающія къ пожарищу зданія. Нѣмцы послушались этого совѣта и воспользовались указаніями американца при тушеніи пожара. Хотя значительныя нѣмецкія силы прослѣдовали въ пятницу черезъ городъ, преслѣдуя отступающую бельгійскую армію, но торжественное вступленіе нѣмецкой арміи въ завоеванный городъ состоялось въ воскресенье въ послѣобѣденное время. Около 60.000 войска, подъ начальствомъ военнаго губернатора, генерала фонъ-Шредера, участвовали въ этомъ парадѣ. Городъ словно вымеръ. На улицахъ не было ни души. Это символическое молчаніе большого города какъ бы давало понять, что большой городъ Антверпенъ останется мертвымъ для завоевателя, а будетъ жить надеждою возродиться къ новой жизни въ освобожденной отъ германцевъ Бельгіи.

29. Разгромъ Диксмюда.

Послѣ взятія Антверпена нѣмецкая армія двинулась на западъ, и бельгійскій генеральный штабъ, руководствуясь указаніями французскаго главнаго штаба, принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, для того, чтобы не пускать нѣмецкую армію далѣе рѣки Изера. Особое вниманіе было обращено на городъ Дискмюдъ [1]). На помощь бельгійскимъ войскамъ, весьма изнуреннымъ продолжительными боями, были посланы 6.000 французскихъ морскихъ стрѣлковъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Ронарка. Отчаянное сопротивленіе, оказанное этимъ сравнительно небольшимъ отрядомъ цѣлой арміи, въ составъ которой входило не менѣе 50.000 солдатъ, задержало нѣмецкое нашествіе въ этой области и дало возможность французской арміи надлежаще подготовиться для отпора врагу. Геройская защита Диксмюда составитъ славную страницу въ исторіи французской арміи. Генералиссимусу Жоффру приписываютъ слѣдующія

[1]) Henri Malo—Le drame des Flandres. Paris 1916.
Charles le Goffic—Dixmude. Paris 1915.
Claude Prieur—De Dixmude à Nieuport. Paris 1916.

слова: «вы,—сказалъ онъ морскимъ стрѣлкамъ,—мои лучшіе пѣхотинцы». Похвала эта становится понятной, такъ какъ, по мнѣнію военныхъ писателей, Диксмюдъ можетъ быть по праву названъ Ѳермопилами сѣвера.

Диксмюдъ до разгрома былъ небольшимъ городомъ съ 4.000 жителями. Далеко кругомъ него раскинулась до самыхъ береговъ моря низменная равнина, испещренная тысячами мелкихъ каналовъ, покрытая плотинами и разными сооруженіями, сдерживающими и направляющими движеніе воды. Въ этой удивительной мѣстности вода повсюду: вода въ воздухѣ, вода на землѣ и вода подъ землею. Достаточно слегка раскопать глинистую кору, и вода выступаетъ изъ подъ почвы. Изъ четырехъ дней бываютъ три дождливыхъ дня. Усиленный многовѣковой трудъ отвоевалъ у моря эту равнину, утучнилъ ее и одѣлъ ее прекрасными лугами и полями, дающими обильный урожай. Дороги, соединяющія небольшіе города и деревни, значительно приподняты надъ низменной почвой. Большихъ трудовъ стоило провести ихъ въ мирное время, и много дали онѣ труда войскамъ при починкѣ ихъ послѣ передвиженія тяжелой артиллеріи

и особенно послѣ обстрѣла изъ орудій, привезенныхъ нѣмцами, послѣ взятія Антверпена.

Диксмюдъ—старинный городъ. Его чистенькіе домики, покрытые черепичными крышами, сохраняли какой то своеобразный археологическій видъ. Въ яркій солнечный день ихъ стѣны, расписанныя пестрыми красками, красиво отражались въ водахъ каналовъ, опоясывающихъ городъ. Высокія аллеи тополей сходились съ четырехъ угловъ города къ площади, къ старинной церкви Святителя Николая. Храмъ этотъ былъ замѣчательной красоты, особенно были величественны хоры XV вѣка, крещальня весьма стараго стиля и рѣдкій по изяществу амвонъ. Его не безъ основанія считали лучшимъ амвономъ во всей западной Фландріи. Широкою извѣстностью пользовалась картина Іорданса «Поклоненіе волхвовъ». Этотъ древній храмъ, красивая площадь, съ готическою ратушею, римскій мостъ, нѣсколько очень своеобразныхъ по стилю построекъ и причудливая гостиница «Попугая» составляли рѣдкія достопримѣчательности небольшого городка, мирные жители котораго считали себя навсегда огражденными своими болотами и каналами отъ всякаго враже-

скаго нашествія, но случилось нѣчто для нихъ неожиданное. Диксмюдъ оказался ключемъ къ важной позиціи, которую приказано было защищать до послѣдней возможности. Почти въ продолженіе 4 недѣль, отъ 16 Октября до 10 Ноября 1914 г., французскіе морскіе стрѣлки задерживали натискъ многочисленной нѣмецкой арміи. Съ удивительною отвагою они вмѣстѣ со своимъ героемъ адмираломъ отбивались отъ нѣмцевъ. Они боролись одинъ противъ шести, плохо одѣтые, безъ обуви подъ дождемъ, утопая въ грязи, обсыпаемые нѣмецкими снарядами, преграждали нѣмцамъ путь въ Дюнкеркъ, спасали бельгійскую армію и дали возможность французской сѣверной арміи утвердиться за Изеромъ и дать отпоръ нѣмецкому нашествію.

Адмиралъ, прибывъ въ Диксмюдъ, сказалъ своимъ стрѣлкамъ: «Задача на васъ возложена опасная и трудная. Ваше мужество крайне необходимо для того, чтобы спасти наше лѣвое крыло до прихода подкрѣпленій, пожертвуйте собою. Старайтесь продержаться по крайней мѣрѣ 4 дня». Прошли 15 дней, подкрѣпленіе все не приходило на выручку, а стрѣлки продолжали держаться. Эти люди не создавали себѣ

никакихъ иллюзій относительно своей судьбы. Они знали, что должны погибнуть, но понимали значеніе жертвы, ими приносимой. «Намъ, морякамъ, писалъ изъ Диксмюда отъ 5 Ноября стрѣлокъ П., поручена эта почетная охрана. Мы должны отстоять, во что бы то ни стало, порученное намъ мѣсто. Лучше умереть всѣмъ, чѣмъ сдаваться. И я увѣряю, что мы хорошо держались, хотя представляли изъ себя горсть людей противъ силы, въ шесть разъ большей и числомъ и артиллеріей».—А именно, 6.000 моряковъ и 5.000 бельгійцевъ противъ трехъ германскихъ корпусовъ. Въ началѣ была только весьма слабая артиллерія. Не было ни дальнострѣльныхъ орудій, ни летчиковъ, ничего, кромѣ донесеній бельгійскихъ велосипедистовъ и приблизительныхъ соображеній людей, заключенныхъ въ траншеи.

«Сколько же васъ было»?—спрашивалъ 11 Ноября послѣ взятія Диксмюда прусскій офицеръ, взятый въ плѣнъ бельгійцами, «Не правда ли, не менѣе 40.000»? А когда онъ услыхалъ, что моряковъ было только 6.000, то, плача отъ негодованія, сказалъ: «Ахъ, если бы мы это знали».

Бомбардировка Диксмюда приняла особенно грозный характеръ съ 20 Октября. Нѣмцы, конечно, начали свой обстрѣлъ тяжелыми снарядами, направленными въ церковь. Послѣ 5 или 6 выстрѣла это прекрасное зданіе уже пылало огнемъ. Нѣмцы обсыпали городъ тяжеловѣсными бомбами. У защитниковъ Диксмюда не было тяжелой артиллеріи. Нужно было терпѣливо выжидать атаки, и она началась послѣ того, какъ бельгійцы, стоявшіе близъ праваго крыла стрѣлковъ, должны были, вслѣдствіе ураганнаго огня нѣмцевъ, отступить. Пошли нѣмцы густыми рядами, имѣя пулеметы сзади, солдатъ, бывшихъ прежде въ бояхъ, по бокамъ, а молодыхъ—въ серединѣ и впереди, они ринулись впередъ, словно въ какомъ то бѣшеномъ порывѣ съ пѣніемъ излюбленныхъ пѣсенъ и гимновъ и при крикахъ «Впередъ». Стрѣлки подпустили ихъ на 100 метровъ и открыли убійственный по мѣткости огонь изъ ружей и пулеметовъ. Нѣмцы все шли впередъ, но ряды ихъ все болѣе и болѣе рѣдѣли. Эта лавина съ трудомъ докатилась до проволочныхъ загражденій, когда въ 8 часовъ вечера раздались три громкихъ свистка, напоминаю-

щіе звуки сирены. Натискъ былъ послѣ 6 часового боя отбитъ, но какою дорогою цѣною! Диксмюдъ, который во время атаки не былъ обстрѣливаемъ тяжелою артиллеріею, еще не представлялъ собою холма изъ камня и пепла. Но агонія города уже начиналась. Дома, прилегающіе къ собору, горѣли, шелъ дождь, хотя и довольно сильный, но погасить пожара онъ не могъ. Разрывныя бомбы продолжали свою работу. Одинъ снарядъ попалъ въ колокольню во время вечерняго звона [1]). Большой колоколъ, сраженный сильнымъ ударомъ, испустилъ, словно болѣзненный стонъ, колебанія коего пронеслись по окрестности. «Бѣдный Диксмюдъ,—пишетъ по этому поводу одинъ морякъ,—съ колокольни раздался твой погребальный звонъ». Къ счастію населеніе оставило городъ, оно послушалось бургомистра. Ночью по временамъ слышалась стрѣльба, а около трехъ часовъ послѣдовала атака, успѣшно отбитая моряками. Съ разсвѣта непріятель началъ снова обстрѣливать городъ. Особой силы достигла бомбардировка послѣ обѣда. «По временамъ каза-

---

[1]) Charles le Goffic—Dixmude. Стр. 106.

лось, пишетъ одинъ офицеръ, что городъ проваливается. Тяжело было не имѣть возможности отвѣчать на эти выстрѣлы изъ дальнобойныхъ орудій». Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ, нѣмцы въ 4 часа вытѣснили бельгійцевъ изъ одной траншеи. Морякамъ пришлось отвоевывать эту траншею. Нѣмцы не выдержали ихъ штыкового удара и побѣжали. На слѣдующій день санитары подбирали убитыхъ и раненыхъ нѣмцевъ. Насколько отпоръ моряковъ былъ рѣшителенъ, видно изъ дневника офицера 222 нѣмецкаго пѣхотнаго полка: «Мы всюду теряемъ много людей, и наши потери внѣ всякаго соотношенія къ достигнутымъ результатамъ. Наши пушки не могутъ заставить замолчать непріятельскія батареи. Наступленіе нашей пѣхоты остается безплоднымъ, оно влечетъ только за собою ненужную бойню. Наши потери должны быть ужасны. Мой полковникъ, мой маіоръ и многіе офицеры убиты или ранены. Всѣ наши полки перемѣшаны. Безпощадный огонь непріятеля коситъ наши ряды. Среди непріятельскихъ войскъ много вольныхъ стрѣлковъ». Французскихъ моряковъ, одѣтыхъ въ темно-синюю блузу и имѣвшихъ на головѣ беретъ съ краснымъ

помпономъ, нѣмцы принимали за вольныхъ стрѣлковъ.

Нѣмецкія войска понесли большія потери, но и городъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе страдалъ отъ обстрѣла. При чемъ, благодаря шпіонамъ и хорошо устроенной тайной сигнализаціи, нѣмцы получали возможность подвергать особенно точному обстрѣлу дома, въ которыхъ проживали начальствующія лица. Они были вынуждены часто мѣнять квартиры и соотвѣтственно съ этимъ перемѣнялся прицѣлъ нѣмецкой стрѣльбы. «Такъ, въ ночь на 25 Октября, пишетъ стрѣлокъ Р., мы должны были три раза переходить изъ одного дома въ другой. Крыши домовъ заваливались надъ нами». «Диксмюдъ, пишетъ одинъ офицеръ, на слѣдующій день распадется на мелкія крошки». Нѣмцы не щадили даже зданій, напримѣръ, часовни, надъ которой развѣвался знакъ Краснаго Креста. Вѣрные своей злобѣ противъ церквей нѣмцы въ короткое время разрушили около Диксмюда, по свидѣтельству викарнаго священника, до 40 церквей.

Бельгійское правительство, желая помочь защитникамъ Диксмюда, рѣшило двинуть про-

тивъ нѣмцевъ наводненіе. Съ этою цѣлью въ городѣ Ньюпортѣ во время прилива открывается главный шлюзъ. Въ него входитъ морская вода и производитъ отливъ рѣчной воды въ главномъ и побочномъ каналахъ. Шлюзы затѣмъ закрываются и соленая вода не отливаетъ въ море. Такимъ образомъ воды всей рѣчной системы Изера не могутъ проникать въ море, а незамѣтно, но постепенно поднимаются въ главномъ каналѣ и во всѣхъ его безчисленныхъ развѣтвленіяхъ; выступая изъ береговъ, онѣ постепенно покрываютъ всю поверхность разработанной земли; лишенныя естественнаго стока, онѣ, какъ грозная стихія, безпощадно все заливаютъ. Нѣмцы поняли все значеніе, которое имѣетъ Ньюпортъ, какъ мѣстонахожденіе главнаго шлюза. Они старались занять его, но безуспѣшно. Они хорошо понимали, что подъемъ воды въ каналахъ близъ ихъ траншей около Диксмюда обратитъ въ огромную лагуну мѣстонахожденіе ихъ лагеря и батарей. Понимая опасность, имъ угрожающую, они не только усилили бомбардировку, но сумѣли, пользуясь услугами шпіоновъ и быть можетъ темнотою осенней дождливой ночи, незамѣтно для гарнизона проникнуть

въ Диксмюдъ [1]). Они пробрались къ дому, въ которомъ жили докторъ Дюге и аббатъ Ле-Геллоко. Возвратясь изъ больницы, они ночью услышали около своего дома стрѣльбу. Они быстро одѣлись и вмѣстѣ вышли на улицу. Залпъ изъ ружей сразилъ ихъ на мѣстѣ. Они упали рядомъ. Докторъ сказалъ аббату: «Мы погибли, прочтите мнѣ разрѣшительную молитву... Я сожалѣю...» Аббатъ съ трудомъ поднялъ руку и перекрестилъ умирающаго. Затѣмъ и онъ потерялъ сознаніе. Выстрѣлы среди города произвели большой переполохъ. Нѣмецкій отрядъ направился къ лазарету и увлекъ за собою докторовъ и санитаровъ. Совершенная неожиданность и невѣроятность появленія нѣмцевъ среди города на столько озадачила коменданта Жанно, что, услыхавъ стрѣльбу, онъ выбѣжалъ изъ своей квартиры, не захвативъ съ собою даже револьвера. Увидавъ людей, онъ въ потемкахъ не распозналъ въ нихъ нѣмцевъ. Когда онъ спохватился, было уже поздно:—нѣмцы схватили его и съ криками: «hoch, hoch» направились къ Изеру, увлекая

[1]) Charles le Goffic—Dixmude. Стр. 141.

съ собою нѣсколькихъ солдатъ. Къ счастію замѣшательство продолжалось недолго. Стража на мосту распознала нѣмцевъ и открыла по нимъ огонь. Многіе изъ нихъ были убиты, а многіе спрятались въ подвалы сосѣднихъ домовъ, Къ сожалѣнію, однако, передняя часть отряда перешла черезъ рѣку и ударами прикладовъ подгоняла плѣнныхъ. Въ продолженіе 4 часовъ нѣмцы блуждаютъ въ потемкахъ подъ дождемъ въ невылазной грязи. Потерявъ терпѣніе, офицеры, бывшіе во главѣ отряда, начинаютъ обсуждать вопросъ, что имъ дѣлать съ плѣнными. Заря занимается и нужно выбираться изъ города. Большинство высказывается за немедленный разстрѣлъ плѣнныхъ. Бельгійскіе доктора возражаютъ. Комендантъ Жанно совершенно покойно разговариваетъ съ вахмистромъ Боне. По знаку, данному начальникомъ отряда, нѣмцы стрѣляютъ въ плѣнныхъ. Комендантъ падаетъ, но онъ еще живъ и его приканчиваютъ штыками. Въ живыхъ остаются бельгійскіе доктора и вахмистръ Боне, раненый въ плечо. Въ это самое время французскіе стрѣлки увидали нѣмцевъ, ихъ взяли въ плѣнъ и привели къ адмиралу, который, пощадивъ убійцъ, велѣлъ раз-

стрѣлять только трехъ наиболѣе виновныхъ. Убійство Жанно, офицера, пользовавшагося за свою храбрость всеобщею любовью и уваженіемъ, произвело самое удручающее впечатлѣніе на его сослуживцевъ и подчиненныхъ. «На слѣдующій день послѣ ночного нападенія на городъ, пишетъ стрѣлокъ Г., мы ходили въ городѣ по трупамъ. Многихъ нѣмцевъ выбили изъ подваловъ, но очень многіе, благодаря шпіонамъ, сумѣли укрыться въ полуразрушенныхъ домахъ». «Непосильные труды выпали на долю защитниковъ. Мы болѣе не знаемъ, какъ люди спятъ, писалъ одинъ морякъ. Вотъ уже 10 дней, какъ мы не могли сомкнуть глазъ». Интересныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Диксмюда сообщаетъ морякъ Альфредъ Де-Нантейль [1]). «4 Ноября проливной дождь. Невылазная грязь. Прошелъ черезъ Диксмюдъ. Ужасное зрѣлище. Опустошеніе. Тѣни грабителей. Трупы, безотрадныя развалины. Ночь на разоренной фермѣ, переполненной трупами. Безпощадно разграблена. На всемъ однако отпечатокъ добрыхъ, чистыхъ, благочестивыхъ фламандскихъ кре-

[1]) Charls le Goffic. Dixmude. Стр. 182.

стьянъ. Ночь довольно покойная, 6 часовъ сна въ промокшемъ платьѣ. Перемѣны нѣтъ». «5 Ноября. Нынче чудная погода, солнце. Все покойно. Въ каналахъ отражаются милые пейзажы великихъ фламандскихъ мастеровъ, подернутые легкой дымкой. Скотъ уцѣлѣвшій мирно пасется на плотинахъ. Наконецъ можно вздохнуть. Чувствуешь все счастье жизни». 6 Ноября Де-Нантейль пишетъ: «Посѣтилъ церковь въ Диксмюдѣ и ратушу. Ужасно. Все это представляетъ собою картину страшнаго разрушенія. Нѣтъ ни одного уцѣлѣвшаго дома. Нѣкоторые участки потеряли свое очертаніе. Высятся только кучи камня и кирпичей. Отъ Мессины осталось болѣе, чѣмъ отъ этого несчастнаго города».

По распоряженію военныхъ властей 42 дивизія была отозвана изъ Диксмюда, и на моряковъ была возложена дальнѣйшая его защита. 7 Ноября стрѣлокъ Ц. пишетъ своей матери: «Подъ шумъ стрѣльбы нѣмецкихъ пушекъ пишу я тебѣ эти строки, чтобы сообщить тебѣ добрыя вѣсти о себѣ, и желаю, чтобы это посланіе было получено тобою и нашимъ семействомъ. Я не разсчитываю болѣе увидать тебя, матушка, и

нашу семью. Никто изъ насъ не возвратится. Исполняя свой долгъ солдата и моряка, я жертвую своей жизнью. Я уже получилъ двѣ пули: одну въ рукавъ моей блузы, другую въ мою патронную сумку, третья же будетъ послѣднею».

Въ ночь съ 7 на 8 Ноября нѣмцы начали усиленно обстрѣливать кладбище. Бомбы и шрапнели разрывались среди могилъ, разбивали на мелкіе куски кресты, рѣшетки, вѣнки, раздробляли самые гроба, разбрасывали кости покойниковъ. Гробы вслѣдствіе условій фламандской почвы покрывались въ Диксмюдѣ тонкимъ слоемъ земли въ 50 сантиметровъ. Земля не могла ограждать покойниковъ отъ нѣмецкихъ снарядовъ. Костями покойниковъ были ранены нѣкоторые стрѣлки.

9 Ноября нѣмцы проникли въ траншею близъ кладбища, но рѣшительною контръ-атакою моряковъ они были выбиты изъ траншей, «Раздосадованный столькими безплодными атаками, пишетъ лейтенантъ А., непріятель рѣшился нанести 10 Ноября рѣшительный ударъ. Около 10 часовъ началась самая ужасная бомбардировка. Подобной бригада еще не выносила. Стрѣльба вслѣдствіе хорошаго прицѣла сокру-

шала траншеи, и наши люди понесли большія потери. Въ числѣ смертельно раненыхъ оказался и храбрый Альфредъ Де-Нантейль. Желая дать рѣшительный отпоръ нѣмцамъ, онъ кричитъ своимъ морякамъ: «Къ оружію», «къ оружію», «въ траншеи». Пуля ударомъ въ шею сразила его. Матросы подхватили любимаго офицера и вынесли его изъ траншеи, имъ онъ повѣдалъ свое послѣднее желаніе умереть во Франціи. Его воля была исполнена. Моряки проявляютъ чудеса храбрости, они быстро возводятъ баррикады, стараются всѣми силами преградить натискъ нѣмецкихъ полчищъ, но горсть героевъ не можетъ спасти Диксмюдъ, ихъ отвага можетъ только продлить его агонію. Французы и нѣмцы смѣшались на развалинахъ города въ одну ревущую толпу, люди стрѣляли въ упоръ, люди душили другъ друга, прикалывали штыками, рѣзались ножами, били другъ друга прикладами ружей, а когда приклады обращались въ щепу, то дрались ногами, руками, зубами. Въ 3 часа пополудни около половины французскихъ стрѣлковъ были выбиты изъ строя, а нѣмецкія колоны продолжали черезъ пробитыя бреши врываться въ груды развалинъ, которыя

трудно было назвать Диксмюдомъ. Диксмюдъ палъ. Около 450 уцѣлѣвшихъ героевъ успѣли перейти или переплыть Изеръ и вернуться во Францію съ сознаніемъ свято исполненнаго долга. Взятіе города стоило нѣмцамъ не менѣе 10.000 людей. Около 4.000 раненыхъ были направлены 14 Ноября въ Льежъ. Диксмюдъ обращенъ въ груду развалинъ, какъ городъ онъ пересталъ существовать, но онъ сослужилъ великую службу какъ небольшой части уцѣлѣвшій отъ захвата Бельгіи, такъ и сѣверо-восточной Франціи. Диксмюдъ задержалъ нѣмецкую армію; пока она была поглощена его осадой, вода все выше поднималась на Фламандской низинѣ. Ея грозная стихійная сила сдержала натискъ нѣмецкихъ полковъ; они взяли развалины Диксмюда, но не могли прорваться за линію Изера. Геройскій подвигъ стрѣлковъ французскаго флота увѣнчалъ этотъ флотъ безсмертной славой.

ГЛАВА III.

1. Избіеніе плѣнныхъ и раненыхъ.

Ознакомившись съ мѣстностями, пострадавшими отъ нашествія нѣмецкихъ полчищъ въ

Бельгіи, необходимо обратить вниманіе и на пріемы нѣмцевъ по отношенію къ категоріямъ извѣстныхъ лицъ, а равно и всмотрѣться ближе въ нѣкоторые пріемы ихъ преступной дѣятельности. Такъ, французскою слѣдственною комиссіею по разслѣдованію преступленій нѣмцевъ противъ международнаго права [1]), установленъ цѣлый рядъ фактовъ, изобличающихъ нѣмцевъ въ избіеніи на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Бельгіи плѣнныхъ и раненыхъ. Такъ, 22 Августа 1914 года въ долинѣ Флоренвиля ефрейторъ Арно 59 французскаго пѣхотнаго полка послѣ цѣлодневной битвы находился съ отрядомъ въ 150 человѣкъ, отрѣзаннымъ отъ части, къ которой принадлежалъ. У нихъ на рукахъ были около 20 раненыхъ, которыхъ они перенесли для поданія помощи на опушку сосѣдняго лѣса. Въ виду наступленія значительныхъ силъ непріятеля, французы были вынуждены отступить въ чащу лѣса. Среди ночи они увидѣли какъ нѣмцы бѣгали съ факелами въ рукахъ по полю

[1]) Rapports et procès-verbaux d'enquête de la commission, instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation du droit des gens III—IV. Стр. 16, 89.

сраженія и направились къ мѣсту, на которомъ лежали раненые. «Что же случилось тогда?— говоритъ ефрейторъ, мы услыхали голоса, крики слышали шумъ, и затѣмъ все стихло. Нѣмцы ушли. Мы пошли посмотрѣть на нашихъ раненыхъ. Живыхъ между ними не осталось, а между тѣмъ, когда мы ушли отъ нихъ, нѣкоторые изъ нихъ были только легко ранены и, конечно, умереть отъ ранъ они не могли. Никакого сомнѣнія не оставалось, они были перебиты ударами прикладовъ или прикончены штыками нѣмецкими солдатами. Кромѣ того, всѣ они были обысканы и обобраны, ихъ платья разстегнуты и карманы вывернуты. Денегъ ни у кого изъ нихъ не оказалось. Нѣмцы всѣхъ обобрали. А между тѣмъ, наканунѣ у всѣхъ были деньги. Одинъ изъ нихъ, подпоручикъ, сказалъ въ присутствіи Арно, одному изъ унтеръ-офицеровъ: «у меня 1500 франковъ, если меня убьютъ, возьми ихъ». Унтеръ-офицеръ не могъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Офицеръ былъ добитъ нѣмцами и обобранъ ими».

Генрихъ Гэ-Мендань, солдатъ 144 французскаго пѣхотнаго полка, показалъ подъ прися-

гою [1]), что 13 Августа 1914 года онъ находился съ своимъ баталіономъ къ югу отъ мѣстечка Лоббъ въ Бельгіи. Онъ былъ въ цѣпи и лежалъ на землѣ недалеко отъ большой фермы, находящейся между французскими и нѣмецкими войсками. Французы переносили своихъ раненыхъ въ ригу на этой фермѣ и тамъ подавали имъ первую помощь. Подъ натискомъ сильнаго нѣмецкаго отряда французы должны были отступить. Офицеръ, командовавшій нѣмецкимъ отрядомъ, послалъ нѣсколько солдатъ для осмотра фермы. Французскіе санитары ушли изъ фермы и въ ригѣ остались только раненые солдаты. Между ними находился солдатъ со сломанной ногой. Нога его была привязана къ ружью, и самъ онъ сидѣлъ на тачкѣ. Нѣмцы входили въ ригу и осмотрѣли всѣхъ раненыхъ. Затѣмъ они закрыли ворота риги, въ которой находилось много сѣна и пожодгли ее. Спасти раненыхъ французы не могли, потому что отступили.

Протоколы слѣдственныхъ комиссій бельгійской и французской содержатъ множество присяжныхъ показаній раненыхъ о томъ, что они,

---

[1]) Rapports. Стр. 100.

будучи оставлены на полѣ битвы, были очевидцами того, какъ нѣмецкіе солдаты, унтеръ-офицеры и даже офицеры добивали раненыхъ французовъ изъ ружья и револьвера, ударами ружейныхъ прикладовъ или прикалывали штыками. Весьма многіе показывали также, что они подвергались покушеніямъ и получали новыя раны. Многіе изъ нихъ были обобраны. Насколько вообще нѣмецкія военныя власти жестоки, видно изъ приказа генерала Штендера, начальника 58 бригады, отъ 24 Августа 1914 года [1]). Въ силу этого приказа впредь запрещалось брать въ плѣнъ. «Всѣ плѣнные, раненые или нераненые должны быть убиваемы». Фельдфебель, какъ установлено слѣдственной комиссіей, объявляя этотъ приказъ, прибавилъ: «Мы не можемъ, по указанію нашего начальства, брать кого либо въ плѣнъ, такъ какъ ихъ перевозка причиняетъ много затрудненій».

Нѣкоторые изъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ одобрили это распоряженіе, другіе же, порицали его и даже прямо осуждали его.

[1]) Rapports. Стр. 10, 66.

Въ тотъ же день одинъ унтеръ-офицеръ привелъ трехъ плѣнныхъ французскихъ солдатъ и представилъ ихъ генералу Штенгеру. Х... находясь въ десяти шагахъ отъ генерала слышалъ какъ генералъ укоризненно спрашивалъ: «Развѣ приказъ Вамъ не извѣстенъ?» Унтеръ-офицеръ молчитъ и имѣетъ видъ смущенный.

Генералъ голосомъ болѣе строгимъ: «Вы должны же знать этотъ приказъ». Унтеръ-офицеръ извиняется.

Генералъ обращается къ подполковнику Нейбауеру, командиру 112 полка и говоритъ ему: «что мнѣ теперь дѣлать съ этими людьми?— Не могу же я ихъ разстрѣлять передъ фронтомъ моей бригады»?

Полковникъ отвѣчалъ, но что именно, Х.. не разслышалъ, а генералъ приказалъ отвести трехъ плѣнныхъ въ лѣсъ. Затѣмъ онъ приказалъ одному лейтенанту слѣдовать за ними. Черезъ полчаса раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и немедленно распространился слухъ, подтверждаемый солдатами, что французы были разстрѣляны.

Насколько нѣмцы были далеки отъ соблюденія обязательныхъ для всѣхъ воюющихъ сто-

ронъ требованій Женевской конвенціи о неприкосновенности всѣхъ учрежденій Краснаго Креста, видно изъ звѣрскаго разгрома подвижного лазарета доктора Седильона [1]). 22 Августа 1914 года послѣ битвы при Этѣ въ Бельгіи докторъ Седильонъ устроилъ въ Гомери подвижной лазаретъ. Онъ помѣщался въ домѣ, по сторонамъ котораго были поставлены шесты съ флагами Краснаго Креста. Въ этомъ домѣ въ ригѣ, стоявшей близъ него и въ сосѣднихъ зданіяхъ было помѣщено много раненыхъ.

23 Августа около 11 час. утра деревня была занята нѣмецкими войсками, и лейтенантъ съ 25 солдатами явился въ лазаретъ доктора Седильона. Онъ тщательно осмотрѣлъ лазаретъ и уходя объявилъ, что все было найдено имъ въ порядкѣ. На улицѣ близъ лазарета остались унтеръ-офицеръ съ нѣсколькими солдатами. У нихъ былъ крайне возбужденный видъ. Они выкрикивали разныя угрозы, показывали движеніемъ руки желаніе снять голову и ревѣли: «это бой на смерть». (Es ist der Krieg des Todes) и «Пулю въ лобъ» (Kugel in Kopf).

[1]) Rapports. Стр. 11.

Докторъ, приказавъ изъ предосторожности всѣмъ своимъ сотрудникамъ войти въ зданіе, приступилъ къ перевязкѣ поручика Дешара. Унтеръ-офицеръ и нѣсколько солдатъ вбѣжали въ перевязочную, гдѣ онъ находился съ докторомъ Вессеромъ, студентомъ медицины, однимъ или двумя лазаретными служителями. Унтеръ-офицеръ приказалъ всѣмъ французамъ удалиться, объявивъ имъ, что они будутъ разстрѣляны. Докторъ Седильонъ старался разъяснить ему, что въ лазаретѣ находились только врачи и раненые и просилъ его обратиться къ лейтенанту, который осмотрѣлъ лазаретъ. Но нѣмецъ прицѣлился въ него изъ французскаго револьвера. Доктору удалось инстинктивнымъ движеніемъ руки ослабить силу выстрѣла. Онъ былъ раненъ въ плечо. А убійца тѣмъ временемъ кричалъ своимъ солдатамъ: «Пли» (Feuer). Выстрѣлы раздались со всѣхъ сторонъ. Снова раненый въ правое бедро и лѣвую руку докторъ упалъ въ открытую дверь и былъ вытащенъ въ сосѣднюю комнату однимъ изъ служителей. Унтеръ-офицеръ выстрѣломъ въ голову сразилъ лейтенанта Дешара. Затѣмъ началась ужасная бойня. Докторъ Вессеръ и служитель

Буржисъ, желая избѣгнуть смерти, бросились на полъ. Къ нимъ подошелъ солдатъ; выстрѣломъ изъ ружья онъ убилъ Вессера и, приставивъ дуло ружья къ груди Буржиса, дважды выстрѣлилъ въ него. Буржисъ не былъ убитъ, но тяжко раненъ. Нѣмцы подожгли домъ, и солдатъ, убившій Вессера и стрѣлявшій въ служителя, бросилъ на спину каждаго пучекъ горящей соломы.

Какъ только злодѣи ушли изъ лазарета, Буржисъ сбросилъ съ себя горящую солому, успѣвшую уже поджечь его платье, и черезъ окно выскочилъ въ садъ. По прошествіи 20 минутъ нѣмцы, найдя его въ капустныхъ грядахъ, гдѣ онъ спрятался, заставили его уколами штыковъ своихъ подняться и пробѣжать черезъ объятую пламенемъ ригу, въ которой отъ 60 до 80 раненыхъ, издавали ужасные вопли, видя, что имъ угрожаетъ опасность погибнуть въ огнѣ. У двухъ воротъ риги стояли часовые, стрѣлявшіе во всѣхъ желавшихъ спастись. Докторъ Седильонъ видѣлъ изъ комнаты, въ которой лежалъ, какъ эти несчастные падали. Онъ слышалъ, какъ они бѣжали, какъ они въ отчаяніи просили о помощи. А нѣмцы вопили:

«Еще одинъ, еще одинъ» (Noch einer, noch einer).

Огонь перекинулся съ риги на домъ, гдѣ лежалъ Седильонъ, и онъ увидалъ сквозь дымъ, какъ нѣмцы обыскивали убитыхъ и приканчивали тѣхъ, которые еще дышали. Онъ могъ, пользуясь руками и зубами, взобраться по лѣстницѣ на чердакъ, гдѣ ему посчастливилось найти щель, черезъ которую онъ могъ дышать. Изъ этого отверстія онъ видѣлъ, что нѣмцы удалились и что многіе изъ его товарищей могли выпрыгнуть изъ перваго этажа главнаго зданія, а именно раненый докторъ де-Шаретъ и лейтенантъ, которому утромъ онъ отрѣзалъ ногу. Послѣдній, падая, потерялъ перевязку и обрубокъ его ноги проникъ въ землю. Всѣ раненые, оставшіеся въ домѣ, сгорѣли. Седильонъ слышалъ ихъ крики, и такъ какъ ему самому угрожала ихъ участь, то онъ рѣшился спрыгнуть въ садъ. При паденіи онъ сломалъ себѣ правую берцовую кость. Проведя день вмѣстѣ со своими товарищами въ огородѣ, онъ къ ночи возвратился въ развалины дома и нашелъ въ подвалѣ нѣсколько своихъ пацієнтовъ.

Раненые, которымъ удалось спастись, были вновь задержаны и отведены къ стѣнѣ кладбища для разстрѣла. Туда привели и Буржиса. Когда онъ пришелъ туда, нѣмцы начали избіеніе первой группы плѣнныхъ. Онъ былъ присоединенъ ко второй, въ которой насчитывали 12 человѣкъ. Когда, по приказанію унтеръ-офицера, солдаты произвели выстрѣлъ, онъ бросился на землю, хотя не былъ раненъ. По прошествіи получаса два солдата, менѣе жестокіе, чѣмъ остальные, подняли его. 24 Августа, выходя изъ подвала, докторъ Седильонъ нашелъ въ саду и на улицѣ много труповъ. Это были его раненые, онъ узналъ многихъ. Солдаты, увидавъ его, арестовали и отвели къ кладбищу, гдѣ онъ увидѣлъ многихъ убитыхъ, лежавшихъ близъ стѣны. Вскорѣ были приведены четыре раненыхъ француза, между ними докторъ Дешаретъ и три солдата, обвиненные въ томъ, что они убивали. Всѣ они клялись въ томъ, что они невинны, а одинъ изъ солдатъ показалъ на свои обѣ сломанныя руки, дѣлавшія его неспособнымъ нападать на кого либо. Капитанъ тѣмъ не менѣе приказалъ разстрѣлять четырехъ плѣнныхъ. Они пали въ 30 метрахъ

отъ доктора Седильона. Передъ разстрѣломъ докторъ Дешаретъ попросилъ офицера, присудившаго его къ смерти, переслать бумажникъ, ему принадлежащій, его семейству. Докторъ Седильонъ былъ на излѣченіи въ двухъ госпиталяхъ и затѣмъ содержался съ 16 Сентября по 21 Марта въ Ингольштатѣ. Нѣмецкія власти старались усиленно склонить его къ дачѣ показаній, устраняющихъ ужасныя подробности избіенія раненыхъ въ Гомери. Въ виду своего исключительно тяжелаго положенія Седильонъ давалъ свои показанія въ весьма общихъ чертахъ и уклонился отъ подписанія тенденціозно составленнаго протокола.

По запискамъ Буржиса, избіенія въ Гомери были произведены солдатами 47 полка, а Седильонъ съ своей стороны утверждаетъ, что солдаты, убившіе его товарищей, принадлежали къ 6 полку. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отъ 100 до 120 раненыхъ были пристрѣлены или сожжены.

Итакъ нѣмцы, ослѣпленные фанатическою злобою, забыли постановленія Женевской конвенціи, обязывающія воюющихъ не допускать никакихъ жестокостей противъ раненыхъ и

безоружныхъ враговъ. Порвавъ всѣ международныя обязательства, ими же самими подписанныя, нѣмцы въ истребленіе противника внесли методу и систематичность. Они съ безпощадной послѣдовательностью стремились къ истребленію враговъ, не дѣлая различія между больными, ранеными, стариками и малыми. Они забыли самыя основныя начала общечеловѣческой нравственности и чести и покрыли себя на вѣки неизгладимымъ позоромъ. Изученіе трудовъ бельгійской слѣдственной комиссіи знакомитъ насъ съ дѣятельностью изверговъ, направленной на плѣнныхъ, которые вынуждены были сдаться нѣмецкимъ войскамъ. Жестокость, презрѣніе, издѣвательство, обрушивались на беззащитныхъ. Обычно ихъ кормятъ плохо или не кормятъ совершенно. При передвиженіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ запрещаютъ на станціяхъ санитарамъ и постороннимъ людямъ кормить ихъ. Ихъ оскорбляютъ, ихъ обращаютъ въ жалкое посмѣшище. «Въ Кампенхутѣ, показываетъ одинъ свидѣтель, я видѣлъ, какъ издѣвались надъ плѣнными: ихъ заставляли «дѣлать упражненія», ихъ заставляли переносить тяжести и били такъ, что

они не могли двигаться. А баталіонъ, поглядывая на несчастныхъ, хохоталъ во всю» [1]). Солдатомъ В. Х былъ взятъ въ плѣнъ близъ Аэршота. Онъ былъ переданъ офицеру и тремъ солдатамъ, которые связали его и спрашивали, гдѣ его полкъ, гдѣ главныя силы арміи. Онъ или не могъ, или не хотѣлъ отвѣчать. Тогда бросили его на землю, топтали ногами и избитаго и связаннаго бросили, сорвавъ съ него шинель. Сидѣлка Р. Б. видѣла 25 Августа въ Эшегемѣ, какъ одному плѣнному наносили по головѣ удары прикладомъ; у многихъ плѣнныхъ, которыхъ она подобрала на улицѣ этой деревни, головы были размозжены этими ударами. Солдатъ Пьераръ былъ во время одной развѣдки взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своими товарищами. Хотя и перевязали его рану, но штыковыми ударами погнали передъ двумя нѣмецкими ротами, стрѣлявшими въ нихъ. Перепуганные, многіе изъ нихъ бросаются въ рѣку Демеръ. Ихъ преслѣдуютъ выстрѣлами. Пьераръ взбѣгаетъ на берегъ рѣки, и когда одинъ изъ сол-

---

[1]) Pierre Nothomb. Les Barbares en Belgique. Paris 1915. Стр. 23.

датъ, прицѣливаясь, старается выстрѣлить въ него, то офицеръ замѣчаетъ, что бельгіецъ не стоитъ даже одной пули и велитъ просто утопить его. Несчастному удалось спрятаться въ камышахъ и простоять въ нихъ по шею въ водѣ до утра. Солдатамъ Гофину и Гейверсу, взятымъ въ плѣнъ 6 Августа, нѣмцы связали руки и гнали передъ собой, положивъ имъ на плечи свои ружья, они заставляли ихъ кричать: «Бельгійцы не стрѣляйте, мы бельгійцы». При отступленіи изъ Намюра, солдатъ Парфонри былъ взятъ въ плѣнъ съ нѣсколькими товарищами. Нѣмцы перевязали имъ руки за спиной и составили изъ нихъ группы по четыре человѣка, заставили ихъ идти цѣлый день, подгоняя ихъ ударами прикладовъ и сабель и затѣмъ бросили ихъ въ подвалы замка Сентъ-Жерара. Нѣмцы арестуютъ по неизвѣстной причинѣ начальника станціи въ Белегемѣ, набрасываютъ ему на шею веревку и тащутъ за лошадьми шагомъ, рысью и галопомъ. Въ Аэршотѣ получается какое то неблагопріятное извѣстіе, плѣнникъ за это долженъ поплатиться, его пронизываютъ ударомъ копья.

Достовѣрный свидѣтель, спрошенный подъ присягою, показываетъ: Въ замкѣ Бодуина въ Люббекѣ нѣмцы сожгли живого бельгійскаго солдата, втиснувъ его въ хлѣбную печь. Обугленные остатки военной одежды были найдены и сохранены. Нѣмецкіе солдаты были ранены взрывомъ патроновъ, оставленныхъ ими въ патронташѣ плѣннаго. Сторожъ замка долженъ былъ подвергнуться той же участи, но онъ воспользовался взрывомъ для того, чтобы спастись. Въ Эне въ ночь съ 5 на 6 Августа нѣмцы разстрѣляли трехъ бельгійскихъ солдатъ. 4 солдата при бѣгствѣ 19 Августа въ Линденъ спаслись, преслѣдуемые нѣмцами, въ домѣ свидѣтеля С., и когда замѣтили, что они окружены, то стали махать бѣлымъ платкомъ. Нѣмцы вторглись въ домъ и послѣ того, какъ плѣнные отдали имъ свое вооруженіе, они схватили вилы и учащенными ударами ихъ уложили несчастныхъ вдоль стѣны. Двое арестованныхъ 3 Ноября были допрошены задержавшими ихъ офицеромъ и десятью солдатами для того, чтобы добыть отъ нихъ свѣдѣнія о положеніи войска, имъ угрожали смертью, а потомъ протащили ихъ около 20 метровъ по направленію къ рѣкѣ.

Рядовой 24 пѣхотнаго полка Бурмъ объявилъ, что былъ взятъ нѣмцами въ плѣнъ; они, желая вынудить его сообщить необходимыя для нихъ свѣдѣнія, окунули его руку въ кипятокъ. Онъ видѣлъ вблизи двухъ бельгійскихъ солдатъ, подвергшихся тяжкимъ мученіямъ: одного изъ нихъ, возмутившагося противъ нѣмецкихъ требованій, сторожа держали за руки и ноги и вертѣли ему шею до тѣхъ поръ, пока не лишили его жизни, у другого былъ отрѣзанъ палецъ.

20 Ноября военный священникъ Кромбрюгенъ и 4 свидѣтеля, солдаты 12 пѣхотнаго полка подняли на мосту въ Диксмюдѣ тѣло лейтенанта ихъ полка Понсина. Онъ былъ разстрѣлянъ послѣ того, какъ ноги его были 10 разъ опутаны желѣзной проволокой. 24 Августа въ Лувенѣ нѣмецкіе солдаты повѣсили плѣннаго бельгійскаго солдата на фонарномъ столбѣ близъ желѣзнодорожной станціи.

6 Сентября солдатъ Бекеландъ обезоруженъ, его связываютъ и затѣмъ вскрываютъ животъ штыковыми ударами, это, впрочемъ, не единичный случай. Солдатъ Лотенсъ, близъ Семпста видѣлъ привязанными къ дереву тѣла двухъ

карабинеровъ съ распоротыми животами и вырванными внутренностями. Но бывали случаи и еще болѣе звѣрской расправы. Въ Таминѣ одинъ французскій штабъ-офицеръ былъ привязанъ къ стволу дерева, каждая изъ ногъ его была привязана къ лошади. По данному начальствующимъ знаку, лошадей ударили кнутами. Французскій плѣнникъ подвергся жестокому четвертованію. «Я видѣлъ, показывалъ свидѣтель, дрожа отъ ужаса, разрывъ панталонъ, а затѣмъ и самого тѣла».

Къ раненымъ нѣмецкіе культуртрегеры относились съ такою омерзительною жестокостью, что читая показанія какъ свидѣтелей очевидцевъ, такъ и самихъ раненыхъ, нельзя не содрогнуться при мысли, до какого извращенія человѣческой природы дошли въ XX вѣкѣ нѣмцы, безумно желавшіе подчинить своей гегемоніи весь міръ. Выслушаемъ показанія старшаго вахмистра 5 уланскаго полка, Бодуина Ван-де-Керхова: «20 Августа 1914 года я былъ дважды раненъ въ сраженіи при Орсмелѣ. Несмотря на мои раны, нѣмцы мучили меня. Одинъ изъ нихъ вырвалъ ружье изъ моихъ рукъ, перебросилъ его черезъ мою голову и

нанесъ мнѣ сильный ударъ по поясницѣ. Другой же, видя, что я еще живъ, прицѣлился въ меня на разстояніи двухъ метровъ. Къ счастію пуля только поцарапала меня».

Въ лѣсу недалеко отъ Баарбена нашли тѣла 22 стрѣлковъ велосипедистовъ, 18 были прикончены штыковыми ударами въ голову, пулевыя раны, имъ нанесенныя, были признаны легкими и только четверо были тяжело ранены, и имъ не были нанесены штыковые удары. Подобные случаи повторялись ежедневно.

Въ Монтиньи-де-Тильель солдаты 13 нѣмецкаго полка убиваютъ двухъ раненыхъ французскаго 119-го. У перваго голова была размозжена ударомъ топора, въ то время, когда одинъ изъ его товарищей поилъ его. Второй былъ раздавленъ пушкою. 23 Августа тамъ же Виталій Арну былъ разстрѣлянъ за то, что ухаживалъ за французскимъ солдатомъ Людвигомъ Согіе, раненымъ въ бедро. И раненаго постигла та же участь. Въ Намюрѣ произошло еще нѣчто болѣе ужасное. Вскорѣ послѣ вступленія въ городъ, нѣмцы поспѣшили вывезти изъ госпиталя Брибозія всѣхъ раненыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Затѣмъ они подожгли зданіе и

поставили солдатъ противъ выходныхъ дверей и по мѣрѣ того, какъ французскіе и бельгійскіе раненые, спасаясь отъ огня, старались выбѣжать изъ горѣвшаго зданія, ихъ приканчивали ружейными выстрѣлами.

Нѣмцы съ какимъ то особымъ озлобленіемъ относились къ госпиталямъ и лазаретамъ, поставившимъ себя подъ покровительство Женевской конвенціи. Нѣмцы разрушали лазареты. Бѣлые флаги съ Краснымъ Крестомъ не только не ограждали раненыхъ отъ ярости тевтонской, но, напротивъ, какъ то особенно привлекали къ себѣ безпощадную стрѣльбу нѣмецкихъ войскъ. Ихъ начальники какъ бы желали подчеркнуть, что постановленія Конвенціи, подписанныя нѣмецкими делегатами, для нихъ не имѣютъ никакого значенія. Спасительнымъ для всего человѣчества знакомъ креста нѣмцы предательски пользовались, прикрываясь имъ во время своихъ военныхъ операцій. Къ врачамъ, иногда добросовѣстно исполнявшимъ, подъ защитою этого знака, свои обязанности, прикомандировывали служителей, готовыхъ на грабежъ и даже убійства. Бельгійцы видѣли въ Таминѣ этихъ изверговъ, приканчивающихъ штыковыми

ударами раненыхъ; въ Лоделинсарѣ и въ Жюмэ носильщики побросали свои носилки и побѣжали поджигать дома, одинъ житель города Льежа говорилъ: «санитары Краснаго Креста призывались у насъ для того, чтобы ухаживать за ранеными и убивать ихъ [1])».

Нужно бы издать цѣлое изслѣдованіе для того, чтобы подробно описать всѣ нарушенія въ Бельгіи нѣмцами Женевской конвенціи. Они съ удивительною послѣдовательностью обстрѣливали госпитали въ незащищенныхъ мѣстахъ и въ городахъ, не занятыхъ войсками, разрушали перевязочные пункты, нападали на транспорты Краснаго Креста; убивали священниковъ и докторовъ у изголовья умирающихъ; подвергали жестокимъ пыткамъ самихъ умирающихъ. Виртонвиль не подвергся бомбардировкѣ. Нѣмцы ограничились тѣмъ, что бросили нѣсколько бомбъ въ большое зданіе, надъ которымъ развѣвалось знамя Краснаго Креста. 8 бомбъ попали въ это зданіе и двѣ въ самый госпиталь. 10 раненыхъ были убиты, 20 другихъ получили смертельные удары.

---

[1]) Pierre Nothomb—Les Barbares en Belgique. Стр. 29.

Капитанъ Калювертъ былъ глубоко возмущенъ обстрѣломъ госпиталя въ Льерѣ, первая бомба упала недалеко отъ зданія и убила женщину и ребенка. Нѣмецкій авіаторъ, наблюдавшій за стрѣльбою, исправилъ прицѣлъ и слѣдующая бомба попала въ госпиталь.

Въ замкѣ Якобса въ Вальвертемѣ былъ устроенъ лазаретъ. Прусскіе солдаты выгоняютъ и больныхъ и здоровыхъ изъ замка, грабятъ и поджигаютъ зданіе. Въ лазаретъ въ Монъсюръ-Маршіенъ нѣмцы врываются, вытаскиваютъ 14 кроватей, а 16 ломаютъ.

16 Августа на дорогѣ изъ Ганню въ Тирлемонъ отрядъ санитаровъ, между которыми не было ни одного военнаго, подвергся обстрѣлу. 26 Августа то же самое случилось и на дорогѣ въ Хехтъ, всѣ раненые, которыхъ переносили санитары, пострадали отъ пуль солдатъ, безпощадно въ нихъ стрѣлявшихъ. 23 Августа въ Біулѣ вся дорога была покрыта тѣлами санитаровъ, убитыхъ въ то время, когда они подавали помощь раненымъ; весь санитарный отрядъ доктора Пети былъ уничтоженъ. 3 носильщика, Г. Скревенсъ, аббаты Пьераръ и Патронъ были арестованы и выставлены передъ рядами нѣм-

цевъ, атакующихъ Намюръ. Оба священника были убиты. 17 монаховъ были арестованы въ Аэршотѣ, въ то время, когда они ухаживали за ранеными, затѣмъ они были отправлены въ Германію. Въ Леббекѣ Людовикъ де-Манъ помогалъ переносить нѣмецкихъ раненыхъ, его безъ всякой причины жестоко избиваетъ нѣмецкій носильщикъ. Въ Гастьерѣ убиваютъ доктора Краснаго Креста Галлуа, передъ тѣмъ весьма усердно лечившаго саксонскаго летчика фонъ-Зейдлица.

Въ той же деревнѣ солдаты съ револьверами въ рукахъ загоняютъ въ одинъ домъ секретаря Вестминстерскаго архіепископа и директора лечебницы Картона-де-Віара и двухъ служителей; «входите,—говорятъ они имъ,—и если будете стрѣлять, то будете убиты первыми». Въ Ловенжулѣ 19 Августа одинъ братъ христіанскихъ школъ съ тремя санитарами подвергся нападенію нѣмецкихъ солдатъ. Они вырвали у нихъ ихъ носилки и бросили ихъ на навозную кучу; прусскіе солдаты жестоко избили и грубо оскорбили людей повинныхъ лишь въ томъ, что старались облегчить страданія раненыхъ. Несчастнымъ удалось бѣжать и унести одного ране-

наго: «я долженъ былъ,—разсказывалъ монахъ, семь разъ опускать его на землю, нѣмецкіе пулеметы обстрѣливали насъ». Молодая дѣвушка изъ Лувэна Г. въ тотъ же день была арестована нѣмецкимъ офицеромъ, когда она выходила изъ госпиталя, имѣя на рукѣ повязку съ Краснымъ Крестомъ. Офицеръ ей угрожалъ смертью. Того же 19 Августа въ городъ прибыли 80 раненыхъ, ихъ привели пѣшкомъ изъ Люббека. Сопровождавшіе ихъ солдаты безпощадно били и оскорбляли ихъ. Утромъ пруссаки вошли въ деревенскій лазаретъ, гдѣ они находились; однихъ изъ нихъ убили, другихъ оставили въ живыхъ. Въ Вольфертемѣ нѣмцы оказались менѣе человѣколюбивыми, они бросали раненыхъ въ горящіе дома. Въ Гастріескомъ лазаретѣ солдатъ велитъ сидѣлкамъ сѣчь умирающаго, онъ удивляется ихъ отказу. Въ Лувэнѣ нѣмцы вторгаются въ лазаретъ Іисуса Младенца и преслѣдуютъ выстрѣлами докторовъ Аэртса и Ауслооза и загоняютъ ихъ въ подвалъ.

Нѣмцы, проявляя такую варварскую жестокость, презрительно издѣваясь надъ установленіями Краснаго Креста, сами предательски пользуются ими во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда

*

это для нихъ выгодно. Такъ 25 Августа во время жаркаго боя нѣмцы помѣстили въ Вильвордѣ въ казармѣ карабинеровъ-велосипедистовъ, артиллеристовъ и пѣхотинцевъ. На крышѣ они утвердили большой флагъ Краснаго Креста. 17 Сентября въ Мейссѣ штабъ 52 армейскаго полка помѣстился въ виллѣ, надъ которой развивался тотъ же флагъ. Но лучше того, въ Гутемѣ, гдѣ они расположились на ночлегъ, они къ каждому дому прикрѣпили знакъ Краснаго Креста, хотя ни въ одномъ изъ этихъ домовъ не было ни одного раненаго. Въ сердцахъ нѣмцевъ нашихъ дней самая безпощадная жестокость вплотную сплелась съ самымъ безчестнымъ предательствомъ. Разрушая лазареты Краснаго Креста, они тѣмъ же Краснымъ Крестомъ ограждаютъ свои военныя дѣйствія. Предательски одѣвая бельгійскіе мундиры, снятые ими съ убитыхъ солдатъ, они въ чужой одеждѣ стараются обмануть врага и сразить его не въ открытомъ честномъ бою, а заманить его обманно въ ловушку.

Жестокость свою нѣмцы проявляютъ со свойственнымъ имъ цинизмомъ, такъ они заявляли, что ихъ интересъ заключается въ томъ, чтобы

по возможности лишать жителей Антверпена медицинской помощи «такъ какъ болѣзни и эпидеміи являются для нѣмцевъ козыремъ въ ихъ игрѣ». Когда нѣмецкому главному врачу (Oberartz'у) заявили, что въ Сенъ-Губертѣ и Флореннѣ находится 1200 раненыхъ бельгійцевъ и французовъ, нуждающихся въ продолженіе двухъ недѣль въ медицинской помощи, и когда доктора просятъ у него разрѣшеніе направиться туда, то этотъ ученый варваръ отклоняетъ это ходатайство, говоря, что эти плѣнные, прождавъ двѣ недѣли, могутъ еще подождать. Въ архивахъ комиссіи хранится подлинникъ приказа Брюссельскаго коменданта, воспрещающаго доктору В. возвратиться къ мѣсту своего служенія и при томъ, какъ дословно значится въ приказѣ: «не взирая на соотвѣтственное постановленіе Женевской конвенціи». Докторъ Генрихъ Фредерикъ, взятый въ плѣнъ, сумѣлъ вырваться изъ заключенія въ Льежѣ, съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ своей части. Нѣмцы по отношенію къ нему обнаружили преступную изобрѣтательность, они заточили его отца, извѣстнаго университетскаго профессора, въ Шартрезу, впредь до возвращенія его сына.

Бельгійская слѣдственная комиссія установила самымъ неопровержимымъ образомъ пользованіе германскою арміею разрывными пулями, употребленными исключительно съ цѣлью причинить большія страданія раненымъ. 25 Августа послѣ сраженія при Верштерѣ на позиціи, занятой нѣмцами, ихъ собрали, и доктора Атимо и Ван-де-Меле лечили раненаго, пострадавшаго отъ разрывной пули. Въ Антверпенѣ солдатъ умираетъ въ лазаретѣ на улицѣ Бомъ отъ раны, причиненной пулею думъ-думъ. Существованіе такихъ же ранъ удостовѣрено послѣ многихъ столкновеній съ нѣмецкими войсками. Наконецъ, войска генерала Клотена находятъ въ Ниновѣ у 4 Гановерскаго оберъ-лейтенанта фонъ-Гадельна нѣсколько патроновъ съ разрывными пулями. Экспертиза, которой эти пули были подвергнуты, устраняетъ всякую возможность отрицанія того, что эти пули были разрывныя.

Всѣ ужасы, содѣянные войсками кайзера, не поддаются описанію. Перо нерѣдко вываливается изъ рукъ при описаніяхъ звѣрскихъ пріемовъ войны, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ мерзости прежнихъ войнъ. Во многихъ слу-

чаяхъ уваженіе къ читателю заставляетъ не упоминать о постыдномъ поведеніи офицеровъ и солдатъ, объ ихъ отвратительномъ глумленіи надъ совершенно беззащитными и безпомощными. Всего чудовищнѣе то, что акты насилія, грабежа, мученія плѣнныхъ и раненыхъ, добиваніе послѣднихъ не только на полѣ битвы, но даже и въ больницахъ, постоянное нарушеніе постановленій Женевской конвенціи и Гаагскихъ конференцій, все это представляется нѣмецкими военными властями дѣломъ совершенно допустимымъ. По своему нѣмецкіе полководцы дѣйствуютъ весьма послѣдовательно. Ихъ лучшіе военные писатели и самъ вдохновитель этихъ смертоносныхъ героевъ Ницше, проповѣдуютъ жестокость, какъ нормальный законъ войны. Маршалъ Гинденбургъ, генералъ Бернгарди и другіе въ теченіе многихъ лѣтъ внѣдряли въ сознаніе нѣмецкаго народа, что жестокость является даже желательною и полезною, такъ какъ она будетъ способствовать скорѣйшему окончанію войны. Ницше и прусскіе генералы оказались однако плохими психологами. Односторонне увлекаясь культомъ силы, они забыли, что у человѣчества, еще не утратившаго

въ государственной и общественной жизни христіанскаго міровоззрѣнія, существуютъ высшія начала нравственнаго строя, которыми оно дорожитъ, какъ лучшими благами міра, и, охраняя ихъ съ крайнимъ напряженіемъ національной мощи, можетъ противопоставить силѣ рѣшительный отпоръ. Вильгельмъ и его совѣтники забыли, что у всѣхъ народовъ, большихъ и малыхъ, есть чувство чести, посягательство на которую, какъ показалъ примѣръ Бельгіи, эти народы умѣютъ отражать, обливаясь кровью, лишаясь послѣдняго достоянія, но твердо вѣря, что вѣчное начало правды и справедливости восторжествуетъ надъ грубой силой, безчеловѣчное проявленіе которой покрыло несмываемымъ позоромъ Германію не только въ лицѣ ея военныхъ, но и въ лицѣ представителей науки, имѣвшихъ смѣлость передъ всѣмъ міромъ отрицать и оправдывать злодѣянія нѣмецкихъ полчищъ. А эти злодѣянія являются тѣмъ болѣе ужасными, что они совершаются не только съ вѣдома, но весьма часто по прямому приказанію военныхъ властей. Конечно, въ каждой войнѣ, которую ведутъ не германцы, а всякіе другіе народы, встрѣчаются отдѣльные случаи про-

явленія жестокости, встрѣчаются насилія и грабежи, но разница между всѣми остальными народами и австро-германцами заключается въ томъ, что подобныя дѣйствія у другихъ народовъ не только осуждаются, но и преслѣдуются въ установленномъ порядкѣ. Въ арміи же австро-германской они прямо поощряются и при томъ совершаются планомѣрно, въ строгой послѣдовательности, со свойственнымъ нѣмцамъ педантизмомъ. Достаточно припомнить поджоги цѣлыхъ кварталовъ и даже городовъ военными командами, вооруженными цѣлымъ арсеналомъ всевозможныхъ поджигательныхъ средствъ.

Звѣрства нѣмецкія имѣютъ еще ту ужасную особенность, что осуществленіе нѣкоторыхъ отвратительныхъ пріемовъ войны, какъ то, выпусканіе удушливыхъ газовъ, не могло не заставить союзныя арміи прибѣгнуть къ этому ужасному способу, осужденному Гаагскою конференціею. Ради понятной самообороны союзныя государства были вовлечены Германіею въ необходимость пользоваться пріемами, осуждаемыми христіанскою цивилизаціею. Германцевъ нашихъ дней самъ кайзеръ призывалъ, снаряжая свои войска въ Китай, уподобиться,

гуннамъ Атиллы. Сравненіе безусловно непріемлемое. Германцы хуже гунновъ и всякихъ иныхъ варваровъ. Атилла и его гунны не знали Христа. Германцы Ему измѣнили или забыли Его. Гунны обладали лишь первобытными орудіями смерти и разрушенія, германцы же удивляютъ міръ все новыми и новыми способами массоваго истребленія и безпощаднаго калѣченія сотенъ и тысячъ людей. Все христіанское, культурное человѣчество сумѣетъ обуздать кровожадные инстинкты кайзера и его янычаръ съ береговъ Шпре и Босфора. Подъ ударами соединенныхъ силъ союзниковъ падутъ твердыни прусскаго милитаризма и обновленный міръ будетъ пользоваться всѣми благами общественной и государственной жизни, построенной на вѣчныхъ началахъ правды, любви, справедливости и разумной свободы.

2. Преслѣдованіе духовенства.

Нѣмецкія войска, вступивъ въ Бельгію, съ особымъ озлобленіемъ обрушились на католическое духовенство [1]). Изъ среды его они всего

[1]) Pierre Nothomb—Les Barbares en Belgique. Стр. 59.

чаще берутъ заложниковъ, измышляютъ всякія средства для того, чтобы издѣваться надъ нимъ. Въ устахъ у нѣмцевъ раздается «Gott mit uns» и вмѣстѣ съ тѣмъ они совершаютъ возмутительныя кощунства. Особую изобрѣтательность они проявляютъ, когда имъ представляется случай причинить какое либо страданіе священнику.

Злоба пруссаковъ съ особою силою сказалась по отношенію къ сельскому духовенству. Вступивъ въ селеніе Пинъ близъ Люксенбургской границы, начальникъ отряда громко закричалъ: «Мы перестрѣляемъ всѣхъ священниковъ, 5 мы уже застрѣлили» и это ужасное обѣщаніе приводится ими въ исполненіе. Убитъ настоятель церкви селенія Форе, викарій Ольнскій. Настоятеля Гекуртской церкви арестуютъ вмѣстѣ съ двумя прихожанами, и такъ какъ они не могутъ идти достаточно скоро, то ихъ привязали къ лошади и погнали ее въ галопъ. Когда они поровнялись съ церковью, то видъ ихъ былъ ужасенъ. Ихъ съ трудомъ приставляютъ къ стѣнѣ и разстрѣливаютъ. Священника изъ Бужа арестуютъ съ однимъ изъ крестьянъ, привязываютъ одного къ другому, спина къ спинѣ и прокалываютъ штыками. А настоятеля Спон-

тинской церкви вѣшаютъ то головой, то ногами внизъ, то вѣшаютъ за руки, затѣмъ его прокалываютъ пиками и разстрѣливаютъ. Лабей, настоятель изъ Трамблера подготовляетъ несчастныхъ присужденныхъ къ смерти, ему сообщаютъ, что онъ и самъ долженъ готовиться, онъ проситъ о разрѣшеніи отслужить прежде казни обѣдню, это было 16 Августа. Отслуживъ литургію, онъ направляется совершенно покойный на кладбище, гдѣ и подвергается разстрѣлу.

Латурскій настоятель Глуденъ, сопровождаемый аббатами Зендеромъ и Жакомъ, отправился подбирать раненыхъ на поле битвы, онъ приступилъ къ этому дѣлу съ разрѣшенія нѣмецкаго коменданта и даже имѣлъ отъ него особый пропускъ, но мѣстный начальникъ разорвалъ этотъ документъ и растопталъ его ногами, но не препятствовалъ духовенству исполнять свои обязанности. Когда всѣ раненые были размѣщены по экипажамъ, офицеръ приказалъ построиться подававшимъ помощь вдоль дороги и затѣмъ приказалъ стрѣлять въ нихъ и приканчивать выстрѣлами изъ револьверовъ.

Далѣе изъ официальныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ Бельгіи, усматривается, что Этальскій

викарный былъ повѣшенъ на телеграфномъ столбѣ. Готтлей настоятель изъ Аллю и аббатъ Докъ погибли при избіеніяхъ въ Таминѣ. Дока нашли приконченнымъ ударомъ ружейнаго приклада, голова его была «приплюснута словно винная ягода». Настоятель изъ Розели обвиненъ въ томъ, что стрѣлялъ въ солдатъ, онъ направляется въ комендатуру и безъ всякаго затрудненія оправдывается. Судьи передаютъ ему записку и отсылаютъ. По возвращеніи въ Розели, радостный по поводу своего оправданія, онъ показываетъ нѣмецкимъ солдатамъ записку, имъ полученную. Солдаты улыбаются... и разстрѣливаютъ его. Эта записка была его смертнымъ приговоромъ.

Настоятель Акозскаго прихода былъ убитъ, когда читалъ служебникъ, готовясь къ литургіи. Аббатъ Шлегель спасся съ своимъ зятемъ Понтьеромъ, профессоромъ Лувэнскаго университета и школьнымъ учителемъ въ подвалѣ церкви Герметона. Солдаты стрѣляютъ въ отдушины и стараются убить ихъ. Они убѣгаютъ изъ подвала, входятъ въ школу, ихъ преслѣдуютъ до ярости взбѣшенные офицеры, и они падаютъ подъ выстрѣлами. Аббатъ Іоаннъ Вотерсъ, настоятель изъ Пон-Брюле, застрѣленъ, потому что хотѣлъ

помѣшать солдату избивать безоружнаго старика. Въ Виллерсѣ-енъ-Фанье французскій іезуитъ временно исполнялъ обязанности настоятеля. Его заключаютъ въ его временномъ жилищѣ и сожигаютъ. Около Динана разстрѣливаютъ Премонстранскаго монаха Николая изъ Лефорскаго монастыря съ двумя братьями той же обители. Кровь обагрила ихъ бѣлые подрясники. Тѣла ихъ были брошены въ Маасъ. Съ одного изъ нихъ сняли сутану. Одинъ свидѣтель показываетъ, что офицеры и солдаты для потѣхи надѣвали монашескія одежды въ обители, ими разграбленной. Въ окрестностяхъ Динана видѣли также солдатъ, переряженныхъ монахами, а однажды за обѣдомъ офицерамъ прислуживалъ вѣстовой въ томъ же одѣяніи.

Въ Блаупутѣ приказъ о разстрѣлѣ прервалъ приготовленія къ обѣду, изготовленному для нѣмецкихъ солдатъ. Одинъ братъ христіанской школы прямо изъ кухни, въ которой готовилъ обѣдъ, былъ выгнанъ солдатами и застрѣленъ около стѣны рядомъ съ капуциномъ. Настоятель изъ Бовенло былъ убитъ, когда выходилъ изъ церкви. Его бездыханное тѣло лежало у порога. «Настоятель Гельродской церкви, по всему

вѣроятію», сообщаетъ кардиналъ Мерсье, «умеръ мученическою смертью». Его заставляли отречься отъ католической вѣры, если онъ желалъ остаться въ живыхъ; онъ предпочелъ смерть. И онъ умеръ замученнымъ. «Я его видѣлъ», показываетъ одинъ свидѣтель, когда онъ пріѣхалъ въ Аэршотъ съ тремя ранеными. Нѣмцы отвели его въ ратушу и тамъ издѣвались надъ нимъ. На слѣдующій день его привели къ церкви, обсыпая ударами. Руки его были обагрены кровью. Затѣмъ его отвели на мостъ черезъ рѣку Дешеръ и здѣсь разстрѣляли. Его тѣло пролежало до слѣдующаго дня на землѣ, а затѣмъ было брошено въ рѣку».

Настоятель Ивуарской церкви, старикъ, долженъ былъ сопровождать нѣмецкія войска и нести до Маріенбурга солдатскіе ранцы, нѣмцы подгоняли его ударами прикладовъ. Старикъ настоятель въ Сентъ-Жери былъ арестованъ на зарѣ, онъ долженъ былъ бѣжать въ туфляхъ передъ кавалерійскимъ отрядомъ, его кололи концомъ сабель и собирались вскрыть ему животъ, на его счастье нашелся офицеръ католикъ, который спасъ его. Настоятель Соринскаго прихода былъ запертъ своими прихожанами въ

Леньенской церкви. Нѣмцы заставляютъ его устроить въ церкви шествіе съ крестомъ и во время процессіи покрываютъ его лицо плевками. Іезуитъ изъ Флоренъ былъ буквально преданъ однимъ офицеромъ четыремъ солдатамъ и унтеръ-офицерамъ. Они сорвали его подрясникъ, избили его, сбросили въ подвалъ и тамъ оставили его, считая его уже умершимъ.

Братъ христіанскихъ школъ Р., спасаясь изъ Лувэна, объятаго пожаромъ, задержанъ въ полѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими духовными лицами, между которыми были каноникъ Ноэль, профессоръ университета, настоятель церкви Св. Іосифа, настоятель Шейтскаго монастыря. Всѣхъ ихъ запираютъ въ ригу. Изъ своего заключенія они слышатъ разговоръ офицеровъ о томъ, что предположено убить всѣхъ священниковъ въ Лувэнѣ. И вскорѣ затѣмъ солдаты пришли за ними и загнали ихъ въ свиной хлѣвъ, тамъ ихъ совершенно раздѣли, все цѣнное взяли изъ ихъ кармановъ, а молитвенники ихъ бросили въ навозъ. И не было издѣвательствъ, которымъ бы не подвергали духовныхъ лицъ, ихъ останавливали, когда они шли со Святыми Дарами. Въ церквахъ священныя

одежды оскверняютъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Вскрываютъ дарохранительницы, въ храмы вводятъ лошадей, разбиваютъ гробницы подъ алтарями, выбрасываютъ на вѣтеръ мощи Святыхъ и другіе предметы почитанія, которые были пощажены даже въ дни великой революціи.

Положеніе духовныхъ лицъ въ тѣ дни въ Бельгіи, занятой нѣмцами, было невыносимое. Одинъ Лувэнскій каноникъ говоритъ: «Въ теченіе болѣе восьми дней мы должны были спасаться переодѣтыми, потому что было особое озлобленіе на священниковъ». Въ Тонгрѣ ихъ заставили надѣть свѣтское платье. Если священниковъ принуждаютъ, какъ заложниковъ, ходить по улицамъ деревень, то они подвергаются всевозможнымъ оскорбленіямъ со стороны солдатъ. Викарный изъ Гаино повѣствуетъ объ одной изъ этихъ возмутительныхъ процессій: «Въ Кулье одинъ солдатъ выхватываетъ меня изъ рядовъ и наноситъ мнѣ кулакомъ тяжелый ударъ въ лицо, говоря, что я «Schwein». Далѣе одинъ офицеръ ударилъ меня хлыстомъ по головѣ, а затѣмъ другой офицеръ замахнулся на меня саблей и старался уколоть меня. Если

духовныя лица препровождаются вмѣстѣ съ другими въ Германію, то ихъ выставляютъ на показъ, ихъ держатъ около открытыхъ дверей вагона, дабы на прусскихъ станціяхъ во время остановки можно было удобнѣе издѣваться надъ ними. «Въ Аахенѣ, пишетъ настоятель Ротселерской церкви, одинъ офицеръ подошелъ ко мнѣ и плюнулъ мнѣ въ лицо». По прибытіи въ мѣста назначенія для духовныхъ лицъ назначаются самыя унизительныя работы, какъ, напримѣръ, одному профессору духовной коллегіи, сильно пострадавшему на пути отъ голода и отъ оскорбленій жителей протестантскихъ деревень, было приказано чистить конюшни. «Однажды», показываетъ свидѣтель, «его привели въ манежъ и заставили бѣжать возможно скоро и при каждомъ поворотѣ ему наносили ударъ прикладомъ ружья». Дѣлая пятый кругъ, страдалецъ упалъ на землю, кашляя кровью. Священники подвергаются нѣмцами всевозможнымъ истязаніямъ, а прихожане лишены возможности присутствовать въ церквахъ при богослуженіи». «Мнѣ слышится, говоритъ кардиналъ Мерсье, скорбный вздохъ одного старика, который на мой вопросъ, былъ ли онъ въ воскре-

сенье у обѣдни въ своей полуразрушенной церкви, отвѣчалъ: Вотъ уже два мѣсяца какъ мы не видѣли священника». Настоятель и викарный были заключены въ концентраціонномъ лагерѣ въ Мюнстерѣ. Нѣмецъ хорошо знаетъ живую вѣру и теплое молитвенное настроеніе фламандскихъ крестьянъ. Желая лишить ихъ всего и дабы увеличить тяготу ихъ несчастія, хотятъ ихъ лишить Самого Бога. Если съ самаго начала не разлучаютъ пастыря съ его паствою, то это дѣлаютъ для того, чтобы причинить имъ еще большую скорбь. Бюкенскій настоятель почтенный 83-лѣтній старецъ Де-Клеркъ, видя, что уводятъ жителей его села, упрашиваетъ, чтобы ему позволили не разлучаться съ ними. Ему даютъ это разрѣшеніе, но вслѣдъ за тѣмъ его сажаютъ на пушечный лафетъ, на которомъ онъ подвергается страшной тряскѣ. Его затѣмъ развязываютъ, для того, чтобы тащить по землѣ, его тянутъ за ноги, а голова его бьется о камни. Изнемогая,несчастный старикъ жалобно стоналъ и просилъ: «убейте меня лучше, убейте меня». Чтеніе показаній свидѣтелей объ издѣвательствѣ нѣмецкихъ полчищъ надъ священниками въ Бель-

гіи, о поруганіи храмовъ, объ оскверненіи всего того, что было дорого религіозно настроенному народу, производитъ угнетающее впечатлѣніе. Не хотѣлось бы вѣрить, что въ первой половинѣ XX вѣка люди, считающіе себя высшими представителями человѣческой культуры, могли проявить такую чудовищную жестокость по отношенію къ населенію, совершенно беззащитному. Видно, недаромъ Ницше далъ нѣмцамъ новую заповѣдь быть жестокими. Они оказались достойными учениками этого отъявленнаго врага Христа и его Божественнаго Ученія. То, что нѣмцы въ наши дни творили въ Бельгіи, превосходитъ все, что творили въ былыя времена турки, но разница лишь въ томъ, что турки никогда не предъявляли такихъ претензій на умственное первенство во всемъ мірѣ, какъ нѣмцы. Нѣмецкія злодѣянія въ дни великой міровой войны должны быть вѣрнымъ показателемъ полной несостоятельности протестантскаго вѣроученія. Лютеранская церковь, пользуясь особымъ покровительствомъ кайзера и имѣя въ Пруссіи значеніе господствующаго исповѣданія, не воспитала народа въ духѣ христіанскаго ученія. Авторитетъ церкви, поставленный во

многихъ отношеніяхъ въ условія, весьма благопріятныя, ничѣмъ себя не проявилъ. На дала церковь лютеранская отпора той волнѣ матеріализма, которая все выше и выше поднималась въ Германіи. Въ вѣчной погонѣ за одними лишь внѣшними благами, за богатствомъ, за удобствомъ, радостями жизни, настоящая духовная жизнь утратила всякое значеніе. Сытнѣе наѣсться, получше напиться—такова главная забота германцевъ и въ дни войны. Въ пьяномъ чаду они идутъ и въ бой. Они грабятъ, систематически обворовываютъ беззащитныхъ людей, награбленные вагоны отправляютъ на родину. Понятіе о чести словно вывѣтрилось у нихъ. Въ этомъ ненасытномъ желаніи обогатиться на счетъ другихъ утратилась всякая порядочность. Рыцарскія чувства по отношенію къ женщинѣ замѣнились тѣмъ грубымъ и отвратительнымъ цинизмомъ, писать о которомъ, уважая читателя и себя, немыслимо. И пошла эта пьяная, развратная орда воевать ради чего же?—Ради подчиненія гегемоніи Германіи всего міра. Но гдѣ же были тѣ, которые призваны утверждать въ сердцахъ людей познаніе истинъ вѣры и добрые христіанскіе нравы? Гдѣ были па-

стыри церкви и воспитатели народа? Какъ могли они допустить, чтобы въ странѣ, прежде культурной, проявились и развились звѣрскіе инстинкты, которые навсегда опозорили Германію? Свѣдѣнія о нравственномъ паденіи Германіи, о полномъ извращеніи у нѣмцевъ правильныхъ понятій о добрѣ и злѣ должны быть вѣдомы особенно тѣмъ, которые у насъ на Руси, увлекаясь нѣмецкими раціоналистическими ученіями, старались поколебать прочность православнаго міровоззрѣнія. Баптистскимъ проповѣдникамъ надлежало бы крѣпко поразмыслить о полномъ нравственномъ крушеніи ихъ главнаго покровителя Вильгельма II, щедро денежными средствами поддерживавшаго пропаганду въ Россіи баптизма, долженствовавшаго въ корнѣ расшатать вліяніе православнаго ученія на русскій народъ. Пусть русскіе баптисты и ихъ покровители посмотрятъ на многострадальную Бельгію, залитую кровью невинныхъ жертвъ, замученныхъ нѣмцами. Учители вѣры не съумѣли оградить ихъ отъ разрушительнаго вліянія ницшеанской философіи. Учители вѣры не съумѣли оградить ихъ и отъ поклоненія одной лишь грубой силѣ, и у нихъ не приходится намъ заимство-

вать то, что потребно для нравственнаго роста и истиннаго преуспѣянія народа русскаго.

3. Избіеніе престарѣлыхъ людей, дѣтей. Насилія.

Нѣмцы, съ безпримѣрнымъ въ исторіи вандализмомъ, разрушали въ Бельгіи церкви, убивали священниковъ, издѣвались и глумились надъ ними. Горе отъ нихъ было всѣмъ беззащитнымъ и слабымъ, а особенно пострадали отъ нихъ женщины и дѣвушки. Чудовищность преступленій противъ нихъ офицеровъ и солдатъ германской арміи такъ велика, что подробно описывать всю гнусность поступковъ этихъ выродковъ человѣчества немыслимо въ книгѣ, написанной для всѣхъ. Ужасъ положенія несчастныхъ жертвъ усугублялся тѣмъ, что изверги заставляли ихъ родныхъ и близкихъ быть свидѣтелями ихъ позора. Офиціальная бельгійская комиссія собрала много данныхъ, обличающихъ нѣмецкихъ растлителей, но то, что установлено разслѣдованіемъ комиссіи, составляетъ лишь незначительную часть всего матеріала, который едва ли во всей полнотѣ когда либо будетъ собранъ. По понятнымъ причинамъ, весьма многія изъ жертвъ уклонялись давать показанія

членамъ слѣдственной комиссіи. А сколько возмутительныхъ преступленій было совершено нѣмецкими офицерами-насильниками въ тѣхъ домахъ состоятельныхъ людей, гдѣ они пользовались гостепріимствомъ. Не дали они пощады и беззащитнымъ монахинямъ. Эти позорныя дѣянія извѣстны въ Бельгіи, но понятно, что оглашеніе именъ несчастныхъ жертвъ было бы для нихъ новымъ и невыносимо тяжкимъ испытаніемъ. А съ какою жестокостью обрушились храбрые тевтоны на беззащитныхъ стариковъ и безпомощныхъ дѣтей. Нѣмцы съ какимъ то особымъ наслажденіемъ мучили ихъ и старались продлить ихъ страданія. Изобрѣтательность новыхъ способовъ мученія достигаетъ у нѣмцевъ чудовищныхъ размѣровъ. «Въ Монтиньи, по словамъ свидѣтелей, ими былъ найденъ обрубокъ тѣла одного человѣка, котораго нѣмцы привязали къ кровати, а затѣмъ подожгли его домъ» [1]). Въ Варе-л'Евекъ уланы, прежде чѣмъ разстрѣляли заложника Шаве, отрубили ему руки. Въ Журбизѣ Андрей Вре былъ тщательно искрошенъ сабельными ударами. Въ Еренбо-

[1]) Pierre Nothomb—Les Barbares en Belgique. Стр. 82.

денгемѣ солдаты привязали двухъ братьевъ Теммерманъ къ автомобилю и тащили ихъ лицомъ по землѣ черезъ всю деревню. Пѣхотинцы по пути въ Антверпенъ взяли въ Семпстѣ ножъ у мясника, схватили затѣмъ одного лакея, случайно встрѣтившагося имъ, отрубили ему ноги, потомъ голову и трупъ бросили въ горящій домъ. Въ Леббекѣ-Ле-Термондѣ нѣкто Францъ Мертенсъ и его товарищи Вандоренъ, Декиндеръ, Стоббелаеръ и Вріеръ были привязаны одинъ къ другому рука къ рукѣ, остріемъ меча имъ выкололи глаза а потомъ убили. Другіе погибшіе въ этомъ селеніи были убиты или прикончены штыками, пиками и топорами. «Я утверждаю, что это происходило», письменно заявляетъ судья. «Свидѣтели присутствовали при избіеніи, слышали вопли жертвъ и предсмертное хрипѣніе страдальцевъ. Я самъ усмотрѣлъ, что у нѣкоторыхъ убитыхъ плечи были вывернуты, животы вскрыты, тѣло насквозь пронзено, часть лица отрублена. Мы должны были у этихъ несчастныхъ обыскать карманы, чтобы установить ихъ личность, иначѣ мы не могли поступить: настолько они были обезображены».

Но съ особымъ наслажденіемъ нѣмцы истязали продолжительными мученіями стариковъ, женщинъ, подростковъ и дѣтей. На пути въ Авербодъ уланы видятъ, какъ одна женщина съ перепуга бросается въ ровъ. Они потѣшаются тѣмъ, что убиваютъ ее ударами копій. Въ одной милѣ оттуда въ Шафенѣ они испотрошили молодую 20-лѣтнюю дѣвушку. 12 Сентября крестьяне изъ окрестности Лувэна прибѣгаютъ въ Антверпенъ и разсказываютъ, что нѣмцы хотѣли сжечь въ Вильзелѣ женщину Ванъ-Кригелингенъ и ея 11 дѣтей. «Женщина и 8 дѣтей были сожжены, и тѣла ихъ обуглились, двое спаслись, а одинъ былъ застрѣленъ на улицѣ; мы видѣли трупы матери и дѣтей и присутствовали при казни». Адъютантъ короля Альберта, генералъ Деруетъ видѣлъ въ Гофстадѣ тѣло одной старухи, пронизанное ударами десяти штыковъ; она еще держала въ рукѣ иголку съ ниткой, которой она шила. Въ той же деревнѣ одна крестьянка ищетъ свою дочь и находитъ ее повѣшанной на деревѣ. Артиллеристъ Д. Р. находитъ на землѣ трупы женщины и ея ребенка, они были пришпилены къ землѣ штыками. На вопросъ о томъ, что произошло въ Борт-

мербекѣ докторъ В. изъ Малина показываетъ: «Жена Ванъ Роллегена поступила въ госпиталь города Малина 22 Августа. Въ четвергъ 20 она бѣжала съ своимъ мужемъ и на пути получила двѣ раны въ ногу. Желая спастись, она бросилась въ ровъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, нѣмцы, стрѣлявшіе въ нее, догнали ее и нанесли ей двѣ страшныя раны въ правый бокъ и лѣвую руку, она оставалась безъ всякой помощи до вечера субботы, раны ея были заражены и кишѣли червями. Въ ночь 23 на 24 Августа солдаты стучатъ въ дверь замка Посвика въ Каннѣ. Жена его отворяетъ дверь. Ее убиваютъ ударами ружейныхъ прикладовъ; депутатъ Лимбугской провинціи Дериксъ, спасшійся въ замкѣ, подходитъ къ двери, держа на рукахъ ребенка. 20 пикъ прокалываютъ его насквозь. 30 Августа гусарскій патруль въ качествѣ воскреснаго развлеченія потѣшается тѣмъ, что стрѣляетъ на шоссе, идущемъ изъ Брюсселя въ Малинъ въ 74-лѣтнюю старуху Екатерину Ванъ-Керхове, причемъ гусары стараются не спѣшить съ этимъ разстрѣломъ, а, видимо, хотятъ продлить мученія бѣдной старухи. Такъ, однимъ выстрѣломъ ее ранили

въ правую руку, другимъ—въ щеку. Въ Батисѣ нѣмцы до поджога домовъ загоняютъ въ нихъ женщинъ и затѣмъ запираютъ ихъ тамъ. Въ Баршонѣ одна женщина и ея дѣти пяти лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ найдены были обугленными въ сгорѣвшемъ домѣ. Въ Франкоршампѣ въ первой деревнѣ между границей и Вервье уланы требуютъ кофе, и пока 60-лѣтняя старушка Бови собиралась подать его, они бросаютъ ее на навозную кучу лицомъ внизъ и убиваютъ ее. Въ той же деревнѣ они набрасываются на молодую дѣвушку Фернанду Легранъ. Она бѣжала, держа на рукахъ маленькаго ребенка, они пронизываютъ ихъ пиками. Монсаньоръ Картонъ-Де-Віаръ показалъ, что при вступленіи нѣмцевъ въ Гастьеръ близъ дороги сидѣла одна женщина съ двумя дѣтьми, ей были нанесены пять ранъ,—двѣ выстрѣлами изъ револьвера и три штыковыми ударами. Въ теченіе 6 часовъ она оставалась залитая кровью близъ дороги». Свидѣтель Будинъ показалъ передъ французскими властями, что онъ видѣлъ 7 Августа въ Герсталѣ, какъ нѣмцы убивали одну женщину, она держала въ рукахъ своего ребенка. Солдатъ Маршаль, съ своей стороны,

показалъ, что, производя развѣдку между Дистомъ и Аэршотомъ, онъ увидалъ трехъ уланъ, вышедшихъ изъ одного дома. Патруль, къ которому онъ принадлежалъ, убилъ ихъ. Въ домѣ онъ нашелъ женщину, привязанную веревкой къ столу, поясница ея была изрѣзана, ноги обагрены кровью. Предъ комиссіей, засѣдающей въ Лондонѣ, капралъ Де-Ритеръ показалъ, что онъ видѣлъ въ Семпстѣ тѣла молодого человѣка и молодой женщины, привязанныхъ къ дереву; они были обвѣнчаны 8 дней до казни. Въ Алостѣ нѣмецкіе солдаты поджигаютъ домъ Франца Девита, въ этомъ домѣ спитъ его жена, утромъ родившая ребенка. Солдаты это знали, такъ какъ утромъ они производили въ этомъ домѣ тщательный обыскъ. Въ Лувэнѣ одна родильница сражена пулею въ то время, когда мужъ ее переносилъ на кровать. Несчастный въ ужасѣ кладетъ трупъ жены на полъ и убѣгаетъ съ дѣтьми. Когда, укрывъ ихъ въ сохранномъ мѣстѣ, онъ приходитъ домой, то видитъ, что у покойницы черепъ былъ разбитъ. Въ Тьи-ле Шато солдатъ Поссаертъ видѣлъ женщину, привязанную къ колесу телѣжки, она была безъ чувствъ, голая и страшно иска-

лѣченная. Во время страшнаго шествія Лувэнскихъ заложниковъ вокругъ ихъ горящаго города имъ пришлось быть очевидцами ужасныхъ звѣрствъ. «Мнѣ особенно памятенъ», показываетъ одинъ изъ свидѣтелей, «трупъ одной молодой женщины, почти обнаженной, ея обгорѣлые волосы и поджаренныя щеки. Ея члены застыли въ страшныхъ судорогахъ, напоминающихъ Помпейскіе трупы». «Далѣе», показываетъ другой свидѣтель, «горитъ одинъ домъ, на порогѣ лежатъ подгорѣвшія тѣла мужчинъ и женщины. Женщина лежитъ на боку, ея животъ вскрытъ, внутренности вывалились, лѣвая рука согнута, какъ бы для того, чтобы помѣшать несчастной видѣть, что около нея происходитъ. Лицо выражало ужасъ и отчаяніе, не поддающееся описанію». Эта женщина была, какъ и многія другія, сожжена живою.

Иногда нѣмцы, перебивъ всѣхъ мужчинъ, оставляютъ въ живыхъ однѣхъ женщинъ. Но въ такихъ условіяхъ, что сама смерть можетъ показаться краше жизни. Въ Ретинѣ мужъ былъ застрѣленъ въ присутствіи жены. Солдаты заставляютъ его жену перешагнуть черезъ окровавленный трупъ мужа. Въ одномъ домѣ

близъ Анденна одна женщина должна подавать обѣдъ убійцамъ ея мужа и должна каждый разъ, приближаясь къ столу, шагать черезъ его тѣло. Въ Франкоршампѣ нѣкто д'Аршомбъ раненый спрятался вмѣстѣ съ женою, невѣсткою и дѣтьми въ подвалъ. Домъ горитъ. Молодой 22-лѣтній офицеръ и солдаты, услыхавъ крики о помощи, освобождаютъ несчастныхъ и затѣмъ, несмотря на ихъ отчаянныя просьбы, офицеръ стрѣляетъ въ д'Аршамба изъ револьвера, когда онъ выходилъ изъ подвала, и убиваетъ его наповалъ. Иногда просьбы несчастныхъ исполняются, но они должны для этого ползать на колѣнахъ и унижаться передъ этими извергами. Свидѣтели описываютъ эти ужасныя ночи, когда крестьянскіе дома оглашались воплями и слезами несчастныхъ женщинъ. И съ какимъ наслажденіемъ изверги издѣвались надъ ними. Такъ, одна мать, по фамиліи П., показала: «нѣмцы отняли у меня ребенка, сказавъ, что изъ него сварятъ супъ. Они его раздѣли и посадили на столъ между двумя обнаженными саблями, мнѣ же сказали, что я должна рѣзать его на части. Къ счастью, раздался военный сигналъ, и нѣмцы поспѣшили выбѣжать изъ дома».

Старики также много пострадали отъ нѣмцевъ. «Какое множество стариковъ было убито и ранено», пишетъ одинъ судья изъ Гайно въ докладѣ, касающемся Шарлеруа и его окрестностей. Въ Кулье были убиты четыре старика, три въ Буфью, три въ Фарсьенѣ, одинъ 77-лѣтній старикъ былъ убитъ въ Монсо-на-Самбрѣ. Въ Франкоршампѣ 70-лѣтній Дерне поставилъ на пути ведра съ водою для того, чтобы напоить нѣмецкихъ лошадей. Его убиваютъ, такъ просто, безъ всякой причины. Близъ Маленстеда 90-лѣтній старецъ хочетъ защитить свою внучку. Его привязываютъ къ дереву, бросаютъ соломы къ его ногамъ и сжигаютъ живымъ. Въ Герентѣ 80-лѣтняго старца привязываютъ къ стулу и разбиваютъ ему черепъ. Въ Муландѣ одинъ Льежскій адвокатъ видѣлъ, какъ выкапывали тѣло старика, наканунѣ заживо погребеннаго. Въ Каремонтѣ 30 уланъ являются къ крестьянину Депортеру и требуютъ у него фуража. Послѣ того, какъ онъ далъ все, что у него было, его толкаютъ къ стѣнѣ. 4 солдата изображаютъ изъ себя подобіе военнаго суда и объявляютъ ему рѣшеніе, въ силу котораго онъ не будетъ разстрѣлянъ, и что ему это наказаніе замѣняется

бичеваніемъ. Затѣмъ его выгоняютъ въ виноградникъ. Де-Портеръ едва въ состояніи идти, онъ нѣсколько разъ падаетъ, а удары такъ и сыпятся на него. Его кладутъ на землю, и два человѣка начинаютъ бить его, одинъ кнутомъ, другой желѣзной палочкой, и они бьютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не теряетъ сознанія. Въ Тильдонкѣ нѣкто Ленсъ, стоя у двери, бесѣдуетъ съ сосѣдями. Появляются уланы, стрѣляютъ въ него и ранятъ. Его сынъ Арнольдъ кладетъ его на телѣжку и бѣжитъ за водою, чтобы напоить его. Когда онъ возвращается, то находитъ отца своего приконченнымъ однимъ ударомъ штыка.

«Когда нѣмцы пришли въ Веземель», разсказываетъ одинъ нищій, «я спрятался въ свиной хлѣвъ, такъ какъ я слабъ и не могъ бѣжать. Два солдата нашли меня и хотѣли меня увести. Видя, что я не могу идти, они связали мои руки за спиною и снова бросили меня въ хлѣвъ. Я оставался тамъ отъ понедѣльника до среды безъ пищи. Одинъ 82-лѣтній сосѣдъ спасъ меня». «Между гражданскими плѣнными въ Вильдерѣ находился больной Иванъ Волькертсъ, прирожденный идіотъ, и 80-лѣтній слѣпецъ Гендриксъ. Они не могли двигаться достаточно скоро.

Около замка Вильдера нѣмцы вывели ихъ изъ рядовъ и поставили ихъ въ полѣ въ 30 метрахъ отъ дороги. Не давая никакихъ объясненій, два солдата и офицеръ подошли къ нимъ, офицеръ скомандовалъ: «Feuer». Они упали мертвыми, а солдаты, какъ ни въ чемъ не бывало, пошли далѣе».

А сколько дѣтей загублено нѣмцами!

«Какъ пройти въ Гентъ»? спрашиваетъ начальникъ патруля мальчика въ Тернатѣ. Ребенокъ не знаетъ нѣмецкаго языка.

«Не понимаю», говоритъ онъ.

Въ наказаніе ему отрубили обѣ руки. Отъ потери крови онъ умираетъ. Комиссія не заноситъ этотъ фактъ въ свой отчетъ, потому что онъ подтвержденъ только однимъ свидѣтелемъ, но свидѣтель этотъ вполнѣ достовѣренъ. Въ Верхтерѣ 27 Августа бельгійскій консулъ въ Угандѣ Бунсвикъ видитъ подъ мостомъ трупъ молодой 12-лѣтней жертвы. Въ ночь съ 25 на 26 Августа графъ Гемптинъ находитъ близъ Малина тѣло мальчика, не достигшаго 14-лѣтняго возраста, все испещренное сабельными ударами. Въ Гофстадѣ находятъ 15-лѣтняго юношу, руки завязаны за спиною, а тѣло покрыто ранами.

«Я видѣлъ въ этой общинѣ», заявляетъ генералъ Дерюетъ, «тѣло одного ребенка, убитаго въ то самое время, когда онъ просилъ пощады». «Я видѣлъ въ Галлембаи, пишетъ въ своемъ отчетѣ М. С., пять несчастныхъ людей, солдаты грубо тащили ихъ со связанными руками; мнѣ живо приходитъ на память несчастный маленькій пастухъ 13—14 лѣтъ, щека у него была пробита штыкомъ и руки обагрены кровью. Въ Розели между ранеными былъ мальчикъ 13 лѣтъ и дѣвочка 11 лѣтъ. 26 Августа въ Кампенгутѣ 9-лѣтній мальчикъ Ливинусъ Ванъ Галле идетъ за нѣсколькими женщинами, которыхъ гонятъ солдаты. Изверги стрѣляютъ ему въ ногу».

«Графъ Адріанъ Ванъ деръ Буршъ показываетъ, что въ Ньювенродѣ онъ видѣлъ, какъ пріѣхала большая крестьянская телѣга, въ ней лежали убитые мальчикъ и дѣвочка 15 лѣтъ. Телѣга выѣзжала изъ деревни. Солдатъ, зря, безъ всякаго основанія, выстрѣлилъ въ нее». 15-лѣтняя дѣвочка спасается изъ Малина и бѣжитъ въ Лувэнъ. Нѣмцы убиваютъ ее. Въ Монтиньи сынъ мѣстнаго жителя Кельо раненъ пулею въ грудь въ то время, когда отецъ его,

стоя близъ него, бесѣдуетъ съ нѣмецкимъ офицеромъ. 8 Сентября въ 8 часовъ утра одинъ фермеръ въ Куатрехтѣ арестованъ со своими двумя сыновьями, его привязываютъ къ дереву противъ его дома и тутъ же убиваютъ на его глазахъ одного изъ его сыновей; другого раненаго на глазахъ у отца бросаютъ въ ригу, которую поджигаютъ. Въ Пинѣ близъ Изеля два мальчика смотрятъ на проходящихъ уланъ; эти забираютъ ихъ и, связавъ имъ руки, заставляютъ бѣжать между ихъ скачущими лошадьми. Черезъ часъ ихъ тѣла были найдены во рву. Ихъ ноги, по выраженію свидѣтеля, «совершенно истрепаны». У одного было перерѣзано горло, и грудь широко зіяла. У каждаго была прострѣлена голова. По пути изъ Лувэна въ Малинъ одинъ арестованный молодой человѣкъ не могъ идти достаточно быстро; его бьютъ, въ отчаяніи онъ бросается въ каналъ. Когда его голова показывается надъ водою, пруссаки потѣшаются тѣмъ, что стрѣляютъ въ нее, какъ въ движущуюся мишень. Въ Шафенѣ одинъ подростокъ привязанъ къ ставнѣ, политой керосиномъ. Онъ заживо сгораетъ. Въ Рети маленькая Марія Ванъ-Геркъ, въ Тес-

тельтѣ дѣвочка 12 лѣтъ убиты. Въ Вашерцелѣ одинъ мальчикъ раздѣтъ до пояса, и солдаты потѣшаются тѣмъ, что колютъ его остріемъ сабель и его тонкій станъ обращаютъ въ мишень. Въ Бертриксѣ несовершеннолѣтнихъ брата и сестру убиваютъ. Ихъ раздѣваютъ, привязываютъ одного къ другому и со смѣхомъ бросаютъ. «Въ Ансѣ», показываетъ одинъ житель Льежа, «я видѣлъ маленькаго 6-лѣтняго мальчика съ игрушечнымъ ружьемъ въ рукахъ, онъ кричалъ: «берегись, огонь». «Нѣмецкій солдатъ принялъ вызовъ и, выстрѣливъ на разстояніи 2 метровъ, убилъ его». Свидѣтель О. показалъ: «нѣмцы арестовали меня вмѣстѣ съ моимъ маленькимъ сыномъ. Вечеромъ въ первый день нашего плѣна три офицера пришли за моимъ мальчикомъ, они его продержали два часа и привели обратно, сказавъ, что онъ имѣетъ нѣчто, данное ему на память отъ нѣмцевъ. У него конецъ носа и мизинецъ были обожжены зажженной сигарой. Это были офицеры 59 полка. Они были въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ. Они уводили ребенка въ лѣсъ. Они были пьяны. Ребенку было три года».

Самымъ маленькимъ дѣтямъ не даютъ также пощады, даже, напротивъ, ими особенно дорожатъ; они, вѣдь, совершенно беззащитны. 18 Августа въ Тестельтѣ находятъ останки 2-лѣтняго ребенка Денеефа, онъ сраженъ выстрѣломъ въ голову. Маленькій Декерсъ, его сосѣдъ, одного съ нимъ возраста, подвергается той же участи. Недалеко оттуда въ Бетекомѣ лейтенантъ Лемэръ находитъ въ сухомъ колодцѣ тѣла женщины, мужчины и ребенка, котораго отецъ крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ. Солдатъ Жервье близъ Люммена видитъ во рвѣ ребенка, у котораго внутренности висятъ изъ живота. Пруссаки съ яростью набросились въ Кельфсѣ на семейство Валькенерца; отецъ, мать, дѣти, племянники и племянницы убиты или ранены. Между ними есть 14-лѣтніе, 7-ми-лѣтніе и 2-хъ-лѣтніе. Свидѣтель Фернандъ Мари показываетъ: «Я встрѣтилъ недалеко отъ Льежа женщину, въ ужасѣ бѣжащую и едва одѣтую. Солдатъ отрѣзалъ голову ея ребенка и шелъ рядомъ съ нею, показывая ей эту голову. Въ Монтиньи на Самбрѣ солдатъ заставилъ мать бросить въ цистерну 18-мѣсячнаго ребенка. Трое дѣтей были убиты, младшій 5 мѣсяцевъ

находился на рукахъ у матери. Это ужасное злодѣяніе случилось въ Фарсенѣ. Въ началѣ Октября унтеръ-офицеръ Делиль былъ посланъ съ патрулемъ въ Зиллибекъ. Обходитъ со своими солдатами дома и выгоняетъ оттуда нѣмцевъ. Въ одномъ изъ домовъ онъ будитъ солдата, спавшаго среди различныхъ вещей, ему принадлежавшихъ. «Обыскивая мѣшокъ», показываетъ унтеръ-офицеръ: «мы нашли въ немъ руку ребенка отъ 2 до 3 лѣтъ, она была отрѣзана нѣсколько выше кулака. Съ глубокимъ омерзеніемъ мы спросили нѣмца: «Это вы сдѣлали»? И онъ признался, сказавъ: «Мы его разстрѣляли». Это былъ солдатъ, принадлежавшій Ландверу. 20 Октября на Изерѣ послѣ атаки Первиза были обысканы солдаты, взятые въ плѣнъ. У одного изъ нихъ нашли двѣ отрѣзанныя дѣтскія руки. Эти ужасные трофеи зарейнскіе отцы приносятъ домой.

А какимъ ужасомъ вѣетъ отъ показанія барона Штейна д'Альтштейна: «Варвара Фербандертъ заявила мнѣ, что нѣмцы объявили нынѣ утромъ приказъ, въ силу коего всѣ жители деревни должны къ 10 часамъ оставить ее. Она выѣхала со своими 6-ью дѣтьми. Трое

ѣхали въ первой телѣжкѣ, а трое—съ нею въ другой. Первая телѣжка уѣхала нѣсколько впередъ, и вторая отстала отъ нея на 100 метровъ. Не доѣзжая до часовни Св. Рокка, раздались вблизи дороги выстрѣлы, и маленькія дѣти Иванъ и Флорентина 10 и 6 лѣтъ были убиты. Мозгъ старшаго вмѣстѣ съ фуражкой былъ найденъ на землѣ. Кондукторъ спасся съ телѣжкой, въ которой находились трупы дѣтей, и когда вторая телѣжка поравнялась съ нѣмцами, то они передъ матерью топтали каблуками фуражку и мозги ребенка съ криками: «Бельгійская кровь, бельгійская кровь!» Мать имъ сказала, что это были остатки ея ребенка, но они возразили: «Это лошадиное». И отбросили часть мозга за дорогу... Тѣла дѣтей были осмотрѣны докторомъ Ванъ Виномъ 3-го пѣхотнаго полка, который, предполагая, что рана причинена пулями думъ-думъ, направилъ ихъ въ лазаретъ Вилебрка для изслѣдованія». Цинизмъ, проявленный въ данномъ случаѣ солдатами, является отличительною чертою нѣмцевъ вообще, и офицеры не менѣе солдатъ проявляютъ это тевтонское безстыдство. Въ Лувэнѣ одна молодая женщина обращается

къ офицеру и говоритъ ему: У меня есть дѣти, я хотѣла бы спасти ихъ изъ этого города». Офицеръ съ улыбкою отвѣчаетъ ей пофранцузски: «А, у васъ есть дѣти, это прекрасно, а у меня ихъ нѣтъ и мнѣ все равно». А также весьма поучительна исторія баронессы Х. Во время пожара, который бушуетъ въ городѣ, она была задержана въ одномъ домѣ и видѣла, какъ на другой сторонѣ площади горитъ ея прекрасный домъ, въ которомъ она оставила своихъ дѣтей. Воспользовавшись первою возможностью, она бѣжитъ по улицѣ, ищетъ своихъ четырехъ дѣтей, и наконецъ, находитъ ихъ съ горничною, она беретъ двухъ маленькихъ на руки, бѣжитъ съ ними за городъ, а нянька слѣдуетъ за нею съ двумя другими. По полямъ они доходятъ до деревни, въ которой еще наканунѣ красовался ея замокъ. Изнемогая отъ усталости, она обращается къ прусскому офицеру, идущему по улицѣ: «Скажите, могу ли я вернуться къ себѣ? Мой домъ, вѣдь, не пострадалъ?»—«Нисколько»—любезно отвѣчалъ лейтенантъ.—«Я охотно провожу васъ». Онъ ведетъ ее съ дѣланною любезностью по дорожкамъ парка и, обойдя большую клумбу, останавливается около

груды развалинъ.—«Вотъ вашъ прекрасный замокъ». И когда несчастная, обливаясь слезами, стоитъ окруженная своими плачущими дѣтьми, то любезный спутникъ съ мерзкою улыбкою сказалъ ей нѣсколько словъ, воспроизводить которыя перо отказывается.

4. Систематическіе поджоги.

Ни въ одной изъ предшествовавшихъ войнъ не было такъ много поджоговъ, подготовленныхъ съ удивительною предусмотрительностью и производимыхъ планомѣрно съ строгимъ соблюденіемъ преподанныхъ начальствомъ правилъ [1]). Нѣмцы смотрятъ на поджоги, какъ на военную операцію. И поджоги, какъ всякая операція, происходятъ по командѣ. Дисциплина въ арміи и заключается въ томъ, что все происходитъ по приказанію начальства. Такъ, по командѣ, мирныхъ гражданъ ставятъ въ бою передъ войсками. Такъ, по командѣ происходитъ стрѣльба на улицахъ. Такъ, съ разрѣшенія насилуютъ и мучатъ. Свидѣтельскими показаніями въ Бельгіи вполнѣ установлено, что

[1]) Pierre Nothomb.—Les barbares en Belgique. Стр. 196.

офицеры не только давали тѣ или иныя приказанія, но и своимъ примѣромъ показывали нижнимъ чинамъ, какъ слѣдуетъ относиться къ населенію бельгійскихъ селъ и городовъ. Такъ, вступая въ Аэршотъ, офицеръ передъ фронтомъ солдатъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ молодую женщину, стоящую на балконѣ со своимъ ребенкомъ. Въ Таминѣ, офицеры у пулеметовъ смѣнили солдатъ, смущенныхъ ужасомъ кровавой бойни. То былъ командиръ одной части, спросившій 27 Августа въ В. сестру Альдегунду: «гдѣ настоятель?»—Должно быть у себя дома—отвѣтила монахиня. Пруссакъ вынимаетъ револьверъ, приставляетъ его къ груди несчастной сестры: «ведите меня къ настоятелю, но если я его не застану дома, то васъ убью, а деревню велю поджечь». То былъ лейтенантъ въ отставкѣ 163 полка, который, заключивъ въ Т. женщинъ и дѣтей въ одинъ монастырь, гдѣ онъ самъ провелъ нѣсколько дней, угрожалъ убить всякаго, кто посмѣетъ ослушаться, и обѣщалъ кромѣ того перебить всѣхъ священниковъ, заключенныхъ въ сосѣднемъ залѣ. То были офицеры въ Монсо-на-Самбрѣ, которые, во время стрѣльбы на улицахъ, давали свистками

приказанія о началѣ и прекращеніи поджоговъ.

Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній установлено, что поджоги домовъ въ городахъ и селахъ Бельгіи производились по приказаніямъ, исходившимъ отъ начальствующихъ лицъ. Поджоги обычно производились особою частью, технически для разрушенія зданія огнемъ подготовленною. То были навсегда памятные для Бельгіи піонеры. Докладъ слѣдственной комиссіи установляетъ, какъ въ Ретѣ поджигатели, въ строгомъ порядкѣ входя въ каждый домъ, тщательно поджигали комнату за комнатой, занавѣски, платья, матрацы. Въ данномъ случаѣ это были уланы, не вооруженные особыми снарядами. Даже если начальство разрѣшаетъ имъ потѣшиться пожаромъ, то они устраиваютъ тоже вполнѣ корректные пожары, какъ напр. въ Гамѣ-на-Самбрѣ. 23 Августа въ воскресенье они въ день отдыха, для потѣхи, сожигаютъ цѣлую улицу, переходя послѣдовательно изъ одного дома въ другой. Въ Шафенѣ каждый домъ былъ предварительно облитъ керосиномъ или нефтью изъ особо для того приспособленныхъ сосудовъ. Въ Таминѣ поджигатели употребляли особыя

ракеты, въ другихъ мѣстахъ они бросаютъ поджигательныя бомбы, а иногда пускаютъ въ ходъ особыя поджигательныя лепешки (химическій составъ ихъ извѣстенъ слѣдственной комиссіи). Все это происходитъ не во мракѣ ночи, но совершенно покойно среди бѣлаго дня и совершенно публично, въ присутствіи рабочихъ, простонародья. Объ этихъ поджогахъ имѣются любопытныя показанія: «я видѣлъ, говоритъ одинъ свидѣтель, какъ уланы обливали стѣны домовъ на новой улицѣ жидкостью, которую я принималъ за керосинъ, такъ какъ она мгновенно воспламенялась. При поливкѣ домовъ они пользовались маленькимъ насосомъ».

25 Августа я былъ, говоритъ другой свидѣтель, въ Аэршотѣ противъ кофейни (Café de l'Harmonie) и я видѣлъ солдата, державшаго въ рукѣ какой то предметъ, похожій на копье; вслѣдъ за тѣмъ распространился запахъ нефти, и домъ вдругъ вспыхнулъ».—Я видѣлъ, показываетъ третій, что нѣмцы, прежде чѣмъ поджечь, обливаютъ зданіе какимъ то сильно пахучимъ составомъ, изъ инструмента, похожаго на большую палку.

Для совершенія поджоговъ люди особо подготовляются. Въ Серу-Мусти одинъ свидѣ-

тель разсказываетъ о ихъ подвигахъ слѣдующее: «Поджоги совершались особою для того организованною частью. Нѣкоторые люди бросали гранаты, другіе поливали керосиномъ и бензиномъ изъ особыхъ насосовъ. Въ Монсо-на Самбрѣ улицы болѣе длинныя и домовъ гораздо больше. Изъ войскъ выдѣлили два отряда: одинъ открываетъ дома, взламывая двери ударами топора или ружейнаго приклада, другой слѣдуетъ за нимъ и бросаетъ воспламеняющіяся вещества, лепешки, гранаты, керосинъ и нефть, которыя они носятъ въ особыхъ сосудахъ». Весьма обстоятельныя свѣдѣнія о нѣмецкихъ дружинахъ поджигателей содержатся въ докладѣ изъ окрестностей Шарлеруа, посланнымъ въ слѣдственную комиссію. «Я съ точностью опредѣлилъ—пишетъ докладчикъ—мѣста, гдѣ начиналось примѣненіе методовъ къ совершенію поджоговъ. Я говорю, методовъ, потому что рѣчь идетъ о преступленіяхъ предумышленныхъ, подготовленныхъ, для которыхъ солдаты были нарочито вооружены. Проведя цѣлое утро на шоссе, гдѣ съ особою силою проявлялись нѣмецкія звѣрства, я могъ наблюдать за ихъ дѣйствіями и лично удостовѣриться, насколько

все у нихъ было приспособлено къ цѣлямъ разрушенія. По полученію приказанія группы размѣстились по обѣимъ сторонамъ шоссе въ весьма близкомъ разстояніи. Первые должны были взламывать окна и двери ударами ружейныхъ прикладовъ, другіе, вооруженные топорами, должны были довершать начатое первыми, третьи обливали зданіе воспламеняющеюся жидкостью, несомнѣнно нефтью, и бросали затѣмъ горящіе факелы, и домъ долженъ былъ сгорѣть. Говорили, что необходимо оставлять двери открытыми для того, чтобы избѣжать нѣмецкаго озлобленія. Слѣдствіе уясняетъ несостоятельность этого мнѣнія, и въ домахъ, въ которыхъ жители открыли двери, огонь появлялся и въ первомъ, и во второмъ этажахъ. Относительно методовъ разрушенія я пришелъ къ тому заключенію, что вообще подвергались поджогу дома, находящіеся вдоль дорогъ, по которымъ проходили нѣмецкія войска. Я указываю на немногочисленные случаи поджога зданій, отдѣльно стоящихъ».

Докладчикъ выслушивалъ свидѣтелей, онъ провѣрялъ видѣнное имъ самимъ съ тѣмъ, что они видѣли: «пока я стоялъ на Брюссельскомъ

шоссе, я видѣлъ, какъ нѣмцы поджигали 8 или 9 домовъ. Они дѣлали отверстія въ ставняхъ при помощи пилы, зажигали легко воспламеняющееся вещество, которое хранили въ карманѣ, и бросали его въ домъ; если домъ не загорался, то они внутри дома впрыскивали жидкость, и домъ загорался. Я видѣлъ, какъ мой домъ подвергся этой участи». По показанію другого свидѣтеля въ Ландери, въ мѣшкѣ солдата была найдена бутылка съ керосиномъ, смѣшаннымъ съ нефтью, предназначенная, по всему вѣроятію, для поджога домовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у жителей берутъ керосинъ для того, чтобы сожигать ихъ дома .«Въ Монтиньи-ле-Тильель, продолжаетъ докладчикъ, 125 литровъ керосина были взяты въ магазинахъ и у частныхъ лицъ. Я приложилъ къ докладу кусокъ факела, который нѣмецкіе солдаты употребляли для поджога. Представляется совершенно яснымъ, заключаетъ онъ, что все было заранѣе приготовлено для разрушенія, и что пожары являются однимъ изъ способовъ веденія войны нѣмецкой арміи. Меня утверждаетъ въ этой мысли то, что солдаты приступали къ дѣлу по полученію формальнаго приказа со стороны офицеровъ.

Въ заключеніе онъ приводитъ цѣлый рядъ показаній свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ видѣлъ командира 41 роты 10 полка, отдававшаго приказъ солдатамъ поджигать дома, находящіеся съ лѣвой стороны шоссе, а другой прусскій подданный заявляетъ, что какъ только начался огонь у французовъ, офицеръ закричалъ по нѣмецки:—«свиньи, они стрѣляютъ въ насъ, все подожжемъ и все разрушимъ».

При исполненіи приказаній не оставляется никакого простора для своеволія. Когда сила огня уменьшается, солдаты, какъ это случилось въ Аэршотѣ, «поднимаютъ мѣстами черепицы для того, чтобы способствовать развитію пламени». Когда усердіе солдатъ слабѣетъ, какъ то случилось въ Семпстѣ, офицеры, гуляя по пожарищу, поощряютъ ихъ криками. Для ускоренія дѣла, порученіе дается цѣлому полку. Одинъ свидѣтель показываетъ, что офицеръ, вступая верхомъ въ деревню, обреченную на разрушеніе, останавливается передъ каждымъ домомъ и сообразно съ его размѣромъ приказываетъ: «Здѣсь одинъ человѣкъ, здѣсь три,—здѣсь пять». При этой раціональной системѣ въ полчаса порученіе исполнено.

Противъ тушенія пожара поджигатели принимаютъ рѣшительныя мѣры. Въ Лувэнѣ нѣмецкія власти приказали уничтожить спасительныя лѣстницы.

Въ Намюрѣ арестуютъ начальника мѣстныхъ пожарныхъ, прибѣжавшаго при первыхъ звукахъ набата тушить пожаръ ратуши. И болѣе того, если жители начинаютъ тушить пожаръ или мѣшать его распространенію, то солдаты, какъ то случилось въ Жюметѣ, стрѣляютъ въ нихъ.

Пожарами пользуются съ двойною цѣлью. Въ Льежѣ, когда пламя охватитъ дома, нѣмцы начинаютъ стрѣлять изъ ружей и пулеметовъ въ гражданъ, которыхъ огонь выгналъ изъ этихъ домовъ,—явное сбереженіе времени. Въ Авербодѣ нѣмецкій начальникъ отряда сообщаетъ свидѣтелю, что онъ пришелъ не для того, чтобы сражаться, а чтобы поджечь деревню.

Весьма интересныя свѣдѣнія о солдатахъ-поджигателяхъ сообщаетъ бельгійскій генералъ, производившій изслѣдованія въ Термондѣ. Онъ пишетъ: «Разрушеніе домовъ было возложено на одну роту. У нея были центральные резервуары, въ которыхъ каждый солдатъ, имѣя

пневматическій поясъ, могъ запасаться воспламеняющеюся жидкостью для обливанія наружныхъ частей построекъ. Вслѣдъ за нимъ другой солдатъ, снабженный особою перчаткою съ фосфоромъ, проходилъ мимо этихъ домовъ и теръ своею перчаткою ихъ стѣны. Онѣ немедленно загорались; такимъ образомъ въ четверть часа можно было зажечь цѣлую улицу. Чтобы усилить размѣры пожара, солдаты бросали въ горящіе дома сильно воспламеняющіяся вещества. Такая работа обыкновенно поручалась піонерамъ».

Въ Лувэнѣ дѣйствуютъ тоже піонеры. «Мы прошли, разсказываетъ М. Д., по станціонной улицѣ, уже подожженной. Работа разрушителей продолжалась. Двѣ группы солдатъ работали. Первая—вооруженная топорами, взламывала двери, затѣмъ появляется вторая. Она везетъ маленькую телѣжку, наполненную бензиномъ, дегтемъ. Ихъ бросаютъ внутрь зданія. Оно немедленно воспламеняется.» Другой свидѣтель показываетъ: «Изверги подожгли нѣсколько домовъ. Это ужасное дѣло было совершено въ нѣсколько минутъ. Нужно разбить раму и бросить въ домъ разрывной снарядъ, и все готово».

*

Піонеры, это избранная часть по производству поджоговъ. Они никогда не идутъ наугадъ, и точно исполняютъ данное имъ приказаніе. Имъ говорятъ: «Истребляйте огнемъ дома богатыхъ». Они ихъ сожигаютъ. Имъ говорятъ: «Оставьте неприкосновенными всѣ дома, принадлежащіе графу Аренбергу». Жители Лувэна считаютъ его бельгійцемъ, но въ дѣйствительности онъ былъ нѣмцемъ. И они оставили въ сохранности всѣ дома, ему принадлежавшіе. Имъ говорятъ: «Поджигайте Св. Петра, спѣшите поджечь библіотеку». И они принесли и въ храмъ и въ университетъ свои зажигательные снаряды.

5. Организованный грабежъ.

За поджигателями непосредственно слѣдуютъ грабители [1]). Нѣмцы смотрятъ на грабежъ также, какъ на одинъ изъ способовъ веденія войны. Онъ производится также въ извѣстномъ порядкѣ и при томъ весьма радикально. Въ Лувэнѣ онъ начался 27 Августа и продолжался 8 дней. Шайками въ 6 или 8 человѣкъ солдаты

---

[1]) Pierre Nothomb—Les barbares en Belgique. Стр. 214.

врывались въ двери и разбивали окна, проникали въ подвалы, напивались виномъ, ломали мебель, вскрывали несгораемые шкапы, воровали деньги, картины, предметы искусства, серебро, бѣлье, одежду, вино, припасы. «Солдаты, показываетъ свидѣтель, подъ командою унтеръ-офицера, послѣдовательно обходили дома, взламывали выставочныя окна магазиновъ и двери. Телѣга или фура для вывоза добычи стояла на улицѣ. Иногда похищеніе товаровъ производилось при участіи офицера». Въ Тонгрѣ 10.000 жителей были выгнаны изъ города для того, чтобы облегчить грабежъ. Послѣ эвакуаціи города солдаты подожгли зданіе, разграбили магазины, воровали картины, серебро, все это клали на тротуары для того, чтобы потомъ погрузить на телѣги. «Послѣ 26 Августа жители Намюра могли только жаловаться на грабежъ». Во многихъ домахъ, гдѣ жили офицеры, мебель была поломана, и бѣлье, вино, и даже наряды для дамъ и молодыхъ дѣвушекъ, все было выкрадено. Въ Малинѣ мебель была вынесена въ пустыя зданія и затѣмъ отправлена по желѣзной дорогѣ въ Германію. Ее повезли на 28 поѣздахъ. Въ Анниденѣ солдаты подъ руко-

водствомъ офицера ломали и разбивали витрины, а другія группы солдатъ выносили изъ домовъ всевозможную мебель и товары, которые сейчасъ же были увозимы. Грабежъ происходитъ на главныхъ улицахъ. Онъ производится также въ извѣстной системѣ. Вступивъ 15 Августа въ Орпъ-ле-Гранъ, показываетъ одинъ свидѣтель, нѣмцы захватили съ собою большіе фургоны для перевозки вещей. Они входили въ частные дома и отбирали все, и припасы, и вино. Они вскрыли всѣ ящики и все вытащили. Они производили эти военныя операціи подъ начальствомъ офицеровъ. В., житель города Б., былъ удержанъ, какъ заложникъ. Онъ предложилъ офицеру, который долженъ былъ ночевать въ его домѣ, связку ключей. «Эти ключи мнѣ не нужны»—отвѣтилъ офицеръ. Всѣ двери были взломаны, вся мебель разбита, домъ разграбленъ въ конецъ. «И при томъ, показываетъ свидѣтель, не для нужды арміи, но по фантазіи безсовѣстныхъ и отвратительныхъ грабителей». И онъ прибавляетъ: «Мы замѣтили, что этотъ грабежъ производится съ разрѣшенія военной власти; нѣмецкая дисциплина такова, что знака офицера было бы достаточно, чтобы и къ волосу одному

никто не прикоснулся въ занятой деревнѣ». 20 Августа военныя власти извѣщаютъ бургомистра въ Вольвертемѣ, гдѣ нѣмцы были очень хорошо встрѣчены, что все мужское населеніе подъ страхомъ смерти должно въ теченіе трехъ часовъ покинуть общину. Всѣ жители уходятъ, и начинается разгромъ бѣдныхъ хижинъ.

Особое вниманіе военныхъ хищниковъ обращается на замки. Въ замкѣ Марбе докторъ Пиперъ, нѣмецкій маіоръ, съ помощью нѣмецкой горничной похищаетъ всю бронзу и произведенія искусства и отправляетъ ихъ въ Германію. Близъ Оденарда разграбленъ замокъ Ванъ-Дамма. Изъ сообщенія прокурора усматривается, что все награбленное было увезено въ фургонахъ и въ офицерскихъ автомобиляхъ. Обыкновенно, безразлично тащатъ все, что имѣетъ цѣну и что цѣны не имѣетъ. Предметы ненужные для побѣдителя истребляются. Такъ, напримѣръ, въ Т., гдѣ, ограбивъ монастырь, ихъ пріютившій, благодарные гости увезли изъ школы доски, тетради, бювары бѣдныхъ дѣтей. Сваливаютъ ихъ въ кучу, частью сжигаютъ, частью покрываютъ нечистотами. На тротуарахъ сжигаютъ мебель бѣдныхъ людей, ограблен-

ныхъ нѣмцами. На нѣкоторые предметы спросъ особенно великъ. Любовь къ фортепіано почти такъ же велика, какъ и къ стѣннымъ часамъ. Однажды на желѣзнодорожной станціи въ Малинѣ было усмотрѣно 700 инструментовъ. Общечеловѣческая порядочность настолько утрачена нѣмцами, что они, повидимому, не понимаютъ всей низости своихъ поступковъ. Не лишенъ интереса слѣдующій случай. Нѣмцы дочиста обобрали въ Брабантѣ замокъ высокопоставленнаго лица Т., не пожелавшаго оставить дѣло безъ послѣдствій. Онъ отправился къ губернатору, который сначала отказалъ просителю, а потомъ разрѣшилъ ему осмотрѣть въ Брюсселѣ складъ награбленныхъ предметовъ. Т. въ сопровожденіи офицера нашелъ въ складѣ много тщательно уложенныхъ ящиковъ предназначенныхъ къ отсылкѣ. Вскрывая ихъ, онъ находитъ нѣкоторые цѣнные предметы, ему принадлежащіе, и требуетъ вскрытія другихъ ящиковъ. Офицеръ, потерявъ терпѣніе, предлагаетъ ему взять изъ открытыхъ ящиковъ предметы равноцѣнные похищеннымъ у него. Т. отклоняетъ это предложеніе и говоритъ, что онъ не хочетъ быть участникомъ грабежа. «Грабежа?»

спрашиваетъ у него недоумѣвающій офицеръ, который явно утратилъ всякое представленіе о способахъ пріобрѣтенія чужихъ вещей.

Иногда простые солдаты понимаютъ то, чего не могли понять ихъ начальники. Имъ нѣсколько стыдно поступать такъ, какъ они поступаютъ. Пѣхотинецъ Клейнъ въ своемъ дневникѣ описываетъ разгромъ Лувэна и, между прочимъ, замѣчаетъ: «Этотъ день внушаетъ мнѣ ужасъ, который я не сумѣю описать». А другой солдатъ, передавая деньги, украденныя имъ, одной монахинѣ, говоритъ: «Вотъ, сестра, на ваши добрыя дѣла, не презирайте меня, я обязанъ грабить, но я не воръ». Чтобы устранить эти возможныя колебанія, работу обыкновенно заставляютъ начинать съ подваловъ, возбужденіе придаетъ людямъ болѣе рѣшимости.

Высшимъ военнымъ начальникамъ грабежъ отнудь не противенъ. Они велятъ производить его въ своемъ присутствіи и въ ихъ пользу и дѣлаютъ это съ цинизмомъ и совершенно покойно. Герцогъ Гронау, занявъ съ своимъ штабомъ безъ всякаго сопротивленія замокъ Виллерсъ Нотръ Дамъ, похищаетъ тамъ сервизъ на на 146 приборовъ, 236 серебряныхъ вызоло-

ченныхъ ложекъ, трое золотыхъ часовъ, 9 книжекъ сберегательной кассы, 1.500 бутылокъ вина, 62 куры, 32 утки, множество нарядовъ, предметовъ искусства и дѣтскаго бѣлья. Эти совершенно достовѣрныя свѣдѣнія о разграбленіи частной собственности отнюдь не для какихъ либо военныхъ цѣлей, а просто изъ корысти, показываютъ, насколько понизился нравственный уровень современныхъ нѣмцевъ, въ поклоненіи грубой силѣ совершенно утратившихъ уваженіе къ чужой собственности и ту общечеловѣческую порядочность, которая навсегда останется дорогимъ достояніемъ людей, признающихъ уваженіе къ имуществу, чести и достоянію другихъ лицъ одною изъ незыблемыхъ основъ всякаго благоустроеннаго общества и государства.

6. О преступныхъ способахъ веденія войны.

Нѣмцы, со свойственнымъ имъ цинизмомъ, признаютъ грабежъ частнаго имущества однимъ изъ способовъ веденія войны. Въ Бельгіи они весьма часто посылали не только заложниковъ, но и цѣлыя толпы стариковъ, женъ и даже дѣтей передъ фронтомъ своихъ войскъ подъ разстрѣлъ

бельгійской арміи или бельгійскихъ фортовъ. Тевтонскіе рыцари нашихъ дней шли въ бой съ врагомъ подъ прикрытіемъ толпы несчастныхъ плачущихъ стариковъ и дѣтей. Разсчетъ у нѣмцевъ былъ простой. Бельгійскія войска будутъ поставлены въ затрудненіе стрѣлять въ своихъ согражданъ, и нѣмцамъ будетъ легче съ ними справиться, а съ заложниками и остальными имъ разрѣшено не церемониться. Если они, желая избѣжать выстрѣловъ, ложились на землю, то нѣмцы стрѣляли имъ въ спину. Этотъ безчестный, самымъ простымъ понятіемъ о правилахъ войны противный, пріемъ пользуется особымъ расположеніемъ нѣмцевъ. Такъ, германскій генеральный штабъ въ постановленіяхъ, до континентальной войны относящихся, указываетъ на то, что «хотя распоряженіе о построеніи заложниковъ передъ фронтомъ войскъ и является мѣрою крутою и жестокою, но, при оцѣнкѣ существующихъ обстоятельствъ, оно представляется единственнымъ средствомъ, могущимъ имѣть благопріятное послѣдствіе. Это распоряженіе оправдывается полнымъ успѣхомъ, имъ достигнутымъ». Мотивировка германскимъ генеральнымъ штабомъ этого жесто-

каго мѣропріятія наводитъ на грустное размышленіе. Мѣра признается самимъ штабомъ жестокою, но, однажды она увѣнчалась успѣхомъ, ее признаютъ допустимою,—совершенно іезуитская мораль. Всѣ средства хороши, лишь бы цѣль была достигнута. Десятки, сотни слабыхъ беззащитныхъ людей обращаются въ какое то стадо, ихъ ведутъ на убой, и эта чудовищная жестокость признается допустимой, потому что она выгодна. Подумать страшно, до какого безотраднаго упадка нравственнаго чувства довелъ нѣмцевъ культъ грубой силы. Для носителей этой силы все позволено. Они могутъ дѣлать все, что хотятъ, особенно если это имъ выгодно.

Но нѣмцамъ мало идти на врага за живою изгородью стариковъ и дѣтей, они, насилуя этихъ беззащитныхъ людей, заставляютъ ихъ производить работы, копать траншеи, дѣлать блиндажи, долженствующіе облегчить нѣмцамъ вести войну съ бельгійцами. Какое чудовищное извращеніе всякой человѣческой порядочности, и опять какая возмутительная жестокость: беззащитныхъ людей заставляютъ работать противъ родины и помогать врагу въ борьбѣ съ нею.

Низости и жестокости нѣмцевъ нѣтъ предѣла. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Малина они однажды хотѣли узнать, находятся ли тамъ бельгійцы, посылаютъ туда за этими свѣдѣніями крестьянъ деревни Хехтъ и объявляютъ имъ, что если они не возвратятся и если, возвратясь, солгутъ, то жены и дѣти ихъ, оставленныя заложниками, будутъ разстрѣляны [1]). А иногда они жестоки даже безъ особой для себя пользы, а просто изъ ненависти. Такъ, арестовавъ одного 17-лѣтняго юношу Маврикія Вандевиля, они заставляютъ его надѣть нѣмецкій мундиръ съ тѣмъ, чтобы его толкнуть подъ разстрѣлъ бельгійскаго авангарда. Въ одной деревнѣ близъ Льежа у одного школьнаго учителя они не только отобрали всѣ географическія карты, но и хотѣли заставить его топтать ногами бельгійскій флагъ. Его отказъ стоилъ ему жизни. Въ Тирлемонѣ военный священникъ аббатъ де-Спотъ и мирные жители должны идти передъ нѣмецкимъ полкомъ навстрѣчу бельгійской арміи. Судья Г. удостовѣряетъ, что въ Эппегемѣ все мужское населеніе было вынуждено

[1]) Pierre Nothomb—Les barbares en Belgique. Стр. 70.

также идти передъ войсками. Свидѣтель Антуанъ былъ у себя дома недалеко отъ Шарлеруа и видѣлъ на пути изъ этого города отрядъ кавалеріи, гнавшій передъ собою 200 человѣкъ съ поднятыми руками. «Здѣсь произошли», пишетъ одинъ нѣмецкій солдатъ въ своемъ дневникѣ, «сцены, не поддающіяся описанію. Женщины всѣ въ слезахъ, дѣти, отцы которыхъ должны насъ сопровождать, кричатъ и воютъ. Стариковъ, не могущихъ бѣжать, везутъ въ телѣжкахъ, и это шествіе тянется до самыхъ траншей. Здѣсь— этимъ людямъ завязали глаза и ихъ пустили по направленію къ непріятелю»... При встрѣчѣ съ бельгійцами, если они вздумаютъ ложиться на землю, какъ это было при Алостѣ, чтобы дать возможность стрѣлять своимъ, нѣмецкая пуля настигаетъ ихъ сзади. И нѣтъ ни одного сраженія, ни одного перехода, чтобы этотъ ужасный пріемъ не примѣнялся; онъ сталъ классическимъ. Когда нѣмцы направились во Францію черезъ провинцію Шарлеруа и Монсъ, ихъ на перекресткахъ караулили французскіе аріергарды. Вотъ въ какомъ порядкѣ двигались нѣмецкія войска. Во главѣ велосипедисты, затѣмъ цѣпь изъ пѣхотныхъ солдатъ, потомъ около сотни

заложниковъ, за ними пѣхота и артиллерія, наконецъ, толпа человѣкъ въ 300 людей разныхъ возрастовъ и положеній. Идутъ они окруженные веревкой, несомой людьми, идущими по краямъ этой толпы. Женщинъ и дѣтей очень часто ставятъ на мосты, въ предотвращеніе того, чтобы бельгійцы ихъ не взорвали. И цѣлыми часами, иногда всю ночь напролетъ, стоятъ эти несчастные люди съ приподнятыми къ небу руками, часто безъ всякой пищи. 25 Августа, собравъ на мосту у Лива женщинъ и маленькихъ дѣтей съ окрестныхъ мѣстъ, ихъ посылаютъ на фронтъ. 29 Августа въ Герентѣ, П... насчитываетъ около 500 женщинъ и дѣтей, которыхъ вмѣстѣ съ священниками Вигмаелемъ и Веземаелемъ посылаютъ на фронтъ. 24 Августа въ Семпстѣ, нѣмцы ударами ружейныхъ прикладовъ выгоняютъ изъ подваловъ женщинъ и выстраиваютъ ихъ передъ фронтомъ своихъ идущихъ въ бой полковъ. «Со всѣхъ сторонъ», показываетъ женщина Нисъ, «на насъ сыпятся удары, мы въ числѣ 30 были поставлены на мосту черезъ Сенну и должны были стоять съ руками, поднятыми вверхъ, съ 5 часовъ утра до половины 12-го. Затѣмъ насъ загнали въ глубокій, но, къ

счастію, сухой ровъ около моста. Я нѣкоторое время лежала тамъ безъ сознанія. Когда я очнулась, намъ сказали, что мы всѣ будемъ разстрѣляны. Нѣмцы угрожали намъ револьверами. Около полудня насъ всѣхъ разогнали. Унтеръ-офицеръ 24 пѣхотнаго полка Булке, командовавшій карауломъ близъ Термонда, видѣлъ трехъ дамъ и двухъ молодыхъ дѣвушекъ между 15 заложниками, шедшими впереди нѣмецкаго отряда. Жительницы деревни Мишеро шли, подталкиваемыя нѣмецкими штыками, на приступъ бельгійскаго форта Флерона. Въ окрестностяхъ Гента прибѣжалъ однажды смущенный, полупомѣшанный крестьянинъ изъ Гофстада. Онъ видѣлъ, какъ нѣмецкіе солдаты схватили его жену и какъ ее, раздѣтую, нѣмцы штыками подгоняли подъ огонь бельгійскихъ стрѣлковъ.

Бѣдная женщина упала мертвою къ ногамъ своихъ палачей. Старшина В. изъ деревни Л. показалъ при слѣдствіи, что 16 Августа онъ былъ вынужденъ нѣмецкимъ авангардомъ идти передъ нимъ съ поднятыми руками въ сопровожденіе своей дочери, раздѣтой извергами. И молодая дѣвушка, дрожа и въ слезахъ, подтвердила это показаніе королевскому прокурору

X. и прибавила: «Объ остальномъ не смѣю говорить».

7. Ложныя обвиненія.

Разрушеніе бельгійскихъ городовъ и деревень было почти повсемѣстно вызываемо совершенно голословными обвиненіями нѣмцевъ, что бельгійцы въ нихъ стрѣляли.

Нѣмцамъ всюду чудились вольные стрѣлки. Изъ близкаго знакомства съ обстоятельствами этихъ страшныхъ бельгійскихъ кровопролитій, нельзя не придти къ тому заключенію, что правительство бельгійское заблаговременно приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы пригласить населеніе воздерживаться отъ всѣхъ дѣйствій, которыя могли бы дать поводъ нѣмецкимъ войскамъ принимать какія либо репрессивныя мѣры по отношенію къ населенію Бельгіи. Соотвѣтствующія тому объявленія были оглашены, до вступленія нѣмецкихъ войскъ, въ церквахъ и распространены во всѣхъ общинахъ. Въ газетахъ ежедневно эти объявленія перепечатывались. Составлены они были на основаніи постановленій Гаагскихъ конвенцій и обнаружили благоразумную предусмотрительность бельгійскихъ

властей, старавшихся заботливо устранить всякій поводъ къ недоразумѣніямъ съ нѣмцами.

Населеніе Бельгіи отличалось всегда рѣдкимъ уваженіемъ къ закону и весьма добросовѣстно исполняло гражданскій долгъ послушанія законамъ. И когда власти потребовали безотлагательной передачи на храненіе оружія въ указанныя ими учрежденія, то распоряженіе это было повсемѣстно исполнено. Передавали не только охотничьи оружія, но и всякій старый хламъ, желая тѣмъ устранить придирчивое обвиненіе германскихъ военныхъ властей. И такъ мѣстное населеніе не было вооружено.

Далѣе, не было въ Бельгіи и вольныхъ стрѣлковъ. Была, правда, гражданская гвардія, которая по своему значенію вполнѣ подходила подъ категорію организацій, признаваемыхъ постановленіями Гаагской конвенціи воюющей стороною. Бельгійское правительство, желая по отношенію и къ этой гражданской гвардіи устранить ту же подозрительную придирчивость нѣмцевъ, принимало мѣры къ ограниченію предѣловъ дѣятельности этой гвардіи. Нѣмцы, имѣя въ Бельгіи, какъ и въ другихъ странахъ, множество освѣдомленныхъ шпіоновъ, ко-

нечно, прекрасно знали, какое значеніе имѣла эта гражданская гвардія. Нѣмцы это знали и вмѣстѣ съ тѣмъ безсовѣстно лгали, утверждая, что бельгійскіе вольные стрѣлки ведутъ съ ними партизанскую войну. Всему міру вѣдома эта неправда. Нѣмцы лгали сознательно, желая ложью узаконить передъ всѣмъ міромъ свою правоту, когда принимали крутыя мѣры для расправы съ бельгійцами, будто бы нападавшими на нѣмцевъ. Когда, подобно грозной лавинѣ, нѣмцы громадными войсковыми массами вторгались въ никогда не воевавшую Бельгію, то у ея мирнаго трудолюбиваго населенія не могла явиться мысль о возможности мелкими ничтожными ударами отвратить грозный натискъ безчисленныхъ германскихъ полчищъ. Нѣмцы на всѣ лады кричали, что въ нихъ стрѣляли, но цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣряетъ, что нѣмецкіе офицеры и солдаты сами стрѣляли и сами же о томъ кричали. Какъ ни таились эти воровскіе стрѣлки, но ихъ видѣли стрѣлявшими, и сами они были вынуждены сознаваться въ томъ, и пули по вскрытіи оказывались у стрѣлявшихъ не бельгійскія, а нѣмецкія.

Члены слѣдственной комиссіи подробно разспрашивали крестьянъ пострадавшихъ деревень о всѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ на жителей этихъ деревень нѣмцы возводили обвиненіе, что они стрѣляли въ солдатъ.

Эти обвиненія нигдѣ не были подтверждены. Никто и нигдѣ не указывалъ на мѣстныхъ жителей, стрѣлявшихъ въ нѣмцевъ. Болѣзненное воображеніе убійцъ часто измышляло всякія небылицы, а иногда и придиралось къ совершенно случайнымъ явленіямъ для того, чтобы имѣть поводъ заняться столь любезными нѣмецкимъ солдатамъ пожарами и грабежемъ. Одинъ свидѣтель изъ Льежа показываетъ между прочимъ [1]): «Достаточно автомобильной шинѣ лопнуть для того, чтобы солдаты насторожились, всегда готовые стрѣлять по всѣмъ направленіямъ, достаточно найти старый патронъ, или даже остро отточенный ножъ». Подозрительность нѣмцевъ принимала часто какой то болѣзненный характеръ. Такъ въ Льежѣ несчастный Пардоенъ былъ разстрѣлянъ, потому что его обвиняли въ томъ, что арестованные, кото-

---

[1]) Pierre Nothomb—Les Barbares en Belgique. Стр. 173.

рыхъ вели на казнь, бросили бомбу. Настоятель одной изъ церквей близъ Малина былъ присужденъ къ смерти по обвиненію въ томъ, что онъ подавалъ сигналы съ своей колокольни. Въ дѣйствительности это было отраженіе луны на крышѣ зданія. Лимбургъ подвергся жестокому обстрѣлу, потому что заходящее солнце вспыхнуло красными огнями въ большихъ церковныхъ окнахъ. Населеніе въ Лувэнѣ было подвергнуто избіенію, потому что у маіора были отрѣзаны уши. Маіора этого, собственно говоря, никто не видѣлъ, но одинъ офицеръ упомянулъ объ этомъ. Напрасно просили показать маіора, или хотя бы его уши. Въ отвѣтъ сказали, что нѣтъ времени для объясненій, и стрѣльба началась. Но, конечно, всего чаще раздается все то же обвиненіе: «Они стрѣляли». Во время невольной прогулки заложниковъ кругомъ Лувэна, разстрѣливаютъ одного слѣпого старика. Солдаты говорятъ: «Онъ стрѣлялъ». «Обыватели стрѣляли», говоритъ въ Гайно одинъ офицеръ священнику. Священникъ обращаетъ его вниманіе на то, что жители хорошо относились къ солдатамъ. А онъ отвѣчаетъ: «Это для того, чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе и удобнѣе

перебить ихъ». Въ это время слышатся выстрѣлы въ сосѣдней улицѣ. На слѣдующій день тамъ нашли 27 убитыхъ гражданъ». «Здѣсь стрѣляли, кричатъ въ Гастіери передъ домомъ Монсиньора Картона де-Віара». «Домъ былъ безусловно пустъ, показываетъ хозяинъ, и у меня въ карманѣ былъ ключъ отъ него. Въ подвалѣ отдѣльнаго флигеля были женщины и дѣти, которыхъ въ теченіе двухъ дней кормилъ нѣмецкій солдатъ католикъ. Онъ меня самъ увѣрялъ, что не только жители не стрѣляли, но что онъ самъ былъ раненъ въ лѣвую руку нѣмецкимъ солдатомъ». Домъ былъ затѣмъ подожженъ. «Въ Таминѣ арестованныхъ жителей держатъ на лугу; никто не трогается. Стража начинаетъ скучать. Одинъ офицеръ вздумалъ позабавить себя и спрашиваетъ арестованныхъ: «Кто изъ васъ стрѣлялъ»? И онъ наугадъ выбираетъ 5 человѣкъ, которыхъ разстрѣливаютъ. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ скука даетъ себя сильно чувствовать. Солдаты не перестаютъ ѣсть, дразня тѣхъ, которые голодаютъ. Они играютъ на фонографѣ и аккордеонѣ, но офицеръ знаетъ, чѣмъ можно ихъ позабавить, и онъ снова спрашиваетъ: «Кто изъ васъ стрѣлялъ»? Указываютъ на одну

несчастную, которая, увидавъ разстрѣляннаго мужа, спросила офицера: «Что онъ сдѣлалъ вамъ»?—«Онъ стрѣлялъ».—Тогда она показываетъ на трупъ маленькаго сына, убитаго вмѣстѣ съ отцомъ, и спрашиваетъ: «А этотъ то же стрѣлялъ?».

Бургомистръ С., видя проходящихъ солдатъ, спрашиваетъ, по какимъ причинамъ они разрушили Лувэнъ. «Студенты стрѣляли изъ браунинговъ». Отвѣчаютъ одни. А другіе говорятъ: «Іезуиты стрѣляли изъ пулеметовъ». Третьи, наконецъ, спрошенные послѣ, отвѣчаютъ, что полиція стрѣляла изъ ружей гражданской стражи. Въ самомъ Лувэнѣ, уже начинавшемъ горѣть, профессоръ Б., ученый, европейски извѣстный, ходитъ по городу и спрашиваетъ нѣмецкихъ солдатъ о причинахъ стрѣльбы. Всѣ отвѣчаютъ то же самое, что стрѣляли. «Я подхожу», говоритъ онъ, «на старомъ рынкѣ къ одному солдату и спрашиваю его: «Что еще дѣлали жители этихъ домовъ. Онъ отвѣчаетъ: «они стрѣляли въ насъ». У насъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. И невинные должны пострадать за виновныхъ. Но откуда же они стрѣляли?—«Отсюда», говоритъ онъ, показывая

на университетъ, зданіе, въ которомъ въ этой части никто не жилъ и гдѣ въ каникулярное время не было ни одной души». Далѣе профессоръ предлагаетъ тотъ же вопросъ часовому. Онъ показываетъ на домъ. Но въ этомъ домѣ жила весьма почтенная чета, совершенно не способная къ военнымъ дѣйствіямъ. Третій часовой караулилъ убитыхъ гражданъ. Я его спросилъ: «Что сдѣлали эти люди для того, чтобы подвергнуться такой участи»? А онъ далъ все тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: «Въ насъ стрѣляли, у насъ было нѣсколько мертвыхъ и раненыхъ. Было необходимо наказать невинныхъ вмѣстѣ съ виновными». Слова эти произносятся постоянно. Иногда во время избіенія палачи выкрикивали: «Вы стрѣляли, вы стрѣляли». И съ этими словами солдаты убивали ни въ чемъ неповинныхъ людей. Въ Лувэнѣ одинъ скромный финансовый чиновникъ боязливо просилъ разрѣшенія спасти архивъ своего вѣдомства. «Нѣтъ», отвѣчаютъ ему и арестуютъ. «Вы были вооружены вашимъ начальствомъ и вы стрѣляли». Въ Ниновѣ одинъ путешественникъ обращается къ дорожному сторожу съ вопросомъ, когда пройдетъ трамвай. Ему отвѣчаютъ. Но когда

онъ хочетъ удалиться, его задерживаютъ. Онъ удивляется и возражаетъ. Ему отвѣчаютъ весьма просто: «Вы стрѣляли». И отправляютъ съ первой группой плѣнныхъ, отсылаемыхъ въ Германію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣчающіе теряютъ терпѣніе и говорятъ: «Мы получили приказаніе стрѣлять во всѣхъ бѣглецовъ». Нѣмцы стрѣляютъ въ перваго попавшагося и всегда готовы отвѣтить и отвѣчаютъ, что онъ стрѣлялъ. «Когда жители стрѣляли», говорилъ одинъ нѣмецкій чиновникъ Лувэнскому адвокату, «тогда мѣстность принадлежитъ солдатамъ». Отвѣтъ этотъ проливаетъ яркій свѣтъ на дѣло. «Обыватели стрѣляли», слѣдовательно, нѣмцы могутъ грабить, напиваться, насильничать, жечь и разрушать. Участь любой деревни, любого городка всецѣло зависитъ отъ каприза начальника проходящей части. Достаточно кому либо изъ солдатъ выстрѣлить или просто закричать, и офицеръ, командующій частью, разрѣшаетъ разгромъ. Это тѣмъ болѣе удобно, что онъ самъ при этомъ пользуется. Въ Бесеньи одинъ свидѣтель видѣлъ, какъ одинъ нѣмецкій мотоциклистъ остановился, поднялъ револьверъ и выстрѣлилъ. Дозоръ сейчасъ прибѣжалъ, и

началось избіеніе. Близъ деревни Баттиса видѣли, какъ нѣмецкій солдатъ, стоя близъ дома съ ружьемъ на плечѣ, выстрѣлилъ. Немедленно прибѣжали другіе солдаты и открыли стрѣльбу противъ этого дома. Стрѣльба скоро усилилась и многіе жители были убиты, а другіе были арестованы и отведены въ Бесеньи, гдѣ жестоко пострадали.

Нѣмцы особенно охотно распускали слухи о нападеніи на нихъ вольныхъ стрѣлковъ. Особенно они указывали на ихъ присутствіе въ Лувэнѣ и утверждали, что они дѣйствуютъ не только на улицахъ, но и въ домахъ стараются убивать нѣмецкихъ солдатъ. Такъ въ 8 часовъ вечера въ самый разгаръ Лувэнскихъ избіеній два солдата стучатся къ университетскому профессору Х. и говорятъ: «У васъ спрятаны солдаты». «Вы ошибаетесь, отвѣчаетъ профессоръ, обыщите домъ, если хотите». Они поднимаются во 2 этажъ, отворяютъ окно и стрѣляютъ изъ револьвера на улицу. Солдаты врываются въ домъ и начинаютъ грабить. И одновременно съ этимъ началась стрѣльба въ различныхъ частяхъ города. Въ этомъ отношеніи сходятся всѣ свидѣтельскія показанія. Далѣе, нѣмцы

утверждаютъ, что все тѣ же вольные стрѣлки караулили нѣмцевъ на бульварѣ, по этому поводу Д. показываетъ слѣдующее: «Въ 8 часовъ началась стрѣльба. Желая узнать, что происходитъ, мы поднялись въ первый этажъ и думали, что на нѣмцевъ нападаютъ, но въ дѣйствительности увидали, что они спрятались за деревьями и безпощадно обстрѣливали фасады домовъ. «Около 11 часовъ», продолжаетъ Д., «мы услыхали крики, и стрѣльба снова началась. Я увидалъ изъ окна, какъ нѣмцы вываливали изъ кареты Краснаго Креста разные предметы на тротуаръ, увидалъ я, что они стрѣляли въ лошадей, которыя и пали недалеко отъ дома. Все это было сдѣлано, чтобы создать подобіе какого то никогда не бывшаго нападенія на нѣмцевъ выдуманныхъ ими вольныхъ стрѣлковъ».

Обвиненіе бельгійцевъ въ томъ, что они стрѣляли, было необходимо, какъ поводъ къ жестокой расправѣ, къ пожарамъ, а главное къ грабежамъ. Весьма тяжелое впечатлѣніе производитъ и самая предумышленность этихъ кровавыхъ расправъ. Но расправы эти навсегда опозорили нѣмецкое имя. Убійцы и грабители обагрили свои руки кровью беззащитныхъ лю-

дей! священниковъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей. И это дѣлали тѣ, которые безумно ставили свою культуру, построенную на грубой силѣ, выше культуры, покоящейся на незыблемыхъ основаніяхъ Христіанской вѣры, законности, истинной свободы и справедливости. Подводя итоги нѣмецкихъ звѣрствъ въ Бельгіи, невольно припоминаешь слова извѣстнаго нѣмецкаго профессора Лассона. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Нѣмецкая армія представляетъ собою, такъ сказать, въ уменьшенномъ видѣ отображеніе разума и нравственности нѣмецкаго народа». Для знакомства съ духомъ арміи и настроеніемъ офицеровъ и солдатъ имѣютъ большое значеніе письма и дневники, въ которыхъ съ полной откровенностью раскрываются самыя завѣтныя думы и самыя любимыя мечты и желанія писавшихъ эти строки лицъ. Жестокость, грубость, цинизмъ, алчность и какая то чудовищная жадность, съ которыми такъ часто приходилось встрѣчаться при описаніи позорной расправы нѣмцевъ съ бельгійцами, всѣ эти типичныя черты нѣмецкаго офицера и солдата нашихъ дней встрѣчаются, конечно, и въ ихъ сокровенныхъ писаніяхъ. По свидѣтельству бельгійскихъ пи-

сателей, въ этихъ дневникахъ отводится много мѣста вопросамъ о ѣдѣ и особенно о питьѣ. Самыми счастливыми днями признаются тѣ, когда много было выпито. Среди дымящихся развалинъ и съ руками, обагренными кровью, только и думаютъ, какъ бы напиться. «Я располагалъ нѣкоторымъ временемъ отдыха, пишетъ солдатъ, и я воспользовался имъ, чтобы посѣтить Аэршотъ. Трудно себѣ вообразить положеніе, въ которомъ находится этотъ городъ... До конца дней моихъ я не буду такъ много пить вина, какъ я пилъ здѣсь». Другой солдатъ разсказываетъ: «Мы направляемся въ Лувэнъ, здѣсь въ окрестностяхъ желѣзнодорожной станціи не было ни одного дома, который бы не пострадалъ, т. е. не былъ бы разрушенъ. Мы выходимъ изъ поѣзда и вступаемъ въ городъ, объятый пламенемъ. Никогда не видалъ ничего подобнаго. Самые красивые дома на главной улицѣ горѣли, и грабежъ начался немедленно, и преимущественно разграбленіе вина. И вы должны были бы посмотрѣть, что происходило. Каждый могъ брать, сколько могъ унести».

Грустный свѣтъ на настроеніе солдата проливаютъ слѣдующія строки: «Подчасъ прихо-

дится удивляться, когда проходишь по селу, еще не пострадавшему отъ пожара, когда проходитъ цѣлый день и не приходится видѣть ни одного разстрѣляннаго вольнаго стрѣлка. Вечеромъ покойно сидишь за столомъ и пьешь себѣ красное вино, принадлежавшее разстрѣлянному аббату, и радуешься, глядя, какъ хорошо горятъ дома, откуда стрѣляли». 6 Сентября отмѣчено днемъ отдыха. «Мы только что отправили въ Германію 300 бельгійскихъ «гражданскихъ», между ними было 22 священника». Далѣе онъ прибавляетъ: «Было ужасно видѣть, какъ женщины и дѣти съ ними прощались. Всѣ эти люди возбуждены священниками, которые проповѣдывали въ церквахъ, что они должны стрѣлять въ нѣмцевъ и убивать ихъ для того, чтобы попасть на небо».

Весьма поучителенъ дневникъ Франца Шмита, мушкетера 1 батальона ландштурма.

«Мы пріѣзжаемъ въ маленькій городъ, который называется Лувэнъ. Всѣ дома сожжены. Городъ былъ подожженъ, потому что англичане и бельгійцы стрѣляли въ поѣздъ съ ландверомъ. Намъ совѣтуютъ соблюдать величайшую осторожность. Со всѣхъ сторонъ поднимается пламя

пожара и несутся вихри искръ; обуглившѝяся балки трещатъ. Весь городъ съ населеніемъ въ 50.000 горитъ. Мы идемъ по улицамъ, объятымъ пожаромъ. Самые красивые дома насильственно открыты, тамъ реквизируютъ все съѣдомое. Тысячи бутылокъ вина. 3 большія бочки вина, консервы, мѣдныя кастрюли, кофе, кофейныя мельницы, сахаръ, полотенца, бѣлье, щетки, гребни и т. д. Мы пили вино до отвала, сколько хотѣли, шампанскаго по 20 марокъ за бутылку. И я не былъ пьянъ. Но многіе изъ товарищей, которые не умѣли воздержаться,—опьянѣли. Когда мы были нагружены, какъ слѣдуетъ, добычею, пришлось идти въ казарму. И вдругъ мы услыхали въ 5 километрахъ стрѣльбу. Это ужасно. Это заставляетъ задуматься. Это становится серьезнымъ. Мы стараемся уснуть, прислонясь головою къ столу. Насъ рвало виномъ. Потомъ нагрузили добычу.

Мы оставляемъ городъ. Мы встрѣчаемъ женщинъ и дѣтей съ поднятыми руками. Онѣ просятъ пощады.

Всюду мы видимъ цѣлые ряды сожженныхъ домовъ. Это дома, изъ которыхъ вольные стрѣлки стрѣляли. По дорогѣ еще встрѣчаются

люди, которые приносятъ воды для питья. Но мы заставляемъ ихъ самихъ прежде пить эту воду, чтобы узнать, что она не была отравлена».

Дневникъ Шмита вѣрно рисуетъ настроеніе нѣмецкаго солдата. Здѣсь особенно отражается вліяніе тѣхъ обвиненій, которыя такъ несправедливо нѣмецкая печать распространяла по отношенію къ бельгійцамъ. Нѣмцы сознательно лгали, разсказывая небылицы о вольныхъ стрѣлкахъ, о жестокости бельгійскихъ женщинъ и дѣтей. Нужно было пускать въ обращеніе эту ложь для того, чтобы подбивать солдатъ на жестокую расправу съ беззащитнымъ населеніемъ.

8. Приказы военныхъ властей.

Весьма цѣнный матеріалъ содержится въ приказахъ различныхъ военныхъ властей въ Бельгіи [1]). Они имѣютъ особое значеніе, потому что показываютъ, насколько жестокое отношеніе къ мирному населенію было предметомъ особыхъ заботъ нѣмецкихъ властей, насколько всѣ мѣропріятія были заранѣе обдуманы и введены въ систему. На общемъ фонѣ безпощаднаго террора, какъ то мягко звучитъ при-

[1]) Pierre Nothomb—Les barbares en Belgique. Стр. 221.

казъ маіора фонъ-Бассевитца, изданный на слѣдующій день послѣ расправы въ Гью. «Въ прошедшую ночь, читаемъ мы въ этомъ приказѣ, была перестрѣлка, не доказано, чтобы мѣстные жители хранили у себя оружіе, не доказано также, чтобы населеніе приняло участіе въ стрѣльбѣ. Напротивъ, повидимому, солдаты находились подъ вліяніемъ алкоголя и начали стрѣльбу изъ опасенія, совершенно непонятнаго нападенія непріятеля. Поведеніе солдатъ ночью производитъ постыдное впечатлѣніе, за немногими исключеніями. Когда же офицеры или унтеръ-офицеры поджигаютъ дома, безъ разрѣшенія или приказанія начальника части или старшаго офицера и когда они своимъ поведеніемъ поощряютъ войска поджигать и грабить, то это является обстоятельствомъ въ высшей степени прискорбнымъ. Необходимо тщательно обсудить характеръ отношеній къ жизни и собственности гражданскаго населенія, и я запрещаю стрѣлять въ городѣ безъ приказанія офицера. Прискорбное поведеніе войска имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что унтеръ-офицеръ и солдатъ были тяжко ранены нѣмецкими пулями».

Приказъ этотъ является очень цѣннымъ документомъ. Онъ весьма объективно устраняетъ огульное обвиненіе бельгійцевъ, что они стрѣляли, далѣе онъ не содержитъ обычныхъ въ подобныхъ документахъ призывовъ къ жестокой расправѣ и проводитъ грань между поджогами по приказу властей и поджогами произвольными. Осудивъ академически послѣдніе и ни единымъ словомъ не упомянувъ объ убитыхъ перепившимися солдатами, маіоръ въ заключеніи упоминаетъ, что раны унтеръ-офицеру и солдату были нанесены нѣмецкими пулями. Указаніе весьма цѣнное, дѣлающее честь правдивости маіора.

Воздавъ должное маіору фонъ-Бассевитцу, нельзя не сказать, что приказы другихъ начальниковъ производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе.

Командующій генералъ велѣлъ расклеить въ Лувэнѣ прокламацію на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, объявляющую, что города и деревни, въ которыхъ жители будутъ стрѣлять въ войска, будутъ уничтожены. Въ этомъ документѣ указано, что жители вполнѣ изобличены въ томъ, что совершали дѣянія крайне

жестокія. Тщательное изученіе текста этой прокламаціи привело къ убѣжденію, что она была напечатана заранѣе въ Германіи и затѣмъ доставлена по принадлежности. Эта прокламація между прочимъ говоритъ о мэрахъ, каковыхъ въ Бельгіи нѣтъ. Неумѣлою рукою еще до Лувэнскихъ кровопролитій былъ написанъ этотъ документъ, свидѣтельствующій объ удивительной предусмотрительности нѣмцевъ.

Приказы нѣмецкихъ генераловъ отличаются рѣзкостью и лаконичностью.

Такъ, комендантъ фонъ-Отто велѣлъ 23 Августа 1914 г. расклеить въ общинахъ округа Шарлеруа приказъ, въ силу коего «всякое лицо, у котораго найдутъ оружіе, будетъ разстрѣляно, а домъ сожженъ».

Въ Шателѣ баронъ фонъ-Мальцанъ извѣщаетъ, что: «всякій житель, давшій пріютъ раненому бельгійцу или французу, долженъ объявить о семъ, за неисполненіе сего онъ будетъ повѣшенъ, а домъ сожженъ». Въ Шарлеруа командующій генералъ воспрещаетъ всякія собранія, угрожая ослушникамъ, что они будутъ объявлены военноплѣнными и отправлены въ

Германію, далѣе онъ присовокупляетъ: «всякая мѣстность, въ которой будутъ стрѣлять въ войска, будетъ выжжена до тла».

22 Августа, послѣ разгрома Анндена, генералъ Бюловъ велѣлъ расклеить въ Льежѣ приказъ, въ которомъ, между прочимъ, было упомянуто: «начальствующій генералъ съ моего разрѣшенія приказалъ поджечь городъ». Около 100 лицъ было разстрѣляно.

25 Августа тотъ же Бюловъ расклеиваетъ въ Намюрѣ слѣдующій приказъ: «французскіе и бельгійскіе солдаты должны быть выдаваемы, какъ военноплѣнные, раньше 4 часовъ. Повинные въ ослушаніи будутъ приговорены къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ въ Германіи. Строгій осмотръ домовъ начнется въ 4 часа. Всякій найденный тамъ солдатъ будетъ немедленно разстрѣлянъ. Оружіе, порохъ, динамитъ должны быть выданы въ 4 часа. Наказаніе—разстрѣлъ. Всѣ улицы будутъ заняты нѣмецкой стражей, которая возьметъ съ каждой улицы по 10 заложниковъ. Если ночью произойдетъ какое либо покушеніе, то 10 заложниковъ будутъ разстрѣляны».

8 Сентября маіоръ Дикманъ объявляетъ въ Гривеньѣ: «между заложниками первое мѣсто принадлежитъ священникамъ, бургомистрамъ и другимъ членамъ администраціи. Заложники должны отвѣчать своею жизнью за то, что населеніе останется покойнымъ при всякихъ обстоятельствахъ.

Я требую, чтобы всѣ лица гражданскаго состоянія отдавали почтеніе нѣмецкимъ офицерамъ, снимая шляпу или поднося руку къ головѣ. Въ случаѣ сомнѣнія, слѣдуетъ кланяться всякому нѣмецкому военному. Ослушникъ долженъ быть готовъ къ тому, что нѣмецкіе военные заставятъ его уважать себя всякими къ тому пригодными средствами».

27 Августа генералъ-лейтенантъ фонъ-Ниберъ требуетъ уплаты контрибуціи въ 3.000.000 фр. съ небольшого города Вавра, назначенной генераломъ Бюловымъ; онъ заключаетъ свое письмо слѣдующими словами: «Городъ Варъ будетъ подожженъ и уничтоженъ, если плата не будетъ своевременно внесена и при томъ безъ всякаго исключенія для кого либо. Невинные пострадаютъ вмѣстѣ съ виновными».

17 Августа бургомистръ Гасселъта по приказанію высшаго нѣмецкаго военнаго начальства долженъ былъ напечатать слѣдующее сообщеніе:

«Въ томъ случаѣ, если бы жители стрѣляли въ солдатъ нѣмецкой арміи, третья часть мужского населенія будетъ разстрѣляна».

23 Сентября генералъ фонъ-Биссингъ сообщаетъ: «Невинные должны пострадать вмѣстѣ съ виновными».

1 Ноября Брюссельскій губернаторъ, генералъ фонъ-Лютвицъ объявляетъ жителямъ города, что городъ долженъ уплатить штрафъ въ 5.000.000 фр. въ наказаніе за покушеніе, совершенное полицейскимъ агентомъ по отношенію къ нѣмецкому солдату.

Фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ издалъ два приказа отъ 25 Сентября и 5 Ноября по поводу появленія бельгійскихъ велосипедистовъ на территоріи, занятой нѣмецкими властями. Въ этихъ приказахъ онъ обращалъ вниманіе на то, что по его приказанію составленъ списокъ городовъ и селъ, въ окрестностяхъ которыхъ происходили нападенія велосипедистовъ, и что они должны готовиться къ ихъ наказанію, какъ только

нѣмецкія войска будутъ проходить вблизи ихъ.

Когда, не взирая на этотъ приказъ, повторился случай появленія велосипедиста, генералъ издалъ новый приказъ, болѣе строгій чѣмъ первый: «вечеромъ 25 Сентября желѣзнодорожная линія и телеграфъ были уничтожены между Ловенжулемъ и Вертрекомъ, вслѣдствіе сего эти оба селенія были привлечены къ отвѣту и должны были выдать заложниковъ.

Впредь поселенія, наиболѣе приближенныя къ тому, гдѣ произойдутъ подобныя дѣянія, будутъ наказаны безъ милосердія».

Германія, доведенная войною до сознанія невозможности осуществить свою затѣю о гегемоніи надъ всѣмъ міромъ, должна понять, что для ея собственной выгоды ей необходимо отрѣшиться отъ этой горделивой попытки и понять, что отчужденная отъ общенія съ другими державами, она можетъ быть поставлена въ положеніе крайне для нея самой невыгоднаго одиночества. Десятки тысячъ безчеловѣчно ею загубленныхъ военноплѣнныхъ, безвинно замученныхъ, обезчещенныхъ женщинъ, искалѣченныхъ и изуродованныхъ мирныхъ людей будутъ

покрывать ее вѣчнымъ позоромъ. Обновленное великой міровой войною человѣчество, покончивъ навсегда съ пангерманской идеей, взлѣлеянной прусскимъ милитаризмомъ, сумѣетъ создать условія, обезпечивающія прочный и мирный строй въ большихъ и малыхъ государствахъ, дающій полный просторъ широкому развитію самобытности силъ каждой страны и возможность всему человѣчеству пользоваться благами мирной культуры, построенной на незыбленныхъ началахъ христіанской нравственности, разумной свободы, правды и справедливости.

9. Высылка рабочихъ изъ Бельгіи и принудительный трудъ.

Всеобщее негодованіе культурнаго германскаго міра, всѣхъ не только воюющихъ, но и нейтральныхъ государствъ, вызвано распоряженіемъ Германской главной квартиры отъ 30 Октября 1916 г. о высылкѣ для принудительныхъ трудовъ рабочихъ изъ Бельгіи въ Германію [1]). Это возмутительное по своей

[1]) Газета «Temps» сообщаетъ весьма подробныя свѣдѣнія о высылкѣ Бельгійцевъ въ Германію и объ ихъ принудительномъ трудѣ.

жестокости распоряженіе является преступнымъ посягательствомъ на свободу мирныхъ гражданъ, попраніемъ ихъ человѣческаго достоинства. Оно поражаетъ злою бѣдою не только самихъ рабочихъ, но и ихъ женъ и дѣтей. Оно противорѣчитъ основнымъ понятіямъ о справедливости и человѣколюбіи и точному разуму Гаагской конвенціи 1907 г., подписанной германскими представителями. Германія, порвавъ всѣ узы, соединявшія ее съ цивилизованнымъ человѣчествомъ, проявляетъ по отношенію къ областямъ, занятымъ ея войсками, безпощадное хищничество, возведенное ею въ строгую систему. Сопровождающіе германскую армію техники приступили немедленно, по занятіи арміею Кайзера Бельгіи, къ вывозу въ Германію многихъ тысячъ всевозможныхъ машинъ, работавшихъ на образцовыхъ въ техническомъ отношеніи бельгійскихъ фабрикахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ изъ одного Льежскаго округа было вывезено въ Германію до 5.000 различныхъ машинъ. Когда техники не признавали нужнымъ увозить всю машину, то брали только нѣкоторыя части машины, преимущественно мѣдныя, чѣмъ дѣлали машину совершенно не-

годною для работы. Грабежъ нѣмецкій пошелъ еще далѣе. Въ явное нарушеніе ст. 46 Гаагской конвенціи, обязывающей воюющую сторону уважать частную собственность лицъ, проживающихъ въ занятой войсками области, нѣмцы завладѣли запасами шерсти, льна, хлопка, пряжи всякихъ наименованій, каучука, бензина, керосина и всевозможныхъ маслъ. Ст. 47 Гаагской конвенціи безусловно воспрещаетъ всякій грабежъ. Но носители высшей культуры, желающіе подчинить себѣ весь міръ, отобрали у беззащитныхъ бельгійцевъ автомобили, пневматическія шины, велосипеды. Брали все, что хотѣли, снимали рельсы съ желѣзнодорожныхъ путей и вмѣстѣ съ подвижнымъ составомъ направляли въ Германію. Цѣль ихъ преступленія ясна—обогатиться и въ конецъ разорить Бельгію. Отнявъ у бельгійскихъ фабрикантовъ возможность продолжать производство, нѣмцы поставили въ крайне тяжелое положеніе болѣе 800.000 рабочихъ, оставшихся безъ дѣла, и и на эту армію труда обрушились хищники. «Temps» отъ 23 Ноября 1916 г. приводитъ любопытное письмо одного Швейцарца, помѣщенное въ Бернской газетѣ «Bund». Въ Бельгіи, пишетъ

онъ, хотѣли заставить рабочихъ трудиться въ арсеналахъ и въ мастерскихъ для изготовленія паровозовъ и вагоновъ, необходимыхъ для военныхъ цѣлей. Въ Малинѣ хотѣли заставить ихъ работать въ арсеналѣ, и такъ какъ большинство отказалось отъ этой работы, то нѣмцы сняли рельсы съ путей мѣстныхъ дорогъ и направили ихъ на русскій фронтъ. Рабочихъ черезъ то лишили возможности пользоваться мѣстной желѣзной дорогой и имъ же запретили на велосипедахъ ѣздить изъ ихъ домовъ на заводы и фабрики, въ которыхъ они работали. Вслѣдствіе этихъ утонченныхъ пріемовъ нѣмецкой экономической политики въ Бельгіи, число безработныхъ стало ежедневно увеличиваться. А съ другой стороны нѣмцы принимали разнообразныя мѣры къ тому, чтобы противодѣйствовать и вредить промышленности въ Бельгіи. По самымъ незначительнымъ поводамъ, нѣмцы произвольно назначаютъ штрафы 5.000—10.000 фран. Всѣ крупныя бельгійскія предпріятія приходятъ въ полный упадокъ. Ихъ производительная сила парализована. Однородныя предпріятія въ Германіи и Австро-Венгріи пользуются ихъ упад-

комъ и угрожаютъ имъ полнымъ разоренiемъ.

Бельгiйскiе рабочiе пріобрѣли почетную извѣстность своимъ трудолюбiемъ и честностью, они жаждутъ работы, но, любя родину, они никогда не согласятся работать во вредъ ей.

Муниципальный совѣтъ въ Антверпенѣ отказалъ нѣмецкимъ властямъ въ представленiи списковъ безработныхъ. И имъ предложено нѣмецкими властями заключать договоры, на время отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, на производство работъ въ пользу нѣмцевъ. Въ случаѣ отказа, имъ объявлена немедленная высылка въ Германiю.

Требованiя, предъявленныя Германiею относительно высылки бельгiйскихъ рабочихъ, повергли населенiе многострадальной страны въ отчаянiе. Это варварское мѣропрiятiе будетъ распространяться на 800.000 рабочихъ. Для безпристрастной оцѣнки нѣмецкаго вандализма необходимо ознакомиться съ содержанiемъ этого распоряженiя. Приводимъ его въ переводѣ:

Ст. 1. Работоспособные люди могутъ быть принуждаемы къ труду даже внѣ ихъ мѣстожительства, въ томъ случаѣ, если они, вслѣдствiе азартной игры, пьянства, тунеядства,

безработицы или лѣни, будутъ вынуждены прибѣгать къ посторонней помощи для собственнаго содержанія или содержанія лицъ, находящихся на ихъ попеченіи.

Ст. 2. Мѣстный житель долженъ оказывать помощь въ случаѣ какого либо происшествія или общей опасности; точно также для того, чтобы помогать устраненію общественной бѣды въ соотвѣтствіи съ его силами, даже и внѣ предѣловъ его осѣдлости, въ случаѣ отказа, онъ можетъ быть принужденъ къ тому силою.

Ст. 3. Если лицо, призванное къ труду на основаніи статей 1 и 2, откажется приступить къ работѣ или продолжать ее, то будетъ подлежать заключенію въ тюрьмѣ до 3 лѣтъ и штрафу до 10.000 марокъ, или одному изъ этихъ наказаній, если дѣйствующими законами не установлено болѣе тяжкое наказаніе.

Если это дѣяніе было совершено по соглашенію нѣсколькихъ лицъ, то каждый изъ соучастниковъ будетъ подлежать вмѣстѣ съ главнымъ виновнымъ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не менѣе одной недѣли.

Ст. 4. Всѣ вышеозначенныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію нѣмецкихъ военныхъ административныхъ мѣстъ и судовъ.

Таковъ текстъ распоряженія главной квартиры отъ 3 Октября 1916 года. А вотъ любопытный образецъ примѣненія этой дикой реквизиціи. Этапный комендантъ предъявилъ къ выселяемымъ рабочимъ города Алоста слѣдующія требованія, помѣченныя 16 Октября: Именуемый X. долженъ явиться въ 8 часовъ утра въ Алостѣ въ школу, имѣя при себѣ одѣяло, шарфъ, жилетку, панталоны, пару ботинокъ или сапогъ, двѣ рубашки, двѣ пары носковъ, двое кальсонъ, пальто, пару суконныхъ перчатокъ, непромокаемое одѣяло, могущее замѣнить непромокаемое платье, полотенце, миску, ложку, вилку, ножикъ и теплое одѣяло. Предоставляется имѣть при себѣ деньги.

Неявка наказуема заключеніемъ въ тюрьмѣ до 3 лѣтъ и штрафомъ до 10.000 марокъ или однимъ изъ этихъ наказаній.

Небывалое въ исторіи войнъ по своей жестокости распоряженіе германскихъ военныхъ властей о принудительномъ трудѣ и высылкѣ мирнаго населенія даетъ военнымъ

властямъ право привлекать къ принудительному труду и высылать за предѣлы родины всѣхъ работоспособныхъ людей, вынужденныхъ прибѣгать къ посторонней помощи для собственнаго содержанія или содержанія лицъ, находящихся на ихъ попеченіи. Злоба притѣснителей обрушилась на беззащитное рабочее населеніе Бельгіи. Въ нарушеніе ст. 46 Гаагской конвенціи 1907 г., конфисковавъ машины и отдѣльныя части ихъ на многихъ фабрикахъ и цѣлымъ рядомъ произвольныхъ мѣръ парализовавъ промышленность, германцы искусственно создали десятки тысячъ безработныхъ и примѣняютъ къ нимъ самое грубое насиліе. Безчеловѣчное распоряженіе германскихъ военныхъ властей вызывало рядъ протестовъ.

Бельгійскій король Альбертъ, благодаря бельгійское правительство за поздравленіе, принесенное ему по случаю его именинъ, призналъ вполнѣ правильнымъ протестъ правительства противъ жестокаго распоряженія завоевателя, наложившаго на многострадальное населеніе одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ видовъ рабства: принудительный трудъ и ссылку. Король признаетъ необходимымъ обращеніе къ нейраль-

нымъ державамъ съ рѣшительнымъ протестомъ, дабы склонить ихъ принять всѣ отъ нихъ зависящія мѣры, для устраненія, во имя законовъ о человѣколюбіи, этихъ возмутительныхъ распоряженій.

Бельгійское правительство передало союзнымъ и нейтральнымъ державамъ протестъ, въ которомъ, между прочимъ, указало на то, «что оно уже многократно обращало вниманіе нейтральныхъ державъ на нарушенія нѣмецкими властями въ Бельгіи постановленій международнаго права и основныхъ началъ уваженія къ человѣческой личности».

«Послѣднія извѣстія, полученныя изъ Бельгіи, занятой непріятельскими войсками, сообщаютъ свѣдѣнія, которымъ королевское правительство затрудняется вѣрить. Они возмутятъ общественную совѣсть во всѣхъ странахъ, сохранившихъ уваженіе къ правамъ человѣка».

«Распоряженіе главной нѣмецкой квартиры отъ 3 Октября привлекало къ принудительному труду всѣхъ работоспособныхъ бельгійцевъ, которые, вслѣдствіе безработицы или другихъ причинъ, будутъ вынуждены при-

бѣгать къ посторонней помощи. Подобныя лица могутъ быть принуждаемы къ работамъ внѣ ихъ мѣстожительства, т. е. выселяемы въ Германію въ положеніи какого то полурабства».

«Бельгійское правительство получило изъ достовѣрнаго источника свѣдѣнія, что массовая высылка здороваго населенія изъ Бельгіи уже началась. Богатыхъ и бѣдныхъ, если они не имѣютъ занятій или труда, берутъ безъ разбора. Такъ 24 Октября болѣе 15.000 людей были уже высланы изъ Фландріи. Цѣлые поѣзда, наполненные этими несчастными были направлены въ Германію. Другіе были посланы во французскіе департаменты, занятые нѣмцами. Открытыя платформы были биткомъ набиты людьми, страдавшими отъ непогоды. Несмотря на холодъ и лишенія, эти люди не теряли бодраго настроенія, съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ, они уѣзжали на чужбину».

«Высылки состоялись въ Куртре, Алостѣ, Термондѣ, Брюггѣ, Гентѣ, Монсѣ и другихъ мѣстахъ. Люди были собраны, осмотрѣны, какъ рабочій скотъ, и всѣ здоровые направлены въ невѣдомыя мѣста».

«Въ Брюггѣ голова, 80-лѣтній старецъ, проявлявшій съ начала войны самый доблестный патріотизмъ, былъ смѣщенъ за отказъ помогать нѣмецкой военной администраціи въ исполненіи ея преступнаго распоряженія; а городъ былъ присужденъ къ штрафу по 100.000 марокъ въ день за неисполненіе приказа о высылкѣ рабочихъ».

«До 24 Октября приказъ примѣнялся только въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ. Внутри страны власти, какъ будто, колебались примѣнять распоряженія, противорѣчащія не только духу и содержанію Гаагской конвенціи, но и торжественному обѣщанію, данному населенію 25 Іюля 1916 г. о томъ, что отъ него не будутъ требовать никакихъ дѣйствій, противныхъ его патріотическому чувству».

«Королевское правительство, получивъ свѣдѣнія, что перепись безработнымъ производится повсемѣстно, опасается, что ужасы ссылки вскорѣ распространятся на всѣ провинціи королевства. Кельнская газета въ статьѣ, которую нѣмецкія власти обязали перевести всѣ бельгійскія газеты, старается оправдать эту безчеловѣчную мѣру, принятую по отношенію

къ бельгійцамъ; она подробно указываетъ на опасность праздности многихъ рабочихъ и возлагаетъ отвѣтственность за безработицу на Англію, мѣшающую ввозу въ Бельгію предметовъ первой необходимости. Органъ нѣмецкаго правительства старается узаконить принудительный трудъ увѣреніемъ, что бельгійцевъ будутъ посылать на работы въ каменоломняхъ, что они будутъ обжигать известь и участвовать въ предпріятіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ войною».

«Послѣдній доводъ не имѣетъ никакой убѣдительной силы, такъ какъ всѣмъ извѣстно, какое значеніе имѣютъ для прочности траншей и современныхъ укрѣпленій бетонъ и другіе продукты, добываемые обжиганіемъ извести и работами въ каменоломняхъ».

Далѣе правительство бельгійское совершенно справедливо указываетъ на то, что сокращеніе производства въ различныхъ отрасляхъ промышленности въ Бельгіи произошлои склочительно по винѣ завоевателя, который привелъ въ совершенное разстройство всю промышленность путемъ реквизиціи сырья, масла, металловъ, машинъ и даже ихъ составныхъ частей.

Онъ замыслилъ полный разгромъ металлическаго и стекляннаго производствъ, запретивъ вывозъ въ Голландію произведеній бельгійскихъ фабрикъ.

Бельгійскій рабочій, по совершенно вѣрному мнѣнію бельгійскаго правительства, всегда отличался своимъ трудолюбіемъ. Если онъ въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ часто не имѣлъ работы, то единственно потому, что ему предстоялъ только трудъ, предлагаемый врагомъ. Его патріотизмъ не позволялъ ему браться за этотъ трудъ, такъ какъ онъ могъ бы косвенно помогать врагу въ войнѣ противъ его родины.

«Завоеватель при помощи варварской системы массовой высылки преслѣдуетъ двоякую цѣль:

Прежде всего терроризировать населеніе, внося въ семейства отчаяніе и заставляя работниковъ оказывать помощь врагу».

«Вторая цѣль, преслѣдуемая нѣмецкимъ правительствомъ, заключается въ замѣнѣ бельгійцами нѣмецкихъ работниковъ, которыми могутъ быть пополнены пустующіе ряды арміи; Германіи необходимо во что бы то ни стало добыть людей».

«Нѣмецкіе журналы сообщаютъ, что бельгійскимъ рабочимъ предлагаютъ довольно высокую плату, если они пожелаютъ добровольно взяться за работу и въ этомъ случаѣ имъ можетъ быть предложенъ всякій трудъ. Надеждою на улучшеніе ихъ положенія хотятъ этихъ несчастныхъ заставить участвовать въ работахъ, прямо служащихъ военнымъ цѣлямъ. Вывезенному Германіей бельгійцу предстоитъ выборъ между голодомъ и измѣною».

Королевское правительство сообщаетъ всѣмъ цивилизованнымъ народамъ объ этихъ возмутительныхъ распоряженіяхъ, противорѣчащихъ какъ общечеловѣческимъ законамъ, такъ и правиламъ, установляющимъ отношенія военной власти къ занятой войсками территоріи. Оно рѣшительно протестуетъ противъ примѣненія системы, которую, несмотря на лукавыя измышленія врага, слѣдуетъ осудить, какъ торгъ бѣлыми рабами, какъ позоръ, безславящій нѣмцевъ, занявшихъ Бельгію.

Бельгійскій парламентъ, съ своей стороны, обратился съ протестомъ къ парламентамъ союзныхъ и нейтральныхъ странъ. Отъ имени бельгійскихъ палатъ вице-президентъ сената графъ

Гобле д'Альвіела и президентъ палаты депутатовъ Шолаертъ заявляютъ:

«Напрасно испробовавъ обольщеніе и устрашенія для того, чтобы смирить патріотизмъ бельгійцевъ, нѣмецкая власть прибѣгла къ способамъ, которые признавались навсегда исчезнувшими изъ обихода нашего общества: къ массовой высылкѣ и рабству.

«У цѣлаго народа отнимаютъ всѣ орудія и способы труда, а затѣмъ, подъ предлогомъ безработицы, его подчиняютъ распорядку принудительнаго труда для исключительныхъ выгодъ завоевателя. Людей, отказывающихся принимать участіе въ работахъ по удовлетворенію военныхъ потребностей врага ихъ родины, внезапно вырываютъ изъ среды ихъ семействъ, бросаютъ въ вагоны для перевозки скота и отправляютъ невѣдомо куда и затѣмъ, стараются сломить ихъ твердость и достоинство голодомъ и дурнымъ обращеніемъ. И все это въ противность обѣщаніямъ самымъ опредѣленнымъ и самымъ торжественнымъ, удостовѣреннымъ лицами, подписавшими офиціальное сообщеніе. Вы увидите во всей наготѣ въ этомъ документѣ варварство способовъ, избранныхъ для дости-

женія этого результата и лицемѣріе, съ которымъ палачи указываютъ на безработицу, ими же созданную. Народы счастливые, находящіеся внѣ этой ужасной войны, поймутъ, вѣроятно, что нынѣ всѣ народы солидарны и что они одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы осудить всѣ попытки къ возстановленію въ нашемъ обществѣ дикихъ пріемовъ варварскихъ нашествій. Быть можетъ, энергическій протестъ совѣсти народовъ, исходящій отъ ихъ законныхъ представителей, освободитъ несчастныхъ, простирающихъ къ намъ свои, обремененныя цѣпями, руки или, покрайней мѣрѣ, положитъ предѣлъ преступленіямъ поработителей, стремящихся обезлюдить Бельгію, прежде ими разоренную».

Извѣстный своимъ мужествомъ въ защитѣ угнетеннаго народа кардиналъ Мерсье, архіепископъ Малина, обратился 7 Ноября 1916 г. ко всему цивилизованному міру съ протестомъ противъ высылки бельгійцевъ въ Германію. Въ этомъ протестѣ кардиналъ сообщаетъ, что ежедневно тысячи невинныхъ гражданъ выселяются военными властями изъ Бельгіи въ Германію на принудительныя работы. Вначалѣ къ этому труду привлекали только безработныхъ и при-

томъ только въ Бельгіи и къ трудамъ, которые военныя власти сами указывали. Нынѣ рѣчь идетъ о такихъ работахъ не въ Бельгіи, а въ Германіи и въ пользу нѣмцевъ. Чтобы оправдать это рѣшеніе, нѣмцы утверждаютъ, что безработные угрожаютъ общественному порядку и обременяютъ собою общественную благотворительность.

Кардиналъ Мерсье въ письмѣ къ генералъ-губернатору фонъ-Биссингу опровергаетъ эти доводы.

Фонъ-Биссингъ же, отвѣчая ему, утверждаетъ, что вслѣдствіе продолжительной безработицы трудящіеся могли бы утратить свои профессіональныя способности. Кардиналъ Мерсье по этому поводу поясняетъ: «былъ бы другой способъ оградить наше экономическое положеніе: можно бы избавить насъ отъ военныхъ контрибуцій, достигшихъ нѣсколькихъ милліардовъ и продолжающихся въ размѣрѣ 400.000 фр. въ мѣсяцъ, можно бы избавить насъ отъ натуральныхъ реквизицій, достигшихъ нѣсколькихъ милліардовъ и истощающихъ насъ. Вѣрнымъ средствомъ для сохраненія техническихъ способностей рабочихъ было бы оста-

вить на фабрикѣ машины и ихъ составныя части, а также сырье и товаръ, отправленные въ Германію».

«Въ дѣйствительности же всякій, вывезенный изъ Бельгіи рабочій даетъ лишняго солдата германской арміи, такъ какъ онъ замѣнитъ нѣмецкаго рабочаго, который будетъ обращенъ въ солдата».

«Въ результатѣ рабочіе противъ ихъ воли и вслѣдствіе нѣмецкаго режима осуждены на безработицу и переносятъ все въ твердомъ уваженіи къ общественному порядку. Народная солидарность обезпечиваетъ удовлетвореніе ихъ самыхъ неотложныхъ потребностей. Эти мирные люди безжалостно вырываются изъ среды ихъ семействъ». Кардиналъ Мерсье описываетъ цѣлый рядъ возмутительныхъ случаевъ, ознаменовавшихъ собою примѣненіе на практикѣ жестокихъ распоряженій о высылкѣ рабочихъ и замѣчаетъ: «вотъ снова тысячи бельгійцевъ осужденныхъ на рабство». Затѣмъ кардиналъ напоминаетъ формальное обѣщаніе, данное двумя высокопоставленными представителями нѣмецкой власти относительно неприкосновенности правъ бельгійцевъ на свободу. Послѣ взятія

Антверпена военный генералъ-губернаторъ баронъ Гюне передалъ кардиналу, по просьбѣ его, слѣдующую декларацію, прочитанную во всѣхъ приходскихъ церквахъ Бельгіи: «молодые люди призывного возраста не должны ничего бояться; ихъ не будутъ увозить въ Германію, ни для службы въ арміи, ни для принудительныхъ работъ». Когда по прошествіи нѣкотораго времени въ Бельгію прибылъ вновь туда назначенный генералъ-губернаторъ фонъ-деръ-Гольцъ, кардиналъ просилъ его подтвердить заявленіе его предмѣстника, что было имъ исполнено въ присутствіи двухъ адъютантовъ и секретаря. Кардиналъ Мерсье, послѣ назначенія барона фонъ-Биссинга генералъ-губернаторомъ, и къ нему обратился съ тою же просьбою. Баронъ фонъ-Биссингъ, не возражая по существу, счелъ однако нужнымъ замѣтить, что со времени паденія Антверпена, прошло болѣе двухъ лѣтъ, и что новая мѣра, предложенная германскимъ правительствомъ, проистекаетъ не изъ военнаго права, а изъ соціальныхъ и экономическихъ причинъ. Кардиналъ Мерсье по этому поводу замѣчаетъ: «какъ будто слово честнаго человѣка можетъ быть нарушено по прошествіи одного

или двухъ лѣтъ, какъ договоръ, подписанный офицеромъ. Какъ будто заявленіе, сдѣланное въ 1914 г., весьма опредѣленно не исключало военной службы и принудительныхъ работъ. Кардиналъ Мерсье въ заключеніе обращается ко всѣмъ странамъ союзнымъ и нейтральнымъ и даже къ непріятелю, указывая на необходимость уважать человѣческое достоинство.

Съ особою силою возмутилось общественное мнѣніе въ Голландіи противъ массовыхъ высылокъ рабочихъ изъ Бельгіи. Голландскія газеты обратили вниманіе на то, что нравственная отвѣтственность Голландіи отчасти затронута нѣмецкими распоряженіями, такъ какъ въ 1914 г. голландское правительство сочло себя въ правѣ увѣрить бельгійцевъ, бѣжавшихъ въ Голландію въ томъ, что ихъ свобода не будетъ подвергаться опасности, если они возвратятся въ Бельгію. Въ печатныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ по распоряженію городского головы города Гоорна, сообщалось бельгійскимъ бѣженцамъ, что нѣмецкія власти увѣдомили голландскую миссію, что бельгійцы, бѣжавшіе въ Голландію, могутъ невозбранно возвращаться въ Бельгію, что германское пра-

вительство желаетъ, чтобы въ окупированной Бельгіи были возстановлены нормальныя условія жизни.

Депутатъ второй камеры Соединенныхъ Штатовъ въ Голландіи Дьюсъ имѣлъ въ виду предъявить правительству запросъ по поводу высылки бельгійцевъ въ Германію, въ виду того, что въ Октябрѣ 1914 г. Роттердамскій голова и генеральный консулъ голландскій въ Антверпенѣ склоняли бельгійцевъ возвратиться въ Бельгію, такъ какъ Германія имѣла намѣреніе руководствоваться постановленіями Гаагской конвенціи и неоднократно о томъ заявляла Голландіи.

Въ Англіи нѣмецкія насилія вызвали всеобщее негодованіе. Въ палатѣ общинъ въ Ноябрѣ лордъ Сесиль, отвѣчая на запросъ депутата Торна, сказалъ, между прочимъ: «когда жестокости, подобныя творимымъ нѣмецкимъ правительствомъ, соотвѣтствуютъ началамъ политики, послѣдовательно проводимымъ, однѣ лишь рѣчи были бы излишними со стороны британскаго правительства. Всѣми отъ насъ зависящими средствами мы будемъ поддерживать бельгійское правительство, мы будемъ

отвѣчать на всѣ его призывы, съ которыми оно къ намъ обратится, мы присоединимъ наши голоса ко всякому обращенію этого правительства къ суду цивилизованнаго міра. Одно лишь мы хотимъ предпринять, одно хотимъ сотворить, что могло бы привести къ окончательному рѣшенію вопроса, а именно продолжать войну всѣми нашими силами, поставивъ себѣ главною цѣлью отвоеваніе бельгійской территоріи и освобожденіе угнетенныхъ бельгійскихъ гражданъ».

Въ Испаніи, государствѣ нейтральномъ, извѣстіе о высылкѣ бельгійцевъ произвело весьма сильное впечатлѣніе какъ на общественное мнѣніе, такъ и въ сферахъ офиціальныхъ. Испанскій посолъ въ Берлинѣ Поло-де-Барнабе вручилъ германскому правительству рѣшительный протестъ и просилъ объ отмѣнѣ распоряженій о высылкѣ бельгійцевъ и о возвращеніи тѣхъ, которые уже были доставлены въ Германію. Испанскій посолъ неоднократно обращался къ германскому правительству по порученію изъ Мадрида съ просьбами объ улучшеніи положенія бельгійцевъ, вывезенныхъ въ Германію и объ облегченіи ихъ доли впредь

до того, пока представится возможность ихъ возвращенія на родину.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ довольно сдержанно относилось къ массовой высылкѣ бельгійцевъ, оно протестовало исключительно потому, что приняло на себя защиту интересовъ бельгійскихъ подданныхъ въ провинціяхъ, занятыхъ нѣмцами. Офиціальная нота указываетъ на то, что хотя Соединенные Штаты и желали бы предъявлять таковые протесты во имя общечеловѣческихъ правъ, но что они воздержались бы отъ всякаго протеста, если бы не были офиціально обязаны защищать интересы Бельгіи. Эта странная оговорка вашингтонскаго правительства обнаруживаетъ его двоедушіе; уклоняясь совершенно отъ осужденія по существу варварскаго насилія германцевъ надъ беззащитной Бельгіей, американское правительство становится исключительно лишь на формальную точку зрѣнія. Иначе отнеслись къ дѣлу широкіе общественные круги; многочисленные митинги были созваны въ разныхъ мѣстахъ для того, чтобы заклеймить тевтонскихъ насильниковъ. Въ половинѣ Декабря былъ многолюдный митингъ въ Нью-

Іоркѣ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго проповѣдника Маннинга; съ большимъ воодушевленіемъ онъ сказалъ между прочимъ: «всякій остающійся безучастнымъ по отношенію къ преступленіямъ, совершеннымъ въ Бельгіи, долженъ быть признанъ сумасшедшимъ или преступнымъ. Кардиналъ Мерсье останется навсегда славою христіанства. Прусскій милитаризмъ вызываетъ чувства негодованія и ужаса во всей Америкѣ».

Бывшій генеральный атторней Бекъ произнесъ затѣмъ прекрасную рѣчь; онъ сказалъ, между прочимъ: «камни возопили бы, если бы американскіе граждане не протестовали противъ нѣмецкой гнусности и Германія будетъ носить вѣчный позоръ за свое варварство. Единственное,—сказалъ въ заключеніе Бекъ,—что остается сдѣлать президенту, состоитъ въ заявленіи Бернсторфу: «или вы прекратите эти ужасы, или вы уѣдете отсюда». Восторженныя рукоплесканія привѣтствовали эти слова.

Демократъ Паркеръ, прежній конкурентъ Рузвельта на должность президента, и бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Рутъ говорили въ томъ же смыслѣ. Собраніе единогласно одоб-

рило резолюцію, призвавъ Американское правительство протестовать противъ нѣмецкихъ преступленій, и, выражая по отношенію къ нимъ, ужасъ и негодованіе Америки. Резолюцію эту постановлено сообщить графу Бернсторфу и всѣмъ консуламъ нѣмецкимъ въ Америкѣ.

Митингъ протеста состоялся и въ Бостонѣ. Газеты ежедневно печатаютъ телеграммы, адресованныя Вильсону о необходимости выступленія американскаго правительства. Объясненія фонъ-Биссинга произвели самое непріятное впечатлѣніе. Переписка его съ кардиналомъ Мерсье и бесѣда корреспондента газеты «World» въ Гаврѣ съ бельгійскимъ министромъ Картонъ-де-Віаромъ вызвали впечатлѣніе, враждебное Германіи. Секретный протестъ, посланный бельгійскими рабочими, въ которомъ они говорятъ, что они обращены въ рабство, произвелъ огромное впечатлѣніе на общественное мнѣніе въ Америкѣ.

Газета «Temps» сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о распоряженіяхъ нѣмецкихъ властей по выселенію бельгійцевъ въ Германію. Нѣмецкія власти, какъ оказывается,

угрожаютъ бельгійцамъ голодомъ, если они не согласятся работать для Германіи, такъ въ Амтойнгѣ было расклеено объявленіе, въ которомъ значилось: «нѣмецкая власть можетъ принудить людей къ труду, если не окажется достаточно добровольныхъ работниковъ, въ случаѣ отказа будутъ назначаемы слѣдующія наказанія: штрафъ, тюрьма, посылка въ баталіонъ гражданскихъ рабочихъ или арестъ съ голоднымъ столомъ. Для того, чтобы увеличить число выселяемыхъ, нѣмцы прекращаютъ, гдѣ могутъ, работы, начатыя бельгійцами; промышленность осуждена на бездѣйствіе; общественное управленіе въ Спа было вынуждено прекратить начатыя общественныя работы, пришлось отпустить 600 рабочихъ.

Выселяемые въ Германію бросаютъ вдоль желѣзнодорожнаго пути записки съ просьбою извѣстить родныхъ объ ихъ высылкѣ. Близъ Льежа—въ Шанэ, нашли на желѣзной дорогѣ полотняный воротникъ, на которомъ было написано карандашомъ: «Я учитель; мнѣ 55 лѣтъ; я живу въ Г..... меня схватили во время моего урока безъ всякаго предупрежденія. Извѣстите мою жену и дѣтей».

Газета «Телеграфъ» сообщаетъ, что тысячи вывезенныхъ бельгійцевъ находятся въ лагерѣ Сольдау безъ всякаго дѣла и страдаютъ отъ голода.

Лица, недавно посѣтившія Бельгію, сообщаютъ ужасныя подробности о положеніи страны послѣ насильственной высылки бельгійцевъ въ Германію. Газета «Temps» отъ 15 Декабря 1916 г. приводитъ разсказъ свидѣтеля очевидца, помѣщенный въ газетѣ «Daily Telegraph» о событіяхъ, происшедшихъ въ Ваврскомъ округѣ Брабантской области:

«Ваврскій округъ состоитъ изъ 22 деревень съ населеніемъ около 10.000 ч. отъ 17 до 56 лѣтъ. Настало 14 Ноября. Совершенно неожиданно появляется на стѣнахъ объявленіе, столь всѣмъ угрожающее, это призывъ на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, въ Вавръ всѣхъ жертвъ германскаго минотавра и такъ какъ на всемъ, что дѣлаютъ Боши (нѣмцы), есть отпечатокъ чего то безчестнаго, то и расклейка объявленій произведена въ 7 часовъ утра, когда всѣ работники находятся уже на работѣ. Нужно ихъ извѣстить, и вотъ по всѣмъ дорогамъ побѣжали матери, жены, дѣвушки, невѣсты, побѣжали въ слезахъ оповѣстить призываемыхъ. Онѣ

любятъ тѣхъ, отъѣздъ которыхъ оставитъ домъ пустымъ и хижину въ унынiи и запустѣнiи. Но нужно быть твердымъ и эти бѣдные люди понимаютъ это и быстро порывомъ души, поднимаются до высокой нравственной красоты.»

«А вотъ и Вавръ. Повсюду солдаты; всѣ аллеи и улицы пусты и только совсѣмъ вдали, гдѣ то тамъ, виднѣется толпа и эта толпа плачетъ. Плачущiе люди въ домахъ у оконъ, плачущiе люди на крышахъ.»

«Призывается деревня. Мужчины покойно идутъ съ поднятыми головами, на ихъ обликѣ отпечатокъ ихъ твердаго настроенiя, нѣтъ ни слезъ, нѣтъ ни одной жалобы. Ихъ постепенно поглощаетъ зала, гдѣ ихъ осматриваетъ докторъ и выдаетъ нѣкоторымъ удостовѣренiя, которыя, быть можетъ, избавятъ ихъ отъ высылки. При каждомъ осмотрѣ съ площади и со школьнаго двора раздаются крики: «не подписывайте».

«Во второмъ залѣ два офицера суровые, надменные, полные напыщеннаго величiя. Люди выстроены передъ ними въ два ряда. Одинъ изъ офицеровъ осматриваетъ ихъ поверхностно, провѣряетъ ихъ документы, а главное, узнаетъ для какой работы можетъ быть пригоденъ человѣкъ».

Собственно говоря, безразлично, будутъ они работать или нѣтъ. Краткое «на лѣво, впередъ» и люди проходятъ черезъ калитку въ залу, гдѣ имъ предлагаютъ подписать договоръ о добровольной работѣ въ Германіи, за высокую плату. Весьма немногочисленны тѣ, которые ради отсрочки на нѣсколько дней соглашаются подписывать подобныя условія. Нѣмцы видимо стараются насиліемъ и страданіями заставить бельгійцевъ подчиниться. Съ этой цѣлью они изобрѣли двойное испытаніе: черезъ лишеніе свободы и черезъ голодъ.

Извлеченія изъ трехъ писемъ знакомятъ съ пріемами варваровъ XX вѣка. Двое молодыхъ людей, задержанные въ Гентѣ, пишутъ ихъ отцу: «послѣ нашего задержанія въ X. (небольшомъ мѣстечкѣ близъ Гента) мы вмѣстѣ со всѣми здоровыми людьми нашей деревни были приведены въ клубъ и заперты въ большомъ залѣ. На слѣдующій день, только въ 10 часовъ утра, намъ дали по куску черстваго хлѣба и чашкѣ воды. Въ два часа та же пища. Въ 7 часовъ то же самое. И такъ насъ питали три дня подрядъ.

Въ среду въ 11½ вечера мы услыхали приказъ: «Люди изъ X. выходите». Мы надѣя-

лись, что насъ поведутъ въ какую либо благоустроенную тюрьму, гдѣ мы могли бы найти лучшій порядокъ, но насъ повели между двумя рядами солдатъ на фабрику, гдѣ мы подвергаемся строгому заключенію, съ радостями котораго мы васъ познакомимъ. На слѣдующій день утромъ, около 9 часовъ, намъ принесли взваръ изъ жолудей, хлѣба не давали. Въ часъ намъ дали супу, а вечеромъ дали немного хлѣба и отвратительный кофе. Этотъ распорядокъ все продолжается, но мы съ мужествомъ переносимъ «испытаніе голодомъ» и мы увѣряемъ тебя, дорогой отецъ, что отъ насъ не получатъ ничего, что могло бы обезчестить наше имя. Когда мимо насъ проходитъ нѣмецкій офицеръ, съ револьверомъ въ рукахъ, мы поемъ патріотическіе гимны. Никакое дурное содержаніе не можетъ поколебать рѣшимость, которую наши соотечественники проявили на берегахъ Изера, и насъ могутъ морить голодомъ долго, прежде чѣмъ мы согласимся работать на прусскаго короля».

Другое письмо написано молодымъ бельгійцемъ, задержаннымъ нѣмцами и приведеннымъ вмѣстѣ съ многими соотечественниками въ Гентъ. Юноша пишетъ: «мой дорогой отецъ, когда

мы переходили улицу, я васъ видѣлъ и я вамъ поклонился. Вы конечно поймете, почему я не воспользовался случаемъ пожать вамъ руку. Нужно быть очень осторожнымъ, т. е. слушаться нѣмцевъ до тѣхъ поръ, пока они не насилуютъ нашей совѣсти. Когда мы пришли сюда, насъ хотѣли заставить подписать договоръ, тогда поднялся шумъ, крики, вой, который крестьяне навѣрное слышали. Таковъ былъ нашъ отвѣтъ».

«Будьте такъ добры сказать, чтобы мнѣ прислали платье, холодъ даетъ себя сильно чувствовать. Здѣсь говорятъ, что нѣмцы хотятъ заставить насъ работать, даже если мы не подпишемъ договора. Это будетъ ужасно. Мы вамъ посылаемъ нашъ привѣтъ. Не теряйте бодрости, часъ свободы настанетъ когда нибудь».

Наконецъ, одинъ служащій пишетъ своему хозяину: «Въ теченіе восьми дней мы сопротивляемся усиліямъ нѣмцевъ и надѣемся устоять. Было бы безчестно съ нашей стороны работать на врага и способствовать такимъ образомъ продолженію войны. По этому вопросу мы всѣ единодушны. Здѣсь насъ 2.300 человѣкъ. Они насъ не уничтожатъ. Наша судьба не можетъ

быть лучше судьбы нашихъ братьевъ, страдающихъ и сражающихся на фронтѣ».

«Мы не можемъ сдѣлать шага, не вызывая со стороны нашихъ тюремщиковъ угрозы ружьемъ или штыкомъ».

Массовое выселеніе изъ города Арлона представляетъ собою убѣдительное доказательство лживости нѣмецкихъ заявленій, по которымъ только одни безработные выселяются въ Германію. Изъ 400 лицъ, выселенныхъ въ Германію, 43 лица входили въ составъ мѣстныхъ комитетовъ по распредѣленію продовольственныхъ пособій. Такимъ образомъ въ Германію насильственно высылаются не только люди, нуждающіеся въ пособіи, но и люди, помогающіе согражданамъ. Между высланными были директоръ мѣстнаго комитета Гриньаръ 40 лѣтъ, генеральный секретарь комитета Кнопсъ 38 лѣтъ, управляющій дѣлами комитета Дего и затѣмъ почти весь составъ продовольственнаго комитета кооперативнаго общества. При высылкѣ всѣхъ этихъ людей, нѣмецкія власти поступали со свойственной имъ грубостью.

Провинціальный совѣтъ бельгійскаго Люксембурга обратился къ генералу фонъ-Биссингу

съ весьма настойчивымъ протестомъ противъ выселенія изъ провинціи рабочихъ, въ виду того, что въ провинціи начаты различныя работы по предпріятіямъ, имѣющимъ общественную пользу. На осуществленіе этихъ работъ уже израсходовано около 9½ милліоновъ франковъ и дальнѣйшія средства имѣются въ распоряженіи совѣта. Ходатайство было оставлено безъ послѣдствій и начатыя работы прекращены.

Въ недавнее время нѣмецкія власти въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ начали предлагать нѣмецкимъ фермерамъ брать въ услуженіе бельгійцевъ мужчинъ и женщинъ въ возрастѣ отъ 18 до 36 лѣтъ. Плата назначается на 30% ниже существующей въ той мѣстности, причемъ наниматели должны уплатить половину суммы на покрытіе путевыхъ издержекъ. Сумму эту они могутъ удержать изъ жалованья несчастныхъ бельгійцевъ.

Несмотря на протесты, которые со всѣхъ сторонъ несутся противъ дикаго насилія германцевъ надъ мирнымъ населеніемъ Бельгіи, нѣмцы, не обращая никакого вниманія ни на эти протесты, ни на обвиненія ихъ въ постоян-

номъ нарушеніи постановленій Гаагской конвенціи 1907 г., продолжаютъ творить свои беззаконія, къ величайшему негодованію всей Бельгіи. Члены Брюссельскаго муниципалитета высланы въ Германію за отказъ сообщить нѣмецкимъ властямъ списокъ безработныхъ. Эта расправа съ органомъ городского самоуправленія получаетъ исключительное значеніе потому, что въ Бельгіи, въ теченіе послѣднихъ шести вѣковъ, города достигли высокой степени благоустройства, вслѣдствіе весьма разумной организаціи городского хозяйства и привлеченія къ нему представителей городского населенія, обладающихъ близкимъ знаніемъ потребностей мѣстнаго населенія и надлежащимъ уровнемъ умственной и нравственной подготовки къ общественному служенію.

Постоянная борьба съ германскимъ произволомъ съ Августа 1914 г. составитъ одну изъ славныхъ страницъ исторіи бельгійскихъ общественныхъ управленій, и нельзя не удивляться мужеству и настойчивости этой борьбы, ежедневно веденной съ германскими насильниками. Брюссель въ этомъ отношеніи подавалъ примѣръ, достойный подражанія. Брюссельскій город-

ской голова Адольфъ Максъ проявилъ со дня вступленія германскихъ войскъ въ Брюссель удивительное гражданское мужество въ защитѣ правъ и интересовъ своихъ согражданъ. Послѣ высылки его въ Германію, онъ съ достоинствомъ отклонялъ всякія попытки къ примиренію его съ германской администраціей. Онъ не хотѣлъ унизиться до какого либо ходатайства о разрѣшеніи возвратиться на родину. Бургомистра Макса нѣтъ въ Брюсселѣ, но идеи, его вдохновлявшія, живутъ въ сознаніи его бывшихъ сотрудниковъ. Онъ въ изгнаніи, а дѣла городского управленія идутъ, какъ шли при немъ. Его первый помощникъ, депутатъ Лемонье, исполняетъ обязанности головы съ образцовымъ спокойствіемъ и твердостью. Дѣйствуя въ полномъ единодушіи съ остальными членами муниципальнаго управленія, онъ сумѣлъ съ достоинствомъ отстаивать городскіе интересы отъ постоянныхъ посягательствъ со стороны германскихъ военныхъ властей. Желая положить предѣлъ этой настойчивой заботѣ о благѣ мѣстнаго населенія, нѣмцы признали необходимымъ выслать изъ Брюсселя, вслѣдъ за Максомъ, и Лемонье съ его сотрудниками. Вѣсть

объ этомъ распоряженіи произвела глубокое впечатлѣніе во всей Бельгіи.

Нѣмецкія власти переносятъ свое озлобленіе противъ Лемонье на его супругу. Такъ, ее присудили къ штрафу въ 800 марокъ по обвиненію, ей даже не предъявленному. Г-жа Лемонье, не зная, чѣмъ она провинилась и за что ее наказываютъ, отказалась уплатить этотъ странный, незаконный штрафъ. Нѣмецкія власти распорядились отобраніемъ у нея мебели и бездѣлушекъ на 3.000 франковъ и продажею этихъ вещей съ аукціона. Послѣ продажи, ее вызвали въ комендатуру и объявили ей, что рѣшеніе, ее осудившее, состоялось по обвиненію ея въ продажѣ недозволенныхъ книгъ, чѣмъ, въ дѣйствительности, она, однако, никогда не занималась.

Въ Англіи общественное мнѣніе было крайне возмущено извѣстіемъ о новомъ распоряженіи нѣмецкихъ властей объ освобожденіи выселяемыхъ въ Германію бельгійцевъ за плату отъ 100 до 1.000 марокъ. Нѣмецкіе солдаты, сажая бельгійцевъ въ вагонъ, объявляютъ имъ: «платите, и вы будете свободны». Многіе крестьяне изъ окрестности Гента сѣли въ вагонъ, имѣя при себѣ деньги, они уплатили ихъ и

были освобождены, а неуплатившіе денегъ были отправлены въ ссылку [1]).

Въ концѣ Ноября кардиналъ Мерсье обратился къ барону фонъ-Биссингу съ новымъ протестомъ. Съ рѣдкимъ мужествомъ онъ указываетъ на вопіющія злоупотребленія при высылкѣ бельгійцевъ въ Германію. Лица, производящія наборъ высылаемыхъ, дерзко устраняютъ отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ священниковъ, бургомистровъ и членовъ муниципальныхъ совѣтовъ. Высылка вслѣдствіе этого принимаетъ часто характеръ крайне случайный и несправедливый. Кардиналъ указываетъ на нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ Керсбекѣ изъ 1.323 жителей было взято 94 человѣка безъ всякаго разбора и совершенно случайно. Были высланы сыновья фермеровъ, имѣвшіе

[1]) Тяжесть принудительнаго труда обрушилась и на польскихъ рабочихъ. На необходимость улучшить ихъ положеніе было обращено вниманіе польскихъ депутатовъ въ рейхстатѣ. «Познанскій Дневникъ» сообщаетъ, что польскимъ рабочимъ—выходцамъ изъ Царства Польскаго воспрещается оставлять работу и мѣнять мѣста. Тысячи рабочихъ подвергнуты тюремному заключенію. Многіе изъ нихъ были разстрѣляны за попытку перейти границу и возвратиться на родину. Польскіе рабочіе смотрятъ на трудъ, предлагаемый имъ Германіей, какъ на невыносимое рабство.

на рукахъ старыхъ и больныхъ родителей, отцы семействъ, оставляющіе женъ и дѣтей въ нищетѣ, необходимые ихъ семейству, какъ насущный хлѣбъ. У двухъ семействъ взяли по 4 сына. Изъ 94 человѣкъ только двое было безработныхъ. Далѣе кардиналъ указываетъ на цѣлый рядъ совершенно произвольныхъ и крайне несправедливыхъ распоряженій и прибавляетъ: «ваше превосходительство желали, чтобы комунальныя администраціи принимали непосредственное участіе въ этой постыдной вербовкѣ рабочихъ, высылаемыхъ въ Германію. По своему положенію они не могутъ принять на себя эту обязанность, но члены ихъ могли бы давать лицамъ, производящимъ наборъ, весьма цѣнныя разъясненія.»

«Священники знаютъ лучше кого либо народъ, и они могли бы оказать большую помощь лицамъ, производящимъ наборъ. Почему же отклоняютъ ихъ помощь?»

«Въ концѣ вашего письма, ваше превосходительство указываете на то, что лица, принадлежащія къ либеральнымъ профессіямъ, изъяты отъ высылки. Если бы увозили только безработныхъ, я понималъ бы это изъятіе, но если

будутъ продолжать высылать людей здоровыхъ, то изъятіе это мнѣ представляется неправильнымъ. Было бы несправедливо подвергать высылкѣ одинъ лишь рабочій классъ. Классы состоятельные должны также принести свою долю жертвъ, какъ бы онѣ ни были жестоки. Многіе изъ членовъ моего клира просили меня потребовать для нихъ мѣсто въ авангардѣ преслѣдуемыхъ. Я принимаю ихъ предложеніе и съ гордостью сообщаю вамъ о немъ».

Озлобленіе германцевъ противъ беззащитной Бельгіи не знаетъ границъ. Древній городъ Брюгге особенно дорожилъ удивительнымъ карильономъ. Искусно подобранные колокола нѣсколько разъ въ день исполняли на высокой колокольнѣ любимые гражданами гимны. Особенно хорошо звучали въ вечерней тишинѣ мирнаго города мелодическіе звуки серебристыхъ колоколовъ. Карильонъ составлялъ гордость города. Иностранцы часто пріѣзжали слушать его. Но какое дѣло германцамъ до того, что дорого и особенно цѣнно для населенія завоеваннаго ими края, имъ понадобилась мѣдь для снарядовъ, и они, въ явное нарушеніе Гаагской конвеціи 1907 года, приказали снять

брюггскіе колокола и отправили ихъ въ Германію.

Въ городѣ Малинѣ военныя власти также приказали подготовить къ отсылкѣ въ Германію соборные колокола. Въ 1914 году городъ Малинъ, совершенно беззащитный и оставленный бельгійскими войсками, подвергся, опять же въ противность Гаагской конвенціи, бомбардировкѣ. Краса города—высокая соборная колокольня сильно пострадала отъ огня, и граждане города тогда же начали скорбѣть по поводу утраты любимаго ими карильона. Многіе изъ нихъ съ дѣтства привыкли приходить къ собору и, стоя среди закоулковъ старыхъ пустынныхъ улицъ, слушать красивый перезвонъ звучныхъ колоколовъ. Жители Малина надѣялись, по окончаніи войны, хотя отчасти возстановить колокольню и вновь услышать дорогой имъ съ дѣтства карильонъ. Но нѣмцамъ нужна мѣдь, и хотя она чужая, но они возьмутъ ее. Для нихъ вѣдь нѣтъ ничего святого. Считая себя призванными къ гегемоніи надъ всемъ міромъ, они съ глубокимъ презрѣніемъ смотрятъ на все остальное человѣчество и считаютъ себя въ правѣ дѣлать все, что признаютъ

для себя выгоднымъ и что удовлетворяетъ ихъ хищническія стремленія. Горе побѣжденнымъ, конечно, но наступитъ часъ, когда этимъ временнымъ побѣдителямъ придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣми, которыхъ они такъ безчеловѣчно обирали и обижали. Нѣмцамъ нужно бы подумать объ этой встрѣчѣ и поразмыслить, какія же отношенія могутъ со временемъ установиться между ними—дикими насильниками и людьми, принадлежащими къ народамъ, къ которымъ нѣмцы относились съ такимъ постыднымъ вандализмомъ.

Населеніе Бельгіи разоренное, угнетенное самоотверженно переноситъ нѣмецкое иго. Всѣ дѣйствительно культурные народы, не утратившіе уваженія къ человѣческому достоинству, съ негодованіемъ смотрятъ на злодѣянія насильниковъ, мечтающихъ о владычествѣ надъ всѣмъ міромъ. Но прусскій милитаризмъ падетъ подъ ударами державъ согласія и Бельгія, освобожденная отъ притѣснителей, возродится къ новой жизни и явитъ собою торжество высшей культуры, основанной на твердыхъ началахъ законности, истинной свободы и христіанскаго просвѣщенія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Насколько шпіонажъ давно былъ цѣнимъ нѣмцами, видно изъ любопытной книжки, найденной извѣстнымъ французскимъ писателемъ де-Визева. Книжка эта—руководство шпіонажа издана въ 1768 г. въ Галлѣ подъ заглавіемъ: L'art militaire du partisan, dediè á Son Altesse Serenissime Mgr. le prince de Condé. Авторъ баронъ де-Вюстъ [1]).

Баронъ де-Вюстъ называетъ себя партизаномъ. Подъ этимъ именемъ слѣдуетъ, по мнѣнію Визева, разумѣть начальника отряда волонтеровъ, подрядившагося за плату собирать справки о передвиженіяхъ непріятельскаго войска и наносить ему тѣ или другіе предательскіе удары. Авторъ руководства увѣряетъ, что «Великій Прусскій Король совмѣщаетъ въ себѣ всѣ качества хорошаго партизана». Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что, по мнѣнію барона, «благоразумные партизаны никогда не даютъ пощады разбитымъ противникамъ», что они не потѣ-

---

[1]) Temps. 6 Aôut 1916 № 20110.

шаются тѣмъ, что берутъ въ плѣнъ и не обременяютъ себя заботами объ охраненіи непріятельскихъ госпиталей, «такъ какъ раненые и больные, въ нихъ находящіеся, были бы тяжкой помѣхой для военныхъ операцій и для самого короля». По мнѣнію барона весьма похвально, когда командующій войсками пользуется партизанами для пріисканія хорошихъ «заложниковъ». Отъ этихъ заложниковъ можно извлекать хорошую выгоду, или требуя выкупъ съ городовъ, которые хотѣли бы освободить ихъ, или при обмѣнѣ плѣнниковъ. Совѣты, которые даетъ баронъ въ своемъ руководствѣ партизанамъ, отличаются не столько жестокостью, сколько хитростью и лукавствомъ. Нѣкоторые изъ этихъ совѣтовъ весьма просты, какъ, напримѣръ, совѣтъ партизанамъ надѣвать на своихъ солдатъ форму враговъ или завлекать непріятеля въ ловушку обманчивымъ желаніемъ сдаться ему. Нѣкоторыя изъ дѣйствій, рекомендуемыхъ партизанамъ, отличаются болѣе сложнымъ характеромъ, такъ партизанъ можетъ писать ложныя приказанія своимъ офицерамъ, предписывая имъ быть въ извѣстномъ мѣстѣ и потомъ ловко подбрасывать ихъ гдѣ нибудь на пути

противника такъ, чтобы они попали въ руки развѣдчиковъ непріятеля. Что же касается до выбора агентовъ, на которыхъ возлагаются подобныя порученія, то партизану дается совѣтъ привлекать лицъ «или очень ограниченныхъ, или весьма усердныхъ». Баронъ совѣтуетъ военному министру посылать партизана съ секретнымъ порученіемъ въ мѣста, въ которыхъ будетъ происходить война, по меньшей мѣрѣ за три мѣсяца до ея начала съ тѣмъ, чтобы онъ могъ узнать всѣ тѣ мѣста. Во время этого порученія партизанъ долженъ познакомиться со всѣми лицами, которыя могутъ быть ему полезными. Онъ долженъ стараться имѣть между ними особыхъ друзей съ тѣмъ, чтобы они были съ нимъ въ перепискѣ. Отъ нихъ онъ долженъ собирать свѣдѣнія о богатыхъ людяхъ, объ оптовыхъ торговцахъ, о тѣхъ, у которыхъ имѣются большіе запасы хлѣба, фуража, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность пользоваться ихъ запасами, когда въ томъ встрѣтится надобность. Затѣмъ онъ долженъ сговориться съ ними о томъ, что они должны дѣлать, и онъ долженъ поручить имъ тщательно наблюдать за всѣмъ, что говорится, что дѣлается и происходитъ у непріятеля.

Потомъ, послѣ того, какъ война начнется, партизанъ долженъ обратиться въ шпіона во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ и при всѣхъ крупныхъ предпріятіяхъ, а особенно онъ долженъ стараться «извлекать пользу отъ тѣхъ корреспондентовъ, которыхъ онъ оставилъ во вражеской странѣ». Особыя главы книги посвящены совѣтамъ, какъ партизану пользоваться «слабостями» королей или генераловъ враждебной страны. Предлагая партизану имѣть шпіоновъ, искусно подобранныхъ среди враговъ, онъ однако совѣтуетъ быть весьма осторожнымъ по отношенію къ этимъ шпіонамъ и указываетъ, что часто полный неуспѣхъ шпіонажа вызывался излишнимъ довѣріемъ партизана къ своимъ помощникамъ. Книга барона де-Вюста любопытна, какъ доказательство того, насколько нѣмцы и въ XVIII столѣтіи охотно изощрялись въ постыдномъ дѣлѣ подкупа и предательства.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА